
МЕССИАНСКИЙ
КВАДРАТ

Арье Барац

МЕССИАНСКИЙ КВАДРАТ

опыт фантастического богословия

Электронное издание · abaratz.com · 2026

Содержание

1989 5
1990 54
1991 57
1993 65
1994 113
1996 124
1997 175
1998 189
1999 245
2000 257
2001 278
2002 302
2003 341
2008 363

Эпилог **368**
2013 368
2014 373
2016 398
2025 422

Послесловие автора **436**
Мужественный жанр 436
Проза жизни 438
Метафизики шутят 439
Творческий синдикат 441

Как египетский треугольник стал дорожной картой исхода из египетского рабства? Прошла ли человеческая история точку сингулярности? Влияет ли геософия на геополитику? Был ли знаком главный герой синоптических евангелий с главным героем Евангелия от Иоанна? Могут ли герои встретиться со своим автором, а автор — со своими героями? На эти и многие другие головоломные вопросы отвечает захватывающий триллер «Мессианский квадрат».

1989

Все началось там и тогда - в канун нового 5750 года, на перекрестке Адам в Иорданской долине, куда меня вместе со случайной попутчицей забросил тремп.

Автобусы здесь не останавливались. Место было безлюдное. За выгоревшим полем и редкими деревцами виднелось небольшое арабское село.

Уже чувствовалась осень. Изнуряющая жара ушла. Я огляделся, пытаясь рассмотреть мост через Иордан. Судя по его названию - Адам - это должно было быть как раз то место, где «встали воды», когда сыны Израиля - впрочем гораздо ниже по течению - входили в свою землю. Но с дороги ничего толком нельзя было разглядеть.

Попутчица, девочка лет шестнадцати, миниатюрная сефардка, возможно даже йеменка, большеротая и большеглазая, с круглым кукольным личиком, с любопытством поглядывала на меня. Я старался на неё не смотреть и всё же не мог не заметить, какое живописное рваньё болталось на её худеньком тельце: джинсы и майка были явно с помойки, а рваные сандалии вообще непонятно как не сваливались с ноги.

- Ну и драньё, - подумал я. - Вот к чему приводит светское воспитание… Уже до сефардов это дошло…

Я вытащил книгу псалмов и стал читать, предоставив голосовать девушке, явно имевшей больше меня шансов справиться с этим заданием.

Машин не было.

Прошло минут двадцать, я уже стал немного беспокоиться и иногда поглядывал на дорогу и на часы… Когда я оторвался от книги в очередной раз, прямо на меня смотрел молодой араб.

Я не понял, откуда и когда он возник… Вынырнул откуда-то сзади. Видимо, пришел из той деревни неподалеку.

Я внимательно оглядел нового персонажа. После того как два года назад началась интифада, то и дело какой-нибудь палестинский патриот бросался с ножом на еврея. Но этот парень серьезных опасений не вызывал: без вещей, в облегающих джинсах и в выгоревшей до неопределенного цвета футболке.

Я продолжил чтение, изредка поглядывая на араба, который время от времени голосовал проезжавшим палестинским машинам.

Минут через десять со стороны перекрестка подошел долговязый и лохматый светловолосый парень. Несмотря на потрепанный вид, он вызывал полное доверие: глаза у него были какие-то хорошие — живые, внимательные. А трогательные очки с толстыми линзами в крупной роговой оправе сидели на носу кривовато — точно такие же много лет назад носил мой отец. Парень сбросил со спины внушительный рюкзак и молча на него уселся.

Уже через несколько минут он задремал и внезапно свалился с рюкзака. Отряхнувшись и оглядевшись, парень направился прямо ко мне.

- Слиха, ата йодеа… - начал он с чудовищным русским акцентом и запнулся, не зная, что говорить дальше.

- Вы можете говорить по-русски, - успокоил его я.

Парень заметно оживился.

- Я хотел спросить, далеко ли отсюда до «горы Искушения»?

- Не слышал о такой горе.

- Это гора, на которой сорок дней постился Иисус Христос и где ему являлся дьявол.

«Да он не еврей», - подумал я, пристально оглядев собеседника.

- Я русский, - сказал парень, заметив мой оценивающий взгляд. - Христианин. Евангельский. Как турист сюда приехал. Меня Андрей зовут.

- Ури, - представился я.

«Турист? Из России? Странно: только приоткрылся „железный занавес" - и вот человек первым делом направился не в Париж, не в Нью-Йорк, а в Иерусалим! Бывают же такие», - подумал я и снова углубился в чтение.

Мы располагались на тремпиаде в следующем шахматном порядке: слева от меня, выступив к самой дороге, стоял араб, за ним, прислонясь к металлическому ограждению, располагался я, чуть правее от меня, ближе к дороге, расхаживал Андрей, и опять же у самого ограждения грустила беспризорная йеменка.

Я читал 76-й псалом: «Охватила одурь храбрых сердцем, заснули сном своим, и не нашли рук своих все воины. От окрика Твоего, Бог Йакова, заснули и колесницы, и конь…»

На словах: «колесницы и конь» я услышал нарастающий шум приближающейся машины и невольно оглянулся. Я поднял глаза и, словно во сне, увидел мчащуюся красную машину: она съезжает на обочину и, не снижая скорости, несется прямо на нас.

И это был не сон.

Машина, скользнув в метре от меня, сбила Андрея - я услышал глухой и мощный удар - и, отбросив его метра на два, пронеслась дальше, выруливая на шоссе.

- Он же нарочно! - вырвалось у меня. А в следующий миг, сообразив, что на отъезжающей машине были синие палестинские номера, я закричал: - Это теракт!

- Это теракт! - выкрикнул я несколько раз вслед стремительно удаляющемуся автомобилю, и в следующий миг бросился к Андрею, над которым уже склонились йеменка и араб. Тот лежал на земле без сознания: правый бок в крови, ноги как-то нелепо разбросаны.

- Ты живой? Слышишь меня? - пыталась докричаться йеменка, смачивая лицо Андрея водой из своей бутылки и дрожащими руками ища пульс, - и до меня вдруг дошло, что она говорит по-русски.

Я опешил от неожиданности, но было не до выяснений - Андрей не приходил в себя.

* * *

Я бросился на дорогу, пытаясь остановить машину. Через три минуты затормозила старая «субару», переполненная пассажирами. Водитель ничем помочь не мог, но пообещал, что вызовет скорую и полицию, как только доберется до ближайшего телефона.

Действительно, уже через 10 минут темно-синий джип был на месте. Один полицейский быстро осмотрел не приходящего в себя Андрея, потом занялся местом наезда; второй задал мне пару вопросов и сообщил по рации:

- Наезд. «Мерседес» красного цвета… Движение в сторону Иерихона.

- Это теракт. Нет никакого сомнения, - сказал я.

- Не волнуйся, мы все проверим, - полицейский похлопал меня по плечу и направился к арабу. Я совершенно уже забыл про него и теперь только заметил, что араб вел себя как-то странно: был явно растерян, все время ерзал, зачем-то отряхивался, вытаскивал и убирал бумажник. Теперь я внимательно следил, как полицейский изучает его документы. Обложка удостоверения личности была оранжевой — араб не был гражданином Израиля.

Еще через пару минут послышалась сирена скорой помощи. Медики уложили Андрея на носилки и внесли в салон скорой.

- Как он? - спросил я у медбрата.

- Серьезных травм не вижу, но плохо, что он до сих пор без сознания. После обследования все будет ясно.

Мы с русской йеменкой тоже было полезли в скорую, но полицейские пересадили нас к себе:

- Поедете с нами, мы должны снять показания.

Андрея увезли, и я понятия не имел, чем закончится для него эта история. Но все были возбуждены и не могли сосредоточиться на чем-то одном. Меня в тот момент больше всего волновал сидевший напротив араб.

Минут через двадцать мы оказались в полицейском участке в Эфраиме.

Араба пригласили в один из кабинетов на первом этаже, и он исчез из моего поля зрения, а нас с девушкой, которую, как выяснилось, звали Сарит, отправили на второй этаж и развели по разным комнатам. Я честно признался, что видел немного, так как читал псалмы.

- Куда направили пострадавшего? - спросил я, подписав протокол.

Полицейский куда-то позвонил и ответил:

- Он в иерусалимской больнице «Хар-Хацофим». Если хотите, джип вернет вас на шоссе.

Мы, конечно, хотели, и джип, спустив нас в Иорданскую долину, высадил на перекрестке Пецаэль. Тут обнаружилось, что авария, ожидания и дознания заняли массу времени - было уже полчетвертого. Я немного забеспокоился: до начала Нового года оставалось меньше трех часов.

- Зря мы не попросили добросить нас до автобусной остановки, - сказал я Сарит. - С тремпами всегда рискуешь… Тебе куда вообще?

- В Иерусалим. А тебе?

- Вообще-то я из Маале-Адумим, но еду в Иерусалим, в йешиву. Я Новый год всегда в йешиве встречаю.

- А родители как к этому относятся?

Я пожал плечами. Что она, за школьника меня принимает?! Родители!..

Хотя если честно, родители относились к этому без восторга. И даже сильно обижались, что на некоторые праздники и субботы я был не с ними. Это было постоянным предметом наших споров и причиной взаимных обид.

Мои занятия в йешиве, которые начались, когда я и правда был школьником, у родителей восторга не вызывали. В те редкие субботы, когда я наконец являлся домой, я отчитывал их за использо-

вание электроприборов, а потом переходил к совершенно лишним спорам на тему «иудаизму все это было известно три тысячи лет назад».

- И теория относительности? - усмехался папа.

- И теория относительности! - терпеливо втолковывал я. - Ты знаешь, когда Эйнштейн посетил однажды подмандатную Палестину, он встречался с равом Куком, и тот привел ему мидраши, в которых говорится, что время в разных мирах течет с разной скоростью.

- Сравнил! Теорию Относительности - с каким-то мидрашом! Ты лучше вспомни, какое у вас отношение к женщинам! Ты мне сам объяснил, что свадьбы по субботам не играют по той причине, что свадьба - это торговая сделка. Торговая сделка! - возмущался отец. - Ты сам говорил, что жена - это собственность мужа? Говорил?

- А ты мне разве не говорил, что по Локку вообще все сводится к собственности, даже мысли? Если мысли - это собственность, то почему жена не может быть собственностью?

- Я не могу этого слышать! - страдальчески кричал отец, вскакивая из-за стола. - Эти йешивы просто какие-то машины времени. Берут нормального парня, погружают его в первый век до нашей эры, а потом возвращают в тот же календарный год с совершенно отшибленными мозгами…

Вообще-то в наших сионистских йешивах культура была в почете. Во всяком случае, наши раввины учили нас не превозноситься над светскими. Но в ту пору я придерживался по этому вопросу собственного мнения и по поводу «машины времени» не возражал.

- Иногда у меня возникает такое ощущение, что я не с евреем говорю, а с неандертальцем! - ворчал отец, ища у мамы поддержки. - Разве этого мы хотели, когда ходили в Москве на пасхальные седеры?

- Да не заводись ты, - успокаивала мама. - Юрочка у нас увлекающийся, и в голове у него не все сразу укладывается. Потерпи немного, все утрясется…

Острый период моего «проповедничества» в кругу семьи длился относительно недолго, но отцу слишком хорошо запомнился, и он продолжал относиться к моей вере с опаской. В последнее время я старался не упускать случая побывать дома и сгладить впечатление от тех резкостей, которые мы наговорили друг другу. Однако Рош-Хашана, как и следующий за ним Йом-Кипур, было принято встречать в стенах йешив. Родные меня, в общем-то, и не ждали.

- Как бы родители к этому не относились, - резюмировал я, - встречать Новый год принято в йешивах.

Послышался шум приближающейся машины. Сарит выскочила с обочины на дорогу и требовательно замахала тонкой загорелой ручкой. У меня перехватило дыхание, я машинально потянулся к ней, чтобы дернуть обратно, но машина уже промчалась мимо.

- Ты поосторожнее не могла бы? Забыла, что сегодня было?

- Это другое дело, там нарочно задавить хотели! Как бы узнать, что там с этим парнем? Потеря сознания - плохой признак, возможно внутреннее кровоизлияние.

- А ты откуда знаешь?

- У меня мама врач.

- Как только до телефона-автомата доберемся, позвоним в больницу.

- Побыстрей бы уже, - маялась Сарит. - Ты не знаешь, который час? Как бы нам тут не въехать в праздник… Я однажды вот так же застряла в субботу: автобусы не ходили, часа два прождала трампа, который довез меня до телефона-автомата, и еще столько же потом ждала, пока за мной отец на машине приехал.

- Если я попаду в такую переделку, боюсь, мне придется весь праздник провести на шоссе. А это целых два дня.

Сарит скорчила гримасу и молча уставилась на меня с каким-то брезгливым удивлением.

- Потрясающий у тебя Бог! - произнесла она наконец. - Он предпочитает, чтобы ты умер от обезвоживания, но ни в коем случае не прокатился в праздник на машине?!

- Ты права. В Иорданской долине два дня без воды - это верная смерть. А значит, мой Бог не только разрешает, но и требует выбираться отсюда любыми средствами.

- А если бы тут протекал ручей, ты бы остался?

- Если бы это был просто праздник - не знаю. Может быть, арабским тремпом воспользовался... Но в этом году Новый год совпадает с субботой, а в субботу у меня точно нет никакого выбора. Должен остаться!

Сарит натянуто улыбнулась и, демонстративно развернувшись ко мне спиной, уставилась на дорогу. Видимо, решила, что объясняться далее с психически больным бессмысленно. Мы простояли молча минуты две-три, как вдруг Сарит заговорила снова - и даже с какой-то яростью.

- За кого ты принимаешь Бога?! Как Он может хотеть, чтобы ты здесь целые сутки сходил с ума? Ты в кого-то не того веришь! Тот Бог, который живет в сердце всех нормальных людей, требует от них любви и милосердия, а то, что ты вытворяешь, - немилосердно, неумно и нелепо!

- Во-первых, я бы с ума здесь не сходил: я нахожусь на Святой Земле, у меня при себе ТАНАХ и молитвенник. А во-вторых, это только от народов Бог ждет исключительно любви и милосердия. От евреев Он требует еще кое-чего. И тот еврей, который этого не понимает, ничем от нееврея не отличается.

- Что за чушь! Я еврейка и прекрасно себя и от русских, и от арабов отличаю.

- И каким же образом?

- Думаешь, только такие, как ты, ТАНАХ читают? Представь, я тоже туда заглядываю.

- Молодец, что заглядываешь!

- Нет, это ты молодец, что заглядываешь!

* * *

В этот критический момент вдалеке появилась попутка. Отчаянно размахивая руками, только что не крича: «спасите!» - Сарит снова выскочила на шоссе. Казалось, она уже не столько хотела успеть домой до праздника, сколько мечтала поскорее избавиться от полоумного собеседника.

Машина остановилась, и, заняв единственное свободное место, Сарит, не удостоив меня ни словом и не оглядываясь, умчалась.

- Сумасшедшая! - пробормотал я.

Через некоторое время повезло и мне. В йешиву я прибыл за час до праздника и, выстояв очередь к телефону-автомату, позвонил родителям. Они уже беспокоились и даже подумывали, не сообщить ли в полицию о моем исчезновении.

У меня еще оставалось некоторое время, чтобы выяснить состояние Андрея. В больницу я дозвонился сразу, но справочная переключила меня на телефон, по которому никто не отвечал…

Начался Новый год.

* * *

Через два дня, 2 октября, сразу после Рош-Ашана, я с самого утра уже был в больнице.

Выяснилось, что Андрей еще по дороге пришел в сознание, но у него было сотрясение мозга, перелом голени и множественные ушибы.

Я вошел в палату.

Там было трое больных. Андрей лежал за ширмой, протянув поверх одеяла загипсованную ногу, и листал какую-то книгу. Он окинул меня отсутствующим взглядом.

- Не узнаешь? - спросил я.

- Нет, - смущенно улыбнулся Андрей. - Вы кто?

- Мы были вместе на тремпиаде, когда тебя сбил автомобиль…

- Ах, вот как! - как будто обрадовался он. - Так вы тоже там были?

- Ну, да… Неужели не помнишь? - удивился я.

- Нет, не помню.

- Совсем ничего?

- Мне что-то рассказывали… Говорили даже, что это был теракт. Но сам я помню все очень смутно… Помню, как сошел с этой идиотской машины, которая меня неизвестно куда завезла… Помню, как пошел по шоссе в сторону Иерусалима… помню, что ждал попутку и там вроде были какие-то люди. Так, значит, вы - один из них?

Он пристально оглядел меня.

- Напомню в качестве пароля, что ты искал какую-то гору Искушения, - улыбнулся я и тут же пожалел о том, что сказал.

- Точно, гору Искушения! - порывисто крикнул Андрей и сразу расстроился, как будто я напомнил ему о чем-то крайне неприятном.

«Не надо было так расстраивать больного», - подумал я, хотя толком и не понимал, в чем причина такой странной и резкой перемены в настроении, да и про гору эту я никогда не слышал.

- Брось, что ты там потерял?

- Не потерял, а нашел… - со значением сказал Андрей, но пояснять не стал.

- Да что там можно найти?

Андрей посмотрел на меня, растерянно улыбаясь. У меня было четкое ощущение, что он хочет сказать мне что-то важное. С минуту он как будто бы колебался, но потом решительно захлопнул книгу и отвел взгляд.

- Ну да… Гора Искушения - это ведь для вас святое место, - я с пониманием кивнул.

Андрей снова открыл книгу и начал ее листать. Я понял, что пора сменить тему.

- Мне врач сказал, что тебя сегодня выписывают. Куда же ты пойдешь?

- К Фридманам. Они меня в Израиль пригласили - друзья моих родителей.

- Может, дашь мне их телефон?

Андрей стал искать ручку.

В эту минуту с шумом распахнулась дверь, и в больничную палату ворвалась Сарит со школьным рюкзаком на плечах. Майку она переодела, джинсы натянула поприличней, но на ногах болтались все те же невообразимые сандалии.

Увидев меня, она насмешливо улыбнулась и передернула плечиком.

- Привет, Андрей! Что нового?

- Здравствуй, Сарит, - просиял Андрей.

- Как? Сарит ты узнал, а меня нет!

- Сначала я и Сарит не узнал, - не отрывая сияющего взгляда от посетительницы, сказал Андрей. - Но она уже третий раз сюда приходит. С третьего-то раза - сложно не признать!

- Я сейчас говорила с врачом, - деловито сообщила Сарит. - Он считает, что все обошлось лучшим образом. Тебе, Андрей, считай, повезло, что так легко отделался. Как и всем нам, впрочем.

- Да уж мне точно повезло! - улыбнулся Андрей, похлопывая себя по гипсу.

- Интересно, а террориста арестовали?

- Если этого не сделали сразу - в дальнейшем шансы невелики, - ответил я.

- Вы так уверены, что это был умышленный наезд? - недоверчиво спросил Андрей.

- Еще бы! - усмехнулся я. - Ты знаешь, сколько тут у нас в последнее время терактов? Каждую неделю что-нибудь происходит. В основном они с ножами на людей бросаются, но если есть автомобиль и евреи на дороге - и такую возможность не упускают.

- Но ведь машины каждый день сбивают людей… откуда известно, что это именно теракт?

- Так арабы сами хвастаются! У них иногда несколько организаций оспаривают друг у друга ответственность за убийство… Сообщали, кстати, что-нибудь по радио? - спросил я Сарит.

- Я не слышала… - не глядя на меня, процедила девушка. - А вот это - больному!

Она достала из сумки виноград.

- Ешь, не стесняйся.

- Вы тоже не стесняйтесь.

- У меня пост - пост Гедалии, - пояснил я и начал уже было рассказывать про Гедалию, убийство которого привело к полному исчезновению евреев из Израиля, но Андрей прервал.

- Я читал об этом в Библии, в самом конце последней книги Царей.

«А действительно! - подумал я, никак не ожидая такой осведомленности от русского туриста. Последняя книга царей - это „Малахим бет", и там это точно в самом конце».

- Ты, вижу, неплохо в ТАНАХе ориентируешься, - сказал я. - То есть, извини, в Ветхом завете.

- Я знаю, что такое ТАНАХ. Тора - пятикнижие, Невиим - пророки, Ктувим - писания.

- Ты еще и иврит знаешь? - совсем уже удивился я. - Может, ты все-таки еврей?

- Вообще-то во мне много всякого понамешано: казаки есть, немцы есть, но еврейской крови, честное слово, ни капли, - заулыбался Андрей.

Мы принялись рассказывать друг другу о себе.

Андрей был студентом московского историко-архивного. Сейчас должен был бы учиться на третьем курсе, но еще весной, как только получил приглашение, взял академический отпуск и уехал на Святую Землю.

Сарит, что и так уже было ясно по ее подростковому вызывающему поведению и ученическому рюкзаку, еще ходила в школу. Впрочем, сегодня она уроки прогуливала.

Я тоже представился: рассказал, что семья моя репатриировалась в Израиль в 1980 году - мы тогда успели проскочить, а сразу после нашего отъезда тяжелые двери советской эмиграции из СССР

с шумом захлопнулись - почти на десятилетие. Рассказал, что у меня есть младший брат, живем мы в Маале-Адумим, что после школы я уже второй год учусь в йешиве и весной собираюсь в армию.

Мы проболтали втроем почти целый час.

Дверь распахнулась. В палату решительно вошла энергичная женщина средних лет с острым взглядом маленьких серых глаз. Это была Марина Фридман, она пришла выписывать Андрея. Мы заторопились. Андрей, наконец, отыскал ручку и записал свой телефон, то есть телефон Фридманов, на двух бумажках - одну дал мне, другую - Сарит.

Сарит тоже, покопавшись в своем рюкзачке, вытащила смешную ручку, с какими ходят первоклашки, и розовый блокнотик, из которого вырвала два розовых листочка с цветочками. Записав на них свой телефон, она протянула листочки мне и Андрею.

Я не стал повторять этот ритуал - решил, что этого вполне достаточно для связи, и мы с Сарит спешно вышли.

* * *

Уже 10 минут простояли мы с Сарит на остановке, а автобуса все не было. Сарит молчала, я тоже не знал, о чем говорить. Втроем болтать было легко, а сейчас все слова вылетели у меня из головы.

- Ну что, мир? - сказала наконец Сарит, насмешливо улыбаясь. - Извини, я просто из себя выхожу, когда с фанатизмом сталкиваюсь. Меня, знаешь, однажды краской в Меа-Шеарим облили.

- А ты туда небось в майке пришла?

- Точно. В майке и джинсах. Торопилась, решила срезать.

- Нашла дорогу! У нас там однажды израильский флажок с машины сорвали… Так что мне твои чувства очень понятны…

- Послушай, я хочу тебе рассказать, что-то… Ты уверен, что это был теракт?

- А что же еще?

- Да. Наезд был намеренный. Но слишком все-таки странно эта машина себя вела.

- А что странного?

- Как, ты ничего не заметил? - удивилась Сарит.

- Нет, а что?

- Ах, ну да. Ты же книгу читал. Так я расскажу тебе: эта машина сначала мимо нас проехала, рядом с нами притормозила, а потом развернулась метрах в трехстах и тогда уже разогналась в обратном направлении.

- Странно. А ты в полиции это рассказала?

- Конечно, рассказала.

- Непонятно. Если бы теракт планировали - наехали бы при первом проезде. Может быть, он кого-то вдруг разглядел и сбить пытался кого-то конкретно? Но кого? Зачем ему Андрей? - соображал я. - Может быть, он в кого-то другого метил? В тебя мог?

- В меня?! - Сарит просто остолбенела от удивления, брови полезли вверх, глаза расширились до размеров спелой сливы, ее, кажется, задело подобное предположение, и слегка обиженным тоном она ответила, - скорее уж в тебя!..

- Хорошо, вопрос снимается. Остается араб. Араба нельзя исключить. Это могло быть сведением счетов. Что ты думаешь?

- Насколько я понимаю, отношения обычно выясняют в тихой подворотне, а не на открытом шоссе.

- Ты права. Надо разобраться, как так получилось, что машина сбила именно Андрея?

- Да никто в него специально не целил! Просто араб успел назад отскочить, а Андрей зазевался. Ну а мы с тобой вообще у самого бортика стояли… Террорист этот наверняка боялся туда врезаться…

- Вдруг Андрей что-нибудь объяснить сможет? Давай вернемся в больницу!

- Сейчас там суматоха с этой выпиской… Лучше завтра к нему домой зайдем.

- Но у меня занятия в йешиве. Учимся с шести утра до часу ночи… Дни трепета, к тому же, начались…

- Дни трепета, как раз, самое подходящее время проведать больного…

Заметив мои колебания, она сердито добавила:

- Ну еще бы, это так страшно важно - целыми днями молиться и учиться. Особенно учиться тому, как хорошо помогать людям, навещать больных и делать добрые дела. Ну давай, учись, учись. И молись, молись.

Я рассмеялся.

- Ну хорошо, уговорила. Сходим завтра к Андрею. Когда у тебя школа кончается?

- Завтра? Вообще-то в два, но я могу и раньше.

- Можешь и раньше, значит? Ах да, я и забыл: учиться - это ведь не так важно, как «добрые дела делать».

- Ты быстро схватываешь, - улыбнулась Сарит.

* * *

Фридманы, Зеэв и Марина, жили очень удобно, в центре Иерусалима, недалеко от рынка Махане-Йегуда. Когда мы вошли, хозяев еще не было. Андрей нам очень обрадовался и сразу провел нас в гостиную, в которой многое узнавалось из советских времен - похоже, Фридманам удалось перевезти из Союза многие памятные вещи - даже картину с невразумительным зимним пейзажем я узнал - такая же висела у моих соседей в Москве. Мы расположились в гостиной и сразу приступили к делу:

- Давай, говори! - подбодрил я Сарит.

И девушка снова рассказала историю о том, как машина, которая, казалось, ехала мимо, вдруг затормозила, потом отъехала, разогналась и сбила Андрея.

Андрею история показалось невероятной.

- Что ж ты сразу мне и Ури этого не сказала?

- Тебя не хотела беспокоить, ты едва живой был, а с Ури мы вообще сперва на разных языках разговаривали, - пожала она плечами. - Полицию-то я сразу поставила в известность.

- Как же ты это в таких подробностях разглядела?

- Вы же меня на амбразуру бросили, а сами книжки читали и сны смотрели - за дорогой я одна и наблюдала. И еще тот араб…

Сам Андрей прокомментировать ничего не мог - он почти ничего не видел, а если что и видел - то не помнил. Собственной версии событий у него не было. Но предположение, что пытались сбить именно его, Андрей отверг категорически.

- Я здесь никого, кроме вас, не знаю. Кто бы мог на меня покушаться? Может, все-таки в кого-то из вас целились?

- Эта версия вчера тщательно разрабатывалась, но была отвергнута.

- Если честно, меня гораздо больше, чем это запутанное дело, волнует мой перелом. Из-за него я не смогу путешествовать минимум месяц. А мне совершенно необходимо в одно место попасть!

- Снова на «гору Искушения»?

- Ну да. Я же говорил тебе, там есть нечто очень важное для меня…

- Вообще-то ты этого не говорил, но по лицу было понятно… Думаю, что по горам ты уже не попрыгаешь - в этот приезд. Только в следующий. Но не волнуйся, организуем тебе что-нибудь альтернативное поблизости… Мы обязаны компенсировать или как-то скрасить тебе твои лишения. А святых мест в Иерусалиме, слава Богу, хватает.

- Ты не понимаешь! Это совсем не то, что ты думаешь. Это место совершенно незаменимо. Я ради него ехал, ради него оставил институт, и не только…

В этот момент в дверях показались хозяева. Невысокий скромный обходительный Зеэв и шумная энергичная Марина. Зеэв говорил тихо и неторопливо, мягко возражая и не спеша обдумывая ответ - это создавало такую теплую спокойную атмосферу, что никуда не хотелось уходить.

Мы поговорили о наезде, а затем разговор, как всегда в то время в среде выходцев из СССР, незаметно соскользнул к теме перестройки и рухнувшего железного занавеса. События на бывшей ро-

дине живо интересовали репатриантов, все это казалось диковинным и вызывало удивление и гордость.

- Для меня это событие было полной неожиданностью. Признаюсь, я всегда думал, что тоталитарные системы не разрушаются изнутри… Были ли какие-то признаки приближающегося переворота? Вы что-нибудь замечали? - обратился он к Андрею.

- Никаких признаков не было. Сперва Горбачев вырубал виноградники и ставил повсюду своих людей, никакими свободами и не пахло. Весь 86-й год все шло «по-брежнему». Я очень удивился, когда на радио «Свобода» один комментатор разглядел признаки тектонического сдвига в том, что в журнале «Коммунист» была опубликована статья, в которой сдержанно хвалили Василия Гроссмана. И что бы вы думали? Он-таки, комментатор «свободный», прав оказался! Но первые полтора года Горбачев свои революционные намерения умело прятал: только гайки закручивал и ничем, кроме этой статьи в «Коммунисте», себя не выдал.

- Я слышал, - добавил Зеэв, - в 1986 году даже просьбы на выезд в Израиль перестали принимать.

- И вот 8 декабря в Чистопольской тюрьме умер Анатолий Марченко. Он держал бессрочную голодовку за освобождение всех узников совести, - продолжил Андрей. - И вдруг все в одночасье переменилось, как по волшебству: 19 декабря освобождают Сахарова, а 7 февраля следующего года первых 42 политзаключенных.

- Бедный Марченко, чуть-чуть не дотянул, - горестно вздохнула Марина.

- Да, 10 дней всего, - согласился Андрей. - Только, знаете, мне иногда кажется, что именно он-то как раз и дотянул. Все это дело дотянул и с мертвой точки сдвинул. Может, и звучит невероятно - я иногда думаю, что без его гибели никаких освобождений бы не было. Допустим даже, что Горбачев сам давно хотел всю эту казарму советскую распустить - но для этого нужен был момент, когда все политбюро находится в смятении.

- Вы хотите сказать, что если бы Марченко тогда снял голодовку, Сахаров бы и сегодня в Горьком оставался? - уточнил Зеэв.

- Почему нет? Марченко с его максималистскими требованиями был совершеннейшим Дон Кихотом, но он, похоже, знал, что делал. Верно оценил возможность момента и ценой жизни перелицевал действительность.

Мысль Андрея всем понравилась, и я было принялся рассказывать про каббалистическое понятие «импульс снизу», когда человеческая решимость пробуждает ответный «импульс сверху», но неожиданно зазвонил звонок. Зеэв извинился, снял трубку и некоторое время молча слушал. Мы ждали.

- У него всего лишь перелом, - сказал он наконец на иврите, - минуту…

Зеэв прикрыл трубку:

- Звонит какой-то молодой человек, который был с вами, когда сбили Андрея. Говорит, телефон ему дали в больнице. Спрашивает, что с Андреем.

- Какой молодой человек? - удивился я. - Араб?

- Наверное… У него вроде бы арабский акцент.

- Дайте-ка, я с ним поговорю, - попросил я и взял трубку.

- Алло!

- Шалом, с кем я говорю?

- Это араб! - прошептал я, делая знаки друзьям. - Говорит Ури, я тоже был тогда на тремпиаде, при наезде. Хотелось бы поговорить.

Араб молчал.

- Алло, ты меня слышишь?

Молчание.

- Я буду завтра в Старом городе до пяти вечера, - произнес он наконец, и мне показалось, что он уже вешает трубку.

- Эй, подожди! Завтра у Яффских ворот, в 15.00! - бросил я наугад.

Самому мне это не очень подходило, потому что в четыре у меня был урок рава Эшхара, который я очень любил, но надежда успеть все же оставалась.

Опять долгое молчание.

- Хорошо, в три, но на площади Цион, - донеслось, наконец, из трубки.

- Еще лучше.

- Тогда до встречи, - послышались частые гудки.

Уф! Я стоял и все еще слушал гудок телефона, пытаясь осмыслить, что произошло.

- Зайдешь сюда после разговора с ним? - спросил Андрей.

- Я тоже хочу послушать! - воскликнула Сарит.

- Конечно, Сарочка, ты тоже приходи, - кивнул ей Андрей.

- Но только не раньше четырех! - наставительно добавил я. - Хватит уже школу прогуливать.

Сарит вспыхнула, хотела что-то возразить, но промолчала.

«А сам-то ты разве не готов прогулять урок рава Эшхара?» - подумал я с некоторым даже удивлением.

* * *

Я был на площади без десяти три. Араб уже ждал меня. Мы сразу узнали друг друга, пожали руки и представились.

Его звали Халед, жил он в Рамалле, работал водителем автобуса: возил учеников в какую-то арабскую школу в Иерусалиме.

- У Андрея всего лишь перелом. Через месяц будет ходить, - сказал я. - Ты случайно не знаешь, почему та машина его сбила?

- Он был единственный, кто не отскочил. По-моему….

- Нет. Я спрашиваю, почему она вообще наехала? Ты знаешь?

- Могу только догадываться.

- Думаешь, это была случайность?

- Нет, не думаю. Похоже, что кто-то из моих собратьев хотел задавить еврея.

- А ты с ним случайно не знаком, с этим твоим собратом?

- Да я его и не разглядел даже.

- Но ты видел, что машина сначала мимо проехала, а потом вернулась? - с подозрением спросил я.

- Это видел.

- Странно. Машину ты видел, а водителя не разглядел?

- Он же в куфию замотался, - удивился Халед.

- Ах да, верно, - пробормотал я. Я только теперь вспомнил, что во время наезда водитель закрылся куфией, хотя при первом проезде, как рассказала Сарит, лицо вроде бы было открыто. Но вполне вероятно, что Халед мог не обратить тогда на него внимания.

В общем, Халед знал о причине наезда не больше нашего. Затеянное мною следствие снова зашло в тупик.

Мы уложились в 5 минут, я понятия не имел, что еще спросить, и у меня сорвалось с языка:

- А ты сам-то в интифаде случайно не участвуешь?

Халед посмотрел на меня с явной иронией.

- Ну разве совсем немного… по четвергам, с трех до пяти.

Заметив, что я нахмурился, Халед расхохотался и, дружески хлопнув своего «следователя» рукой по плечу, сказал:

- Я пошутил. На самом деле я на вашей стороне.

В ответ на мой недоверчивый взгляд Халед широко улыбнулся и объяснил:

- Ваша военная администрация, конечно, не подарок, и я бы, честно говоря, с удовольствием ее сменил… но я слишком хорошо понимаю, что здесь начнется, если эта детвора, которая сегодня швыряет в вас камнями, займет ее место.

Я и раньше сталкивался с арабской лестью, с заверениями в сочувствии Израилю, но всегда относился к этому с большим недоверием. Но Халед держался совершенно иначе - свободно, с достоинством и говорил по существу. Я просто не смог ему не поверить.

Мы проболтали с Халедом с полчаса и на прощание обменялись телефонами. Его симпатия к Израилю не казалась фальшивой. Хотя у меня и осталось какое-то неопределенное впечатление, что он чего-то недоговаривает.

На урок рава Эшхара я уже явно не успевал и сразу направился к Фридманам, где меня ждали Андрей и Сарит. Я в подробностях пересказал разговор с Халедом. Мы еще раз погадали, в кого мог целить террорист, но никакой стоящей версии так и не выдвинули и окончательно сошлись на том, что террорист решил вдруг наехать на группу случайных евреев.

Я уже торопился в йешиву, и Сарит вышла со мной.

- Тебе какой автобус? - спросил я, когда мы подошли к остановке.

- 48-й лучше всего.

- Я посажу тебя. Как сегодня в школе было?

- Я туда так и не попала, - махнула рукой Сарит. - Мы с подругой на море ездили… - и дальше по-русски добавила, - бархатный сезон в полном разгаре.

- Понятно, - усмехнулся я, вспоминая свое наивное «приходи не раньше четырех»… - А ты, кстати, весьма неплохо говоришь по-русски! «Бархатный сезон», «в полном разгаре»… Сколько тебе лет было, когда вы приехали?

- Откуда приехали?

- Из СССР, понятно, - ответил я, несколько сбитый с толку ее вопросом.

- А мы не из СССР вовсе приехали. Мы из Марокко приехали, - важно объяснила Сарит. - Неужели ты серьезно мог подумать, будто я русская?

Я обомлел от удивления.

- Я действительно сначала подумал, что ты сефардка, даже йеменка, но когда твой русский услышал, то понял, что ты из Союза… Как же ты по-русски-то выучилась?

- Мои родители учились в Институте Дружбы Народов в Москве, и у них повелось с той поры говорить дома по-русски…

Я открыл рот. Вот это история. Оказывается, евреи из Марокко учились в Институте Дружбы Народов! Поразительно!

- Так они что, коммунисты у тебя, что ли? - с недоумением спросил я.

- Сам ты коммунист! Они просто скрыли, что они евреи…

- А как это они тебя в светском духе воспитали? Никогда не видел сефардов, которые бы не придерживались традиции.

- Насколько я знаю, они как раз в Советском Союзе и оставили эти глупости.

- Странный случай. Ну и сколько они там прожили?

- Шесть лет. Я там у них как раз и родилась. Но я сама этого своего периода не помню.

- И что? Потом из Москвы вы вернулись в Марокко?

- Да, сначала вернулись в Марокко, а уж оттуда в Израиль репатриировались.

- И где вы в Марокко жили?

- В Касабланке.

- Это на море?

- Да, на море.

- Так ты, наверно, арабский знаешь?

- Совсем немного, мы ведь недолго в Касабланке оставались. Я ходила, конечно, в детский садик, слышала там арабскую речь, но давно все позабыла. Мои родители по-арабски совсем дома не говорят.

- Так у тебя ностальгия, наверно, по Марокко?

- Спрашиваешь! Садик на берегу моря, под пальмами! А рынок! Какой рынок!

Минут десять я расспрашивал Сарит о семье. Она обстоятельно, красочно и образно, с трогательными и неповторимыми деталями, рассказала мне, как ее родители решили поехать учиться в Россию после того, как прочитали «Преступление и наказание», как общались там с диссидентами, как и поныне смотрят русское телевидение, а по вечерам слушают Чайковского.

- Поразительно! Я всегда был уверен, что Чайковским марокканцев можно только пытать…

- Может быть, ты перепутал? Может быть, Скрябиным? - обиженно заметила Сарит.

- Прости. Я не должен был обобщать. Просто я действительно встретил в своей жизни несколько сефардов, которых классическая музыка из себя выводила.

- Это был Скрябин. Я уверена!

Я внимательно посмотрел на Сарит. Какое-то время она выглядела сердитой, но вдруг прикусила губу, закрыла лицо руками и, наконец, не выдержала и громко расхохоталась.

- Извини, Ури, - давясь смехом, с трудом произнесла она. - Я пошутила… На самом деле я просто дружу с одной девчонкой из иракской семьи, и ко мне многое от сефардов пристало. А на самом деле мы из Москвы…

Я не мог опомниться. Водитель автобуса, который уже пару минут стоял на нашей остановке, без выражения посмотрел на меня и, убедившись, что мы не заходим внутрь, приготовился захлопнуть двери.

- Какой это номер? - очнулся я. - Быстро залезай! Это 48-й!

Сарит уехала, а я зашагал в йешиву, стараясь думать о предстоящих занятиях, днях трепета и приближающемся Йом Кипуре, но глупая улыбка помимо моей воли растягивала мне рот.

* * *

На другой день в йешиву позвонила мама и сказала, что меня разыскивает Андрей.

В перерыве между занятиями я выбрался к Фридманам.

Андрей усадил меня пить чай, но сам к своей чашке не притронулся.

- Искал меня?

- Да вроде того… - теребя пуговицу на рукаве, ответил Андрей. - Я хотел тебя кое о чем попросить. Понимаешь, мне совершенно не к кому больше обратиться. Зеэв больной человек. Перенес недавно инфаркт.

- А в чем дело?

- Помнишь, я тебе рассказывал про гору Искушения?

- Как не помнить! Я ведь, оказывается, знаю это место. И очень неплохо знаю. Родители рассказали, что так у русских зовется гора Каранталь. У меня там рядом друг живет. Мы с ним вместе все ущелья в том районе исходили.

Мы с Йосефом, который жил на полпути между Иерусалимом и Иерихоном, действительно хорошо знали эту местность. Обыкновенно мы навещали бедуинские стойбища, где катались на ослах и приценивались к ягнятам (в школе я всегда мечтал, что в будущем заведу себе стада овец и буду пасти их среди этих холмов). Однако иногда мы выбирались и дальше и однажды действительно дошли до горы Каранталь.

- Да ты что?! Это же просто прекрасно! - обрадовался Андрей.

- Но при чем тут инфаркт Зеэва?

- Дело в том, что туда необходимо срочно попасть!

- Срочно?

- Да. Я нашел там рукопись! - выдохнул Андрей.

- Рукопись? - не поверил я своим ушам.

- Да, древнюю рукопись. В одной пещере. Но не на горе, а как раз наоборот, в глубоком ущелье.

- Подожди, подожди. Рассказывай все по порядку. Когда это случилось?

- Накануне того дня, когда я угодил в больницу… Но ладно, давай по порядку: на третий день после того, как я приехал в Израиль, я доехал до Иерихона, как мне объяснили Фридманы, добрался до подножья горы, углубился в ущелье Кельт, и так поднялся до монастыря Сен-Джорж.

- Классное место. Но это же в сторону…

-- Да, в сторону. Но там мне также необходимо было побывать. Там ворон кормил Илью пророка. Вместе с Кумранами и местом явления Христа народу Сен-Джордж образуют равносторонний треугольник. Я называю его Иудейским.

Я не стал возражать Андрею, что пещера пророка Элиягу никак не могла находиться в вади Кельт, равно как не стал вникать в вопрос, о каком еще треугольнике он толкует.

-- Короче. Как ты вышел на Каранталь?

-- Наутро я вернулся к Иерихону… Целый день переходил с места на место, делая привалы, пока под вечер случайно не набрел на пещеру, в которой и нашел рукопись.

- Как она выглядела?

- Ну как, как свиток и выглядела, но я сначала не заметил ее, потому что она лежала в выемке в стене и была покрыта толстым слоем пыли. Я просто нечаянно ее задел, и она упала, при этом от нее отвалился довольно большой кусок. В той пещере не только рукопись была. Там была всякая утварь. Горшки, корзины, совершенно истлевшие, серпы какие-то… Но эта рукопись меня просто потрясла. Я, представь себе, даже что-то на том отвалившемся куске смог прочитать!

- А на каком же языке была рукопись? Как ты мог там что-то прочитать?

- Не знаю точно на каком языке, на иврите или арамейском, но буквы были ивритские. Я разобрал там слово «шней», то есть «два», и слово «Йешуа». Не знаю, означает ли это имя Иисус, или просто слово «спасение».

- Ладно, - махнул я рукой. - Оставим это. Так где теперь твоя находка?

- Там же, где и была. Дело в том, что я не знал, как ее унести. Когда я попробовал рукопись раскрыть, то она стала крошиться. Я понял, что в рюкзаке бы она просто измочалилась… Даже отвалившиеся куски не во что было положить. Тогда я решил съездить в Иерусалим за подходящим кэйсом. На рассвете я спустился в долину, вышел на какую-то дорогу. Стал останавливать попутные машины, кто-то меня подцепил и увезли неизвестно куда… Ну а дальше ты знаешь.

- М-да… - протянул я. - Ты не думаешь, что тебя кто-то мог выследить? Там, где ты рукопись нашел, бедуины были?

- Были. Они там овец пасли.

- Вот видишь. Ну а когда ты садился в машину, ты, вообще, хотя бы спросил, куда она едет?

- Спросил, конечно.

- Вот что я тебе скажу, - подытожил я свои подозрения, - то, что тебя повезли в другую сторону, а потом попытались сбить - все это очень может быть как-то связано с твоей находкой! Не исключено, что уже кто-то другой сейчас эту рукопись про твоих «двух Иисусов» читает!

- Вот я и говорю, может, ты сходишь и проверишь?

- Покажи мне карту, по которой ты ориентировался.

Андрей извлек из рюкзака туристскую схему Израиля и стал что-то царапать на ней спичкой.

- Нет, так дело не пойдет, - развел я руками. - По такой карте да с твоей спичкой! Ты, может быть, сам какой-то план нарисуешь?

После долгих попыток что-то изобразить на листе бумаги, Андрей пришел почти в полное отчаяние.

- Вот что, Андрей, давай быстрей поправляйся, и отправимся туда вместе, - резюмировал я. - Никакого другого способа отыскать пещеру я не вижу.

* * *

После Йом Кипура настали осенние каникулы, которые мы с друзьями решили провести на Голанах. С утра ходили по ущельям с озерами и водопадами, а вечерами просиживали у огня, жаря мясо. Но с наступлением Суккота, как ни жаль мне было уезжать и как ни уговаривали меня остаться, я отправился домой. Родители меня уже давно не видели, да и Андрея надо было проведать.

Первый праздничный день Суккота пришелся на субботу, и я встретил его дома. Сам я в строительстве шалаша не участвовал, но консультировал отца и брата по телефону. Как всегда, они возвели временное жилище во внутреннем дворе и с любовью его укра-

сили. Суккот любили даже родители. Ведь в эту неделю - благо так повелел Создатель - взрослый человек может как ребенок с чистой совестью часами просиживать в самодельном «домике» из фанеры и цветных покрывал, хотя рядом находится его комфортабельное жилище.

* * *

На следующий день, в воскресенье, после утренней молитвы у Котеля, я зашел к Фридманам.

Андрея я нашел в его комнате в скверном настроении. Недельное сидение в четырех стенах порядком поднадоело ему.

- Хочешь, погуляем по Иерусалиму? - предложил я.

- Иерусалим, Иерусалим, - произнес он печально. - Гоголь вот тоже всю жизнь стремился в Иерусалим. Надеялся, что это паломничество избавит его от тяжелых мыслей, и просчитался… Я отчасти на то же рассчитывал, и отчасти также напрасно.

- Да что же у тебя за тяжелые мысли такие?! - удивился я, припомнив, что Андрей и раньше временами выглядел несколько растерянным и, как мне однажды показалось, даже подавленным. Потихоньку я вытянул из Андрея его тайну. Оказалось, что он страдает из-за девушки, которая предпочла ему другого, и что теперь он старается ее забыть. Но чем больше старается - тем меньше получается.

В этом смысле Андрей возлагал особые надежды на свое путешествие. Оказывается, гора Искушения должна была воистину стать горой преодоления искушения. Исцелиться он сюда ехал - вот что! А вместо этого сломал ногу, нашел и потерял рукопись - и теперь валялся дома, постоянно думая о девушке, отчего состояние только ухудшалось…

Мне сразу стало ясно, кто тут может помочь. Покопавшись в бумажнике и сразу опознав розовый с цветочками листок, я позвонил Сарит, и минут через сорок мы уже гуляли по рынку и прилега-

ющему к нему району Нахлаот. Сарит очень забавно имитировала гида, показывая Андрею прилавки с апельсинами, крикливых торговцев и решительно ничем не примечательные здания.

- Перед нами знаменитые израильские колобки! - говорила она, указывая на гору пит. - В отличие от своих русских аналогов они совершенно пусты изнутри. Приобретение колобков не входит в стоимость экскурсии, но если у вас хватит денег, в перерыве вы сможете купить по такому колобку и угостить экскурсовода или же сохранить колобок в качестве сувенира…

На улице Агриппас мы зашли в шалаш, выставленный при входе в одну из закусочных. Мы с аппетитом уплетали «колобки» с фалафелями и смеялись. Сарит дразнила Андрея его костылями и неловкостью, а он в ответ укорял ее за прогулы и легкомыслие.

С торгового ряда доносилась оживленная русская речь.

- Петь, посмотри, что это?

- Какие-то груши с пупырышками…

- Какие еще груши?

- А что же? Огурцы что ли?

- Это они на авокадо наткнулись, - засмеялась Сарит. - Может, и им небольшую экскурсию провести?

- Им не про авокадо, а про «территории» надо рассказывать, - посетовал я. - Ожидается, что скоро сюда из России приедет миллион евреев. А наше правительство ничего не делает для того, чтобы заселить ими Иудею и Самарию.

- И очень хорошо, - заявила вдруг Сарит. - Если эти территории заселить, то потом нельзя будет поделить землю с палестинцами и заключить с ними мир.

Меня передернуло от этих слов. Я всегда лишался душевного равновесия, когда при мне кто-либо начинал мысленно кромсать Эрец Исраэль.

- Поделить землю? Иудею и Самарию?! - воскликнул я. - Да ведь это и есть та самая земля, которая нам Богом обетована! Арабы где хочешь могут жить, а мы без этой земли никак не можем.

На личике Сарит появилась уже знакомая мне насмешливая гримаса.

- Кто это - мы? Иудейские фанатики?

- Можно не разделять еврейскую веру, но нельзя не понимать, что иудаизм - это не только религия народа Израиля, но и религия земли Израиля, и, значит, запрет евреям селиться в Эрец Исраэль равносилен запрету исповедовать иудаизм.

- Исповедуйте свой иудаизм в Тель-Авиве - это такая же земля Израиля, как ваш Шхем или Хеврон.

- Совсем не такая же. Ты что, не знаешь, что и в Шхеме, и в Хевроне - гробницы Патриархов? Да и о чем сыр-бор? Вся Иудея меньше Москвы…

Увидев скучающее выражение на лице Сарит, я решил перейти к доступным каждому израильтянину «шкурным» аргументам.

- А безопасность? Без Шхема и Хеврона, без гряды гор, на которых они расположены, нельзя защитить ту двадцатикилометровую прибрежную полоску, которую мировое сообщество отвело нам под государство.

- Глупости. Если мы уступим арабам оккупированные территории, то у них вообще не будет никакого повода на нас нападать.

- Но ведь они постоянно находили такой повод задолго до того, как мы успели у них что-то «оккупировать».

- Молодец, что об этом напомнил. Оказывается, мы их прекрасно били со своей «двадцатикилометровой прибрежной полоски».

- Прекрасно били? - схватился я за голову. - Победу в «Шестидневной войне» нам принес исключительно предупредительный удар ЦАХАЛа… Но в 1973 году мы отразили нападение Сирии и Египта только благодаря стратегической глубине полученной в 1967 году…

- Ты не понимаешь, что арабы тоже меняются?

- Меняются?! Ты знаешь, что сказал Анвар Садат после того, как Бегин подарил ему Синай? Он сказал: «Наша задача вернуть Израиль к границам до 1967 года, остальное завершат наши дети».

- А ты знаешь, что не может быть свободен народ, владеющий другим народом?

- Не передергивай! Это арабы не могут быть свободными, пока не откажутся от мысли нас уничтожить. Мы же как раз готовы предоставить им автономию.

- А если они не захотят довольствоваться автономией?

- То пусть тогда отправляются на свою историческую родину! Пусть совершат хадж в один конец! - выпалил я, продолжая понемногу выходить из себя. - «Если забуду тебя, Мекка…» и так далее. Мы готовы оплатить им проезд…

- У тебя мания преследования, у тебя комплекс Масады! - извлекая последние «козырные» аргументы из арсенала своих «либеральных» лозунгов, крикнула Сарит.

- Сарит, но тогда и у меня этот комплекс, - вмешался Андрей. - У меня и у многих других. Академик Сахаров, например, говорил, что на те деньги, которые человечество вгрохало в поддержание палестинского дела, уже давно можно было бы обустроить всех палестинцев в самых разных странах мира.

- Это несправедливо. Они здесь родились и имеют свои права… нельзя их нарушать, - бесстрастно возразила Сарит.

- Сарит, что ты говоришь?! - возмутился я. - Кто тебе так голову заморочил? Арабы имеют в Израиле больше прав, чем в любой другой собственной стране, которых у них больше двадцати! Пойми, им не права нужны, им нужно нас уничтожить. Как можно всего этого не видеть?

- Ну да, - подтвердил Андрей. - Граждане Ливии, Сирии или той же Саудовской Аравии лишены многих элементарных прав, но всех почему-то лишает сна именно положение достаточно благополучных в правовом отношении палестинцев! Как ты думаешь, почему?

Да потому что этой публике на самом деле не права палестинцев интересны, им интересно лишить евреев права на Святую Землю… Это называется «правами человека по жидовской морде».

Сарит рассмеялась.

- Ну ладно, хватит! Сдаюсь, сдаюсь… Что, пошутить уже нельзя?

Мы с Андреем разом онемели. Я, наученный уже опытом, первый пришел в себя.

- Как это - пошутить? Это что, шутка была?

- Так, вроде того. Повеселить вас захотелось.

- Должен сказать, что тебе это не очень удалось, - еще не остыв, с досадой заметил я.

- Да брось, Ури, отличная была шутка. Я оценил, - возразил Андрей. Глаза его блестели, он оживился, раскраснелся.

Мы еще сходили в парк Ган Сакер, откуда через красивейший сад роз вышли к Кнессету - израильскому парламенту. Андрей чувствовал себя прекрасно и как будто не замечал костылей. Попытка развлечь больного все-таки оказалась успешной.

- Я вижу, тебя, в отличие от Гоголя, Иерусалим, все же привел в чувства, - заметил я, когда мы посадили Сарит на автобус.

- Не столько Иерусалим, сколько иерусалимка! - весело поправил Андрей.

* * *

На другой день мы с Андреем поехали в Старый город. Автобус подвез нас к Котелю, а потом мы шли через весь Старый город по направлению к храму Гроба Господня.

Мы вошли в христианский квартал и через полчаса после бесчисленных остановок возле лавок с восточной экзотикой - с агрессивными цветами, запахами и голосами, бьющими по глазам и по ушам, которые мне порядком приелись, а у Андрея вызывали восторг, - подошли наконец к цели нашего путешествия - храму Гроба Господня. Увидев, что перед воротами я остановился, Андрей нерешительно спросил.

- Ты что, не зайдешь со мной?

- Что-то нет настроения… Я тебя здесь подожду.

Он пробыл там не меньше часа и вернулся совершенно потрясенный.

- Там такая очередь была, но я все же дождался, прикоснулся к ложу… Это исток жизни…

Всю дорогу до Яффских ворот он не мог остановиться, все рассказывал, про какую-то плиту и про какое-то отверстие.

Я рассеянно слушал.

- Жаль, что ты не зашел туда. Все-таки это то самое место, где воскрес Мессия, - заключил Андрей, когда мы дошли до башни Давида и уселись там на лестнице перед входом, чтобы Андрей смог съесть прикупленную им по дороге арабскую лепешку.

- Воскрес? Мессия? - усмехнулся я. - У меня нет такой информации… С чего ты это взял?

- Из Евангельского свидетельства. Воскресший являлся в теле своим ученикам…

- Явление умерших - самое обыкновенное явление. Причем очень часто призраки выглядят совершенно осязаемыми. В Гемаре, например, описывается, что после своей смерти рабби Иегуда Ханаси в течение месяца являлся своим ученикам и домашним, даже делал с ними киддуш. Так что в этом пункте евангельское свидетельство не очень убедительно. Да и не только в этом. Многое из того, что описывается в Евангелиях, просто не могло быть.

Должен сказать, тема эта не была мне в диковинку. В свое время я прочитал книгу Хаима Коэна о суде над Иисусом, в которой доказывалось, что если иудеи и вмешались в римский процесс над ним, то только в надежде предотвратить казнь. А полгода назад мне дали почитать исследование Хаима Маккоби, который утверждает, что Йешуа в первую очередь стремился изгнать римлян, хотя и надеялся осуществить это не столько военными, сколько чудодейственными средствами…

- Но чего тут не могло быть? - удивился Андрей.

- Как тебе сказать? Встречаются даже и иудеи, которые верят в то, что Йешуа был осужден Сангедрином. Но это мнение они, в конечном счете, переняли от христиан… Немыслимо, чтобы при Пилате какие-нибудь евреи выступили против того, кто провозгласил себя Мессией, то есть их освободителем, да еще восприняли бы его как богохульника. А вот римляне мириться с ним как раз никак не могли… Хаим Маккоби об этом целое исследование написал.

- Так этот Маккоби признавал или нет, что Иисус провозглашал себя Мессией?

- В каком-то смысле признавал. Но евангелисты все исказили, а на домыслах религию не построишь. У тому же Рамбам учит, что Мессия вовсе не должен воскресать, не должен делать никаких чудес. Он должен восстановить государство, в котором будут уважаться и исполняться законы Торы.

- Прости, конечно, но какой-то скучный у вас Мессия… Хотя на самом деле, не в слове «Мессия» вообще дело. Я лично легко бы этот почетный титул вашему Мессии уступил… Но в нашем Иисусе важно, что он именно совершил великое чудо - воскрес…

- Все люди и без того воскреснут в последний день. Зачем ему понадобилось вставать из гроба до срока? И зачем из этого устраивать культ?

- Как это зачем? Всякий первооткрыватель удостаивается культа.

- Но разве он первый? И до него Йехезкель воскрешал людей, и Элиягу воскрешал… Да и позже мудрецы делали это. Рава воскресил раби Зейру, а раби Ханина - стражника царя Антониуса… И вообще… я не верю в то, что он воскрес. На чем основывается эта вера? На том, что он ел вместе с учениками? Но ангелы, посетившие Авраама, ели с ним вместе.

То ли мои слова застали его врасплох и вывели из себя, то ли Андрей просто устал за целый день, но костыль, который он все это время машинально вертел в руке, со звоном упал на парапет и от-

летел вниз по лестнице на несколько метров, что вызвало живой интерес у проходящей мимо группы туристов в одинаковых белых панамках.

- Не веришь? А что же ты скажешь по поводу туринской плащаницы?

- Я даже не знаю, что это, - честно признался я, сбегав за костылем и вернув его Андрею.

- Спасибо. Так вот слушай. По преданию, Иисус после смерти был завернут в саван, который хранится до сих пор. В настоящий момент он находится в Турине. Так вот знай, что на этом саване проступило негативное изображение человека с описанными в евангелии увечьями. Создается впечатление, что ткань именно «засветилась». Это невозможно считать подделкой. А совсем недавно специальный компьютерный анализ обнаружил на веке человека отпечаток монеты. То есть на глаз усопшего была положена монета, которая там отпечаталась. При этом выяснилось даже, что эта монета времен императора Тиберия была вычеканена с необычным написанием. В слове император - «kaicaroc» - вместо буквы «к» стоит «с», то есть «caicaroc». Сделали проверку и убедились, что в мире действительно существует несколько таких монет…

- Надо еще разобраться, насколько это не подделка, - ответил я. - Слишком уж все это фокусами отдает.

Но рассказ меня заинтриговал, и под вечер, еще не остыв от споров с Андреем, я решил позвонить своему знакомому - Пинхасу Бен-Цви, человеку, сведущему в такого рода вопросах.

* * *

Я познакомился с Пинхасом ровно год назад. Тогда мы с Йосефом в очередной раз блуждали по Иудейской пустыне. Обыкновенно мы путешествовали в северном направлении: спускались в вади Кельт рядом с живописным монастырем Сент-Джордж; пару раз дошли до Хасмонейских дворцов, откуда уже было рукой подать до Йерихона. Но на этот раз мы двинулись на юг, вошли в вади Кумран и спустились по нему к Мертвому морю.

Там, в самом низу, у раскопанного археологами города, мы пристали к экскурсии, из которой узнали о некогда обнаруженных здесь древних рукописях, принадлежащих ессейской общине «Яхад».

- Почему в Талмуде нет ни слова о ессеях? - удивлялись мы на обратном пути. - Какие тому могли быть причины? Неужели мудрецы стали бы что-нибудь замалчивать? Они всегда спорили с теми, с кем не соглашались. И вот кумранские рукописи показали, что где-то рядом находился какой-то другой, огромный богатый мир, но Талмуд не упоминал о нем ни слова…

С этим вопросом я пошел тогда к наиболее уважаемому мною раввину нашей йешивы - раву Исраэлю, но он ничем не мог мне помочь. Разве что признал, что тоже никогда в Талмуде не встречал упоминания ни об Учителе праведности, ни о ессеях. Однако, подумав, рав Исраэль посоветовал обратиться к одному своему знакомому археологу - знатоку в таких вещах. Так я и познакомился с Пинхасом Бен-Цви.

Пинхас был «свой человек»: во-первых, молодой, лет двадцати семи - двадцати восьми, во-вторых, в вязаной кипе, наконец, офицер ЦАХАЛа в запасе. И при этом на редкость эрудированный и широкий.

Мой вопрос не был для него неожиданным.

- Таких упоминаний действительно нет, - подтвердил Пинхас. - Но кто вообще упоминается? Знаешь ли ты, что в Талмуде всего один раз встречается слово «ноцрим» - «христиане»? Мы, правда, привыкли под общим словом «еретики» понимать христиан. Но это совсем неоднозначно. Иногда совершенно ясно, что имеются в виду другие еретики. Их десятки, но Талмуд о них также умалчивает.

- Откуда же о них вообще тогда известно? - удивился я.

- Известно из того же Талмуда, но имен сект не приводится. Приводится только число. Например, в Иерусалимском талмуде в трактате Сангедрин рабби Йоханан бен Заккай утверждает, что Из-

раиль не был рассеян, пока он не распался на двадцать четыре секты.

- Но почему, если в Гемаре имеются упоминания о Йешуа, то ни слова не сказано об Учителе Праведности? Ведь по сути он был первым, кто претендовал на роль Мессии. Как его можно было обойти?

На этот вопрос Пинхас мне внятно не ответил. Но в целом произвел впечатление очень яркого и знающего человека.

На прощание Пинхас дал мне почитать несколько книг и копии главнейших кумранских рукописей. Так я прочел «Дамасский документ», «Устав», «Войну сынов света с сынами тьмы», осилил так называемый «Храмовый список», возбуждающий множество вопросов, связанных с календарем, прочитал комментарии к различным книгам ТАНАХа и, наконец, особенно поразившие меня гимны Учителя Праведности. Тексты были неровные, но от некоторых слов исходила удивительная подлинность и сила, соразмерные с подлинностью и силой ТАНАХа.

И снова я удивился тому, что в Гемаре нет упоминаний ни об этом Учителе, ни о секте «Яхад», ни даже о ессеях, к которым многие эту секту относили. Было странно думать, что такие яркие документы могли остаться неизвестными… Значит, еще что-то более великое могло возникнуть и не сохраниться для потомков? Мыслимо ли это?

* * *

Как бы то ни было, именно к Пинхасу я решил обратиться по поводу плащаницы.

Я пришел к нему в конце недели шалашей и соответственно в конце осенних каникул.

Он повел меня в шалаш, который соорудил у себя на балконе - настолько просторном, что на нем умещались низкий столик, диван и два кресла. На столике стояли дорогие бокалы и напитки, вазочка для льда из голубого стекла и стаканчик с соломками. Из гостиной доносилась тихая джазовая музыка. Мне было немного не-

уютно в таком люксовом жилье и при таком элегантном хозяине, и первые минуты я думал только о том, как правильно пить из этих бокалов и как правильно сидеть на белом диване, но тема разговора была такой интригующей, что я скоро совершенно забыл обо всем.

Как я и ожидал, Пинхас прочел мне целую лекцию. Он рассказал, что в древние времена при захоронении тело усопшего не покрывалось саваном, а обвивалось вокруг, причем голова - и это важно - повивалась отдельно. Уже одно это обстоятельство позволяло говорить о том, что Туринская плащаница поддельна. Пинхас рассказал и о негативных результатах углеродного анализа и предположил, что плащаницу изготовил Леонардо Да Винчи, который, по его словам, имел доступ к тем погребальным пеленам, которые на протяжении веков хранили христиане.

Напоследок я спросил у Пинхаса, имеются ли у него какие-нибудь книги о христианстве и его основоположнике. У Пинхаса было все. Он пробежал глазами длинные и аккуратные ряды книг и быстро нашел нужное: это была книга Давида Флуссера, профессора еврейского университета, у которого Пинхас, оказывается, в свое время проучился целый семестр.

- А книга Маккоби у тебя есть? - поинтересовался я.

- На английском.

- Ну, на английском… Она, по-моему, и не переведена.

Я взял также и Маккоби. Решил сделать копию для Андрея.

От Пинхаса я пошел в йешиву, чтобы на другое утро в подобающей обстановке встретить праздник Ошана-раба. Однако пока во время утренней службы мы молились с пальмовыми ветвями в руках, в Тель-Авиве были зарезаны и задушены семь человек, в основном молодые девушки. Два террориста из Газы заходили в случайные квартиры и там зверски - с помощью ножей, молотков и веревок - убивали тех, кого заставали.

Вечером с исходом Ошана-Раба начался другой праздник - Симхат-Тора, по веселью, пожалуй, не уступающий Пуриму. Но настроение у всех было подавленное. Медленно двигаясь по кругу со свитками Торы в руках, мы распевали гимны, стараясь не поддаваться унынию. Впрочем, минут через пятнадцать многие уже весело плясали: скакали, кружились, сближались и расходились рядами, водрузив на плечи товарищей. Но я ушел, не дождавшись конца. Так и не смог прийти в себя.

* * *

Началась учеба. Свободного времени почти не было, но для экспедиции в Каранталь я его все-таки нашел. В первой половине ноября, как только врачи разрешили Андрею передвигаться без костылей, мы дождались хорошей погоды и сразу выехали в поселение Вереd-Йерихо. Час Х настал.

Мы долго шли вдоль горной гряды, с опаской озираясь на подбирающиеся к самому подножию йерихонские дома. Всматриваясь в каждую небольшую расщелину, Андрей растерянно повторял:

- Очень похоже, но вроде не оно, - а потом, как бы оправдываясь, бурчал под нос, - в тайге и то легче ориентироваться.

Несколько раз мы углублялись в очередное ущелье, но каждый раз это заканчивалось тем, что Андрей с досадой признавался, что эти места ему совершенно незнакомы, и мы возвращались назад.

- Ну хорошо, успокойся, сосредоточься, - советовал я, - вспомни, где был Иерихон, когда ты спустился с гор.

- Прямо передо мной и был! Вроде бы… Все как-то в тот раз подругому выглядело…

Мы тыкались вслепую в каждое углубление, которое замечали, и так провели целый день. Наконец я понял, что очень скоро стемнеет, и скомандовал возвращаться.

- Плохое сейчас время для таких походов. Дожди, и день короткий. Сюда или ранней осенью, или поздней весной надо идти.

- Как ты себе это представляешь? - ужаснулся Андрей. - Я же уезжаю в декабре, а ты в армию весной идешь.

- В армии существуют отпуска. Подгадаем к ним и снова сюда сходим.

В тот момент я действительно был уверен, что так оно и будет. И что если не весной, то осенью мы сюда обязательно вернемся…

* * *

На другой день после нашего похода Андрей отправился путешествовать в Галилею. А я в конце декабря, на ханукальные каникулы, уехал с друзьями на Мертвое море - в район Эйн-Геди.

Если я теперь и вспоминал о рукописи - то только со скепсисом. Со временем мое отношение ко всей этой истории изменилось. Я пересмотрел ее от начала до конца и почти потерял к ней доверие. В самом деле, как случайный, неопытный в таких делах человек может найти что-то стоящее там, где до него уже прошли десятки, если не сотни, бедуинов и ученых?! Весь район Мертвого моря был прочесан на предмет свитков уже десятилетия назад. Да и как он мог бы отличить древнюю пещеру от «современной», в которой время от времени останавливаются бедуины, - та же утварь: те же горшки, те же корзины?! И если ему попалась на глаза какая-нибудь не имеющая никакой ценности рухлядь, которую бедуины приволокли для растопки, он, человек увлекающийся, мог бы легко принять ее за древнюю рукопись. Да и состояние Андрея в тот день было из ряда вон скверное. Что я не видел, как он в тот день засыпал, сидя на рюкзаке? Трудно было отнестись с серьезностью ко всей этой истории.

* * *

Я зашел к Фридманам только первого тевета, за день до отъезда Андрея, перед Новым годом, который он хотел встретить в России, - и к своему удивлению застал там Сарит.

Она пришла с подарком: принесла Андрею на прощание несколько книг на иврите, чтобы он в Москве совершенствовал язык.

- А я тут делюсь с Сарит галилейскими впечатлениями… - сказал мне Андрей.

- Ну и как? - поинтересовался я.

- Капернаум меня поразил… Его, представляешь, раскопали! Я неподалеку от него, на самом берегу Кинерета, три полных дня провел.

- В палатке что ли?

- Да, в палатке. Молился, Библию читал, да и другие книги. Маккоби, кстати, начал.

- Слушай, а я для нас с тобой назначил на завтра встречу с одним знакомым. Он - историк, археолог, талмудист, знаток раннего христианства и очень интересный человек.

- Ты хоть знаешь, когда у меня самолет?

- Ты сказал, в десять… вечера?

- В десять утра!

- Надо же! - огорчился я. - Слушай, а вдруг он сегодня может?

- Я бы не прочь с ним познакомиться!.. Только хотел напоследок побродить по Старому городу… А ты хочешь пойти? - спросил Андрей у Сарит.

- Ой, конечно! Ужасно хочу с ним познакомиться!

- Я имел в виду пойти со мной в Старый город, - неловко улыбнувшись, поправился Андрей.

Сарит смутилась.

- Конечно, Андрей! Пойдем сейчас погуляем, а потом уже завтра мы с Ури пойдем к историку - правильно, Ури?

Мы поехали в Старый город. По дороге Сарит рассказала, что ее две недели назад вызывали в полицию.

- Поймали террориста?! - оживился я.

- Нет, не поймали. Наоборот, решили закрыть дело. И поэтому снова меня допросили. Ведь получилось, что только по моим показаниям это выглядит как предумышленный наезд. А следователь стал сомневаться в этом…

- Ну и что?

- Не дала им дела закрыть! - гордо сказала Сарит. - Сказала: ищите!

В Старом городе мы пошли к южной стене Храма, точнее к тому, что от нее осталось. На углу, уже с западной стороны, я показал след древней арки.

- Видите? Когда ее римляне обрушили, каменный тротуар повредился… Эта арка служила лестницей на Храмовую гору, под ней торговали жертвенными животными, мелкими, конечно, козами, голубями.

- Да что ты говоришь? - воскликнул Андрей. - Так это, выходит, то самое место, где Иисус разгонял торгующих? А это, получается, тот самый тротуар, по которому он ходил?

- Чего не знаю - того не знаю. Но то, что здесь ступала нога рабби Йоханана бен Заккая, раббана Гамлиэля и других мудрецов тех времен, я тебе ручаюсь.

Совершенно ошеломленный Андрей присел и прикоснулся ладонью к камням.

- Какое счастье, что в византийский период святые отцы не прознали, что это было место торговли! Иначе они непременно возвели бы там церковь, назвали бы ее «Храм Разогнавшего всех торгующих» и совершенно лишили бы людей живой связи с самим местом. Я в Галилее на это насмотрелся. Насколько радуют взор все эти цветистые купола, поднимающиеся над какой-нибудь березовой рощей под Димитровым, настолько они нелепы и неуместны здесь…

- А ты знаешь, Андрей, я первый раз в жизни общаюсь с живым христианином, - призналась вдруг Сарит. - Я всегда думала, что это страшные люди, но теперь вижу, что ошибалась.

- Да что ты такое говоришь! Чего же в христианах такого страшного?

- Ну, вся эта инквизиция, все эти крестовые походы, очистившие Святую землю от евреев. О Катастрофе я уже не говорю.

- Ну и не говори! При чем тут христиане! - возмутился Андрей. - Крещеные пособники Гитлера - не христиане! И нацизм - это неоязыческое явление. Гитлер планировал полностью ликвидировать

также и христианство.

- Может быть. Но разве ты станешь спорить с тем, что христианство нередко насаждалось силой? - добавил я.

- Да, но пафос нетерпимости к неверным как раз из Ветхого завета заимствован. Только язычники бывают толерантны друг к другу, а монотеисты всегда непримиримы.

- Ну уж извини! - воспротивился я. - Иудаизм не приемлет джихада. Когда царь Шломо молился о том, чтобы в Иерусалимский храм приходили все народы, он вовсе не требовал от паломников отречения от их богов. Это спор рабби Йегошуа и рабби Элиэзера. Рабби Элиэзер считал, что иноверец может наследовать грядущий мир только в том случае, если отречется от ложного служения и примет иудаизм, но рабби Йегошуа, мнение которого приняли все мудрецы, учил, что и язычник может спастись.

- Как это может быть? - удивился Андрей. - Библия же через слово угрожает уничтожением неверных и предписывает искоренение целых народов.

- Это ложное впечатление. Бог действительно запретил идолослужение всему человечеству, но наказывает за него только евреев. Рабейну Бехайе еще тысячу лет назад подметил: нигде во всем ТАНАХе Бог не осуждает народы, служащие ложным богам, за исключением тех, которые приносят человеческие жертвы. Именно в этом состоял грех ханаанских народов, и именно за это Бог повелел их искоренить из Святой Земли.

- Обязательно проверю.

* * *

Когда стемнело, мы покинули Старый город и не торопясь прошли по улице Яффо до самого дома Фридманов.

- Дайте-ка мне на память по монетке, - попросил Андрей.

Я высыпал из кошелька мелочь и протянул.

- Ничего, если я пять шекелей возьму?

- Хоть все забирай.

- Все не надо. Мне надо именно пять, - пробормотал Андрей, вытягивая приглянувшуюся ему монету.

- А у меня есть только один шекель, - сказала Сарит, - зато старый. Я его просто так таскаю. Хочешь?

- На него ничего уже не купишь?

- К сожалению…

- Почему к сожалению, ведь это значит, что он бесценный!

При этом Андрей посмотрел на Сарит такими сияющими глазами, что можно было подумать, будто эпитет «бесценный» относится к ней самой.

Мы простились с Андреем и пошли к остановке.

* * *

- Ну так как, идем завтра к Пинхасу? - напомнила Сарит.

Я не был в восторге от этой идеи: религиозному парню приходить в гости к уважаемому ученому в сопровождении легкомысленной девчонки, которая завирается, увлекается, не к месту хохочет… что он обо мне подумает?

- Мы с ним утром встречаемся, - у меня еще была надежда отговорить ее. - Ты еще в школе будешь.

- Опять ты за свое! - взбунтовалась Сарит. - Нечего там делать, в этой твоей школе!

- Как это нечего? А аттестат зрелости? А твое будущее?

- Немедленно выключи «папочку», - с усмешкой сказала Сарит, - я иду - и все тут! Знакомство с профессором гораздо полезнее для моего будущего… Так где и когда мы встречаемся? - спросила она легко и уверенно, как будто вопрос уже решен. Возражений не допускалось.

Хотя у меня и было неопределенное предчувствие, что это знакомство до добра не доведет, но я сдался.

* * *

Несмотря на мои опасения, все прошло гладко. Знакомясь с Сарит, Пинхас приветливо кивнул ей головой и больше уже не обращал на нее внимания. Выставив на журнальный столик чай с шоко-

ладными конфетами, он усадил нас на диван, а сам сел на стул напротив.

- Андрей улетел в Россию. Сарит - вместо него. Мы хотели бы узнать побольше о ессеях и вообще о том времени.

- Что вас конкретно интересует?

- Нас, например, удивляет сходство между Учителем Праведности и Иисусом. И тот и другой говорят о себе в превосходной степени, и тот и другой связывают свое учение с «Новым заветом». И тот и другой находятся в конфликте с Первосвященником. А сходство ессеев и христиан просто бросается в глаза…

- Да, правда, всем начинающим читателям кумранских текстов так кажется, - начал Пинхас, - что Учитель Праведности - это Иисус из Назарета, а ессеи - это христиане. Первым, насколько я помню, к такому выводу пришел христианский историк Евсевий Кесарийский после того, как прочитал книгу Филона о терапевтах. Чуть позже эта книга Филона навела на ту же мысль другого христианского автора - Епифания. После того как нашлись кумранские рукописи, немало исследователей направились по стопам этих древних церковных историков. Например, Андре Дюпон-Соммер.

- И?

- И… это, конечно же, совершеннейший вздор! Между Учителем праведности и Йешу пролегает срок не менее чем в столетие. Я уже не говорю о том, что текстуально кумранские свитки буквально кричат о своем саддукейском происхождении, и уже по одному этому не могут являться ессейскими. В любом случае, отождествлять ессеев и христиан - верх безграмотности.

Пинхас был в тот вечер просто в ударе. Сарит слушала его, затаив дыхание, и даже не пыталась что-то вставить, затихла, как добродетельная мышка (чему я был особенно рад).

Пинхас рассказал бездну интересного. Например, об удивительной, можно сказать мистической, связи между укрытием кумранских свитков и их обнаружением.

- Бедуины, нашедшие в Кумране кувшины со свитками, предлагали их нескольким людям, но те не могли оценить их значения. Первым, кому это значение действительно открылось, был профессор Иерусалимского университета Сукеник. 25 ноября в его руки попал один свиток, а 29 ноября он приобрел еще три свитка и именно тогда все понял!.. Если не считать папируса Нэша с фрагментом отрывка «Шма Исраэль», который датировали первым веком до нашей эры, все прочие сохранившиеся тексты священного писания на иврите относились в лучшем случае к девятому веку. А тут вдруг свитки целых библейских книг в прекрасном состоянии! Первого и даже второго веков до нашей эры. Это было невероятно. Как будто бы века смыкались. Как будто бы прерванная история восстанавливалась… Но самое удивительное, что она действительно восстанавливалась. Это открытие было сделано Сукеником 29 ноября 1947 года. А ты знаешь, что это за день? - обратился Пинхас ко мне.

- Я не помню точную дату, но могу догадаться…

- Да, - торжествующе улыбнулся Пинхас. - В этот день Генеральная ассамблея ООН проголосовала за план разделения Палестины на независимые Еврейское и Арабское государства! Вы только вдумайтесь. Во времена Римской империи, в преддверии гибели еврейского государства, сотни свитков - в том числе специально принесенные из Иерусалима - были спрятаны в Кумранских пещерах. Они пролежали нетронутыми почти два тысячелетия и были обнаружены ровно в тот день, когда народы признали право евреев на восстановление своего государства!

- Но я припоминаю, что, кажется, в одной из пещер кто-то уже побывал и раньше. Она выглядела разграбленной, - неуверенно возразил я.

При этих словах Пинхас явно оживился и даже обрадовался.

- Но ведь и это разграбление, очень может быть, произошло не случайно! Знаешь ли ты, что эти рукописи, возможно, попали в руки караимов? Некоторые исследователи предполагают, что эта

община пошла в гору после того, как обрела какие-то кумранские рукописи и положила их в основу своего движения. Во-первых, иерусалимская община караимов стала использовать календарь кумранитов, о котором никому в ту пору вроде бы не было известно. Во-вторых, упоминания о том, что они объясняют свои идеи найденными в земле книгами, приводятся в ортодоксальных источниках. Наконец, один христианский епископ тех времен, то есть когда караимы как раз зарождались, писал в одном своем послании, что в районе Йерихона в пещере были обнаружены древние рукописи... В этом письме даже рассказаны обстоятельства этой находки, и они поразительно напоминают обстоятельства находки 1947 года: в одном случае в глубокую пещеру провалилась собака, во втором - забрела овца... Ты, наверное, знаешь, что в каирской генизе была обнаружена одна из важнейших книг кумранитов - «Дамасский документ»?

- Слышал.

- Так вот, это опять же серьезное подтверждение того, что в девятом веке в какой-то из кумранских пещер побывали гости и не просто ее разграбили, а как-то восприняли хранившиеся там тексты.

- Надо же! - вырвалось у меня.

Мне невольно припомнилась найденная Андреем рукопись, в которой говорилось о каких-то двух Иисусах, но я немедленно отогнал эту мысль. Даже не стал уточнять у Пинхаса, когда в районе Йерихона в последний раз что-то находили.

- Пропавшая и обретенная рукопись порождает целое религиозное движение! Это поразительно, Пинхас.

- Такое случается гораздо чаще, чем можно ожидать. Про книгу Торы - Второзаконие, я думаю, тебе рассказывать не надо. Про Зохар тоже. Но вот пример из философии: аналитика и топика Аристотеля, лежащие в основании так называемой «новой логики», стали известны европейцам от арабов. Не найдись эти книги, европейская философия и теология стали бы развиваться совсем иначе!

Да и относительно недавно произошло нечто схожее… В 1945 году, ровно в то самое время, когда Сартр опубликовал свою программную работу «Экзистенциализм - это гуманизм», в Египте в селении Наг-Хаммади была обнаружена целая библиотека гностических текстов! А, как известно, гностические прозрения резонируют с идеей «заброшенности человека в мир». Словом, рукописи эти удивительно пришлись ко времени. Они стали бестселлером далеко за пределами научного мира, и определенно влияли на состояние умов… Случайно обнаруженная рукопись может перевернуть мир… Знаешь ли ты, что кумранские рукописи, попавшие в руки Ватикана, - а это почти половина находок - не только не опубликованы, но даже полностью закрыты для ученых. Как ты думаешь, почему? По этой самой причине. Ватикан боится, что какой-нибудь древний свиток переиначит их религию.

- Я про Зохар слышал, что Моше де Леон сам эту книгу написал, а не нашел. Ты что об этом думаешь?

- Я думаю, что это не меняет сути дела. Мне кажется, что с обвинениями в фабрикации следует быть поосторожнее. Какой вообще источник может их избежать? Коран? Платоновские Диалоги? Библия, наконец? Магомет долгое время сам не доверял своим откровениям. Диоген Лаэртский приводит жалобу Сократа на то, что Платон сплошь и рядом приписывает ему слова, которых он не произносил. Ну, а критикой Библии вообще кормится целая армия профессоров.

- Ну извини меня, существует разница. Как можно сравнить Библию с той же книгой Мормона?

- Ты прав, выяснить время написания текста совсем не трудно, равно как и разобраться в вопросе его художественности. Я хотел сказать другое. Я хотел сказать, что судьбу рукописи, вообще книги, предопределяют духовные запросы людей. Если рукопись не найдется, то ее придумают. Ты слышал когда-нибудь о Доновaне Джонсе?

- Впервые слышу это имя.

- Это австралийский журналист, который лет пятнадцать назад опубликовал книгу, в которой утверждал, будто бы, подкупив каких-то археологов, работавших в крепости Масада, он получил от них копию свитка, написанного рукой самого Иисуса из Назарета.

Джонс утверждал, что в этом свитке Иисус представил себя вождем восстания против римлян и описал свой роман с Марией Магдалиной, не утаив, что прижил от нее ребенка. Общественная потребность в потомках Иисуса, по-видимому, наличествует. По следам той «сенсации» несколько лет назад был написан роман под названием «Святая кровь. Святой Грааль», в котором сообщалось, что от этого ребенка произошел царский род Меровингов, за отпрысками которого на протяжении веков охотился Ватикан. Однако этот род выжил благодаря опеке тамплиеров и тайного ордена «Отцов Сиона», который в разные периоды возглавляли Леонардо да Винчи, Виктор Гюго и Жан Кокто. Авторы этого романа - Байджент, Линкольн и Лей.

Я почти уверен, что это не последнее слово в развитии этого на наших глазах сфабрикованного мифа. Как бы это дико ни звучало, но между находкой рукописи и ее выдумкой разница иногда бывает трудно уловима.

* * *

«Случайно обнаруженная рукопись может перевернуть мир...» - вспомнил я слова Пинхаса, когда мы вышли.

Что? - переспросила Сарит. Она шла рядом и против обыкновения как-то мечтательно молчала.

Да так, ничего, - я понял, что произнес эти слова вслух. И снова погрузился в раздумья.

- Какой яркий человек! - прервала мои мысли Сарит. - С ним как будто отрываешься от земли. Чувствуешь, что мир полон тайн и загадок.

- Я сам давно им восхищаюсь.

- Жалко, что Андрей не смог прийти...

Я проводил Сарит до ее автобуса.

- Не забывай. Звони, - улыбнулась мне Сарит при прощании.
- Конечно, - ответил я. - Обязательно позвоню.

1990

Но я так и не позвонил — закрутился. Перед армией разгребал накопившиеся дела, а до последнего дня ещё и продолжал учиться в йешиве…

Призывался я через два дня после Пурима — так что праздник сам собой обернулся моими проводами. После всех обычных для этой ночи в йешивах безумств мы с друзьями разрисовали лица и отправились в центр Иерусалима, где веселье продолжалось до утра.

Улицы были запружены ряжеными — толпились вокруг фокусников и жонглёров, веселились кто во что горазд.

В какой-то момент я заметил двух тщедушных подростков, что довольно развязно приставали к группе парней. Один — рыжий, лохматый, в джинсах и короткой куртке, из-под которой выбивалась рубаха, — что-то вызывающе выкрикивал обступившим его молодым людям; другой, явно выходец с Востока, строил им рожи. Цицит на них не было, но на головах красовались огромные вязаные кипы.

Не будь это ночь Пурима, когда пьяный подросток в центре израильской столицы — самое обычное дело, я бы решил, что эти молокососы напрашиваются на неприятности.

- Хорошо, дурачье, слушайте: бутылка пива тому, кто скажет, в кого я сегодня нарядился! - кричал рыжий.

Он извлек из кармана бутылку «Голда» и стал ею размахивать.

- В религиозного фанатика, что ли? - с усмешкой спросил один из парней.

- Чушь… - расхохотался подросток и вдруг, заметив меня, страшно оживился.

- Вот он точно скажет, в кого я сегодня нарядился. Ведь он гуру, - закричал он, тыча пальцем в нацепленный на мою голову индусский тюрбан.

- Если ты не атеист, переодевшийся в религиозного фанатика, то, значит, ты религиозный фанатик, переодевшийся в атеиста.

- Это еще почему?

- Потому что на тебе кипа, но нет цицит. Ты либо забыл что-то надеть, либо забыл что-то снять.

- Ты разочаровал меня, гуру, но стакан пива я тебе все же налью.

- В честь чего это такая щедрость?

- В честь старой дружбы…

Я вгляделся. Лицо паренька вдруг показалось мне очень знакомым. А он хохотал, явно наслаждаясь моим замешательством.

Немая сцена длилась недолго. Паренёк поднял руку, дёрнул себя за волосы — и в следующий миг передо мной стояла Сарит: копна роскошных чёрных волос, рыжий парик в руке! Стоявшие вокруг парни покатились со смеху.

- Знакомься, Ури, это Хана, моя подруга из Тверии! - и восточного вида подросток ослепительно улыбнулся.

- А это, Хана, тот самый Ури с тремпиады. Ну что, Ури, пойдем с нами?

- Да не могу, я тут с друзьями.

- Жаль! Тогда мы пошли, - и они побежали, хохоча, дальше, на поиски новых жертв.

- А как же пиво? - крикнул я им вслед, но они были уже далеко — а рассказать Сарит, что послезавтра ухожу в армию, я так и не успел…

* * *

Первые месяцы армейской службы дались нелегко. Домой я возвращался по субботам дважды в месяц — еле живой от усталости, и лишь постепенно приходил в себя. В первый раз меня отпустили на несколько дней только на Шавуот.

Окончив курс молодого бойца, я приступил к службе. Поначалу меня направили в Самарию, где в основном приходилось заниматься отловом арабских подростков, забрасывающих камнями израильские автомобили, или разгонять толпы беснующихся арабов в самих палестинских городах.

Дети невольно вызывали жалость, но жертвы их «шалостей» были самые настоящие, и подавлять эти сантименты мне в общем-то удавалось — чего нельзя было сказать о моём боевом товарище Рувене. Он во всём винил поселенцев и считал, что арабские дети реагируют на «оккупацию» совершенно адекватно.

- Аморально владеть другим народом, - повторял Рувен по каждому случаю. - Мы должны поделить эту землю с палестинцами.

- Если бы сами палестинцы этого хотели, тогда ещё можно было бы о чём-то говорить, - отвечал я. - Автономию им, во всяком случае, предоставить можно. Но беда в том, что они не собираются делить с нами землю — они собираются забрать всё. И открыто об этом говорят.

- Это они пока так говорят.

- Вот когда они закончат так говорить - тогда и делись. А пока кончай свое нытье.

Мы оба - каждый по своей причине - рвались в Ливан, где шла настоящая война с Хизбаллой, и в конце концов сумели добиться этого перевода.

Между тем, пока мы ещё служили в Самарии, произошла история, имеющая прямое отношение к тому, о чём тут рассказывается.

1991

В самом начале 1991 года, за несколько дней до начала войны в Персидском заливе, с утра по радио сообщили о теракте. Возле самого сектора Газа террорист угнал автобус и, мчась по шоссе, совершил три столкновения с легковыми машинами израильтян. Были жертвы. Террорист был застрелен солдатом-резервистом.

Мне невольно вспомнилось происшествие на перекрестке Адам.

- Наверно, тот араб в красном «Мерседесе» и в самом деле возвратился не ради кого-то из нас, а ради всех, - подумал я. - Просто решил не упускать такую отличную возможность задавить евреев, и развернулся…

В тот день мы, как обычно, патрулировали улицы Рамаллы. В какой-то момент нас вызвали по рации в центр города, где арабы забрасывали камнями израильские машины.

- Кому это надо?! - ворчал Рувен. - Стекла у всех поселенческих машин защищенные. Никакого вреда от этих камней нет.

- Никакого?! - возмутился я. - Это от маленьких камней может быть никакого, а от больших очень даже большой. Да и кроме того, это ведь они только начинают с камней, а кончают бутылками с зажигательной смесью… Ты что забыл, как в этом месте горела машины с поселенцами…

Рувен неприязненно поморщился.

Мы увидели группу камнеметателей издали. Водитель подал джип назад и выехал переулками им в спину. Завидев нас, арабы бросились врассыпную, но одного мы все же догнали и повезли в полицию, располагавшуюся поблизости.

Задержанному нами пареньку было на вид лет четырнадцать, он был слегка испуган: твердил, что никаких камней не кидал и подобострастно улыбался.

- Надо же, какие вы дружелюбные делаетесь, когда никому навредить не можете… - усмехнулся я.

Пока Рувен и еще один солдат провели задержанного подростка внутрь, я оставался в джипе. Слушал новости. Одной из погибших в сегодняшнем теракте была двадцатилетняя девушка: ехала что-то купить на бар-мицву своего племянника…

Во время метеосводки дверь полицейского участка открылась и из нее вывели еще одного араба в наручниках. Когда он поравнялся со мной, я узнал в арестованном… Халеда.

Я немедленно выскочил наружу.

- Секунду! - крикнул я, обращаясь к конвоиру. - Мне нужно его кое о чем расспросить…

Я смотрел на Халеда. Он выглядел растерянным и уставшим.

- Вы что, знакомы? - хмуро спросил полицейский.

- Да.

- Спрашивай, но побыстрей.

- Почему ты здесь, Халед? Что случилось?

- Ури, это ошибка. Меня отпустят. Вот увидишь.

Вдруг я припомнил, что не так давно видел в толпе арабов, блокировавших улицу, лицо, напоминавшее Халеда. Мы вели наблюдение из квартиры одного высотного здания, и я достаточно ясно рассмотрел его в бинокль. Тогда я подумал, что это просто сходство, но теперь заколебался.

- Скажи-ка лучше вот что, - сказал я. - Я мог видеть тебя на перекрестке Айош месяц назад во время беспорядков?

- Мог, - несколько смутившись, признался Халед.

- И что ты там делал?

- Ури, о чем ты спрашиваешь, я же живу в Рамалле…

Я с сомнением покачал головой.

После того как Халеда увели, я немедленно вошел в участок и стал наводить справки.

- За что был задержан Халед? - спросил я у дежурного. - Ну этот араб, которого только что вывели?

- Откуда мне знать. Его привезли из тюрьмы Офер для допроса….

- Кто его следователь?

- Зачем тебе?

- Я знаком с этим арабом, хочу знать, что произошло.

Дежурный куда-то позвонил, на пять минут вышел, потом снова позвонил и, наконец, дал телефон, по которому мне ответили, что понятия ни о чем не имеют.

Если б я знал хотя бы его фамилию, мог бы официально навести справки, но этой «мелочью» я в свое время не поинтересовался и теперь ничего не смог выяснить.

* * *

Через неделю после этой встречи началась война в Персидском заливе, отозвавшаяся множественными ракетными обстрелами Израиля, а еще через месяц, вскоре после окончания этой войны, меня, наконец, отправили в Ливан.

Я очень радовался этому переводу. И дело было не только в том, что в Ливане мы противостояли не подросткам с камнями, а хорошо вооруженному и обученному противнику. Не меньше радовало и то, что здесь мы были не одиноки, что местные жители — христиане-марониты — были нашими союзниками и бок о бок сражались с нами.

Не обошлось без семейной драмы. Я надеялся, что перевод этот вообще удастся утаить от родителей, но брат Давид, которому я похвастался, что отправляюсь на «настоящую войну», проболтался.

Родители вызвали меня к себе в комнату и взволнованно стали перечислять все преимущества службы в Самарии, напирая на близость к дому и важность миссии.

- Уверяю тебя, в Рамалле достаточно опасно… - нервно теребя руки, выдавила, наконец, из себя мама. - И с ножами на вас бросаются, и бутылки Молотова в вас кидают…

Я обнял маму.

- Мамочка! Все будет хорошо… Везде одинаково опасно… Да и вопрос этот уже решен.

- Что ж, Юрочка, мы знали, куда ехали…

- Вот именно! - обрадовался папа. - Мы знали, куда ехали.. Пусть себе служит, где хочет…

Через три месяца неожиданно позвонил Халед. Мы встретились во время моего отпуска в Иерусалиме, там же, где и в первый раз - на площади Цион.

Халед держался бодро и как-то сразу смог убедить меня, что был арестован по ошибке. Лучшим доказательством тому служила его свобода и школьный микроавтобус, на котором Халед беспрепятственно разъезжал и даже подбросил меня до дома.

- Слушай, - сказал я на прощание, - а ты не скажешь мне свою фамилию? Может, я когда и помочь смогу, справки навести, передачку принести…

- Эль-Масри моя фамилия. Халед Эль-Масри.

* * *

Осенью приехал Андрей. На этот раз он был полон решимости отыскать свою рукопись и настоятельно звал меня к его поиску присоединиться.

Но я как раз перед его приездом побывал в недельном увольнении. К тому же мне все больше казалось, что «древняя рукопись» - плод воображения Андрея, и ради турпохода по Иудейской пустыне я не собирался отпрашиваться у командования, симулировать болезнь или выдумывать легенды.

Я увиделся с ним лишь один раз у Фридманов - заскочил в пятницу по дороге домой.

Несмотря на ежедневные упорные поиски, рукописи он, конечно, не нашел, и я, желая только утешить его, намекнул на свою версию - дескать, мог и ошибиться - не расстраивайся. Но Андрей и слышать не хотел о том, что его драгоценная рукопись ему почудилась.

Фридманы не отпускали меня - считали своей обязанностью накормить голодного солдата. За столом Андрей рассказывал о событиях в Москве, о ГКЧП и неудавшемся перевороте.

- Вам, Андрей, считайте, повезло, - говорил Зеэв, - вы оказались участником исторического события. Как говорится, «Блажен, кто посетил сей мир…».

- Да, впечатление незабываемое. Миллионная масса народа - в едином протесте… Да и символика удивительная: советские войска оккупируют Российскую столицу, словно столицу Чехословакии… и на ваших глазах превращаются в армию Российскую!

- Чуть не забыл! - воскликнул Андрей, когда я наконец собрался уходить. - Я, представляешь, где-то полгода назад отнес в стирку пиджак и не заметил, что в кармане была записная книжка. Все номера пропали.

- Ты мне уже рассказывал. Забыл? Когда я тебе два месяца назад звонил, ты мой телефон заново записал. А если бы не тот мой звонок, ты б меня вообще потерял?

- Вот, вот. А теперь мне нужен номер Сарит.

- Хорошо. Поищу. Он дома где-то.

Но дома Саритиного телефона я не обнаружил. Он был записан на том самом розовом листочке, который Сарит дала мне в больнице, но он исчез…

- Вот и пообещал звонить… - с досадой пробормотал я, вспоминая наставление Гемары о том, что к слову, данному женщине, следует относиться более педантично, нежели к слову, данному мужчине.

Пришлось звонить Фридманам.

- Ну как же так?! - расстроился Андрей, - поищи получше.

- Я хорошо искал. Скорее всего, это мама выбросила.

- Неужели ты не знаешь, как ее разыскать? Не знаешь, где она живет, где училась?

- Не знаю. Она говорила, но я с этими светскими школами не знаком, название напрочь вылетело из головы.

- И не можешь вспомнить? - не сдавался Андрей.

- И под гипнозом не вспомню… Увы. К тому же она, скорее всего, сейчас в армии.

- Действительно! Как я не подумал… - Андрей почти сразу успокоился. - Что ж, подождем.

Оставшиеся до отъезда дни Андрей целиком потратил на продолжение своих безнадежных блужданий по пещерам в районе Йерихона. При нашем прощальном телефонном разговоре я еще раз попытался охладить его поисковый пыл другими доводами:

- Если в тот момент, когда ты нашел рукопись, тебя видели бедуины… уверяю тебя, они в той пещере побывали и все ценное давно забрали. Не забывай, что кто-то попытался тебя на другой день убить…

- Зачем же меня было убивать, если они уже забрали рукопись?

- Мало ли зачем? Да хоть чтобы избежать проблем со стороны полиции. Это ведь уголовное дело, укрывать археологические находки.

- Может, ты и прав, - задумался Андрей. - Находка моя вполне могла оказаться очень ценной. Впрочем, я все равно того места не нашел… Да и с треугольником нисколько не продвинулся.

- С каким еще треугольником? - не понял я.

- С равносторонним треугольником, - пояснил мой друг. - Я исследую, как этот треугольник проявляется на местности. Ведь это исключительный, в своем роде божественный треугольник.

- Что же в нем такого исключительного?

- Ну как что? В первую очередь этот треугольник символ Божества - то есть символ Всевидящего ока, а также и символ Троицы. Кроме того, он символизирует человека. Тот треугольник, который смотрит вершиной вверх - символизирует мужчину, а другой, угол которого направлен вниз - женщину.

Гармонию полов обозначают соприкосновением верхнего и нижнего углов, наподобие песочных часов. Но на мой взгляд, в еще большей мере символика эта проявляется в щите Давида, где эти

треугольники наложены как два равных партнёра. То есть щит Давида - это символ цельного человека, представленного супружеской парой.

- Любопытно, - признался я, - Никогда такой интерпретации не слышал… Вспоминаю, впрочем, что ты еще в первый свой приезд о каком-то треугольники говорил.

- Про треугольник Кумраны, Каср Аль-Яуд и Сент-Джорж?

- Да, про него. Места, признаюсь, для меня знакомые. Вокруг Мицпе-Йерихо мы с другом в свое время много гор исходили. Но я не думаю, что Сент-Джордж имеет какое-то отношение к древним пророкам. Имеются какие-то другие находки?

- Имеются. Например: Иерусалим, Шхем и Тель-Авив.

- Довольно бессмысленный узор, мне кажется.

- Почему же? Три столицы Святой Земли: Иерусалим - столица Иудейского царства, Шхем - Самарийского, а Тель-Авив - сионистского.

- Действительно.

- Но самый интересный треугольник, который я до сих пор в Израиле усмотрел - это Хеврон, гора Сеир и пустыня Паран. Хеврон - это столица Иудеи, гора Сеир - Эдома, а пустыня Паран - вотчина Ишмаэля, то есть это треугольник трех религий. Так Божественное око взирало на Святую Землю.

- А вот это интересно, - признался я, - я проверю.

Так мы и распрощались. Я к рукописи был уже совсем равнодушен. Да и Андрея почти убедил - по крайней мере, озадачил…

Я и представить себе не мог, как серьезно я тогда ошибался.

1993

Я демобилизовался в марте 1993 года. За время моей службы в Израиле сменилась власть. На выборах летом 1992 года победил Ицхак Рабин.

Долгие пятнадцать лет левые были отлучены от власти, и первым делом Рабин пожелал провести ревизию проводившейся за это время поселенческой политики. Уже не только в газетах и на телевидении, а с высоких правительственных и парламентских трибун началось каждодневное шельмование тех, кто заселял и осваивал территории Иудеи и Самарии, освобожденные Израилем в 1967 году.

В ту пору я совершенно не опасался Рабина. Все его заявления о Голанах и о «территориях» я воспринимал лишь как желание задеть и оскорбить своих политических оппонентов. Я не думал, что он сможет реально что-то разрушить. Арабы, как всегда, не позволят ему этого сделать, не раздумывая оттолкнут протянутую руку… Так я думал тогда.

* * *

Демобилизовавшись, израильские солдаты обыкновенно разлетаются по всему свету: на пару месяцев, на полгода или даже на год отправляются в Латинскую Америку, в Европу, Индию или Африку. Несколько раз мне предлагали ехать вместе, но у меня в то время были иные приоритеты. Мне надо было в Москву.

Долгие годы я жил безо всякой надежды побывать в родном дворе. Когда же такая возможность представилась, я сперва учился в йешиве, а потом ушел в армию. Теперь время, наконец, пришло: в конце апреля я вылетел в Россию.

* * *

Узнав о моем приезде, школьные друзья организовали встречу в чьей-то большой квартире на Ленинском проспекте. Пришло больше половины класса. Было странно видеть столько лиц из своего детства внезапно повзрослевшими.

Дяди и тети, которые когда-то были моими невинными советскими одноклассниками, очень много пили, очень громко смеялись, говорили сальности. И с каким-то ожесточением вели самые скучные разговоры - когда они заканчивались, наступала минутная глухая тишина, в течение которой все ерзали, потом кто-то рассказывал анекдот, и тогда скучные разговоры шли по второму кругу. Я даже не в состоянии точно назвать тему, вокруг которой все время крутилась наша беседа. Если отступали от общих детских воспоминаний, то либо в сторону половой, либо в сторону экономической жизни. Сергей Егоров выглядел единственным, которому было интересно что-то кроме этого.

Он был одним из моих ближайших детских друзей. Мы лепили из пластилина армии и города и устраивали грандиозные сражения с использованием катапульт. Снаряды - шарики, обильно начиненные головками от спичек, - горели, безжалостно расплавляя пластилиновых бойцов противника и оставляя после себя ужасную вонь. На вонь сбегались родители, и нам здорово влетало.

Теперь же оказалось, что Сергей проявлял живой интерес к религии. Он сказал, что принадлежит к православной церкви, но в то же время взглядов придерживается самых широких. Интересовался он и жизнью в Израиле. В какой-то момент он вытащил меня на лестничную клетку покурить.

- Ну, как там ваши оккупированные территории? Говорят, что заселение проходит успешно?

- Если бы так, - горестно заметил я, поморщившись от слова «оккупированные» (за этим словом хорошо слышалась антиизраильская пропаганда, мы называли территории «освобожденными» или «контролируемыми»). - Приехали чуть ли не миллион человек, а расселились все на той же прибрежной полоске.

- А как же американские санкции? Они же наложены как раз из-за заселения территорий!..

- В этом-то и весь бред. Никто территорий репатриантами не заселял, ничего для них там никто не строил. В общем порядке кто пожелает, поселиться может, но проектов по заселению не существует…

И дальше я выплеснул все, что было на сердце. Что мол лучше бы Америка числилась в открытых врагах Израиля, чем в таких «друзьях», которые только подножки ставят.

- Да ладно! Брось! Вы селитесь на оккупированных территориях совершенно незаконно. И чего же вы при этом хотите? Чтобы вас на руках качали? Здесь закономерно все. И не только США - все вас за это осуждают.

- Мы селимся в Иудее и Самарии совершенно законно. Во-первых, по мандату Библии, а во-вторых, по Британскому мандату.

- Вспомнил про Британский мандат! Какое он к вам имеет отношение?

- Имеет некоторое. По завершению этого мандата должно было быть образовано два государства - еврейское и палестинское. Арабские страны отказались признавать это решение ООН, напали на Израиль, однако не смогли его уничтожить и согласились на прекращение огня. Предназначенными под Палестинское государство территориями - Иудеей и Самарией, тем временем, овладела Иордания. Причем, заметь, никто никогда от нее не требовал прекратить оккупацию и предоставить независимость Палестине. В 1967 году Израиль занял Иудею и Самарию, но третья страна, которая занимает оккупированную территорию, во-первых, сама не считается оккупантом, а во-вторых, автоматически получает мандат предшествующего правления, в нашем случае Британского. Вот и выходит, что Израиль фактически уполномочен на присутствие в Иудее и Самарии мандатом, выданным Лигой Наций Великобритании.

- Да сколько лет этому мандату? Он давно уже всякую силу потерял!

- К твоему сведению, ООН не отменила решение Лиги Наций. Евреи имеют законное право селиться на территории Иудеи и Самарии, согласно 6-му и 7-му параграфам. А тот, кто этому препятствует, нарушает действующий международный закон.

- Чего же тогда никто этот закон не отменяет?! -

- Это значило бы пересмотреть весь Устав ООН. Кто станет из каких-то там евреев ящик Пандоры открывать? Проще соврать.

- Ловко сплел. Но если это и впрямь так, то почему все вас оккупантами почитают? - недоверчиво пробурчал Сергей.

- Тут все по Геббельсу: чем наглее вранье, тем охотнее в него верят.

В этот момент шумная компания затащила нас обратно за стол.

Выбравшись, наконец, на улицу, мы зашли в какой-то сквер и проболтали часа полтора, сидя на скамейке.

Сергей стал расспрашивать меня об иудаизме, какие в нем существуют направления и к какому из них я себя отношу? Я рассказал ему о «вязаных кипах», о религиозном сионизме, о раве Аврааме Ицхаке Куке, бывшем первым главным раввином Израиля еще в подмандатной Палестине, рассказал, что он считал светский сионизм частью процесса Избавления, а светская культура, по его учению, содержит в себе искры Божественного света.

Однако, уяснив, что при всей своей открытости религиозные сионисты не отказались ни от одного «еврейского обряда», Сергей впал в некоторое раздражение.

- Не могу поверить, что кто-то в наше время, - эти слова он произнес с особым ударением на слове «наше», - может всерьез относиться к ветхозаветным заповедям: не есть свинину и воображать, что этим он становится ближе к Богу!.. Ты хоть Новый завет-то читал? - покосился он на меня.

Нельзя сказать, что многие йешиботники могут похвастаться близким знакомством с христианскими источниками. Но в библиотеке моих родителей русская Библия присутствовала, и в свое время я действительно заглянул в «Новый завет».

- Читал, - честно ответил я.

- Ну и как впечатление?

- С некоторыми оговорками, положительное. Но только все, что там выдается за «новое», на самом деле хорошо забытое старое. Практически все поучения, приведенные в Евангелиях, попадались мне в наших источниках.

- И заповедь подставлять вторую щеку?

- В книге Плач Иеремии сказано: «подставь бьющему щеку». Посмотри там в третьей главе… По-моему, в Евангелии просто собран и отражен тот моральный план, который общий и для иудеев, и для народов. Для христиан, точнее.

- А зачем какой-то другой план нужен, кроме этого общего, морального, очевидного для всех нормальных людей?

- Народам он, наверное, действительно не нужен. Тора дана только евреям, как народу - священнику.

- Господи ты Боже мой! Какой-то ты отсталый стал! Тора - это временный ограниченный закон, который Иисус Христос демонстративно нарушал.

- Не знаю, откуда ты это взял. Евангелия, во всяком случае, ни о каких нарушениях не сообщают… Почитай Флуссера.

- Ну как же не сообщают? Иисус исцелял в субботу, не омывал рук…

- Исцелять в субботу вовсе не запрещено! А обычай омовения рук перед будничной трапезой в качестве закона утвердился уже после разрушения Храма, то есть после 70 года новой эры. Да и как ищущий Бога еврей может не соблюдать Тору? Это же нонсенс.

Сергей молчал, как будто обдумывая мои слова. Я решил, что он услышал меня, и, вдохновленный этим, стал говорить то, что не доверил бы первому встречному:

- В Торе скрыта тайна Всевышнего, Тора - это Божественная инженерия. Знал бы ты, с какой ревностью евреи постигают эту премудрость! В йешивах учатся по четырнадцать - шестнадцать часов в сутки, а ведь Гемара, если ее учить, как положено, со всеми комментариями - сложнее любой светской науки. Сам я, во всяком случае, ни с чем более сложным не сталкивался.

- Божественная инженерия, говоришь? - повторил за мной Сергей. Выражение это ему явно понравилось, но по какой-то странной ассоциации направило ход его мысли в совершенно другую сторону. Сергей начал рассказывать мне о карме и астральных телах.

Пора было уходить, но Сергей потащил меня в общежитие к своим друзьям, которых описал как университетскую группу ведущих интеллектуалов, опережающих свое время.

Интеллектуалы оказались в сборе. В комнате, куда мы вошли, находилось человек десять, было страшно накурено, причем женщины курили, а мужчины терпели. Все бурно о чем-то спорили и нашего прихода не заметили, лишь двое вяло кивнули головами Сергею. Мы молча присели на кровать. Я прислушался, удивляясь тому, что совершенно перестал понимать русскую речь.

Сначала низкорослый небритый парень громко вещал про какую-то двенадцатую планету, с которой рептилоиды курируют нашу грешную землю. При этом оказалось, что первый десант рептилоидов был высажен в древней Месопотамии, откуда по всей земле пошла потом «примордиальная традиция».

После этого, словно эхо, в течение нескольких минут со всех сторон доносилось «примордиальная традиция», «примордиальная традиция»...

В какой-то момент кудрявый молодой человек вытащил журнал, в котором печаталась книга «Царь мира» некоего Рене Генона, и стал делиться впечатлениями.

- Понятие «Царь мира» - это одно из самых «примордиальных» понятий, которое присутствует во всех древних религиях и культурах. К этому Царю восходят все традиции, причем в нем всегда отмечаются два аспекта - священнический и собственно царский; священнический аспект ассоциируется с мостом, высшим выражением которого служит радуга. Связь с центром осуществляется посредством глубинных пещер…, - излагал молодой человек.

Многое в его докладе показалось мне интересным, однако вскоре я полностью потерял нить.

- Первозданная традиция - это структура, - заговорила сидевшая у окна миловидная блондинка с короткой стрижкой, когда кудрявый прервался для того, чтобы подтвердить свою мысль цитатой. - Во всех мифах повторяется одна и та же структура - она и является основой. Вот, например, Штайнер обращает внимание, что и Кришну, и Моисея, и Иисуса Христа властители стремились убить еще при их рождении. Это именно структура, которая сопровождает явления в этот мир Великих посвященных. И еще я вам скажу, что Пятое Евангелие Штайнера - это в собственном смысле слова примордиальное Евангелие…

Все разом переключились на Рудольфа Штайнера. Стали обсуждать какую-то его теорию…

- Иисус Христос - это следующая инкарнация Заратустры, - убежденно заверил парень в совершенно темных солнечных очках.

В ответ заговорили сразу несколько человек. Я вслушивался, но по-прежнему не очень понимал, о чем речь.

- Иисус - аватара Вишны. Вы читали о жизни Иисуса в Индии? Есть книга, в которой очень интересно говорится об общей этимологии слов «христос» и «кришна», - вставил мой сосед по дивану.

- Заратустра прошел множество других инкарнаций, прежде чем воплотился в Христа, - подтвердили с дивана напротив. - Все дело в том, что Иисус представлен не только древней душой Заратустры, но и свежей небесной душой… Иисусов двое…

Я бросил красноречивый взгляд на Сергея и кивнул головой на дверь. Сергей подмигнул мне и направился к выходу. Прикрыв дверь, я прошептал:

- Какие еще Вишны и Заратустры, Сергей? Этот Генон, не спорю, интересные вещи говорит, но какие еще два Иисуса? Куда ты меня привел? Какая-то квартира заговорщиков!..

- Извини, дорогой, - перебил меня Сергей, - но это все серьезные люди, занятые поиском истины! Истины, понимаешь! А не замшелой традиции. Это студенты лучшего в стране университета. А закрываться в какую-то одну религию как в скорлупу, - это признак легкомыслия и даже, извини, скудоумия.

Я тут же попрощался с Сергеем, сославшись на срочные дела, но расстались мы вполне дружелюбно.

* * *

На следующий день я был в гостях у Андрея. Он как-то возмужал, держался бодро. Во всяком случае я не видел в его взгляде той растерянности и тоски, которые подмечал иногда в Израиле.

Жил Андрей в Сокольниках в однокомнатной квартире добротного многоэтажного дома, по всей видимости, сталинских времен, с большим внутренним двором. Располагался дом у самого парка, недалеко от центрального входа.

Обустроился Андрей со вкусом: мебель была хоть и не антикварная, но старая, с историей, такую хотелось разглядывать - комоду, письменному столу, буфету и стульям на вид было лет по сто. По периметру комната была обставлена книжными шкафами и стеллажами, причем один стеллаж комнату перегораживал, деля ее на «приемную» и «кабинет», как возвышенно именовал два образовавшихся помещения Андрей.

Книги на этих стеллажах были самые разные: по философии, математике, биологии, но особенно много по истории. Художественная литература тоже присутствовала, но большинства не составляла. Имелись и какие-то старинные на вид книги, некоторые

на английском и французском языках, но большей частью церковные требники, которые, как выяснилось, Андрей собрал еще школьником, путешествуя по северным деревням.

Мы уселись на кухне пить чай.

- Ну, как тебе Москва?

- Трудно судить объективно. Москва - город моего детства…

- Уверяю тебя, москвичи мало изменились. Квартирный вопрос по-прежнему занимает их в первую очередь.

- Ну, а как ты? Кончил институт? Работаешь?

- Да… Я исследовательской деятельностью занимаюсь.

- Чем конкретно, если не секрет?

- Конкретно всем. Всем, что интересно. Но об этом потом. Ты рассказывай.

И я заговорил о своей службе, о минах, о замках крестоносцев, служащих укреплениями для нашей армии в Южном Ливане, о ситуации в Израиле, наконец, о последней встрече с Халедом.

- Ну, а как Сарит? Ты ее так и не разыскал?

- Как же я ее найду!..

- Как жалко! Неужели нет никакой возможности?

- В общем-то, нет. Но ты не бойся, Израиль - страна маленькая. У нас невозможно рано или поздно не столкнуться на улице.

Пока Андрей жарил картошку, я рассматривал его книги и на многих обнаружил экслибрис: «Андрей Безродин».

- Без каких таких родин? - удивился я, а вслух спросил: - Это что, фамилия твоя - Безродин?

- Она же и псевдоним.

- Какой еще псевдоним?

- Это моя настоящая фамилия, но если бы я родился каким-нибудь Ивановым или Романовым, я взял бы себе псевдоним Безродный. Но я родился Безродиным, а от добра добра не ищут.

- Чего ж тут «доброго»? На самом роду нести клеймо безродности.

- А мне нравится. Безродин или Безродный - это значит критически относящийся к истокам, готовый всегда начинать все сначала. Словом, как Адам… У него ведь не было рода.

- Верно, - оживился я. - Но не фамилия все же красит человека, а наоборот… Тот же Пушкин, скажем. Не Бог весть как звучит, какой-то Кошкин-Мышкин, Пистолеткин-Пулеметкин, но это не помешало ему занять исключительное место в русской литературе.

- Не скажи, иногда фамилия ведет диалог с судьбой человека. Например, Пугачев - он всех в России до смерти перепугал. Распутин был распутный и сбил Россию с пути, Козловский пел козлиным голосом, Похлебкин написал замечательные книги по кулинарии… А Плисецкая? А, Малевич? А Лобачевский? А Скрябин? Да вот и Солженицын, кстати…

Андрей прервался и посмотрел на меня.

- Что еще Солженицын?

- Солженицын, говорю, эту особенность в «Архипелаге ГУЛАГе» отмечает. Он там пишет, что чекистов как будто по фамилиям на работу брали, и приводит немало имен. Помню следователя Скорохватова… Так вот я - Безродин, то есть потомственный экзистенциалист и самобытный мыслитель!

- Хорошо, ну а кто тогда выходит Ломоносов? Чемпион по боксу? Или Грибоедов?

Андрей начал что-то плести про дом Грибоедова и про то, как там славно кормились советские литераторы.

- А ведь и я, кстати, тоже собственную фамилию в псевдоним превратил! - сообразил я вдруг. - Из Черного сделался Шахар. В Израиле я зовусь Ури Шахар…

- Шахар - это вроде черный?

- Черный - это шахор, если быть точным. Но корень «шхр» на иврите означает не только черноту, но и зарю - да, в первую очередь зарю.

* * *

Когда мы сели за стол, я приметил странную металлическую коробку с еще более странным содержимым. Что это была за необычная коллекция! Здесь лежали монеты. Но по какому принципу их отбирал нумизмат - угадать было невозможно. Здесь были старинные и, по всей видимости, весьма ценные монеты, давно вышедшие из употребления, среди которых выделялся внушительный медный пятак 18 века, а рядом с ним нагло лежала простонародная современная копейка, шиллинг соседствовал с российским четвертаком. Чего там только не было! Объединенные странной причудой коллекционера-демократа, благородные скудо терлись об обычную медь… Увидел я там и израильские монеты.

- Что это? - удивился я.

- О! - с достоинством ответил Андрей, - это очень необычная коллекция! Угадай, по какому принципу здесь собраны деньги!

- Без принципа! - заверил я Андрея.

- А вот и нет! - торжествующе сказал Андрей, - ответ неверный! Коллекционные монеты у меня в другом месте хранятся… А это - монеты памятные! Вон тут твои пять шекелей лежат, видишь? И старый шекель Сарит. Я у всех своих друзей прошу на память монету. Не важно какая, слежу только за тем, чтобы они не повторялись. Люблю вечерами перебирать эти денежки как скупой рыцарь.

- И сколько у тебя набралось?

- Пятьдесят восемь. Пятьдесят восемь друзей. Благодаря этой коллекции я всегда знаю число людей, запавших мне в душу, начиная ближайшими родственникам и кончая случайными знакомыми. И знаешь, откуда я взял эту идею?

- Неужто из Библии?

- Угадал, книга Исход, глава 30, там Бог подсчитывает численность еврейского народа посредством монет. Как Бог знал всех своих, так и я знаю всех своих. Но если задуматься, то ведь это в природе монеты заложено - представлять человека.

- В природе монеты? В ее природе, по-моему, прямо противоположное заложено! Деньги деформируют людские отношения. Кстати, сам подсчет с помощью полушекелей, жертвовавшихся на храм, производился по причине того, что монеты любят счет, а людей нельзя считать. Монета - это скорее символ обезличивания, чем личности.

- В первом приближении это так. Но тем почетней во втором приближении усмотреть в монете человеческие черты. Посуди сам. Монета всегда несет на себе герб, инициалы или профиль царя, то есть знаменует собой первичное человеческое свойство - суверенность. Кроме того, она носитель и образ универсальной ценности, то есть так же, как и человек, монета - это мера всех вещей. Ну и, наконец, монета - это самый широко распространенный малогабаритный круглый предмет, но круг - это символ бесконечности, а значит, и человека.

* * *

Таким примерно образом мы проболтали допоздна, и как-то само собой получилось, что я остался на ночь, а потом и вовсе переехал к Андрею (от малознакомой мне папиной кузины).

Через несколько дней я обнаружил, что Андрей вовсе не такой уж ревностный баптист, каким представлялся мне в Израиле. За эти дни к нему заглянули несколько человек: еврейского вида философ Гриша, которого Андрей представил как «блестящего специалиста по Плотину»; назвавшийся «буддистом» хипповатый Глеб с огненно-рыжей подругой и, наконец, два соседа лет сорока: тренер по кик-боксингу Боб и профессор биохимии Тихон. Но ни одного евангелиста среди его гостей не оказалось. Как я понял, Андрей действительно бывал иногда в молитвенном доме баптистов, но особо близких отношений у него там ни с кем не сложилось.

Еще раньше я понял, что Андрей вовсе не такой уж преуспевающий научный сотрудник. Я расспросил его подробней и узнал, что институт он бросил сразу после поездки в Израиль (от армии ему удалось избавиться благодаря астме, которой он болел в детстве).

Оказалось, что все, что он исследует, делается вовсе не в рамках институтского проекта, а исключительно «по свободному зову сердца».

Работал Андрей в охране. Пару раз в неделю, а то и реже, он стерег здесь же в лесопарке какой-то санаторий. Но основная статья его дохода состояла в дивидендах с какой-то роскошной квартиры в центре Москвы, оставшейся после бабушки. Доходы делились между Андреем и его братом. Андрей утверждал, что этих средств ему на жизнь хватает.

- Ну а что ж ты все-таки исследуешь? - спросил я его как-то раз.

Андрей подвел меня к полке, целиком заставленной папками, каждая из которых, по его словам, представляла собой отдельный исследовательский проект. Я слегка испугался, но вида не подал и наугад вытянул одно «досье».

«Звездное небо как осмысленный текст», - прочитал я ошарашенно и, заглянув внутрь, обнаружил с десяток карт, на которых самым причудливым образом были обведены разные звезды.

- Как это прикажешь понимать?

- Пытаюсь выделить наиболее повторяющиеся «созвездия» правильной формы.

- Зачем?

- Некоторые чудаки ждут сигналов из космоса от братьев по разуму. Ну, а я больше верю в Отца по разуму. Подумай, как бы Он мог не зашифровать в наблюдаемой нами картине звездного неба какое-нибудь послание?

- Шизофрения! - промелькнула у меня в голове страшная догадка.

- Разве не чем-то близким занимается астрология? - дружелюбно заметил Андрей, от которого не ускользнул мой испуг. -- И разве не это самое предположила астрофизика, сформулировав антропный принцип? Поверь, вполне естественно отнестись к карте звездного неба как к криптограмме. Во всяком случае, мы обязаны это проверить.

- Ну, если только проверить... -- пробормотал я и вернул карты на место.

- А вот это противоположная наука! - произнес Андрей, извлекая другую папку. - Геософия, землемудрие. Тут исследуется не то, что у нас над головой, но то, что под ногами.

Папка оказалась набита картами - в основном контурными. Какие-то карты были пересечены прямыми линиями, какие-то испещрены треугольниками, концентрическими кругами, причудливо пересекающимися линиями.

- Это что-то сродни геополитике... - пояснил Андрей, не дожидаясь моего вопроса. - Но в духовной, в философской сфере. Это наука о проявлении метафизических смыслов на физической поверхности планеты Земля.

- Как это? Поясни.

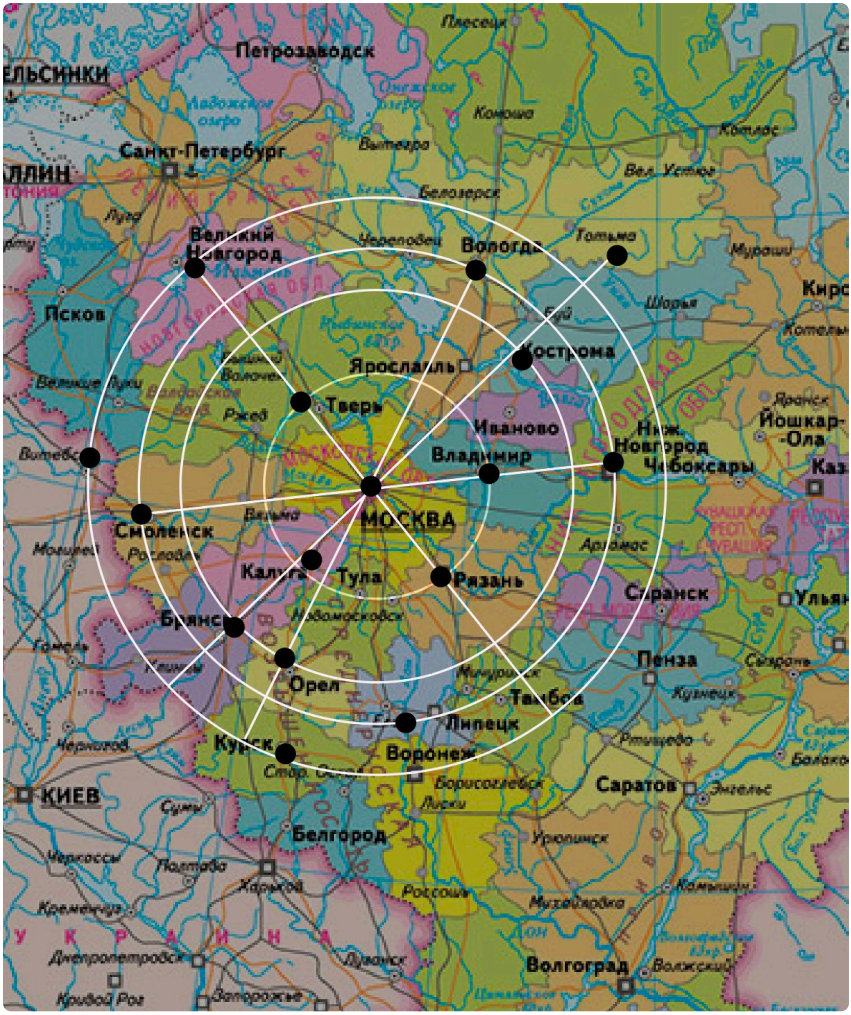
- Ну вот, видишь Рим, Афины и Иерусалим находятся на одной линии. Это - центральная цивилизационная европейская ось. Сам подумай, ведь в основе европейской культуры лежат библейское откровение, эллинская философия и римское право. И вот все они на одной оси оказались!

А вот ось трех авраамических религий: Мекка, Иерусалим, Константинополь. Причем, Константинополь и Мекка находятся от Иерусалима еще и на одном расстоянии, т.е. вращаются вокруг Сиона по одной орбите! С Константинополем, правда, незадача вышла, но история еще не сказала своего последнего слова.

А вот это - центральная мистическая ось: Бермуды, потом горы Гризим и Эйваль, потом Ур Касдим - откуда пошла быть человеческая цивилизация, ну и самая мистическая гора Тибета - Кайлас. Все эти священные места расположены на одной параллели, на 33 градусе.

- Хорошо. Ну, а это что за мишень у на Среднерусской возвышенности делает? - спросил я, указывая на характерный шестиконечный узор.

- Это столичные силовые поля. Видишь, столицы российских удельных княжеств пересекают три прямые линии: Смоленск, Москва, Владимир, Нижний Новгород. Это с Запада на Восток. Теперь прямая с юга-запада на северо-восток: Киев, Брянск, Калуга, Москва, Кострома. Если ты не в курсе, то Брянск и Калуга тоже удельные города… Ну и с юго-востока на северо-запад: Рязань, Москва, Тверь, Великий Новгород. Москва, как сам видишь, на пересечении трех прямых оказалась. Эффект столицы. Во Франции та же картина, -

Андрей вытянул контурную карту Франции.

- Столицы всех герцогств создают оси, пересекающиеся в Париже:

Дижон - столица Бургундии, Париж - Руан - столица Нормандии…

Амьен - столица Пикардии - Париж - Бурбон.

Реймс - столица Шампани - Париж - Анже - анжуйское графство.

- Любопытно. А это что за треугольники? - указал я на карту, на которой поверх изображения Плодородного полумесяца, карандашом был начерчен равносторонний треугольник.

- Ну о треугольниках я уже тебе немного рассказывал.

Посмотри, как Плодородный треугольник подобен Бермудскому треугольнику. Видишь, они расположены на одной параллели, и практически равны. - А вот этот, смежный с ним равносторонний треугольник, я назвал Изначальным, Райским, если угодно. Смотри: это гора Сион, это гора Арарат, а это дельта Междуречья - все тот же Ур Касдим - исток Цивилизации.

- Вот как? - задумался я. - Действительно интересно! Я припоминаю, что имеются мидраши, которые перекликаются с твоей наукой. Согласно преданию, Адам создавался в Эрец Исраэль, на горе Мория, но материал собирался со всей планеты. Для конечностей земля бралась со всех концов земли, туловище было сделано как раз из земли Междуречья, а голова создавалась из пород Эрец Исраэль. То есть планета Земля соответствует телу человека, и уж тем более этому телу соответствует Земля Израиля.

- Ух ты, как интересно! - обрадовался Андрей. - Расскажи подробнее!

- Подробно я не знаю, но слышал, что Бейт-Эль соответствуют затылочной косточке луз, которой касается узел головного тфиллина… Впрочем, треугольники, как мне кажется, к этому подходу отношения все же не имеют. Что могут сказать об Эрец Исраэль геометрические фигуры? Каким образом они могут являться ключом к тайнам ТАНАХа?

- Ну как какое? Я же тебе рассказывал. Равносторонний треугольник - это базовый символ. Он и Троицу означает - если треугольник в круге, и Всевидящее око, если круг внутри. Наконец, два

равносторонних треугольника создают щит Давида. А щит Давида - это как раз символ человека. Вспомнил?

- Вспомнил.

- Так что, если где-то на нашей планете, и уж тем более в Израиле, вычерчивается равносторонний треугольник - это несомненно, провиденциальный знак!

- Я, кстати, тогда проверил: Хеврон, гора Сеир и пустыня Паран действительно образуют равносторонний треугольник. Ну а, какие еще есть примеры?

Андрей стал перебирать карты.

- Видишь, Париж, Флоренция и Берлин. Это центры трех аспектов европейской культуры: литература, изобразительное искусство и философия. Всевидящее око так смотрело на Европу…

- А здесь на что Всевидящее око взирает? - поинтересовался я картой Москвы, на которой жирным красным фломастером был вычерчен все тот же равносторонний треугольник

- О, это очень интересно. С этого треугольника я, собственно, и начал свое расследование. Я потом тебе по случаю объясню.

- Любопытно. А это еще что за «Телепортация и Путешествие во времени»?

- Ну тут пока почти ничего, кроме расчетов Эйнштейна, из которых выходит, что путешествие во времени возможно. Хочу в этом разобраться.

- А как же «Парадокс убитого дедушки»? - блеснул я умным вопросом, запомнившимся из какого-то спора товарищей.

- Брось, ну кому надо отправляться в прошлое, чтобы убить дедушку? Проще застрелиться. Тут другое интересно. Интересна тут сама пестрота систем отсчета. То есть отсутствие общего времени для всей вселенной… Ты наверняка слышал, как давно приключился Большой взрыв?

- Что-то около 14 миллиардов лет?

- Верно. Но это верно только для нашей планеты. А по подсчетам обитателей какой-нибудь там альфа-центавра - может быть, всего миллиард натикал, ну а для луча света время и вовсе не потекло. Каждая точка вселенной имеется собственное мнение относительно того, сколько она существует. Мне кажется, этой разностью течения времен… можно объяснить возможность многих чудес…. Ты вот вспомнил о парадоксе убитого дедушки, а я тебе о другом парадоксе расскажу. О парадоксе неубитого дедушки - моего дедушки - Степана Трофимыча Безродина!

Раз на войне дедушка мой отбился от отряда и вышел лесом на немца. Когда дедушка фашиста увидел, тот уже в него целился. И в тот же самый миг вся двадцатилетняя жизнь пронеслась перед Степаном. То есть пока в одной системе отсчёта прошло несколько секунд, в другой - пронеслись двадцать лет!

- При чем же тут теория относительности?… - растерянно спросил я. - Как можно сопоставлять субъективные переживания с объективными изменениями? Ведь дедушка твой в ту секунду не постарел на двадцать лет… А как он, кстати, из того переплета вышел?

- Ты даже не представляешь, как последний твой вопрос связан с предыдущими… Произошло чудо. Раздался выстрел, после чего у немца заклинил автомат и пока он дернулся перезаряжать магазин, дедушка выпустил в него очередь…

- Да - это чудо. - согласился я. - Но все же я не уловил связи. Я не думаю, что Эйнштейн согласился бы с тем, что твой дедушка и фашист находились в разных системах отсчета.

- Кто знает? То, что у немца заглох автомат в тот самый миг пока дедушка заново проживал свои двадцать лет, могло быть связано. Вдруг перепад скоростей не единственное условие образования разных отчетных систем? Я думаю, многие чудеса можно объяснить именно игрой Всевышнего со временем и пространством.

- Что тут скажешь? - задумался я. - Иудаизм действительно признает, что в разных мирах время течет по-разному, но это все же касается духовных миров.

- Вот как? Расскажи. Это интересно!

- Согласно каббале, в верхних мирах время тянется очень медленно, а в нижних, то есть в геенноме, напротив ускоренно. В каждом следующем уровне - а их в аду семь - время течет в 61 раз быстрее, чем в предыдущем. То есть на самом дне 61 в 7-ой степени. Я считал - это число Пи триллионов лет!

- Вот-вот! - обрадовался Андрей. - На этом перепаде скорости течения времени, возможно, и основываются многие чудеса. Например, так можно объяснить стояние вод при прохождении сынов Израиля по морскому дну. Пока у морских вод пронеслась тысячная доля секунды, у сынов Израиля прошли необходимые им несколько часов. То же и неопалимая купина. Пока Моисей несколько минут приближался к терновнику, тот был объят пламенем лишь сотую долю секунды. Ну а про остановку Солнца в долине Аялон, я уже не говорю. Там точно речь идет о замедлении времени. Война, которая могла продлиться неделю, или даже месяц обернулась однодневной войной!

- Как ты сказал? - удивился я, невольно отдавшись лавине ассоциаций. - Однодневная война? Точно сказано! Та война была Шестидневной войной древности, должна была ею быть, но солнце замерло в небе, и война уложилась в один день! А ведь войны эти между собой перекликаются! Как в древности армия пяти хананейских царей собралась возле Гивона, так тогда - весной 1967 года против Израиля выступили пять арабских государств. Как полки Йегошуа, поднявшись за ночь по вади Кельт, внезапно напали на врага, так же в 1967 году авиация Израиля сумела нанести неожиданный превентивный удар. Это ты хорошо назвал - Однодневная война...

- Уверяю тебя, что эта однодневность была достигнута за счет разделения одной системы отсчета на две. Лоренцево сокращение, по-видимому, может быть обусловлено не только движением.

- Но у тебя тут всякие мудреные формулы записаны, - произнес я, продолжая вертеть в руках папку путешественника во времени. - Ты в них действительно вникаешь? Откуда ты так математику знаешь? Ты же историк.

- Всегда интересовался. В Малом Мехмате учился.

Поставив папку на место, я взял другую, в которой оказалось много журнальных вырезок с фотографиями.

- Здесь подобраны материалы по Туринской плащанице, - пояснил Андрей. - Я несколько гипотез проверяю или, точнее, пытаюсь их отвести.

- А это что? - спросил я, вытянув папку, на которой была наклеена какая-то странная гравюра.

- Ну это как раз не исследование, это просто ксерокопия манускрипта Войнича.

- Что это за манускрипт?

- Неизвестные буквы неизвестного языка. Установлено лишь, что это осмысленный текст. Существуют лингвистические критерии, позволяющие это утверждать. Но никто до сих пор не смог его расшифровать! При всех современных возможностях, при всех современных знаниях! Никто! Я, конечно, всерьез не рассчитываю это сделать. Тут надо быть лингвистом, нужно знать десятки языков. Но рассматривать эти страницы могу часами. Эти загадочные буквы, эти странные детские рисунки… Душа просто куда-то улетает.

Я вспомнил, как пару дней назад, лежа в постели, я сквозь дрему видел, что Андрей зажег свечи и над чем-то склонился. Видимо, это был манускрипт…

Я просмотрел еще несколько папок: в некоторых были математические вычисления, в некоторых таблицы с датами. Поначалу мне показалось все это довольно странным и несерьезным.

- Как можно быть специалистом во всем? Какая может быть наука вне академического мира? - спросил я Андрея.

- А по-моему, только такая наука и бывает. Настоящий ученый - всегда кустарь.

Этот ответ еще более усилил мои сомнения в доброкачественности научных занятий моего друга. Я всегда испытывал неприязнь к дилетантству, и было досадно, что Андрей, поначалу показавшийся мне ищущим и основательным, на деле был человеком этой породы. Похоже, что его фантазии на тему древних рукописей в районе Мертвого моря не были чем-то случайным, чем-то спровоцированным стрессом и сотрясением мозга, а вытекали из его общего характера, из пристрастия к поверхностной «научной деятельности».

Я скептически пожал плечами.

- Настоящий ученый всегда кустарь? Это, мягко говоря, как бы это сказать... оригинально.

- А что говорил Эйнштейн, ты знаешь? Он говорил, что идеальная работа для ученого - это надзирать за маяком. Это Эйнштейн сказал. Не Геккельбери Финн, не Портос. Эйнштейн!.. А я почти на такую самую работу устроился. Я это и родителям своим объясняю.

- А они что?

- А что они могут сказать? Они говорят: все лучше, чем пить. Довольны мною, короче.

Андрей потянул меня на кухню и, извлекая из буфета стаканы в мельхиоровых подстаканниках, сказал:

- Я тебе рассказывал, что поехал тогда в Израиль отчасти для того, чтобы развеяться. Ну, то есть, для того, чтобы отвлечься от одной особы?

- И, как я вижу, поездка тебе действительно пошла на пользу. Ты в лучшую сторону изменился. Бодро выглядишь.

- Но все же по-настоящему помогла не поездка... Видишь ли, я и по приезде в Россию иногда очень страдал. Любая радость была мучительна, потому что я не мог разделить ее с ней... До конца ника-

кие молитвы не помогали, никакие впечатления. Жизнь моя была совершенно отравлена… Такое чувство, как будто в душе твоей дырку проели… Словом, «и понял я, что горше смерти женщина»…

- Так как же ты исцелился? Ты действительно другой стал, - заинтересовался я.

- Ты не поверишь… Я случайно узнал, что всякое четное число является суммой двух простых чисел, то есть тех, что делятся только на самих себя…

Связь между этими двумя фактами - неизлечимой любовью и четными числами - казалась такой невероятной и неожиданной, что я едва не охнул, инстинктивно посмотрел сперва на дверь, высчитывая пути бегства, а потом с опаской на Андрея, в чьей голове такая связь стала возможной. Но виду не подал.

- Неужели? - сказал я, стараясь не улыбаться и не моргать. - Давай посмотрим, например, 36…

- 36 можно представить как сумму 13 и 23, как 17 и 19 или еще как-нибудь.

Я задумался, выходило вроде все правильно.

- И что, так действительно любое четное число раскладывается?

- В том-то и дело, что это экспериментально так установлено, но никто не доказал. Как это выходит из природы самих чисел никому не известно.

- Ну, хорошо. И какая связь с любовью? - осторожно сказал я, на всякий случай дружелюбно улыбаясь.

- Меня, понимаешь, это так поразило, так заинтриговало, что я все на свете позабыл… Я стал проверять, составлять таблицы.. Ну что мы вообще знаем о числах, если не понимаем природы связи простых чисел с четными? Где формула этого чуда? Как все это подстраивается? Все показалось мне тогда таким загадочным, как будто я к тайне мира напрямую приблизился, минуя ту мою сказочную девушку. Тогда я впервые и почувствовал, что знание - это такая же могущественная захватывающая сила, как и любовь… В тот момент, поверь, я впервые за эти годы стал самодостаточен,

впервые смог ликовать и поражаться, не отравляясь сознанием, что лишен возможности делиться этими чувствами с ней. С той минуты меня как будто прорвало, я повсюду вижу загадки и загораюсь желанием их разрешить…

- Многим, наверно, знакомо это изумление, - согласился я, но как это мешает учебе в институте?

- Ах, университет, - усмехнулся Андрей. - Я понимаю, конечно. Сейчас высшее образование - это что-то вроде того, чем когда-то было римское гражданство. С дипломом, тем более со степенью, ты повсюду встречаешь уважительное отношение. Ты - человек с большой буквы… Но мне на все это времени жалко.

- Недавно я слышал по радио передачу о теореме Ферма, - вспомнил я вдруг. - В ней рассказали историю прямо такую, как у тебя случилась. Один состоятельный человек по имени Пауль Вольфскель захотел покончить с собой из-за несчастной любви, он уже приступил к последним этапам своего замысла: то ли прощальное письмо пошел писать, то ли пистолет заряжать. Не помню. Но вот перед самым роковым этим шагом он вошел в свою библиотеку взял случайно с полки одну из книг, в которой как раз про теорему Ферма говорилось, и так увлекся задачей, что обо всем забыл. Теоремы он так и не доказал, но жив остался. Кстати, он так загорелся желанием найти решение, что назначил премию тому, кто теорему эту докажет. В той передаче говорилось, что учрежденная им комиссия рассмотрела сотни, если не тысячи решений, которые были признаны неверными. И вот как раз сейчас, представляешь, один математик заявил, что доказал теорему и обратился в эту комиссию. Но я так и не понял, приняла ли комиссия его доказательство.

- Неужели доказал? У меня, лично, эта теорема не очень продвигается.

- Ты и ее пытаешься?.. - улыбнулся я. - Ну а как, кстати, с этими четными числами? Тебе удалось что-нибудь выяснить?

- Это один из вопросов, над которыми я продолжаю биться. Пока результатов нет.

- А вообще какие-то успехи бывали?

- Смотря что понимать под успехом.

- Ну хорошо, а что ты вчера ночью вычислял?

- А! - обрадовался Андрей. - Это очень интересное исследование, я назвал его «Научная эсхатология».

- Эсхатология? Это что-то про конец света? Высчитываешь, когда солнце погаснет, что ли?

- Нет, так далеко я не заглядываю… Но по моим расчетам, что-то не менее знаменательное стрясется гораздо раньше, между 2030 и 2400 годами… Я, видишь ли, ищу нулевое время, точку «омега», к которым стремится история. Ты, наверное, обращал внимание на то, что темпы прогресса все время ускоряются?

- Ну, обращал. Это, по-моему, ясно всем.

- Так вот, я заметил, что ускорение это нарастает порядками. Иначе говоря, историю надо мерить, как мерят силу землетрясения по шкале Рихтера или как кислотность по pH. Причем это касается не только технического прогресса, но и биологической эволюции. Кстати, как иудаизм к теории эволюции относится?

- Некоторые отрицают, но рав Кук воспринимал ее очень положительно. Он говорил, что благодаря Дарвину человечество приняло Божественную идею развития.

- Ясно. Так вот, на смену биологической эволюции, завершившейся возникновением человека, приходит культурный и технический прогресс, ускоряющийся в той же прогрессии.

- Подожди, что значит «в той же прогрессии»? Как можно измерять эволюцию и технический прогресс в одних и тех же единицах?

- Я тебе сейчас все покажу.

Андрей подошел к шкафу, вытащил оттуда папку, раскрыл свои таблицы и графики, исписанные разными датами, и выбрал какой-то лист.

- Вот смотри, по оси X у нас течет время, а по оси У растет прогресс. Функция, как говорится, элементарная: У = 1/X. Вот эта кривая. Поначалу, когда она еле-еле ползет по координате X, - это эво-

люция, а там где она взлетает вверх по координате У, - технический прогресс.

- Что за вздор?! Как можно представить в виде одной функции два совершенно разных процесса, основывающихся на совершенно разных принципах?

- Ну почему же на разных? Оба эти процесса делают живое существо более автономным. Биологическая жизнь и разумная жизнь в рамках действующих законов природы добиваются от этой природы все большей и большей независимости. Эволюция органов и прогресс орудий в конечном счете ведут к одной и той же цели - к наращиванию автономности, свободы.

- Допустим, но как ты ее измеряешь - эту автономность?

- По числу функций, присущих живому существу... Прогрессивное нарастание автономности, начавшееся в форме биологической эволюции, продолжается в виде технического прогресса, как мы видим на этой кривой У = 1/Х. Впрочем, пока я не решил, какая именно функция более точно описывают ускорение темпов прогресса.

- А это как понимать? - спросил я, указывая на следующий график. - Почему я вижу тут у тебя прямую линию?

- Это потому, что ось Х у меня логарифмическая - тут отложено время назад вглубь веков по степеням - 10, 100, 1000, 10000 лет назад и так далее. А по оси У - прибавление степеней свободы. Вот взгляни на узловые точки: после того как зарождаются первые аэробные микроорганизмы, то есть закладывается основа обменных процессов всех ныне обитающих живых существ, проходит приблизительно 2,5 миллиарда лет, и появляются первые теплокровные животные - цинодонты, предки млекопитающих и птиц. После того проходит 250 миллионов лет и возникают человекообразные обезьяны, через 25 миллионов лет после этого появляется Homo habilis - человек умелый, то есть первое существо, изгото-

влявшее и использовавшее каменные орудия, а через 2.5 миллионов лет после него возникает, наконец, Homo sapiens. Получается У = 2,5*10х.

- Интересно, - согласился я. - Ну а технический прогресс?

- Технический прогресс обходится без коэффициента… то есть коэффициент «единица». Смотри. Использование огня началось чуть более миллиона лет назад - скажем, миллион сто тысяч. Примем это за исток истории… С того момента на протяжении миллиона лет человек лишь совершенствовал свою речь и свои каменные орудия… В период пятизначного порядка, то есть в последующие сто тысяч лет, возникают первые признаки того, что можно назвать культом, или культурой, то есть появляются изображения, захоронения, человек научается добывать огонь. В период четвертого порядка, то есть в последующие десять тысяч лет, был совершен главный цивилизационный прорыв: началось земледелие, приручение животных, мореплавание, гончарное дело, были изобретены лук, календари, письменность.

- И когда же эти десять тысяч лет начались?

- Примерно одиннадцать тысяч лет назад. Именно тогда зародились земледелие и скотоводство, и именно тогда был построен первый в истории город - Йерихон. Но самое интересное - это, конечно же, третья, вторая и первая степени прогресса, то есть последнее тысячелетие, последнее столетие и последнее десятилетие…

- Ну и когда же, по-твоему, это последнее десятилетие кончается? Где твоя точка «омега»?

- Я несколько вариантов рассматриваю разбросом почти в четыреста лет… То есть, как я уже сказал, эта точка затаилась где-то между 2030 и 2400.

- Ого! - впечатлился я. - Так мы, выходит, на финишной прямой!

- Верно. Когда я смотрю на эти цифры, то иногда чувствую себя мухой, к которой стремительно приближается вчетверо сложенный журнал «Здоровье»…

- И чем ты в своих расчетах руководствуешься? Чем последний век и последнее тысячелетие примечательны?

- Видишь ли, если последние десять тысяч лет были отмечены взрывом религиозных учений, то последним тысячелетием должно быть то тысячелетие, которое характеризуется высвобождением от их влияния. Последнее тысячелетие - это тысячелетие секуляризации.

- Я лично не чувствую, что сколько-нибудь освободился от влияния религии, и знаю множество людей, для которых религия столь же важна, как и для их отцов тысячелетия назад.

- Я неточно выразился. Я имел в виду освобождение не от самих религий, а от их назойливой опеки… К тому же ясно, что секулярное сознание зародилось именно в недрах религии, в недрах христианства.

- Ну и когда это, по-твоему, случилось?

- Новое нетрадиционное сознание возникает в эпоху Возрождения. Это Данте, это конец XIII века. Прибавь 1110 и получишь приблизительно 2400 год. Но можно начать отсчитывать и со схоластики, выработавшей новый рационалистический подход, то есть от Ансельма Кентерберийского, жившего в XI веке, и соответственно точка «омега» переместится на 2200 год. Так получается, если плясать от начала тысячелетия. Если же попытаться произвести отсчет от последнего столетия, которое естественно отождествить с веком экзистенциальной философии, то точка омега придется на 2030 год. Ведь экзистенциализм овладел умами людей в 20-х годах XX века… Тогда, правда, начало тысячелетия придется отодвинуть к 20-40-м годам X века. Беда лишь в том, что X век отмечен полным творческим застоем. Между Эриугеном, жившим в IX веке, до Ансельма Кентерберийского, жившего в XI - хоть шаром покати. Сон разума. Но, кто знает, может быть так и должно быть. Во время сна ведь вся накопленная информация переустанавливается. Стадия куколки.

- Допустим, - согласился я. - Но что практически ожидается? По графику твоему так все выглядит, как будто бы история нашей планеты стремится к какому-то катастрофическому финалу.

- Да, функция У = 1/Х предвещает резкий регресс. Такое приближение подразумевает провал в какую-то черную дыру. Хорошо, что настоящая черная дыра нам в ближайшем будущем не грозит, хотя кто знает, до чего наука может доиграться такими темпами. Но без небольшой ядерной заварушки, боюсь, уже не обойтись. Это даже по одним только законам жанра так выходит: если на стене висит ядерная боеголовка, то, значит, она когда-нибудь взорвется. Так что нам остается только надеяться, что прогресс ускоряется не асимптотически.

- Но что, по-твоему, по большому счету нас ждет в точке «омега»?

- Сейчас объясню. Еще сто лет назад главной ударной силой служила кавалерия, как это было и во времена фараонов. А что сейчас происходит? Технологии обновляются у всех на глазах. Я уже два года не пользуюсь печатной машинкой, все печатаю на компьютере! А ты знаешь, что граммофонные пластинки совсем перестали производиться, что теперь только компактные диски?! Темпы прогресса впервые оказались соизмеримы с продолжительностью человеческой жизни, то есть с тем, что можно назвать микроисторией. Но именно поэтому нельзя ожидать, что прежние темпы ускорения сохранятся. Нельзя же всерьез думать, что новейшие изобретения начнут сыпаться на нас с интервалом в наносекунды. Ты не думаешь, что при смене масштабов должны меняться также и закономерности?

- Как в физике…

- Но это не знаменует конца, это знаменует начало чего-то нового и небывалого. Как человека доисторического сменил исторический, так его самого уже очень скоро сменит постисторический человек…

Я было начал рассказывать Андрею о том, что евреи представляют ситуацию близким образом, что, согласно Гемаре, история будет продолжаться только шесть тысяч лет, до 2240 года, а потом наступит загадочный Восьмой день, но в этот момент раздался звонок в дверь.

Андрей бросил папку на стол, но она соскользнула, и все листы разлетелись по полу.

- Это мои друзья, - пояснил Андрей, перешагивая через свое исследование, - Вместе в институте учились. Он - православный, в семинарию собирается поступать, а она - сам сейчас увидишь…

* * *

Андрей открыл дверь. Вошли двое: он - крупный, длинноволосый, широко улыбающийся парень; и она - существо неземное. Не знаю как еще сказать. Бывает женская красота, неземная природа которой столь бьет в глаза, что ее описывать - это то же самое, что описывать мистическое явление. Все заведомо не то. Что-то в ней было лебединое, какая-то грациозность, пластичность, и еще поражала в ней какая-то прозрачность лица, как будто бы оно сгустилось из воздуха. А может быть, это просто зовется женственностью, которая проступает во всем. Но и этого, видимо, мало. Надо, чтобы еще человек был, чтобы яркий человек в этой женственности проступал…

Увидев ее, я как-то сразу стал ждать, чтобы она что-то произнесла. Казалось, что все в ней должно быть неземным, казалось, что и ее суждения будут так же поразительны, как ее внешность.

Андрей нас представил. Будущего семинариста звали Семен, его очаровательную спутницу Катей. Исчезающе хрупкая воздушная девушка и бросающий на нее робкие взоры крупный, прочно стоящий на ногах крепкий мужчина являли собой странное противоречие.

- А мы о вас наслышаны, - прогудел Семен густым сочным басом, с силой пожимая мне руку - вы семинарист, не так ли? Мы с вами коллеги в каком-то смысле.

- Так вы учитесь в семинарии?

- Еще нет, но я много готовился и в ближайшее время намерен экзаменоваться.

Мы зашли в комнату, и Семен своим громовым голосом и удивительной подвижностью заполнил все пространство, отчего комната вдруг показалась маленькой и тесной.

- Чем это вы тут занимались? - поинтересовался Семен, глядя, как Андрей собирает с пола разбросанные листы с таблицами.

- Да я тебе уже это показывал, - отмахнулся Андрей. - Темпы ускорения прогресса.

- Помню, помню, - весело отозвался Семен. - Точка «омега» у тебя там слишком гуляет… Титрование - это вообще искусство.

И он громко засмеялся, похлопав Андрея по плечу.

- Ой, ландыши! - произнесла свои первые слова Катя. Голос у нее был тихий и слегка хрипловатый. Она подошла к столу и наклонилась над букетом.

- Где ты их взял? Сам, небось, в парке нарвал, браконьер.

- Я не выдаю свои источники… - счастливо улыбаясь, ответил Андрей. - Вы знаете, что Ури мне сейчас рассказал? Будто бы теорему Ферма кто-то доказал…

- Не слышал про такую. И что это за теорема? - поинтересовался Семен.

- Ферма, математик живший в 17 веке, оставил после себя пометку на полях книги, где утверждал, что доказал некую теорему, - сообщил я и уже было хотел припомнить все, что по этому поводу знал, как Андрей меня опередил:

- Это очень интересная теорема. Можно сказать, что это теорема Пифагора в общем виде, то есть не для квадратов, а для всех степеней. Мне даже кажется, что Ферма ее в геометрическом виде решил, я во всяком случае продвигаюсь этим путем. Сам Ферма сформулировал свою теорему так: Xn + Yn = Zn - не имеет целых положительных решений, если n больше двух.

- Ну что ж, - сказал Сема, извлекая из портфеля бутылку водки, - за это, дорогие мои, не грех выпить. Шутка ли, теорема Ферма доказана!

- Просто не верится! Ты как будто знал! - усмехнулась Катя. - Эти бутылки твои открываются, как чеховские ружья стреляют. Всегда с глубоким смыслом. Никогда они в твоем портфеле не оказываются случайно!

Появившиеся на столе три рюмки были немедленно наполнены и опорожнены. Кате никто выпить не предложил. Видимо, ее отношение к алкоголю было хорошо известно.

В Израиле я не пил, тем более водку. Не люблю, когда наваливается что-то внешнее, одуряющее, с чем потом долго не знаешь что делать. Родители мои и их приятели, которые иногда выпивали, казались мне в этом состоянии полными идиотами.

Но тут, в России, в этой теплой компании и под гипнотическим взглядом большого и внушительного человека Семена я невольно выпил, и ничто во мне этому не воспротивилось. Напротив, меня охватила неожиданная радость, и когда мы встретились с Семеном взглядом, я испытал к нему сильнейшее расположение.

- Ой, что же это я? Это же должен был быть второй тост! - воскликнул поймавший мой взгляд Семен. - Первый тост должен был быть за наше знакомство, для закрепления взаимной приязни.

Катя недовольно посмотрела на наполняющиеся снова рюмки. Я с любопытством ожидал, что она еще скажет. Но Катя на этот раз промолчала.

- Это явное превышение скорости, - заявил Андрей, видимо заметивший Катино недовольство. - Я протестую…

- Твой протестантизм меня уже свел с ума, - сообщил Семен, опорожнив вторую рюмку. - Сколько можно в самом деле? Ведь ты умный человек, Андрей. Эта баптистская узость тебе не к лицу. Поверь мне, когда-нибудь ты обязательно вернешься в святоотеческую традицию. Баптизм ниже твоего уровня.

Андрея это замечание, похоже, задело.

- А что это у вас, у православных, за уровень за такой? Православие достигло наконец уровня фобий перед чертями и евреями, куда уж дальше. Вы с Катей чуть ли не единственные православные, с которыми я способен общаться…

- Только не списывай эти фобии на само православие, - внушительно произнес Семен. - Все выродилось в советские времена.

- В советские времена? - усмехнулся Андрей. - Еще до революции Аксаков называл русскую православную церковь «большим неверным стадом, добрым пастырем которого является полиция». Он обвинял православный клир приблизительно в том же самом, в чем отец Глеб Якунин обвиняет его в наше время. Слишком многим душно под вашими маковками. Да и церковная служба привлекает паству в основном «национальным колоритом»…

- Мне кажется, русский «национальный колорит» не столько в маковках состоит, сколько в сознании своего вселенского предназначения. Русский человек свою национальную задачу всегда воспринимал как задачу общечеловеческую. О том, что у России имеется своя идея - ни враги, ни друзья спорить не станут.

- Может быть. Но вот только, по-моему, вся эта русская идея - один сплошной комплекс провинциала. Единственное, что за нею стоит, так это желание держать под контролем шестую часть суши…

- А я так тут другой комплекс вижу - западный, - веско отрезал Семен. - Запад желает лишь одного, чтобы российское государство исчезло с лица земли.

Он вскочил, обошел вокруг стола и встал за моим стулом.

- Россия, кстати, очень похожа на Израиль, - продолжил Семен, наклонившись ко мне. - Ну, в том смысле, что всякие нынешние западные вольнодумцы, все эти Бжезинские, и правые, и левые, считают наши государства исторической ошибкой, которую можно и даже нужно исправить.

Андрей поймал Семена за рукав и усадил на стул.

- Сема, успокойся, не такой уж я страшный, как эти твои страшные западные вольнодумцы… Во всяком случае я, в отличие от них, не считаю, что это можно исправить…

- Ну как ты, в самом деле, не понимаешь, - взорвался Семен, - что Россия не могла бы влиться в западную цивилизацию, даже если бы захотела! Что с этим поделать? Ты можешь смеяться, но мы действительно другие, у нас действительно свой путь…

Андрей и впрямь посмеивался, да и Катя легкомысленно улыбалась.

- Мне кажется, вы никогда не договоритесь, - заключила она. - Пока Россия будет решать проблемы человечества, человечество будет решать проблему России.

Но Семен как будто не замечал легкомыслия своих собеседников и гнул свое.

- Ну как у тебя, в самом деле, душа за Россию не болит! Ведь была великая страна, с огромным потенциалом, со своей идеей, с сознанием своего избранничества, наконец. Россия, как наследница Византии, веками претендовала на то, чтобы являться альтернативным Римом, альтернативной европейской цивилизацией.

- Вот только нужна ли такая?

- Ты хочешь спросить, исторически случаен или необходим такой путь развития? Я уверен, что не случаен. То есть не случайно Римская империя раскололась на Западную и Восточную и не случайно эти половины развивались под эгидой двух братьев - апостола Петра и апостола Андрея. Богу зачем-то понадобились именно две Европы - Западная и Восточная, по-разному решающие свою христианскую задачу. Бог зачем-то решил продублировать европейскую цивилизацию. Во всем этом очень важно разобраться… И мне обидно, Андрей, что ты, такой тонкий и глубокий человек, вместо того чтобы взяться за эту проблему, так все уплощаешь и осмеиваешь.

- Может, когда-то какая-то задача у России и была, - пожал плечами Андрей. - Но уже давно Россия ничего другого не желает, кроме того, чтобы ею все подавились… Но ладно, будет уже спорить, давай лучше за Россию выпьем. Ничего лучшего мы для нее все равно сейчас сделать не сможем.

- Это хорошая идея, - вдохновился Семен, разом повеселев. Он поднял рюмку и победно провозгласил: «За Родину!»

* * *

Когда гости вышли, Андрей плюхнулся в кресло и вытянул ноги.

- Ну, как тебе Катя показалась?

- Очень интересная девушка, по-моему.

- Она, собственно говоря, и есть та особа, о которой я тебе рассказывал. Ну та, которую я когда-то пытался забыть…

- Ах, вот как? А я было так и подумал, но отбросил эту мысль, мне показалось, что ты к ней равнодушен. Так это от любви к ней ты излечился?

- Вообще-то я не говорил тебе, что от любви к ней излечился. Подобное лечится подобным, а подобную ей я не встречал. Ведь ты же ее видел.

- Подожди… Это она как раз с Семеном встречалась, когда вы в институте учились?

- Нет. Я учился на втором курсе, когда она на первый поступила. Я тут же в нее влюбился, но у меня сразу и конкуренты появились. Один из них был действительно Семен - мы с ним вместе учились, но в ту пору он сам был еще воздыхателем на куриных правах. Тогда главным соперником моим был один человек на шесть лет меня старше… Аспирантуру кончал. Пижон, но пыль в глаза умел пустить. Я же по молодости порол горячку и, как сейчас ясно вижу, шансов особых не имел. У нас с Катей было объяснение… после которого я тогда в Израиль как раз и отправился. Аспирант за ней еще года два увивался, пока она ему, наконец, решительно не отказала. Но я этого, к сожалению, не знал, думал у них все к свадьбе идет… И вот в прошлом году возвращаюсь я из одной археологиче-

ской экспедиции, в которой все лето провел, и вдруг узнаю, что с аспирантом у нее все кончено, но зато теперь она встречается с Семеном. Я очень Сему на самом деле люблю и уважаю, у него есть редкая в наше время, прямо-таки какая-то собачья жажда служения… Мы большие друзья. Были и остаемся.

Андрей замолчал и как-то осунулся.

- Но у них разве все окончательно решено? Ты что, совсем от Кати отказался? Ты с ней объяснился вообще как-то?

- И не отказывался, и не объяснялся, - сумрачно ответил Андрей. - Я с ними часто вижусь, но в аудиенции Катерина мне отказывает… Только при свидетелях готова встречаться. У нее с Семой, видать, все серьезно, и она не хочет ничего осложнять.

- Ну а если не Сема, а какое-то другое третье лицо будет присутствовать, она согласится?

- Ты просто читаешь мои мысли, - усмехнулся Андрей. - Я как раз думаю ее еще раз пригласить, как бы на тебя отдельно… Ты ведь у меня живешь, и мы, стало быть, с ней наедине не останемся. Позвоню ей завтра же утром.

* * *

На этот раз Катя действительно согласилась. Через два дня мы встретили ее при выходе из метро и первым делом пошли прогуляться по парку.

- Идите-ка сюда, я вам сейчас фокус покажу, - объявил Андрей.

Мы подошли к какому-то киоску, Андрей извлек из кармана ассигнацию, взмахнул ей и воскликнул:

- А вот волшебная бумажка! Сейчас произойдет то, что я скажу… Пусть у меня в руках окажутся три порции мороженого!

Пожилая продавщица, выпучив глаза, неподвижно смотрела на Андрея.

- Крибле, крабле, бумс! - медленно произнес Андрей и протянул продавщице деньги.

- Ну ты и фокусник, Андрей, - рассмеялась Катя. - Ты должен написать Давиду Копперфильду, чтобы он включил этот удивительный номер в свои выступления.

- Я не знаю, что писать. Я и сам не понимаю, как этот фокус у меня получается.

Андрей продолжал дурить в том же духе: шутил, передразнивал каких-то русских политиков, изображая, как бы они ухаживали за Катей. Пока мы шли по аллеям, то так смеялись, что на нас оглядывались.

Катя смотрела на Андрея с теплотой и даже явной симпатией. Мне показалось, что затея наша удается. По плану мы все втроем должны были идти в гости к Андрею, но при выходе из парка я внезапно сымпровизировал - сказал, что мне нужно от кого-то передачу в Израиль принять и я минут на сорок отлучусь.

Передачу я действительно договорился принять, хотя и вечером. Но наудачу можно было попробовать сделать это и раньше. Я доехал до Чистых прудов, отыскал нужный дом, и так как там никого не оказалось, сразу отправился обратно. В дверях подъезда я столкнулся с выходящими из него Андреем и Катей.

- Я сейчас вернусь, - сказал мне Андрей, - Катю вот только провожу до метро. Возьми ключ, подожди меня дома.

По его лицу нельзя было понять, что между ними произошло, да и произошло ли что-то.

Через полчаса вернулся Андрей. Он прошел к столу, сел на диван напротив меня и устало произнес:

- Они женятся… Уже сговорились… Сказала, что я ей нравлюсь, но что я опоздал… Буквально то же самое, что в предыдущий раз. Поэтому она, кстати, и встречи со мной избегала. Зачем, мол, повторяться? Я и так уже эту информацию получил. Короче, на этот раз надежд никаких…. На прощание дала мне совет… Конфиденциальный, выстраданный…

- Какой еще совет? - мне живо вспомнился мой недавний интерес ко всему, что может сказать Катя.

- Сказала, что я все довожу до абсурда, что даже точка «омега» моя - точка абсурда… в моем характере… А девушек это, мол, пугает. Девушки абсурда не любят, девушки существа практичные.

- И это правда? Ты действительно все доводишь до абсурда?

- Я тоже удивился. Ответил, что я ничего не могу довести до абсурда, так как мир и без того предельно абсурден… и что главный абсурд - это то, что мы не вместе.

Андрей замолчал, как будто отключился. Он был бледен. Так обычно выглядит человек, у которого ноет зуб.

- Тебе не надо с ними встречаться, мне кажется, - сказал я. - Хотя бы некоторое время.

- Да, ты прав, - как-то машинально произнес Андрей и снова замолк, глядя в одну точку.

- Сема - хороший человек, вполне ей пара, а брак их будет нерасторжим как католический, - произнес он через несколько минут, криво улыбаясь.

- Почему как католический?

- Если Сема действительно выучится на священника, то по каноническому праву они не смогут никогда развестись.

- Значит, точно не судьба.

Андрей ничего не ответил. Он подошел к полке, открыл папку и вытянул карту Москвы с начертанным на ней красным фломастером равносторонним треугольником.

- Видишь? Это Сокольники. Здесь живу я. Здесь - в Останкино - живет Семен, а вот тут - неподалеку от Патриарших - Катя! Удивительно, не правда ли? Равносторонний треугольник, полная копия Бермудского… Но, теперь на этой карте должны сохраниться лишь прямая и точка. Так учит землемудрие.

Андрей притих, снова уселся за стол и принялся многократно складывать карту, пока та не превратилась в комок.

- Эх, нет Сарит, - невольно вырвалось у меня. - Вот бы кто тебя сейчас развеселил…

Андрей грустно улыбнулся.

- Она и впрямь это прекрасно делала. И как это нас обоих угораздило потерять ее телефон?! Послушай, неужели в самом деле ее никак нельзя разыскать?

- Я же сказал тебе, она сама найдется. В Иерусалиме нельзя разминуться. Все эти годы я с ней не столкнулся только потому, что был в армии… А тебе вообще новые лица не вредно было бы повидать. Хочешь, я тебя со своим другом Сергеем познакомлю? Собственно, я и без того хотел это сделать.

- Давай не сейчас.

На другой день Андрей выглядел несколько лучше. Он легче включался в разговор и под вечер даже согласился познакомиться с Сергеем.

* * *

Мне показалось, что затея сблизить двух моих друзей вполне удалась. Сергей охотно принял приглашение и появился в квартире Андрея уже на следующий день. Войдя в комнату, он сразу же заметил полку со старинными церковными книгами. Он немедленно вытянул одну из них, перелистал и принялся читать нараспев какой-то фрагмент. Я оценил его владение церковно-славянским. Андрей с интересом наблюдал.

Вернув книгу на место, Сергей проследовал на кухню, извлек из «дипломата» бутылку водки и уверенно наполнил три рюмки. Впрочем, пил в основном он один. Андрей за весь вечер пригубил лишь рюмку, а я и вовсе не притронулся. Той застольной харизмы, которой был щедро наделен Семен, у Сергея не имелось. Тем не менее, общались мы вполне непринужденно. Поначалу говорили о книгах и о филологии, которую Сергей обстоятельно изучал в институте. Оказалось, он был достаточно наслышан о манускрипте Войнича и долго доказывал Андрею, почему создателем этого таинственного текста никак не может быть францисканский монах Роджер Бэкон.

В какой-то момент беседа перескочила на тему отношений Ватикана с Израилем, а точнее отсутствия таковых.

- Наверно, Папа боится, что если он разместит в Тель-Авиве свое посольство, то тем самым признает, будто бы иудаизм прав, - предположил Сергей. - Своя логика в этом есть.

- Какая ж тут логика? - возразил Андрей. - Я понимаю, если бы Израилем управлял Синедрион. Но ведь еврейское государство создали атеисты, они от иудаизма гораздо дальше отстоят, чем сами католики.

- Не скажи! - усмехнулся я. - Рав Кук привел десятки мест из Талмуда и Кабалы, показывающих, что возрождение придет от безбожников. Именно наличное еврейское государство, а не какое-то другое - это детище Бога и свидетельство Его мудрости и могущества… Как нет и не может быть у нас другого иудаизма, так нет и не может быть у нас и другого государства…

- Ничего не понимаю… Так светское у вас государство или нет?

- Светское-то оно светское, но прежде всего - национальное, а все национальное у евреев проникнуто религиозным значением. Решили сионисты ввести день отдыха - взяли субботу, а не воскресенье и не четверг. Захотели свой флаг - взяли талит со щитом Давида, захотели герб - взяли Семисвечие. Я уже не говорю про иврит. Ведь заговорили эти безбожники на языке пророков, который перестал быть разговорным уже после разрушения первого храма. Две с половиной тысячи лет назад! Ведь из Вавилона народ вернулся с родным арамейским. Не смогли мудрецы тогда иврит возродить - а эти смогли.

- Ваши раввины действительно так думают? - удивился Андрей.

- Конечно. Рав Исраэль, который меня почти два года Гемаре учил, всегда повторял: поскольку еврейский народ выбрал демократию, то демократия священна… Да что говорить, в наших молитвенниках государство Израиль зовется «началом избавления»…

- Тем не менее, светские израильтяне меня не так пугают, как фарисеи, - опрокинув очередную рюмку, признался Сергей. - Я, кстати, нашел возражение против вашего законничества.

- Что же это, интересно?

- Ведь по закону вы должны жертвы приносить, однако обходитесь без них и не собираетесь их возобновлять.

- Как это не собираемся?! Еще как собираемся!

Мы с Сергеем какое-то время смотрели друг на друга, вытаращив глаза. Каждый не мог до конца поверить, что не ослышался.

- Объясни мне, как ты себе все это представляешь? - произнес, наконец, Сергей. - Ты серьезно хочешь возродить это варварство?

- Хороший вопрос, - поддакнул Андрей. - Меня это, признаться, тоже смущает. Трудно представить, чтобы весь этот культ в наше время был восстановлен.

- Я вас не понимаю. Арабы и сейчас приносят жертвы, и никого это не смущает. Да и вы сами мясо едите. Если можно убивать животных на бойнях, то тем более их можно убивать и в Храме.

- То-то и оно, - пробормотал Андрей. - К такому Храму трудно будет относиться иначе, чем к мясокомбинату.

- Ну хорошо, - согласился я. - На самом деле - это открытый вопрос. Относительно того, в каком режиме будет работать восстановленный Храм, существует несколько мнений. Я вам могу сказать мнение рава Кука, который, кстати, был сторонником вегетарианства и учил, что в конце времен человечество к нему вернется. Так вот, сам рав Кук при всем этом вегетарианстве как раз считал, что должны быть возобновлены именно кровавые жертвоприношения. Он усматривал в этих жертвоприношениях возможность соучастия животного мира в культе Единого Бога. Ведь животное не может молиться, все, что оно может, - это умереть во имя Всевышнего. А нельзя исключать животный мир из вселенского Богослужения.

- Может быть, самих животных все же спросить? - усмехнулся Сергей.

- Рав Кук, представь себе, так и считал. И он допускал, что в эпоху вегетарианства идея жертвоприношений может оказаться столь непопулярной, что Сангедрин, которому придется решать вопрос возобновления Храмовых служб, может от нее отказаться. На

этот случай рав Кук даже предложил этому грядущему Сангедрину соответствующую логику. Он указал, как согласно законам Торы, можно отказаться от животных жертвоприношений в пользу растительных. Хлебных, в первую очередь.

- Скажи, а вино вроде бы в Храмовых службах использовалось? - поинтересовался Андрей.

- Верно. Вино возливалось на алтарь. Это само собой должно продолжаться.

- Но кому нужен этот ваш Храм, даже и вегетарианский?! - не унимался Сергей. - Вера в Бога может быть только одна для всех. Поначалу, когда люди жили племенами, идея «избранного народа» еще работала, но как об этом можно всерьез говорить в наше время?! Как можно воображать, будто Бог всех людей дал религию лишь одному народу?

- Но наш Храм как раз один для всех! В Библии сказано, что он наречется домом молитвы для всех народов! Ты неправильно формулируешь вопрос. Бог дал религию - я имею в виду нашу еврейскую религию - всему человечеству. Когда евреи изучают какой-либо закон Торы, они всегда выясняют, какие требования в этой сфере Всевышний предъявляет нееврею. И в пределах этих требований нееврей может быть ничуть не меньшим праведником, чем еврей. Про Иова вспомни.

- Иов не еврей, хочешь сказать? - удивился Егоров.

- Никогда им не был, но при этом, заметь, великий праведник, которым Бог хвалится перед ангелами. Иудейская вера одна для всех, но внутри этой веры у разных народов разные задачи… Мы верим, что Бог дал человечеству одну религию, в которой евреям Он отвел роль священников, а всем остальным людям - роль творческую.

- Что за апартеид?! Какую еще творческую роль?!

- Про семь заповедей Ноя ты слышал?

- Есть десять заповедей, какие еще семь?

- Так знай, Бог ждет от народов соблюдения тех семи заповедей, которые Он дал Ною. Это шесть запретов, в которые входят запреты идолослужения, кровопролития и распутства, и одно предписание: творить справедливые суды. А «суды» в широком значении слова - это вообще мышление, это культура. Другими словами, народам предоставлена максимальная творческая свобода. Даже законы они для себя сами вырабатывают, а евреи с этими законами считаются как с законами Торы. Разумеется, если они Торе не противоречат.

- Как это ты, Сергей, о заповедях Ноя не слышал? - удивился Андрей и уже мне добавил: - Тогда так выходит, что христиане единственные, кто соблюдают семь заповедей в полном объеме.

- Почему единственные? Мусульман тоже к благочестивым сыновьям Ноя относят.

- Ну не знаю. Они считают Библию искаженным Кораном, а у нас прямая преемственность: в «Деяниях» описывается, что новообращенных из язычников апостолы принимали именно в рамках исполнения семи заповедей. Мы - привитая маслина, а мусульмане - дикорастущее не-пойми-что.

Сергей еще какое-то время пытался возражать, но потом как будто смягчился, и расстались мы в прекрасном расположении духа.

* * *

На следующий вечер я застал Андрея склонившимся над манускриптом Войнича.

- Ну, что? - сказал я. - Ты, как я погляжу, благополучно вернулся к своим папкам?

- Мое чувство к Кате не имеет права на существование... - мрачно произнес Андрей. - Сегодня оно еще душит меня, но завтра я его задушу.

- Как же ты это сделаешь? Выбросишь Катину монетку вместе с Семиной?

- Мысль заманчивая. Выбросить не выброшу, но на время точно отложу куда-нибудь с глаз долой…

- А какие у них монетки?

- Сёмина монетка - массивный пятак, ты его вертел в руках. А Катя грошик мне поднесла. Символично, не правда ли? Грошик чеканки 1912 года. А хочешь, я тебе тоже какую-нибудь монетку подарю?

- Ну давай, валяй. В порядке обмена.

- Сейчас принесу, - обрадовался Андрей. Он вышел в комнату и вернулся с банкой, в которой хранилось с десяток разных монет.

- Я эти монеты специально для дружеского обмена храню. Тут разные мои ипостаси имеются. Выбирай любую.

- Почему ты тут монеты с Лениным держишь?

- Я же родился в год его столетия. Потому «картавчики» имеют ко мне известное отношение.

- «Картавчики»?

- Ну да. Так в народе прозвали юбилейный рубль с профилем Ленина. А на этом рубле, взгляни, Ленин указывает рукой на одиннадцать, то есть на час открытия винных магазинов. Настоящий соцарт.

- Я, пожалуй, возьму эту, - сказал я, вытягивая пять центов США.

- Прекрасный выбор: «In God we trust», - одобрил Андрей. - Я бы тебе то же самое предложил.

На следующий день я улетел в Израиль.

* * *

Своими воспоминаниями о Сарит и сетованиями на потерю с ней всякой связи Андрей меня несколько растревожил, и по приезде в Иерусалим я попытался ее разыскать.

Я наугад зашел в школу Рене Кассен, располагающуюся в том районе, где, как я догадывался по маршруту ее автобуса, должна была жить Сарит. Раздобыв там у старшеклассников несколько те-

лефонов выпускников 1990 года, я обзвонил их всех по очереди, расспрашивая о русской девочке сефардского вида, которая ходила в рваных сандалях и обожала всех разыгрывать. Безрезультатно.

- Хоть бы фотография ее была, - с досадой думал я. - С фотографией запросто можно было бы все школы объездить и расспросить школьников и учителей. За день бы нашел.

Я хотел продолжить поиски, но завертелся. Стал готовиться к экзаменам и через месяц поступил в технологический колледж Махон-Лев.

Решение заняться программированием пришло неожиданно. Сидя за субботним столом, я поделился с родителями своими планами пойти учиться на ветеринара.

- Что за дикость! - воскликнула мама. - Откуда эта идея?

- Вы собаку не разрешали завести - теперь расплачивайтесь.

- Стал бы уже лучше геодезистом, как папа… Про программирование я не говорю, это тебе не потянуть… А ведь какая замечательная профессия. Была бы молодой, обязательно бы этим занялась…

- Почему это мне программирование не потянуть?

- Это не для твоих мозгов, Юрочка. Ты никогда не блистал в математике.

- Мама, поверь мне, Гемара на порядок трудней программирования. Тот, кто может учить по три - четыре страницы Талмуда в день, способен написать программу любой сложности.

То ли слова мамы меня задели, то ли общая компьютерная атмосфера нашего времени сказалась, но я действительно после того разговора решил попробовать себя в программировании.

Решение мое укрепилось тем, что обучение электронике в Махон-Леве совмещалось с занятиями в бейт-мидраше.

За свою жизнь я обстоятельно изучил только шесть трактатов, и очень радовался тому, что попал в заведение, где имелись все условия для серьезной религиозной учебы. Что поделать, но еврей, который не знает ТАНАХ наизусть или близко к тексту, еврей, кото-

рый не прошел весь Талмуд и регулярно не возвращается к нему, не может полноценно выполнять возложенную на него Создателем миссию.

Конец лета я проработал в парниках Гуш-Катифа - еврейского анклава в 15 километров длиной и 3 шириной, расположенного на юго-западе сектора Газа. Испокон веков этот прибрежный участок земли слыл совершенно безжизненным: никогда никто в истории не дерзнул обживать эти дюны. Но в считанные годы несколько тысяч энтузиастов умудрились возвести здесь дюжину поселений и создать эффективное хозяйство, производящее 15% сельскохозяйственной продукции Израиля.

До этого я бывал в Гуш-Катифе всего только пару раз, когда еще учился в йешиве. Это место никогда особенно не привлекало меня, тем более что находилось в трех часах езды от Иерусалима. Но сейчас я получил возможность с ним получше познакомиться и объездил несколько поселений: Катиф, Ацмону, Рафиах-Ям и, конечно же, столицу Гуш-Катифа - Неве-Декалим. Я как раз застал начало учебы и побывал на некоторых уроках. Меня уговаривали остаться: учиться в йешиве в Неве-Декалим и работать в парниках. Признаюсь, я очень этого хотел, но знал, что родители расстроятся. Они так радовались тому, что я попал в престижный колледж, а тут снова какая-то йешива, какие-то парники. Словом, не решился я на такой шаг, а согласился быть как все - пялиться в экран и барабанить по клавиатуре.

* * *

Я собирался уже приступить к учебе, как пришло это чудовищное известие - Израиль заключил «соглашение со смертью». В те дни все в моем окружении читали и перечитывали слова наших оступившихся предков, приведенных в 28-й главе книги пророка Йешайягу: «Мы вступили в союз со смертью и с преисподней заключили договор».

Я никогда не забуду этой даты - 29 августа 1993 года, когда нам объявили, что в то время пока в Мадриде проходили официальные переговоры с местной палестинской делегацией, за спиной народа велись также и тайные переговоры с террористической организацией «освобождения Палестины».

Я находился на рынке Махане-Йегуда, когда услышал по радио эту новость: десять дней назад в Осло прибыл Шимон Перес, где признал достигнутое соглашение и предварительно подписал его с Абу-Мазеном. Основное подписание должно было состояться в Вашингтоне, через две недели.

У меня потемнело в глазах. Я слышал вокруг возмущенные возгласы. В это невозможно было поверить.

Я как в беспамятстве зашагал куда-то без цели, и минут через десять вышел к дому Рувена, того самого, с которым служил в армии. Он был первый человек, с которым я говорил после того, как услышал это известие.

Я хорошо знал его взгляды, но никак не ожидал, что он станет поддерживать этот договор. Ведь переговоры с террористическими организациями были запрещены законом, правительство было даже не в праве их проводить. Но Рувен сиял.

- Ты слышал?! - воскликнул он, увидев меня на пороге. - Заключен мир с палестинцами. Рабин заключил мир!

Оказалось, что он честно ждал от этого соглашения мира. По-видимому, его личная демобилизация совпала в его сознании с демобилизацией общеизраильской, а возможно, и планетарной.

- Как ты можешь верить Арафату? - недоумевал я.

- Брось, мы не можем удерживать эти территории. Пришло время делиться.

- Никто с тобой не собирается делиться. ООП возникла до того, как мы заняли Иудею и Самарию. У них имеется план нашего «поэтапного» уничтожения: сначала - с помощью мирных переговоров - закрепиться на части земли, а уже потом завладеть всем. Как можно на это закрывать глаза?

- Они изменились. Они готовы на компромисс. Ты же видишь…

На этом разговор тогда кончился. Но где-то через месяц, уже после подписания договора в Вашингтоне, когда текст «соглашения» был опубликован, я снова зашел к Рувену. И снова произошел тот же нелепый диалог.

- Ну, что ты теперь скажешь? - победно спросил я с порога. - Теперь-то ты понял, что это за «договор»?

- Чего там непонятного? Мы уходим из Газы. Достигнуто мирное соглашение с палестинцами.

- Какое мирное соглашение? Ты что, не заметил, что Арафат ровно ничего, согласно этому «соглашению», не уступил? Мы ему передаем территории, мы легализуем его бандитскую неонацистскую организацию - и в обмен не получаем решительно ничего!

- Неправильно. Арафат отказался от террора…

- Но как этому можно верить?

- Рабин и говорит, что это экзамен. Если Арафат не выполнит взятых на себя обязательств, то отправится обратно в Тунис. Он же не ребенок. Он знает, что может всего лишиться.

- По-моему, ребенок ты. Даже квартиру никто не сдает на условиях, что условия эти будут оговорены после заселения. А ведь тут ты не близкого родственника в дом впускаешь, а патентованного убийцу!

Я не знал, что еще доказывать. Я был почти без сил.

1994

В январе, почти через год после демобилизации, я зашел, наконец, в гости к Пинхасу. В последние месяцы я несколько раз беседовал с ним по телефону. О соглашении в Осло мы проговорили часа два, но навестить его я выбрался только сейчас.

Как только я вошел к нему, сразу заметил, что его квартира изменилась. Правда, в чем именно заключались эти изменения, я понять не мог… это было что-то неуловимое, что меняло характер и облик пространства и представление о его хозяине. Цветов стало больше, в вазах и красивых массивных горшках они были расставлены по всему салону. Но не только в цветах было дело.

Пинхас усадил меня на диван и, быстро сервировав журнальный столик кофе и выпечкой, уселся напротив.

Первые минуты он был как-то напряжен, суетился, отвечал невпопад и главное - все время поглядывал в сторону соседней комнаты, хотя он очевидно был один и оттуда не раздавалось ни звука. Однако начав разговор, он быстро пришел в себя и стал прежним - великолепным и ироничным.

- Ты думаешь, это соглашение еще может взорваться? - спросил я.

- Очень хотелось бы надеяться, но боюсь, что Рабин уступит Арафату все.

- Неужели он даже Иерусалим поделит?

- Иерусалим? Иерусалим, пожалуй, единственное, что может стать камнем преткновения.

Мы минут десять обсуждали политическую ситуацию, как вдруг раздался звонок. Пинхас пошел открывать. Я оглянулся на гостя и буквально подскочил на месте - в комнату вошла… Сарит!

- Ури! - радостно воскликнула она, - вот так встреча!

- Сарит! Какими судьбами? Я столько искал тебя!

- Искал меня? - изумленно спросила она, - ты мне даже ни разу не позвонил!

- Прости. Я потерял телефон, и Андрей тоже потерял. И как я раньше не догадался зайти к Пинхасу! Ты, я вижу, у него бываешь?

Я заметил, что Пинхас опять весь напрягся — он был явно чем-то недоволен.

- Захожу иногда, - весело ответила Сарит. - Пинхас, ты разрешишь мне присесть? Позволишь к вам присоединиться?

Пинхас сделал какой-то нелепый жест в сторону дивана — похоже, приглашал Сарит садиться.

Я сильно разволновался:

- Я понимаю, что ты должна была думать обо мне и об Андрее, но мы действительно оба потеряли твой телефон и действительно очень тебя искали. Я в школу Рене-Касем заходил, о тебе спрашивал. Ты вообще в какой школе училась?

Сарит нахмурилась, бросила беспокойный взгляд на Пинхаса, который нервно расхаживал по комнате, и вместо ответа сказала:

- Подожди, я тебе кое-что покажу…

Она встала с дивана, вошла в спальню и вернулась из нее с крохотным младенцем на руках.

- Знакомься, это Тамарчик, наша доченька. Как видишь, я не только постоянно захожу к Пинхасу, но и задерживаюсь у него надолго. Точнее, задержалась навсегда.

Затем она подошла к Пинхасу, нежно его поцеловала и сказала со смехом:

- Спасибо, дорогой, за игру. Я знаю, ты страшно не любишь все эти спектакли, но ведь получилось забавно?

Пинхас нехотя кивнул.

- Очень забавно, - пробормотал я, не скрывая досады. - Так что же ты со мной тогда не связалась?

- Ты слишком сильно законспирировался, Ури. Ни Пинхасу, ни мне своего телефона не оставил.

- А ты-то почему ничего мне не рассказывал? - набросился я на Пинхаса. - Мы ведь с тобой раз пять по телефону разговаривали.

- К слову как-то не пришлось. Ты ведь тоже не расспрашивал меня о моем семейном положении, хотя два раза на твои звонки меня Сарит подзывала.

Я потихоньку пришел в себя, поздравил молодых, и мы обменялись новостями. Я рассказал о своей службе в Ливане, об учебе в Махон Лев, Сарит - о том, как она, по совету Пинхаса, назвалась религиозной, записалась в альтернативную воинскую службу и работала под руководством Пинхаса в Управлении Древностей. Под самый конец службы - год назад - они поженились.

- А ты жениться не собираешься? - спросила Сарит.

- Собираюсь, но чуть позже, через год, а то и через два. К концу учебы, короче.

- И кто эта девушка?

- Ты меня не поняла. У меня нет девушки, но если я к тому времени случайно ни с кем не встречусь, то рав Исраэль сосватает мне подходящую спутницу жизни.

- Я бы так не смогла, - бросив на меня удивленный взгляд, сказала Сарит. - Странно, как это люди, совсем друг друга не знающие, потом могут уживаться? Мы вот с Пинхасом два года до свадьбы общались.

- Ну, это очень просто, тут хитростей нет. Когда основой жизни для обоих являются заповеди, то при взаимной симпатии и доброжелательном отношении все само получится, к тому же уступать друг другу их с детского садика учат. А мне вот другое странно, - в свою очередь удивился я, - как могут пожениться люди, даже хорошо друг друга знающие, когда один из них религиозный, а другой - нет.

Пинхас и Сарит переглянулись. Я вдруг обратил внимание, что Пинхас без кипы.

- Так ты что, Пинхас, снял кипу?

- Носить кипу, как ты сам знаешь, закон строго не обязывает. Мы прекрасно с Сарит договариваемся по всем галахическим вопросам и, как ты верно говоришь, самое главное - умеем уступать друг другу.

Ответ был уж очень уклончивым. Это меня насторожило. У меня возникло подозрение, что не столько Пинхас привил Сарит желание выполнять заповеди, сколько Сарит отвадила Пинхаса от строгого следования закону. Впрочем, поди знай, как Пинхас и раньше его соблюдал.

- Пойми, Ури, - заговорила заметившая мое смущение Сарит. - Мы с Пинхасом прежде всего ищем истину. Мы не хотим и не можем прикидываться и бездумно выполнять предписания, в которых не видим смысла. Пинхас разъяснил мне назначение некоторых заповедей, и я их стала соблюдать. Но главное, я с ним заново проштудировала ТАНАХ и кое-что из истории еврейской мысли. Согласись, что лучшего учителя, чем Пинхас, трудно представить. А Бог ко всем людям одинаково близок: и к соблюдающим, и к ищущим, и к светским.

- Зачем же Он тогда в ТАНАХе требует от евреев неукоснительного соблюдения заповедей и даже предписывает смертную казнь отступникам?

- Ури! - запротестовал Пинхас, - ты сам прекрасно знаешь, что все не так просто и что практически невозможно никого осудить на смерть из-за невыполнения заповедей. Это было совершенно немыслимо даже во времена Храма. С другой стороны, согласись, что те, кто ревностно выполняют заповеди, вполне могут разорвать отношения с сыном, который женился на светской женщине, и даже сидеть по нему семидневный траур, как будто он умер.

- А что, твои родители так поступили?

- Что за глупости! Да и кто сказал, что Сарит светская!

- Вот именно, Ури, - кивнула Сарит. - По-твоему, нет на голове тряпочки - значит, светский, есть - значит, религиозный? Это просто смешно. Да, я не ношу платок, а Пинхас кипу, но это не значит

ровным счетом ничего. Как и то, что я зажигаю субботние свечи, а Пинхас делает киддуш.

- С последним позволь мне, Сарит, не согласиться, - это все-таки что-то значит, - возразил я. - Но вот видишь, ты сама призналась, что ты не светская, а двум религиозным уже нетрудно найти общий язык. Поэтому я и говорю, что между светскими и религиозными существует пропасть, которую только очень смелые люди готовы разместить в собственной спальне.

* * *

Как-то в начале лета я сидел в кафе недалеко от Русского подворья. Фалафели были уже съедены, я потягивал ледяную воду и просматривал материалы по предстоящему экзамену по электронике.

- Можно присесть? - услышал я веселый голос с арабским акцентом. Стул, пустующий возле моего столика, отодвинули.

- Халед! - обрадовался я. - Как поживаешь?

- Признаться, с тех пор как Арафат въехал в сектор Газа, неуютно себя чувствую. Ты в тот день смотрел телевизор?

- Всего несколько минут и выключил. Слишком тошно стало.

- А я, представь, когда это происходило, был в гостях у друга, у которого антенна двадцать каналов принимает. Мы их все перепробовали - и повсюду эта рожа.

- Да уж. Недавнее возвращение Солженицына в Россию куда меньше внимания привлекло, - согласился я.

Отношение Халеда к палестинскому делу мне было хорошо известно, и все же для меня оказалось неожиданным встретить в его лице такого решительного единомышленника. Несколько раз я пожалел, что Рувен его не слышит.

- Я не встречал ни среди сторонников, ни среди противников Арафата палестинцев, которые бы могли вообразить, будто бы он намерен жить с Израилем в мире. А вы ему поверили! Почему? Какая тому может быть рациональная причина?

- Ну, причина, положим, ясна. Запад давно признал ООП легитимной организацией, на Израиль давили десятилетиями... Вспомни, Арафату все сходило с рук: и уничтожение десятков тысяч ливанских христиан, и захваты самолетов. Сам Рейган предоставил Арафату дипломатический иммунитет, хотя располагал записью радиограммы, в которой Арафат лично отдает приказ расстрелять взятых в заложники американских дипломатов. Видно, Рабин решил, не отставать от моды.

- Мода эта была от прошлого сезона. После войны в Заливе про Арафата все позабыли, да и интифада выдохлась. А теперь благодаря Рабину, он чуть ли не Мессией считается.

В тот день Халед рассказал многое и о себе, и о своей семье. Оказалось, что его прадед был замучен людьми Фейсала Хусейни за то, что продал землю евреям. Это был участок, на котором сейчас стоят еврейские дома в районе Неве-Яаков. Прадед Халеда был близок к Раджубу Нашашиби, тогдашнему мэру Иерусалима, который поддерживал евреев и враждовал с кланом Хусейни. А дед Халеда рассказывал ему, что во времена британского мандата при всем терроре не было ни одного араба, который бы спорил с тем, что евреи возвращаются на свою землю по праву. В некоторых местах, как например, в районе Хадеры, арабы передавая землю евреям, не понимали даже за что им предлагают деньги. Говорили: "Это же ваше".

Об этом я слышал. Об этом говорилось в статье рава Цви Иегуды Кука «Лемаан даато», которую мы разбирали с равом Исраэлем.

- Говорят, - сказал я Халеду, - у мусульман имеется устное предание, согласно которому в конце времен евреи должны вернуться в Святую Землю, а живущие в ней арабы являются лишь ее временными хранителями.

- Предание такое есть, по крайней мере, было. Но главное, в Коране не раз сказано, что земля Израиля принадлежит евреям. Потребовались десятилетия, чтобы перетолковать эти ясные слова в противоположном значении.

- Как же это удалось?

- С другого конца зашли. По одной версии, палестинцы - это потомки хананейских народов, по другой - истинные евреи, то есть потомки иудеев, принявших ислам. Так что по любому, палестинцы оказываются истинными наследниками этой земли, а евреи выходят не имеющими корней европейскими колонизаторами.

* * *

На другой день я получил своеобразную весточку от Сергея Егорова. Мне позвонила некая Ольга и сказала, что привезла от Сергея в подарок книгу Рене Генона «Царь мира».

Мы назначили встречу в Иерусалиме у центральной автобусной станции. Я уже настроился, что мне придется долго искать какую-то даму по смутным приметам «светлых волос» и «синей рубашки с джинсами», однако вышло по-другому. Я сразу узнал эту яркую особу - это была та самая миловидная блондинка с короткой стрижкой, которая сидела у самого окна в московском общежитии и небрежно бросала оттуда теософские реплики.

- Ольга, - представилась посланница Егорова и протянула мне руку, которую я вынужден был пожать, хотя это и запрещено галахой.

Галаха не позволяет посторонним мужчинам и женщинам как-либо соприкасаться, но строго выполнять это правило вне религиозной общины - серьезное испытание. Не всякий раз предоставляется возможность провести разъяснительную лекцию, почему благочестивому еврею нельзя пожимать протянутую ему женщиной руку, а без таких объяснений всегда возникают нежелательные недоумения.

- Так мы знакомы, - сказал я. - Я помню вас. Вы говорили что-то про Заратустру.

- Да, я тоже вас помню, - сухо ответила Ольга и, достав брошюру, молча протянула.

- Надолго сюда? Где остановились?

- Нет, я теперь тут живу, - ответила Ольга, как мне показалось, с усмешкой.

Я пригляделся. Она действительно была похожа на еврейку, хотя раньше я этого не замечал.

- И давно вы в Стране?

- Уже месяц.

- Где же вы осели?

- В Хевроне.

- В самом Хевроне?! Не в Кирьят-Арбе?

- В самом Хевроне.

- Ого! Серьезное место.

Хеврон действительно был городом необычным. Столица колена Иегуды, город, где находилась усыпальница Праотцов, Хеврон был тем редким местом, в котором всегда жили евреи. Тянувшаяся на протяжении столетий еврейская жизнь этого города была прервана чудовищным погромом 1929 года. Тогда в один августовский день арабами были убиты 67 евреев. Чудом оставшиеся в живых, бежали.

Однако сразу после Шестидневной войны первые поселенцы потянулись в Хеврон. Еврейский квартал этого города стал восстанавливаться вокруг бывшего больничного комплекса Хадасса.

С того момента и по сей день обновленный еврейский квартал Хеврона превратился в место ожесточенного противостояния. Каждый угол, каждый камень здешних улиц хранит воспоминания о террористических нападениях.

В двух километрах отсюда был выстроен целый еврейский город Кирьят-Арба, но восстановленная древняя община города Хеврона была, конечно, главным достижением поселенцев. Благодаря ей сохранялась живая связь с древней историей. Сотням тысяч еврейских паломников, стекающимся со всего мира к гробнице Праотцов, всегда было отрадно посещать здешние еврейские кварталы.

- Ну а с ивритом у вас как? - спросил я.

- Не очень хорошо, надо признаться.

- Вы с семьей или одна?

- Мы с мужем.

Держала себя Ольга несколько холодно, никакого желания поддерживать отношения не выражала, но серьезность ее выбора произвела на меня впечатление, и я предложил ей обращаться ко мне, если возникнут какие-то трудности. На том мы и расстались.

* * *

В августе я, как и год назад, отправился в Гуш-Катиф. Сначала работал в парниках в Ацмоне, а потом в коровнике в Катифе. Неожиданно мне понравилось. Причем понравилось настолько сильно, что я решил остаться на ферме и не возвращаться в колледж. В субботу я объявил об этом родителям. Я, конечно, знал, что родители будут не в восторге - но такой реакции даже от них я не ожидал.

- Это немыслимо! - закричал папа, вскочив из-за стола. Я испугался, что ему станет плохо. - Это безответственно… Это, это…

- Юра, всему должен быть предел! Ты совершенно дезориентирован… - вторила ему мама.

- Я не ребенок и могу выбирать себе занятие по душе…

- Нет, Юра. Мы твои родители, и мы не вправе допускать это… сумасбродство, - голос мамы задрожал. - Нам хватило уже твоей йешивы и твоего Ливана. Казалось бы, впервые в жизни ты выбрал что-то человеческое, и променять это на хлев! Ты рано или поздно бросишь коров, но останешься без профессии и без средств к существованию…

- Мама, я повторяю, я взрослый человек. Этот вопрос не обсуждается.

Дело кончилось тем, что у мамы разболелось сердце и подскочило давление. Она улеглась на диван, где еще целый час приходила в себя, глотая лекарства и периодически всхлипывая. Мне ничего не оставалось, как пообещать ей, что я доучусь на программиста, а уж там видно будет.

Впрочем, не только родительские слезы, но и положение в стране удерживало меня в Иерусалиме, где ни на день не утихали политические протесты.

С Арафатом в Израиль пришел новый вид террора - на улицах и в автобусах все чаще стали взрываться «умные палестинские бомбы» - обвязанные взрывчаткой «шахиды». Число жертв росло, но Арафат бездействовал. Иногда он выступал по израильскому телевидению с осуждением теракта - точнее, сетовал на то, что теракты-де «вредят палестинским интересам».

Было видно, что он просто выясняет для себя, сколько евреев можно убивать, чтобы при этом не застопорился «мирный процесс», то есть передача под его контроль очередных территорий... Рабин бесился, на два-три дня хлопал дверью, но всегда возвращался к своему «партнеру». Что бы Арафат ни наплел, «экзамен» засчитывался. Чувство унижения и национального позора стало постоянным, как чувство тошноты у ракового больного.

Казалось, по мере развития событий люди должны были бы одуматься, но они лишь пугливо подменяли один вздор другим. Теперь выяснилось, что Арафат просто не может вести себя иначе, просто не может бороться с террором из-за «внутриполитических проблем». О том, что такой озабоченный своими «внутриполитическими проблемами» Арафат совершенно не нужен Израилю и что он должен вернуться в Тунис, никто уже не вспоминал. Арафат был объявлен единственным палестинским лидером, способным дать «миру шанс». Ему торжественно вручили Нобелевскую премию, и уповать на кого-либо, кроме него, стало считаться кощунством.

* * *

В интенсивной учебе и политических протестах пролетал месяц за месяцем.

Наступило лето 1995 года. Как только я сдал экзамены, то сразу отправился в Гуш-Катиф, на сельскохозяйственные работы. Но пробыл там на этот раз совсем недолго. Меня сманили в другое ме-

сто - в поселение Мехола, что в Иорданской долине, соблазнили парниками и скотоводческими фермами.

Что сказать? Если не считать дикой жары, там было чудесно: и цветники, и сады, и горные пейзажи, которых, признаться, мне очень недоставало в Гуш-Катифе. Были и хозяйства, на которых остро не хватало людей. Я остался работать на одной такой небольшой ферме до конца лета, задержался до Суккота и… в колледж так и не вернулся.

Я еще какое-то время морочил родителям голову, будто бы возобновлю учебу, но сам понимал уже, что к этим идиотским экранам никогда больше не вернусь.

Ближе к зиме я смог убедить родителей в том, что человеку нужно занятие по сердцу и что двух лет учебы в Махон Леве вполне достаточно для того, чтобы получить работу программиста, если в том вообще когда-нибудь возникнет необходимость.

1996

В начале января приехал Андрей. Остановился он, как и в прошлый раз, у Зеэва и Марины. Я сообщил Сарит о его приезде, и на другой же день мы были у него в гостях. Андрей уже знал, что к нам придет не прежняя легкомысленная девчонка, а замужняя женщина и молодая мать.

Хотя как именно отнесся Андрей к этой новости, я не совсем понял… Во всяком случае по телефону мне показалось, что он скорее ошеломлен, чем рад.

Однако сейчас при всех Андрей изобразил бурную радость за Сарит, а может быть, и вправду уже так чувствовал…

И Андрей, и Фридманы буквально набросились на Сарит с расспросами. Из того разговора кое-что новое узнал и я: оказывается Сарит уже несколько месяцев училась на курсах медсестер, а Пинхас издал книгу, посвященную истории маккавейских войн и хасмонейской династии.

- Как же так получилось, что ты в медицину пошла? - удивился Андрей. - Мне казалось, у тебя гуманитарный склад.

- Склад-то гуманитарный, но от склада этого мало в жизни пользы. А родители мои - врачи, из-за них я давно на эту профессию нацелилась.

- А о чем Пинхас в своей книге пишет? - спросил я. - Ты читала?

- Конечно, - Сарит посмотрела на меня с удивлением. - Как бы я могла не прочитать книгу собственного мужа, написанную по очень интересующему меня вопросу? Он пишет о взаимодействии культур, о том, как эллинизм проникал в еврейскую жизнь.

- Тогдашняя ситуация во многом напоминает нынешнюю, - заметил Зеэв. - Эллинисты и иудеи противостояли тогда друг другу так же, как сегодня светские израильтяне противостоят

религиозным.

- Не скажите, - стал спорить Андрей. - Между древними эллинистами и современными просвещенными людьми есть одно существенное различие. Современные просвещенные люди порождены христианской культурой, они идентифицируют себя с маккавеями, а не с эллинистами. В секулярной культуре, разумеется, всякие тенденции можно встретить, в том числе и богоборческие, но в ней несомненно имеются подлинные каналы связи с Богом.

- Совершенно с тобой согласна, Андрей, - кивнула головой Сарит. - Это то, что я всегда пытаюсь объяснить Ури. Он не понимает, что светские люди ищут того же Бога, что и люди религиозные, причем иногда у них это даже гораздо лучше получается.

- Не думаю, что лучше, - возразил я. - И я совсем не уверен, что христиане больше взяли от иудеев, чем от эллинов. Что же касается секулярной культуры, то и в ней, мне кажется, в большей мере проступает как раз лик Антиоха Епифана, чем Иегуды Маккавея.

При этих моих словах Андрей и Сарит весело переглянулись. Видно было, что они хорошо понимали друг друга, и я вместе со своим «ретроградным» подходом их сильно забавлял.

- Мне, представьте, точка зрения Ури более верной кажется, - неожиданно поддержал меня Зеэв. - В том, что сейчас происходит, я отчетливо вижу ту же самую маккавейскую коллизию. Обратите внимание, Рабин публично отрекся от ТАНАХа, сказал что не рассматривает его как мандат, предоставляющий евреям право на Эрец Исраэль. И вот приходит ревнитель и убивает его. Разве это не сцена времен маккавейских войн?

- Не напоминай об этом! - замахала руками Марина. - Рабин - преступник, которого следовало судить. А этот молокосос не только дал уйти ему от правосудия, но еще и придал ореол мученичества его постылому делу.

* * *

На следующий день я взял отпуск на ферме и повел Андрея в Шилоах - арабское село, расположенное на месте древнего йевусейского города, который завоевал царь Давид. В последние годы евреи скупили здесь десятки домов, и в этой, самой древней, части Иерусалима начались археологические раскопки.

Когда мы поднялись из Шилоаха, то у самых Мусорных ворот столкнулись с Халедом.

- Вот так встреча! - обрадовался я. - А вы знакомы, между прочим.

Андрей стал пристально рассматривать Халеда, по улыбке которого сразу стало ясно, что он как раз узнал Андрея с первого взгляда.

- Вроде нет, - ответил Андрей.

- Тогда знакомься. Халед, - сказал я Андрею.

- Я о тебе много слышал. Очень рад, - ответил Андрей на иврите.

Мы решили вместе погулять по Старому городу. У охраны при входе мы с Андреем благополучно миновали рамку металлоискателя. А вот Халеда охранник долго проверял и попросил предъявить документы. Тот достал из кармана удостоверение личности, показал его и тоже прошел.

Я заметил, что корочка его документа была синей, а не оранжевой, как в прошлый раз. Это совсем сбило меня с толку.

Что это значит? Откуда у Халеда израильский паспорт?

От этой мысли меня тут же отвлек Андрей, тянувший нас к узким Магрибским воротам, ведущим на Храмовую гору.

- Пошли туда…

- Это не так просто, - усмехнулся я. - Туристические экскурсии наверх иногда допускают, но в принципе для немусульманина туда путь закрыт.

- Ты хочешь сказать, что никогда там не был? Не был на Сионе? Ведь ты же сионист.

- Не был. Не думаю, что это возможно. Впрочем, я слышал, что появились какие-то ортодоксальные иудеи, которые добились разрешения подниматься на Храмовую гору. Их пускают вроде бы по двое, раз в неделю. Но за ними следят специальные стражи - чтобы они глаз не закрывали и губами не шевелили.

- Чего-чего?! Это еще зачем?

- Шариат запрещает евреям и христианам молиться в пределах мусульманских святынь…

- М-да, - пробормотал Андрей. - Продвинутая вы, однако, демократия. Такие широкие права мусульманам предоставляете…

Мы углубились в еврейский квартал, дошли до разрушенной иорданцами синагоги Хурва и уселись на каменный парапет, залитый лучами зимнего иерусалимского солнца.

- Что за удостоверение ты предъявил сейчас у Стены Плача? - задал я наконец Халеду мучивший меня вопрос. - Можно взглянуть?

Халед с легкой усмешкой протянул документ.

Я открыл паспорт и убедился, что он принадлежит действительно Халеду Эль-Масри. На месте проживания значилось… Акко.

- Откуда у тебя это? Ты ведь палестинец, живешь в Рамалле. Я же сам тебя там встречал.

- Все чисто, - забирая паспорт назад, сказал Халед. - Я уже скоро год как получил израильское гражданство.

- Каким образом?

- Угадай.

- Ты - маштапник?! - осенило меня вдруг.

- Угадал.

- Почему же ты никогда раньше об этом не говорил?

- Как бы я мог? Просто в какой-то момент хамасовцы меня раскрыли. Еле живой ушел…

- А что такое «маштапник»? - вмешался Андрей. - Я в принципе догадываюсь, о чем вы, но кое-что не понимаю.

- Сокращение от «Мешатеф пеула», агент служб безопасности, - радостно объяснил я. - Халед, оказывается, на Израиль работал, представляешь?! А в преддверии передачи территорий раскрытым палестинским агентам стали предоставлять вид на жительство или даже израильское гражданство.

Я был очень рад. Халед был мне симпатичен, и после наших долгих бесед о «текущей ситуации» мы с ним по-настоящему сблизились. Но эти встречи в Рамалле, да и другие обстоятельства никогда не переставали меня смущать. Назойливая мысль, что я не все про него знаю, не давала мне покоя. Теперь, наконец, все разъяснилось.

- Так ты тогда в Рамалле в полицейском участке по заданию, что ли, находился?

- Конечно.

- А на перекрестке Адам? Это ведь, наверно, хамасники тебя сбить хотели?

- Нет, нет, ну что ты, - замахал руками Халед. - Я был раскрыт относительно недавно…

Мне опять показалось, что он темнит, но не хотелось давить, не хотелось устраивать дознание человеку, только что сделавшему такое поразительное признание.

- А как же это случилось, что ты стал сотрудничать?

- Само так вышло. Мне было тогда двадцать лет. Один человек стал уговаривать меня примкнуть к террористам. А из разговора я понял, что он поручил кому-то напасть с ножом на евреев на тремпиаде в Шуафате… Я к тому моменту уже знал одного маштапника. То есть его все знали, он не таился. Так вот, я рассказал все ему - он передал мою информацию куда надо. Скоро меня вызвали. Долго беседовали, предложили сотрудничать, ну и я, в общем, согласился.

- И много тебе довелось терактов предупредить?

- Я не считал. Но десятка три, думаю, наберется.

- Ого! Как же ты информацию получал?

- Знакомился, как бы случайно, с нужными людьми, ну и они мне обычно все сами выкладывали. Люди почему-то любят посвящать меня в свои секреты.

- Ну а сейчас как? Тебе и сейчас удается собирать информацию?

- Намного реже.

- А тот маштапник, к которому ты первый раз обратился? Как он?

- Ахмад?.. Он никогда не скрывался. Сильный человек, сумел себя поставить и до последнего времени продолжал жить в своем селе под Рамаллой. Но сейчас он, конечно, уже год как израильский гражданин и живет в Галилее. С ним так было… Уголовники стали вымогать у него деньги. Он не дал, его избили. А он возьми и обратись после этого в израильскую полицию. Бандитов в тот же вечер задержали. А он с той поры стал сотрудничать. Причем открыто. Вот к нему я и пришел.

- Наверно, это трудный был выбор. Ты никогда не чувствовал себя… - смутился я, - …извини, предателем что ли?

- Нет, я ни перед кем не виноват. Эти люди опасны для всех одинаково. И выбор мой совсем не трудный был. В ту пору, я имею в виду. Сегодня, конечно, когда вы сами свое дело рушите, не знаю, как бы я поступил…

- Знаешь, Халед, что я тебе скажу? - воскликнул Андрей. - Ты… ты… Он явно запутался с ивритом.

- Что ты хочешь сказать? - спросил я.

- Скажи ему, что пока мы жили под коммунистами, мы желали поражения СССР в его противостоянии Западу. Мы видели в СССР угрозу человечеству и считали таких людей как Сахаров или Щаранский героями, а не предателями. Сегодня угроза человечеству исходит от исламистов. Поэтому такие люди, как Халед, тоже не должны чувствовать себя предателями…

Я перевел.

Халед усмехнулся.

- Все так. И я действительно предателем себя не чувствую. Но есть одно отличие. Ты только представь себе, что в той вашей борьбе Запад был бы не на стороне Сахарова и Щаранского, а на стороне Брежнева. Представил? Так вот у нас, у палестинцев, именно такая ситуация…

* * *

Когда я на следующий день позвонил Андрею, его уже не было. Он ушел в пустыню. Искать рукопись. Зеэв пытался объяснить, что сезон для экспедиций неподходящий - все было бесполезно. Меня он не только не пригласил присоединиться (знал, что не пойду), но даже и не заикнулся о своем путешествии.

Через пару дней я привел Халеда к родителям. Мой отец, узнав, что Халед - сотрудник ШаБаКа, настоял на знакомстве. Целых два часа мы говорили на иврите за русским чаем про арабскую ментальность.

- Ну, а отношение к женщине? - поинтересовался папа. - Оно все-таки у вас, как бы выразиться… потребительское.

Мама в этот момент как раз вышла на кухню, и Халед неожиданно разоткровенничался.

- Мне кажется, что у европейцев другая крайность. Женщины повсюду помыкают мужчинами. Это противоестественно.

- Но дело не в том, кто главенствует, - вмешался я. - Я помню, когда в Рамалле служил, нас инструктировали не заступаться за арабских женщин, когда их на твоих глазах мужья бьют. Говорили, что если ее защитить, ее потом вконец изувечат. Нам даже заговаривать с замужними женщинами не разрешали, потому что за это ей тоже мордобой полагается. Это так?

- Не совсем, - уточнил Халед. - Неприятности ее ждут, если она ответит.

- И это что, нормально, по-твоему? Нормально бить женщину?

- Я против жестокости. Но мужчина не должен находиться в подчинении у женщины, а чтобы в таком положении не оказаться, он должен постоянно женщине о ее месте напоминать. Я никогда не

видел, чтобы мой отец ударил мать, но иногда он запирал ее в комнате. Вполне можно и без побоев с женой обходиться, хотя это и трудно.

Я не верил своим ушам. Честно говоря, не ожидал такого от Халеда. Он говорил это так буднично и убежденно, как будто сообщал нам, что правильно чистить зубы или мыть руки перед едой. Я растерялся и не стал возражать.

Когда Халед уже собрался уходить, мама вдруг вспомнила, что звонил Андрей и просил передать, чтобы я срочно приехал.

Я тут же набрал номер, но никто не подходил.

- Ничего не понимаю. А откуда он вообще-то звонил? - спросил я у мамы.

- Из дома, - твердо сказала мама.

- Ты уверена? Там никто не берет трубку.

- Нет, он точно сказал, что уже вернулся из своего какого-то похода и ждет тебя дома. Говорил, что это очень важно.

Халед был за рулем и вызвался меня подвезти.

По дороге Халед расхваливал мне маслины какого-то араба из Абу-Гоша, «не попробовав которые невозможно знать, какой вкус Бог задумал для этих плодов», и пытался объяснить, в какой лавке на рынке «Махане Иегуда» их можно купить. Я не очень понял его описание, и он пообещал показать мне все на месте, если Андрея не окажется дома. Но Андрей уже появился.

- Я нашел ее, нашел! - кричал Андрей, втаскивая нас в гостиную. - Тебя не дождался, не смог утерпеть - в фотоателье бегал, только вернулся. И знаете что? Все получилось! В лучшем виде получилось!

- О чем ты? Какое ателье? Где ты был? - ничего не понял я.

- Я нашел то место! Нашел рукопись… - говорил Андрей возбужденно, слегка косясь на Халеда.

- Брось! Быть того не может… Показывай!

- Показывай! - усмехнулся Андрей. - Я и не думал ее забирать. Рукопись очень легко повредить, а я подходящей сумки с собой не взял… Я просто искал место, не очень-то надеясь его найти. Это была всего лишь разведка. Единственно, что я из пещеры вынес - вот эти две монетки. Посмотри, как хорошо оттерлись.

Андрей достал из кармана две одинаковые серебряные монеты. На обеих сторонах виднелись хорошо различимые еврейские надписи, но шрифт был древний и прочитать я их не смог.

- В общем так, - продолжил Андрей, спрятав монеты обратно. - Это свиток. Надо думать, пергаментный. Как он сохранился, трудно судить. Он слипся, и разворачивать его я не стал. Вдруг поврежу. Я ведь в тот раз вообще понял, что передо мной рукопись, только когда ее случайно задел и от нее отвалился внушительный кусок. Точнее, я даже и тогда не сразу все понял. Я потянул за край, открошил от свитка еще кусок и только тут заметил, что передо мной древний текст. Ну а в этот раз я вообще ничего не трогал… Но зато я взял с собой фотоаппарат со вспышкой и очень хорошей оптикой и снял те два фрагмента, которые отвалились еще в прошлый раз. Сейчас бегал печатать. Вот смотри, что получилось…

Он схватил со стола пачку фотографий и протянул мне.

- Андрей нашел в каком-то ущелье рукопись, это снимки из той пещеры, - объяснил я наконец ничего не понимающему Халеду.

- Осторожней с этим, - предупредил Халед. - Вас могут бедуины выследить и пещеру разграбить.

- Не бойся. Там уже завтра будут археологи. Завтра утром мы сообщим в Управление древностей, - когда я это говорил, я не сомневался, что так оно и будет.

Среди фотографий горшков и каких-то непонятных предметов были снимки явно древнего текста. Всего два фрагмента. Один сохранился прекрасно. Текст был арамейский, я принялся читать, сразу переводя Андрею на русский:

«Ты обратил меня в источник вод, орошающих пустыню, в родник, дающий жизнь саду… насажденному кипарисами… В тени его будут пастись… и птицы небесные в ветвях… Жаждущие придут ко мне… Потекут реки воды»…

Я был потрясен.

- А где ты говорил, будто было написано «Шней Йешуа» - Два Иисуса? - спросил я.

- Вот здесь, - показал мне Андрей другой, по-видимому, внешний фрагмент, который сохранился заметно хуже. Там среди прочего действительно проступали буквы «йуд-шин-вав-айн», а также «шин-тав».

- «Йешуа» - это действительно может быть имя собственное, но это надо еще тщательно проверить. Ну, а «шин-тав» и закорючка, похожая на «йуд», никакого отношения к ивритскому слову «штей» не имеет. Это точно.

- Не имеет? Почему это не имеет?

- Потому что текст-то арамейский. А «два» по-арамейски это «трей», а не «штей». Ну, а «шин» и «тав» во многих словах могут соседствовать, например, в арамейском слове «хашта», что значит «сейчас»! Я уже не говорю о том, что в мужском роде слово «два» звучит как «шней», а не «штей».

- Ладно, - махнул рукой Андрей. - Тебе виднее.

* * *

Халед скоро ушел, а я стал изучать карту, которой Андрей пользовался в путешествии.

Как я понял, пещера находилась в нескольких километрах в северо-западном направлении от Каранталя, в ущелье Макух. Я был хорошо знаком с другим ущельем - вади Кельт. Это место - очень красивое и очень популярное у туристов - находилось чуть южнее. А вот про ущелье Макух я ни разу нигде не слышал.

- Ну а ты знаешь, что это за текст, который ты сейчас перевел? - спросил Андрей.

- Вообще-то это похоже на фрагмент из одного кумранского гимна… Нужно бы сопоставить. Постараемся узнать, кто там вообще в этом районе обитал, - сказал я. - Сам я ничего про это место не знаю. Надо посоветоваться с опытными людьми…

- Эти «опытные люди» овладеют рукописью, и дело с концом. А я не только этот свиток нашел, я его хочу забрать и изучать, - запротестовал Андрей.

- Не дури. Как ты можешь изучать текст, даже не зная языка? Кроме того, по закону ты должен эту рукопись передать государству. Сегодня мы уже не успели, но завтра утром надо обратиться в Управление древностей и все им подробно рассказать…

- Ну уж нет! - возмутился Андрей.

- Как так нет?! Что за ребячество?! Ты что, не знаешь, у нас это уголовное дело, присваивать археологические находки… К тому же Халед знает, он же может разболтать еще кому-то, и мы попадем под суд за укрытие рукописи.

- Так надо его предупредить, чтобы помалкивал. К тому же в принципе я собираюсь передать свою находку в Управление… Я просто не тороплюсь этого делать. Не напрасно я всегда чувствовал, что это место связано с тайной! Я должен сам это все сначала исследовать. Эта рукопись - моя находка, моя миссия, и прежде чем ею поделиться с человечеством, я хочу сам все, что возможно, изучить наедине. Ну что, понял теперь?

- Понял. Тебя подмывает еще одну папку завести. Но долго тянуть с этим не советую… Сам же влипнешь в неприятности.

- Давай сделаем так. Пойдем туда вместе с какой-нибудь подходящей тарой. Все заберем, переснимем, просмотрим и уж тогда, после этого, ближе к моему отъезду заявим о находке. Согласен? Мы должны первые все просмотреть. А Халед, надеюсь, никому не скажет…

Я и сам потихоньку стал входить в азарт. Мне тоже страшно захотелось самому скорее все это увидеть. Первому прочесть древнюю рукопись, написанную по-арамейски!… А там в Управлении

древностей подождут недельку-другую…

- Значит, так, - сказал я, подумав. - Уже сегодня можно связаться со специалистом, но только для того, чтобы произвести общую разведку, и своих карт не раскрывать. Саритин муж - Пинхас. Это свой человек. У него можно многое выяснить…

Мы тут же позвонили и договорились с Сарит, что зайдем на другой день вечером. Пинхас должен был быть дома.

В тот вечер я позвонил на ферму, отпросился с работы и на другой день зашел в библиотеку. Я нашел нужные каталоги и сразу все выяснил о монетах, найденных Андреем. Они, оказывается, относились к периоду Первой иудейской войны. Это были повстанческие монеты, которые уже находили в Масаде. Древний шрифт, по-видимому, был просто стилизацией. На одной стороне монеты была изображена ветвь с тремя гранатами и было написано «Иерушалаим Хакдуша» - «Святой Иерусалим», на другой была отчеканена чаша и указывалось достоинство монеты - «хаци шекель» - «полшекеля». То есть это была та самая «культовая» монета, которая приносилась в дар Храму и посредством которой исчислялся святой народ.

* * *

В гости к Пинхасу мы явились, сияя как именинники. Я представил Андрея хозяину, и они даже поговорили на иврите. В России Андрей заметно продвинулся в изучении языка, и хотя говорил с трудом, понимал уже многое.

- Слушай Пинхас, - начал я издалека. - У нас к тебе вопрос как к специалисту в археологии… Ты слышал когда-нибудь про ущелье Макух в районе Иерусалима?

- Не только слышал, но и несколько раз проводил там раскопки.

Мы с Андреем многозначительно переглянулись. На ловца и зверь бежит.

- Отлично. А что за история у этих мест? Кто и когда там жил? Что там можно найти?

- Ущелье Макух служило границей между иудейским и израильским царствами. А человек обитает там с доисторических времен по настоящее время.

- В настоящее время - имеются в виду бедуины?

- Совершенно верно. В ущелье и его окрестностях живет внушительное бедуинское племя… У них там даже постоянные строения есть - явление весьма редкое для этих мест. Ну так вот, там действительно немало пещер, в которых сохранились следы первобытных людей… В них обнаружили каменные орудия. Кроме того, много следов присутствия времен первого и второго Храма, периода восстания Бар-Кохбы… Имеется также множество пещер, служивших кельями первым монахам, имеется скальная церковь византийского периода… Есть, кстати, и следы присутствия иудео-христиан…

- Ты можешь на карте показать? - я достал карту.

- Убери это, у меня есть кое-что получше.

Пинхас развернул большую подробную карту, на которой имелось множество пометок.

- Вот тут расположена эта скальная церковь. Очень внушительное сооружение…

- Ну а рукописи какие-нибудь в ущелье Макух находили?

- Не то чтобы очень… При мне был обнаружен только один свиток времен Бар-Кохбы… Пятьдесят лет назад, когда был кумранский бум и бедуины перерыли всю Иудейскую пустыню, там они тоже что-то находили. Но после Шестидневной войны, когда Иудейская пустыня перешла к нам, в ущелье Макух ничего, кроме этого свитка, уже не обнаружили. - Пинхас вдруг остановился, посмотрел на Андрея, потом на меня и спросил: - А почему вы вообще об этом спрашиваете?

- Андрей там был и снова туда собирается. Он ведь историк, археолог даже. Хочет знать, с чем там можно столкнуться…

- У меня такое чувство, Андрей, что ты там уже что-то нашел, - сказала вдруг Сарит Андрею по-русски. - Я права?

- Права, - улыбнулся Андрей.

- И что это, действительно рукопись?

- Ну да.

- Потрясающе! Она у тебя?

- Нет, я оставил ее на месте. Боялся повредить.

- Так почему ты не скажешь об этом прямо? Ты что, не доверяешь моему мужу?

- Ой, перестань. Причем тут доверяешь - не доверяешь. Я просто хотел остаться наедине со своей находкой как можно дольше.

Пинхас напряженно смотрел на жену, заметно раздражаясь, что она говорит с гостями по-русски. Он, видимо, тоже заподозрил, что мы пришли неспроста.

- Ну хорошо, скажи ему тогда, что я нашел рукопись, написанную по-арамейски, - сказал Андрей, махнув рукой.

- Скажи ему об этом, Ури. Ты ведь знаешь, как это было? - обратилась ко мне Сарит опять же по-русски.

Пинхас был явно недоволен этими переговорами, которые велись при нем на непонятном ему языке. Конечно, у него были основания злиться - от него очевидно что-то скрывали. Он заметно нервничал и, по-видимому, готовился что-то сказать…

- Видишь ли, Пинхас, - сказал я, предупреждая его вопрос. - Андрей был в ущелье Макух и нашел там свиток, рукопись на арамейском языке.

У Пинхаса вытянулось лицо.

- Не может этого быть! - воскликнул он. - Какой свиток? В каком месте?

- Рукопись осталась лежать там, где ее обнаружили - в пещере, - пояснил я. - Но у нас есть фотография одного фрагмента.

Я достал фотографию и показал пальцем на разобранную мною фразу:

«Ты обратил меня в источник вод, орошающих пустыню, в родник, дающий жизнь саду… насажденному кипарисами…»

Реакция Пинхаса была неожиданной. Ироничный, аристократичный, невозмутимый Пинхас исчез, появился какой-то порывистый, беспокойный, раздражительный.

- Что ты говоришь! Это же похоже на гимны кумранских сектантов! Да еще на арамейском… Не может быть!.. - нервно бормотал Пинхас, впившись глазами в фотокопию. - Где? Где он это точно нашел?

- Вот здесь приблизительно, - ткнул я рукой в карту. - Андрей, покажи, где эта пещера.

Андрей показал место.

- Это пещера почти первая на этой горе, - сказал он на иврите, явно довольный своими познаниями в святом языке. Пинхас сделал пометку на карте.

- Там подряд расположено пещер пять - шесть. Правильно?

- Да, - ответил Андрей.

- Непростая ситуация, - озадаченно сказал Пинхас. - Ведь это теперь территория палестинской автономии! Вот смотри, видишь, здесь древняя синагога Нааран обозначена. Сама она и все, что юго-восточней, отошло Арафату…

- Это что значит? Что собственником рукописи является Арафат?

- Грубо говоря, да. Во всяком случае, точно, что не государство Израиль. Передав Египту Синай, как известно, Израиль вручил этой стране также и всю обнаруженную там нами археологию.

- Но ведь мы можем указать не то место, где нашли.

- Теоретически это возможно. Но практически это совсем не просто осуществить. Где-то начнут всплывать противоречия. Шутка ли, все пещеры осмотрены, существуют протоколы… Одним словом, это возможно, но сопряжено с риском. Начальство должно быть либо серьезно введено в заблуждение, либо, напротив, должно знать все и вас покрыть. А оно всего боится… Ну ладно, бу-

дем думать. В любом случае ясно одно, официальной экспедиции туда направить уже невозможно. Еще два года назад все это было бы наше. А теперь - спасибо Рабину…

В результате мы сговорились на нелегальной экспедиции. Пинхас должен был все продумать, подготовиться и позвать нас.

Мы с Андреем шли домой взбудораженные и счастливые. Мы были рады, что открылись Пинхасу, и теперь заполучили в команду настоящего специалиста и энергичного человека. Именно такого нам не хватало.

- Главное, чтобы эта рукопись не попала в руки Арафата! Надо все делать, как Пинхас скажет! - убеждал меня Андрей, хотя я и так был с ним совершенно согласен. - Пусть он все это дело ведет.

* * *

Неделю я провел на ферме, а потом снова взял отгул и заехал с Андреем к своему другу Йосефу из Мицпе-Йерихо, с которым немало путешествовал в тех окрестностях. Йосеф уже год как женился, ушел из родительского дома и поселился неподалеку в караване.

Он был не только большой талмудист, но и бравый сержант десантных войск. С первого взгляда в нем виделся боец: мускулистый, крепкий, даже глаза и волосы у него были цвета хаки, казались какими-то выгоревшими, как трава в Иудейских горах в летнюю пору. Да и работал он инструктором по стрельбе: обучал охранников пользоваться пистолетом. Казалось бы, скучнейшее занятие, но Йосеф умел вдохнуть в него жизнь.

- Вся эта прицельная стрельба, которой учат у нас в тире, никому не нужна, - внушал он мне. - Этот навык только снайперу требуется, а телохранителю или охраннику он без надобности. Люди, которым доводилось ликвидировать террориста - не целились! Просто не успевали. А это значит, что вместо того, чтобы учиться прицельной стрельбе, надо учиться правильно держать в руке писто-

лет. Учиться брать его так, чтобы ствол строго продолжал линию руки. В этом случае невозможно промазать. А ведь этому никто и нигде по-настоящему не учит…

После этого замечания Йосеф минут десять ловко и артистично демонстрировал, как следует выхватывать пистолет и, не целясь, направлять его на террориста.

Я очень любил бывать у него дома. Из их поселения открывался потрясающий вид на Иорданскую долину.

В тот день была отличная видимость. Я повел Андрея к смотровой площадке, и в лучах заходящего солнца открылся захватывающий вид на Иудейскую пустыню, возвышающиеся на другой стороне долины горы Моава и свинцовые переливы Мертвого моря.

- Видишь, - сказал я Андрею, - когда сыны Израиля входили на свою родину, они прошли по самому низкому месту на земле - 400 метров ниже уровня моря.

- Я знаю. В этом же месте происходило также и крещение Иисуса.

- А помнишь, что еще здесь случилось? С пророком Элиягу?

- Точно, он же в этих краях был восхищен живым на небо! - обрадовался Андрей, жадно впившись глазами в оконечность Мертвого моря. - Как я раньше не задумывался, что пророк Илья был взят на небо из самой низкой точки планеты… Выходит, самое низкое место находится вверху.

- Тут еще вот, что интересно. В Торе сказано: «Пыталось ли какое божество взять себе народ из среды другого народа, как сделал для вас Господь Бог ваш?» После того как были сказаны эти слова, прошло более трех тысяч лет, учеными были описаны все народы и систематизированы все их мифы. И вот выяснилось, что действительно нет такой «мифологической структуры». То есть нет такого божества, которое бы, как Бог Израиля, попыталось вывести народ из среды другого народа! Так вот с этой глубиной Иорданской долины приблизительно то же самое получается. Это ведь нужно было открыть все материки, обмерить все впадины и только тогда

стало ясно, чем уникально то место, через которое сыны Израиля прошли при вхождении в свою землю, а пророк Элиягу был восхищен живым на небо… Ну и кроме того, Иудейская пустыня в районе Мертвого моря - это не только самое низкое, но еще и одно из самых сухих мест на земле. Здесь почти не выпадает осадков. Именно поэтому в этом районе сохранились древние рукописи. Нигде в мире такого не бывает. Все сгнивает за несколько десятилетий, а тут все сохраняется, как в библиотеке… Многие древние книги благодаря этому прорвались в наше время в своем первозданном виде.

- Ох, как мне уже не терпится скорее добраться до моей находки, - вздохнул Андрей.

- Ты прав. Прошла уже неделя. Пинхасу уже давно следовало бы позвонить.

- У меня всего неделя осталась, - сетовал Андрей. - Я же 20-го уезжать должен. Даже если перенесу билет - виза-то только до конца месяца… О чем он вообще думает?

* * *

В этот же день вечером я без звонка зашел к Пинхасу. То, что он мне рассказал, сразило меня наповал. Я ожидал чего угодно, только не этого. Наливая мне чай, он как бы между делом, как о чем-то само собой разумеющемся, сказал:

- Я тут, кстати, побывал в ущелье Макух, но не нашел там никакой пещеры с рукописями… Все пещеры в том месте, что твой друг описал, ничего похожего не содержат. Я вот думаю, не дурачит ли нас Андрей? - озабоченным и заговорщическим тоном сказал он. - Это ведь может быть мистификацией, понимаешь, подделкой. Мне, например, такую фотографию ничего не стоило бы изготовить.

Я не верил своим ушам.

- Как! Ты пошел туда без нас?! Пошел, даже не предупредив меня? - закричал я… - Мы же договаривались идти туда все вместе!

- Мы еще сходим туда все вместе, - сказал Пинхас, немного испугавшись моей бурной реакции и, видимо, жалея, что рассказал мне о своей вылазке.

- Интересно! - не мог успокоиться я. - Ты хочешь идти с нами, после того как решил побывать там без нас, и ничего не нашел?!

- Ты меня неправильно понял. Это была случайная поездка. Я случайно оказался в тех местах и заодно решил убедиться, что рукопись на месте…

- Что-то мне не нравятся твои странные случайные поездки.

- Если бы я в самом деле действовал за вашей спиной, то наверное не стал об этом рассказывать. Я как раз собирался тебе звонить…

- Хорошо, я переговорю с Андреем, - сказал я.

Я шел от Пинхаса, не разбирая дороги. Я был растерян и подавлен. «Пинхас явно водил нас за нос. Он не мог оказаться среди безлюдной пустыни случайно, да еще при этом забрести на территорию палестинской автономии, - пытался сообразить я. - Значит, осталось одно: он хотел завладеть свитком за нашей спиной».

Тут я замер посреди улицы - потому что вдруг до меня дошло, что Пинхас мог попросту забрать рукопись и сказать то, что он сказал: ничего не нашел, в глаза рукописи не видел…

Я рассказал Андрею о тайной экспедиции Пинхаса.

- Да, не исключено, что он забрал рукопись. Но скорее всего, он ее действительно не нашел… - добавил Андрей и вдруг усмехнулся. - Я ведь не такой уж и простак, как кажусь. Я же не рассказал все подробности того, где она спрятана. А на самом деле та пещера скрытая… Ее так просто не найдешь.

- Как же ты сам ее заметил? - удивился я.

- Случайно. Я тебе не рассказывал, повода не было. Я спускался с возвышения, поскользнулся на тропе и скатился на дно расщелины. При этом я упал прямо лицом к небольшому углублению… Поначалу я не обратил на него особого внимания. Я встал, поднялся несколько метров по противоположному склону и вот с него

только заметил, что углубление это находилось в самом низу одной внушительной глыбы, которая выглядела как бы приваленной к основной скале. И вдруг мне подумалось, что эта глыба может быть рухнувшим из-за землетрясения сводом пещеры… То есть у пещеры, как у раковины, закрылась створка, понимаешь?

- Вроде бы.

- Я проверил, как выглядит верх этой скалы, и точно - это был довольно ровный гребень толщиной сантиметров в 30-40. Тогда я снова спустился на дно расщелины и стал ножом расковыривать ту нору, благо снизу был известняк, а не настоящий камень… В результате у меня получился довольно короткий - меньше метра - шкуродёр. Я вполз в него с фонарем и пролез в закрытую пещеру. Там я и нашел рукопись… В этот раз, когда я мимо проходил, то сразу эту скалу узнал. Ее ни с чем не перепутаешь…

- Так что, твой, как ты его назвал, шкуродёр открытым остался, или ты его завалил?

- Эту нору, возле которой я упал, ниоткуда не было видно. Она ведь находилась в самом низу расщелины… Нужно было упасть на самую землю, чтобы ее заметить… Надеюсь, что, кроме меня, туда больше никто не упал… А на этот раз я еще ее даже немного камнями привалил. Поэтому, думаю, Пинхас действительно ничего не нашел… Хотя…

Андрей замялся, теребя пуговицу на рубашке, пока не оторвал ее совсем.

- Что «хотя»?

- Теперь ее, пожалуй, могут заметить…

- Час от часу не легче!.. Андрей, в чем дело? Кто мог ее заметить?

- Да я просто вспомнил, что по дороге к пещере мне попалось стадо коз, которое пасли два бедуина. Может быть, они за мной следили? Я ведь все на свете позабыл, когда пещеру свою разыскал.

- Только этого еще не хватало! - расстроился я. - Нам надо срочно собираться в Макух.

- Да и на обратном пути мне еще другие бедуины встретились, - продолжал Андрей. - Они от меня чего-то хотели. Я не понял чего. Они ни по-английски, ни на иврите не говорили. И дальше, уже в долине, так еще какие-то арабы попадались... Среди них ведь небезопасно с рукописью разгуливать?

- На территории автономии любая встреча с арабом теперь непредсказуема. Может быть Халеда в проводники пригласить, раз уж он все равно в курсе?

Недолго думая, мы позвонили Халеду и рассказали ему о наших сложностях. Халед сразу согласился сопровождать нас, но настоял на том, чтобы мы шли к пещере не со стороны долины, а спустились бы к ней по ущелью с окрестных гор.

- В Йерихоне с кем угодно можно встретиться, - пояснил он. - Я туда заглядывать опасаюсь. Ну а в вади Макух мы никого, кроме бедуинов, не увидим.

* * *

Так и порешили. Мы доехали на попутной машине до перекрестка Михмас и оттуда двинулись в вади Макух.

Погода была что надо. Идеально для экспедиции: солнечно и прохладно. Мы шли по тропе, тянущейся вдоль ручья. Массивные скалы возвышались по обе стороны. Я был здесь впервые и жадно всматривался в суровый, выразительный ландшафт.

Вдруг тропа резко пошла вверх. Слева была отвесная скала, справа - пропасть. Мы невольно сбавили шаг и так шли какое-то время затаив дыхание.

В конце концов мы опять спустились на дно ущелья и по нему вышли в нужное место. Неподалеку два бедуина пасли внушительное стадо коз. Халед оказался кстати. Он ушел к ним и минут двадцать, не меньше, о чем-то разговаривал. Мы уже стали нервничать...

- Я им наплел, что вы американские туристы, большие друзья палестинского народа, и что я - ваш гид... - отчитался он, вернувшись.

- Поверили?

- Да вроде. Подождем, пока они отойдут. Надо только придумать себе занятие - для убедительности. Давайте что ли устроим привал.

- А о чем же вы так долго беседовали?

- Хозяйственные, политические вопросы обсуждали… - усмехнулся Халед. - Давайте пока перекусим, чтобы оправдать наше затянувшееся присутствие…

Мы достали бутылки с водой и еду и принялись театрально угощаться. Как только бедуины ушли, мы сразу свернули все, и Андрей быстро юркнул в расщелину, на дне которой находился его «шкуродёр». Мы за ним.

Еще раз убедившись, что за нами никто не наблюдает, мы не без труда один за другим пролезли в пещеру.

Свиток был на месте! Ни Пинхас, ни бедуины до него не добрались - он лежал таинственный, нетронутый, многозначительный. И, кажется, мы все втроем чувствовали одно и то же: как будто у нас на глазах смыкаются разорванные века.

- Ну что ж, - усмехнулся я, чуть придя в себя. - Чувство любопытства мы удовлетворили. Где свиток находится, знаем. Но вот что мы теперь с ним делать будем?

- Хороший вопрос. Я тоже не знаю: выносить или до лучших времен оставить?

- И впрямь непросто, - сказал я. - С одной стороны, необходимо вызволить рукопись с территории Арафата, с другой - мы совершенно не знаем, куда ее перепрятать. И, главное, завремся, если сами отнесем находку в Управление древностей. Я ведь не уверен, что руководство Управления не вернет рукопись «законному владельцу». Сейчас в стране у всех крыша поехала…

- Я думаю, ты преувеличиваешь. Не могу поверить, чтобы израильские археологи были способны отдать Арафату такую ценную находку.

- Ты их не знаешь. Они ему землю отдают. Так неужели пожалеют то, что на земле «валяется»?

- Может, тогда пусть рукопись у тебя пока полежит?

- Где это у меня?! - опешил я. - На ферме? Со мной в караване еще один работник живет, а дома родители не допустят.

- Почему?

- Да потому, что это, извини меня, чистая уголовщина!

- А ты им не говори! - предложил Андрей, азартно улыбаясь.

- Не говори… Ты не знаешь моей мамы, - махнул я рукой. - От нее ничего в доме спрятать невозможно, у нее маниакальная страсть к уборкам. Исчезновение Саритиного телефона - ее рук дело. То же и с рукописью произойдет. В лучшем случае она этот «кирпич» просто выкинет. Нет, этот авантюризм не пройдет.

- Ладно, тогда мы можем просто перенести свиток на израильскую территорию и потом «обнаружить» его там. Если найдем надежного консультанта, который бы придумал хорошую версию для Управления древностей, - хорошо. Нет - мы, в конце концов, не археологи и не обязаны отвечать на трудные вопросы, как эта рукопись оказалась в той пещере, где ее раньше никто не обнаружил. Сейчас мы ее перепрячем, а потом через какое-то время «найдем». Излагать мы будем версию второго «обнаружения» и потому никогда не запутаемся. А пока сделаем еще несколько снимков и будем их изучать…

Андрей говорил так горячо и уверенно, что его идея показалась мне в ту минуту здравой. Мы сделали пару снимков тех двух листов, которые уже у нас имелись, так как на фотографиях края получились смазанными, но разворачивать свиток дальше побоялись. Потом мы положили его в специально подготовленный футляр и вынесли наружу.

- Пока главное - вынести рукопись из арафатовских пределов, да и Пинхас ее теперь не найдет. А то мне, честно говоря, совсем не хочется дарить ему славу открытия…

- Хорошо. Ну, а что мы Пинхасу-то скажем?

- А ничего не скажем! - Андрей вошел в раж, ему все было ни по чем. - Ты передашь ему, что я не тороплюсь объявлять о находке, а ему не покажу, где она спрятана… Пусть применит свой высокий профессионализм и разыщет ее сам. Но у меня еще и другое сомнение… - добавил Андрей и покосился на меня.

- Наш арабский друг?

- Да. Ему вообще можно доверять? Он ведь теперь полностью в деле оказывается, - мы присели снаружи от пещеры и говорили по-русски, не понижая голоса и не меняя интонации. А Халед стоял неподалеку и спокойно смотрел вдаль, как будто думая о чем-то своем.

- Я давно с ним сдружился и вполне доверяю. Особенно после того, как разъяснился его статус. Но если ты опасаешься, мы можем попробовать припрятать рукопись незаметно.

- Давай попробуем. Помнишь то место, где мы сделали первый привал?.. Я там в пещере глубокую щель приметил. Давай незаметно спрячем туда футляр. Я буду с нашим спутником свой иврит совершенствовать, а ты в это время прячь!

- Как скажешь… Согласен, тут есть свои резоны.

Когда мы добрались до нужной пещеры - спрятать свиток тайком от Халеда не удалось. Технически это оказалось вовсе не просто, да и неловко было: человек рисковал больше, чем мы сами. Некрасиво за его спиной что-то прятать.

- Мы решили сюда археологов привести, - пояснил я Халеду свои действия, поймав его удивленный взгляд.

- Не затягивайте только с этим. - предупредил Халед.

* * *

Через несколько дней я и Халед провожали Андрея в Москву. Одну из найденных им монет Андрей для надежности оставил у меня, вторую благополучно провез в Россию.

Пинхас позвонил дней через десять. Было уже начало марта. Вся страна тогда была в шоке из-за волны терактов в Иерусалиме и Тель-Авиве.

- Ну, когда же мы идем? - бодрым голосом осведомился Пинхас.

- Куда? - почему-то переспросил я.

- Ну за рукописью, конечно! - как ни в чём не бывало ответил он. - Когда мы идем за рукописью?

Я ответил не совсем так, как готовился. Не было сил городить многоэтажную ложь:

- Андрей уехал, а я подробностей не знаю… Подождем, когда вернется, - вяло сказал я.

Пинхас мне, конечно, не поверил…

* * *

После отъезда Андрея я всерьез взялся за переснятые фрагменты и вскоре разобрал еще несколько фраз, явно представляющих собой отрывки гимна:

«Я стану ловушкой для грешников и исцелением для всех раскаявшихся в грехе… Я стану умом простецов, оплотом растерянных… стыдом предателей…. Скрежещущий зубами… истина… жизнь…»

Я отослал этот перевод Андрею и занялся последним, наименее сохранившимся фрагментом, который Андрей когда-то пытался прочитать. Там среди немногих полностью сохранившихся слов вроде бы действительно было имя - Йешуа. Во всяком случае понять это слово просто в значении «спасение» казалось затруднительным.

ויהי לבתר יום הדין.... אז אמר ישוע חשת[א]..... ויעמוד קמי כהנא רבא..... שבעא תורין בתרא'..... יומא.... .....נצלבו

«После Йом-Кипура… тогда Иешуа сказал: Сейчас… и предстал перед Первосвященником… последние семь тельцов… день… были распяты…»

Я позвонил Андрею.

- На внешнем фрагменте мало что сохранилось, но то, что сохранилось, - довольно интересно. Во-первых, действительно там написано имя «Йешуа».

- Да что ты говоришь?! Прочти мне сейчас все, что ты смог разобрать…

Я зачитал.

- И что ты об этом думаешь?

- Ничего я пока не думаю. Как разобрал эти слова, сразу тебе позвонил… Я потом опять попробую, может быть, еще что-нибудь откроется…

Дня два я пытался разобрать еще один абзац, в котором читалась лишь половина букв и даже меньше. Но в конце концов я бросил эти попытки.

- К сожалению, я не могу больше достоверно расшифровать ни одного слова, - позвонил я Андрею еще раз через неделю. - Так что в настоящий момент это все, что мы имеем.

- Послушай, - взволнованно заговорил Андрей. - Пинхас сказал, что в ущелье Макух жили иудео-христиане. Помнишь?

- Ну?

- Так вот, я убежден, что это Евангельский текст. Те слова, которые вы с Пинхасом приняли за гимны Учителя праведности, - это евангельские слова. Так ведь и Иисус о себе говорил: «Кто жаждет, приходи ко мне и пей». Это в Евангелии от Иоанна. Потом второй отрывок, где говорится о том, что кто-то станет исцелением раскаявшихся, также похож на Евангельский… Там есть слова «истина» и «жизнь». Это тоже из Иоанна: «Я есмь путь, истина и жизнь»… Если это Евангелие, а я почти уверен, что это Евангелие, то это сенсация. Евангелие на арамейском, о котором только упоминали отцы церкви! А может быть, даже и совсем неизвестное… А что это за семь тельцов, как ты думаешь?

- Мне приходят на ум только семь тельцов, которые приносились в жертву в последний день Суккота, праздника Кущей, как вы его зовете. В ту неделю в Храме возносились семьдесят тельцов за семьдесят народов мира. В первый день приносилось тринадцать тельцов, во второй - двенадцать и так далее - по одному меньше до семи. Кроме того, там про Йом-Кипур говорится, а Йом Кипур

всего за четыре дня до Суккота… Так что похоже, что эти семь тельцов связаны с седьмым днем Суккота - с так называемым Ошана Раба.

- Ну, так значит, это описывается посещение Иисусом Иерусалима в этот праздник. Он как раз при этом посещении говорил: «Кто жаждет, приходи ко мне и пей». Это было за полгода до распятия. Об этом посещении только у Иоанна рассказывается.

- И все же я не понимаю, с чего ты взял, что это говорится о евангельском Иисусе? Это у вас он один, а у нас знаешь сколько людей это имя носили, и все усердно Храм посещали.

- Вот увидишь, что я прав, - пообещал мне Андрей.

* * *

Между тем, пока я занимался расшифровкой, в Израиле произошли некоторые перемены: на досрочных выборах 29 мая 1996 года победил Нетаниягу. Поначалу это вызвало большое воодушевление. Появилась надежда на то, что череда иррациональных односторонних уступок, наконец, прекратится и несговорчивость арабов снова начнет работать против них.

Но вместо того, чтобы назначить комиссию по расследованию деятельности предыдущего правительства, вступившего в сговор с террористами, Нетаниягу счел себя обязанным выполнять «международные соглашения».

Всю осень он торговался, но в конце концов согласился передать Арафату последний арабский город, который мы еще удерживали, - Хеврон. С ним были проблемы, так как по соседству с усыпальницей Праотцов там проживала значительная еврейская община.

* * *

С самого отъезда Андрея я не связывался ни с Пинхасом, ни с Сарит, да и они меня не беспокоили. Со стороны это, наверно, выглядело странно, но так уж по-новому сложились наши отношения. Нам тяжело было разрешать недоразумение, возникшее вокруг рукописи. Во всяком случае я предпочитал любые, даже самые неле-

пые домыслы друг о друге, но не стремился выяснять истину в ходе открытых «мужских разговоров». Я думал о Пинхасе не очень хорошо.

Но, как оказалось, все же гораздо лучше, чем он того заслуживал.

Истинное его лицо открылось для меня осенью 1996 года, после того как однажды на исходе субботы мне позвонила Сарит:

- Ури, мне нужно тебя увидеть, - голос у нее был невеселый.

- Что-то случилось?

- При встрече расскажу…

Я договорился увидеться с Сарит в воскресенье утром.

Мы встретились в центре, на площади Циона, выбрали открытое кафе и заказали по кофе.

- Ну, как поживаешь?

- Все слава Богу. Если не считать того, что я хочу развестись с Пинхасом.

- Да ты что! Шутишь?! Но почему?

- Это тот самый вопрос, которым меня замучили в рабануте, - Сарит улыбнулась какой-то грустной и безжизненной улыбкой. - Они великие миротворцы и очень неохотно разводят. Пинхас категорически против развода, а раввины на его стороне.

- Наверно, мужчине легче понять мужчину, - неуклюже предположил я. - Так все-таки, как ты им объясняешь, в чем дело?

- Им это действительно трудно объяснить. Отчасти я просто не все им могу рассказать. А отчасти и не пытаюсь, так как уверена, что они поймут меня превратно.

- Так все-таки что случилось? Объясни хоть мне…

- Понимаешь, после этой истории с рукописью все резко изменилось. Пинхас вдруг стал другим человеком. …Ладно, расскажу тебе по порядку, - вдруг решилась она, - когда вы ушли, он сразу сказал, что я и представить себе не могу ценности этой находки.

- Ты не понимаешь, - говорил он, захлебываясь, - я ведь был в этих пещерах. Там ничего нет! Я, профессионал, не нашел ничего! А он, дурачок, недоучка, случайный человек, турист, нашел уни-

кальную рукопись. Этого просто не может быть!..

Мне сразу стало как-то не по себе от того, как он пытался унизить Андрея. Но на мои чувства он ровно никакого внимания не обращал, а только все говорил про рукопись. Он сказал, что после подписания соглашения с Арафатом Управление древностей направило шестьдесят археологов прочесать всю Иудейскую пустыню. Арафат ведь мог получить эти земли уже через год-два. Что же касается района ущелья Макух, то там в 1992 и 1993 годах проводились систематические раскопки, и все осмотрели самым тщательным образом. Да и сам Пинхас провел еще один специальный рейд уже после подписания соглашения с Арафатом, но пока тот еще не «въехал». Он лично еще раз проверил десятки пещер. И все было безрезультатно. И вот является какой-то дилетант и утверждает, что нашел в ущелье ни больше, ни меньше, чем древнюю арамейскую рукопись!

- А почему дилетант? - наконец запротестовала я. - Андрей - историк, он участвовал в археологических экспедициях...

И тут он стал на меня орать:

- Ты вообще к этим людям неравнодушна. Я давно это подозревал. Я видел, как ты шепталась с ними по-русски.

- Что ты говоришь! - возмутилась я. - Я не шепталась вовсе! Ты же знаешь... А по-русски заговорила только для того, чтобы они рассказали тебе о своей находке. Я говорила с ними, как со всеми говорю. Да и что значит неравнодушна? Я твоя жена, и мне неприятно слышать такие упреки.

- Вот именно, что неравнодушна! Я сразу это заметил.

Так это все и началось. Я не сразу поняла, в какой мере эта история задела его самолюбие и вызвала ревность...

- Пинхас, брось, тебе нужно успокоиться. Ты просто устал. Ты проснешься завтра и сам увидишь, как смешны твои упреки.

Я и правда тогда думала, что утром все пройдет, но он периодически возвращался к этой теме. Ему эта история явно не давала покоя. Я знала, что он еще несколько раз выбирался в ущелье Макух.

И всякий раз возвращался оттуда мрачный, был раздражен, придирался.

Я тогда припомнила один наш разговор, который был вскоре после свадьбы.

- Всякий человек всегда ищет и находит рукописи, - говорил он. - Он этим живет. Он ищет свои любимые книги. Обычно это делается в книжных магазинах и на полках друзей. Но иногда эти рукописи находятся в потаенных местах, и это самое таинственное и волнующее, что только может выпасть на долю человека. Не только литературные произведения, - многозначительно сказал он, - но и целые религиозные движения возникали и обновлялись благодаря открытию древних рукописей!

И потом он сказал, что в одной только Иудейской пустыне за последние пятьдесят лет были найдены тысячи рукописных фрагментов и сотни цельных рукописей.

- Ну и чего же ты сам никакой рукописи никак не найдешь? - спросила я в шутку и тут же пожалела об этом.

Он прямо изменился в лице. И сразу замолчал. Не разговаривал со мной до самого вечера.

Я потом забыла про этот разговор. И вот только теперь вспомнила.

Теперь я поняла, как он должен был быть уязвлен находкой Андрея: в том месте, где он искал, тайно мечтая найти древнюю рукопись, эту самую рукопись находит случайный турист из России! К тому же у жены с этим туристом теплые отношения, причем их дополнительно сближает родной язык. Пинхас себя очень высоко ценит, на тебя всегда смотрел сверху вниз, а тут вдруг такая находка…

- Да, я тоже вспоминаю, как он к рукописям относился. Когда мы с тобой вместе к нему пришли, он ведь то же самое говорил. Что мол, рукописи могут изменить мир… Если рукопись не находится, то ее придумывают. Помнишь?

- Помню. Но это уже несколько другая идея. Тут вы ему с Андреем как раз конкуренции не составляете.

- Что ты имеешь в виду?

- Вы же романов не сочиняете… а Пинхас сочиняет.

- Пинхас пишет романы? - удивился я. Образ этого ученого-всезнайки у меня совсем не вязался с образом фантазера-романиста.

- Пишет. Про потомков Учителя Праведности и потомков Иисуса из Назарета.

- Вот как? Ну сегодня - точно день сюрпризов…

- Он мне показывал готовые главы. Интересовался моими впечатлениями.

- Ну и как они? Впечатления…

- Сильные! На самом деле… У него там все довольно интересно закручено. Он, представляешь, выдумал, будто бы у Иисуса и Марии Магдалины был ребенок, от которого род тянется до наших дней. Кроме того, там есть еще и история рода Учителя Праведности. Обе эти линии пересекаются только в наше время. После создания Государства Израиль девушка из рода Учителя Праведности вступает в брак с потомком Иисуса.

- Ну, положим, про потомков Иисуса от Магдалины это не Пинхас выдумал. Помнишь, он сам нам рассказывал об австралийском журналисте, якобы видевшем «Свиток Иисуса», в котором такие вещи утверждаются?

- Помню, конечно. Но Пинхас все это очень интересно развил. Он представил дело так, будто потомки Йешу - великие раввины, за которыми веками охотится Ватикан, чтобы их уничтожить.

- Но зачем?

- Чтобы не повредить церковной доктрине. Мол, божественность не совместима с браком и деторождением. Пинхас писал, что церковники искренне верят, будто потомки Йешу - самозванцы. То есть правда была скрыта уже на самых ранних этапах и хранится только в узком раввинистическом кругу. Пинхас придумал, будто бы про Марию Магдалину даже специально распустили слух, что

она блудница, для того чтобы дезавуировать молву, что единственный ее сын - отпрыск Йешу. А потом, когда над этим сыном нависла угроза, Магдалина сама подтвердила, что не знает, от кого он. Так церковники сами поверили в свою выдумку. Один из отпрысков этого рода участвует в освобождении Храмовой горы в 1967 году. А потом описывается настоящее и будущее.

- И о том, что церковь охотилась на потомков Иисуса, тоже не Пинхас придумал. Помнишь, он тогда же рассказал нам о романе «Святой Грааль»?

- Верно. Но то, что потомки Йешу - ортодоксальные раввины, ждущие своего мессианского часа, это его собственная идея. Он изображает, что христиане верно опознали в Йешу мессианское призвание, но извратили его учение.

- Обнаружить потомков Йешу среди израильских раввинов, конечно, более правдоподобно, чем среди европейских королей, - согласился я. - Но в целом идея, по-моему, так себе.

- Ну, не знаю... Да и потом не только в идее дело. Дело еще и в том, насколько тебе хватает мастерства и чувства, чтобы эту идею сделать живой... Меня лично главы из книги Пинхаса очень впечатлили. Здесь Пинхас вне конкуренции и может быть спокоен. Но вот находкой рукописи он был страшно уязвлен. Это факт.

Сарит замолчала. Тонкие линии ее смуглого лица заострились еще больше, и она выглядела еще лучше, чем в свою счастливую юную пору. Ярко светило солнце, было свежо, с бульвара доносилась бойкая радостная музыка, которую уличный музыкант играл на электрооргане.

На меня нахлынуло какое-то неожиданное ощущение полноты и тихого счастья. Хотелось поделиться им с Сарит, обнадежить ее, но я не знал, как это сделать, и лишь спросил:

- Слышишь эту музыку?

- Да, замечательная. Надо бы ему денег дать...

- Как весело играет! А ведь он нищий… Казалось бы, чему тут веселиться? А ему весело… Ну, ты рассказывай дальше. Как же дело дошло до развода?

Сарит грустно улыбнулась.

- Я много раз пыталась с Пинхасом обо всем этом поговорить. Пыталась понять, что ему в жизни важно по-настоящему. Мне было его жалко, я чувствовала, что с ним что-то произошло, мне казалось, что он страдает. Но все мои попытки проникнуть в его душу только все сильнее его раздражали. А его зацикленность на рукописи никак не проходила. Все как-то разом сломалось.

- А его чувства к тебе?..

- Я была ему интересна только в роли восторженной слушательницы и почитательницы, но ни в коем случае не в качестве его критика… Это сразу так повелось. Пока я восхищалась им, все шло чудесно, но однажды, когда я с ним не согласилась, он был этим страшно раздражен… Почти взбешен. Тогда мне это показалось недоразумением, но теперь - дня не было, чтобы он меня не упрекал… Как-то он в очередной раз стал меня обвинять и заявил, что я его не люблю. Я ответила, что для того чтобы любить мужчину, женщина должна его уважать, а его мелкие придирки мешают мне это делать, и мне действительно становится трудно его любить…

Однажды во время очередной его сцены я сорвалась и крикнула, что уйду от него. Я говорила в сердцах и не думала об этом всерьез. Но он пришел в неистовство:

- Что?! Ты собираешься со мной разводиться?

После этого скандала мы целую неделю не разговаривали. Я видела, что он что-то обдумывает, на что-то решается. Через неделю мы попытались примириться, но все опять кончилось взрывом, и я опять заговорила о разводе…

Вот тогда-то он и сказал мне это… Прямо так и сказал, спокойным голосом и прямым текстом:

- Даже не рассчитывай, что я дам тебе развод. Тамар будет твоим единственным ребенком.

Обычно он кричал, а тут - сказал медленно и внятно, без истерики. Это меня сразу насторожило. В первый момент я даже не поняла, что значат его слова:

- При чем здесь мои дети? Рожу сколько захочу и без твоего развода!

Тогда Пинхас дико расхохотался и рассказал мне об этом вашем законе. То есть я вроде бы и раньше что-то такое слышала, но совсем не думала, что эта дикость может иметь какое-то отношение к светским людям. Все это как-то мимо моего сознания проходило.

- Да, - подтвердил я. - Суд не может вас просто развести. Суд может только потребовать от Пинхаса выдать тебе разводное письмо. Но пока Пинхас отказывается, ты остаешься его женой. Это значит, что ты ни с кем не можешь вступать в близкие отношения. А если вдруг полюбишь кого-то и сойдешься с ним - ты никогда потом не сможешь выйти за него замуж, а ваши дети будут считаться незаконнорожденными. Это значит, что и у них возникнут серьезные трудности при вступлении в брак. Даже если потом ты и получишь развод.

- Да, приблизительно так он мне и объяснил. Я была совершенно потрясена. Скажи, разве можно жить с человеком, который считает тебя своей собственностью? С человеком, который тебя шантажирует, удерживает силой?

- Прекрасно понимаю тебя, - горячо подтвердил я.

- И тогда я почувствовала, что у меня просто нет другого выхода, как подать на развод: если он блефует, то этот процесс пойдет нам на пользу - отношения могут восстановиться через кризис, а если он и правда не даст мне развода, то с ним просто недопустимо иметь никакого дела.

И тогда я сказала, что проверю его угрозу в деле и подам в суд. Я так и сделала. Это было в самом конце лета. С той поры, вот уже два месяца, мы туда периодически ходим. Раввины нас расспрашивают и уговаривают меня сохранить брак. Я говорю: он угрожает не дать мне развода. Как с таким можно жить? А они мне: это пустая

угроза. Он только пугает, а на самом деле просто сильно любит. Это не повод… Я говорю: так давайте попробуем. Разводите нас, посмотрим, разрешит он или нет? Они смеются, головами качают. Говорят, все это несерьезно. Отсылают нас к психологам, их заключений требуют. Настоящий заколдованный круг.

А Пинхас, между прочим, неделю назад еще раз свою угрозу повторил. Сказал, что мы зря теряем время, таскаясь по судам, что если рабанут решит по-моему, он мне все равно развода не даст.

- Я больше не могу так, Ури. Объясни мне, ведь ты верующий, что это за ужасный закон такой, превращающий женщину в собственность? Как можно верить, что его предписал Бог? Ведь в этом законе нет никакого смысла, кроме как предоставлять возможность подлецу издеваться над той, которая была когда-то его женой…

- Ну почему? - возразил я. - Этот закон как раз очень мудр. В нем учитывается природа. Женщина импульсивна, она управляется не столько разумом, сколько чувством, она способна покинуть мужа из-за минутной ссоры и сама об этом потом всю жизнь жалеть. Поэтому как раз правильно, что мужчина отвечает за развод в целом. Именно он должен нести ответственность за взбалмошность своей жены, а не она. Именно муж должен увериться в серьезности ее намерений. Однако если он убеждается, что жена действительно его не терпит, он обязан ее отпустить.

- Я не понимаю, как Бог может хотеть, чтобы один человек был собственностью другого…

- Что ж тут поделать, такова природа: мужчина владеет, женщина принадлежит. Ты же, например, не обвиняешь Бога в том, что он сделал мужчину сильнее женщины? Такова природа, которая некоторыми используется ко злу. Что же касается Бога, то Он как раз насилие запрещает, и требует, чтобы муж отпустил жену, если она не хочет с ним жить.

- Мне это кажется демагогией. Ты смешиваешь природный биологический закон с социальным. За биологические и физические законы я на Бога не сержусь, хотя по этим законам я должна даже состариться и умереть, а вот в то, что по воле Бога я являюсь собственностью Пинхаса, я отказываюсь верить.

Я понял, что мои традиционные аргументы не работают, что Сарит подобна Иову, на которого не действовали благоразумные доводы его друзей, при всей их правоте, и что перед Богом я «не так прав, как права его раба» Сарит. Я, пожалуй, впервые в жизни смутился за свою религию.

Как объяснить Сарит, почему она должна страдать из-за какого-то совершенно непонятного ей религиозного закона? Я чувствовал, что обязан ей как-то помочь, как-то защитить свою веру, должен как-то исправить ситуацию.

- Вот что. Тебе надо сменить обстановку, - сказал я. - И прежде всего пожить отдельно от Пинхаса. Я уже не говорю о том, что раздельное проживание сразу вынудит судей рассмотреть твое дело.

- Я думала об этом. Но мне не хочется возвращаться к родителям, они тоже считают, что я бешусь с жиру и не думаю о ребенке, а снимать - нет денег.

- Тебе надо караван в поселении подыскать. Это совсем дешево. За двести шекелей можно найти. В Кохаше, я знаю, есть свободные караваны. И у меня там знакомый, который как раз связан с приемом новых жителей. Спросить у него?

- Конечно, спроси! А это, случайно, не религиозное поселение?

- Нет, смешанное. Сможешь там и в майке, и в джинсах ходить, никто тебе слова не скажет.

- Но что я все про себя, - спохватилась вдруг Сарит. - Как ты, Ури? Как учеба?

Не любил я на тему своей сельскохозяйственной деятельности распространяться… Одни люди смущались, не знали, как реагировать, другие присвистывали, говорили: «Да ты, брат, идеалист». Хотя, если вдуматься, то при чем тут идеализм? Таращиться це-

лыми днями на экран, не вылезать из компьютера - вот это действительно идеализм, а доить коз и готовить сыр - чистейший реализм.

Я нехотя рассказал Сарит о том, что уже год как бросил учебу и работаю теперь на ферме. Сарит слушала с любопытством:

- Так, выходит, запах коз мне не мерещится? - сказала она улыбаясь.

- Ой, прости, Сарит. Я не знал, что этот свитер тоже этим запахом пропах. А сам я просто принюхался и не замечаю.

- И что ты дальше собираешься делать? Будешь всю жизнь батрачить?

- Я сейчас опыта набираюсь, деньги зарабатываю, а потом, гляди, и своей фермой обзаведусь.

- Здорово. Но для такого дела и жена должна быть соответствующая. У тебя девушка-то есть?

- Да, я встречаюсь с одной. Думаю, мы поженимся.

- Кто она?

- Очень религиозная, неглупая, Рахель. Альтернативную воинскую службу проходит в детском садике в Кирьят-Арбе. Полгода осталось.

Больше я не стал уточнять. То есть не стал говорить, что познакомился с Рахелью по рекомендации рава Исраэля и что встретились мы с ней пока всего два раза. Скажи я об этом, Сарит ни за что не поняла бы, насколько все это между нами серьезно. Иногда и двух свиданий бывает достаточно, чтобы понять, что перед тобой идеальная жена: миловидная, умная, внимательная, ревностная в вере - такой была Рахель.

Я бы уже и на второй встрече готов был с ней сговориться, но не хотелось забегать вперед. Пусть отношения сложатся.

* * *

Мой друг помог Сарит быстро найти караван, и дней через десять она уже переехала в Кохаш.

Прийти в дом к Пинхасу, чтобы помочь ей загрузить вещи, Сарит мне не разрешила. Объяснила, что Пинхас и без того рвет и мечет, а мой вид, напоминающий ему об упущенной рукописи, и вовсе должен вывести его из себя.

Я ждал Сарит в Кохаше, помог разгрузить машину, наполовину забитую горшками с цветами, потом занес вещи, которые подарили поселенцы: стол, диван-кровать, небольшой холодильник.

Сарит радовалась своему новому жилищу как ребенок.

- Как здесь уютно и мило! А какие виды! Почему я всегда тут не жила?

- Ну что ж, начало положено, - подытожил я. - Через месяц можешь идти в рабанут и объявить, что проживаешь в Кохаше одна с ребенком.

Через несколько дней я позвонил Андрею и рассказал ему обо всем. О том, что Сарит хочет разводиться, о сложностях, которые ее ожидают, если Пинхас осуществит свою угрозу.

Не сказал я Андрею только одного. Я не сказал, что к нему этот суровый закон как раз не относится. Если нееврей соблазнит чью-то еврейскую жену, то он, конечно, разлучит эту супружескую пару навсегда. Однако его дети от этой соблазненной им жены не будут считаться незаконными. Более того, сами их отношения могут принять законный характер, если жена в конце концов получит развод, а ее любовник-нееврей после этого пройдет гиюр.

Андрею я этого обстоятельства открывать не торопился, но сам об этой перспективе невольно размышлял. Я усмотрел в этой возможности последний аварийный выход из сложившейся ситуации. Если Пинхас даст Сарит развод, то я могу отстраниться и предоставить ее себе самой. Пусть ищет себе достойного супруга — Андрея, Рувена или Шимона. Но если Пинхас развода не даст, то я решил сделать все, чтобы Сарит обратила внимание именно на Андрея. Как светская женщина она вполне может связать с ним свою

судьбу, минимально вступая при этом в конфликт с еврейским брачным законом. Для Андрея же, страдающего из-за своей Кати, Сарит определенно была спасением и очевидно нравилась ему.

- И когда у них суд? Когда, наконец, выяснится, как поступил Пинхас? - спросил Андрей.

- Пока не знаю. Я позвоню тебе сразу, как об этом станет известно. Ты сам-то когда приезжаешь? По-моему, уже давно пришло время забрать и обнародовать рукопись.

- Кстати о рукописи. У меня вопрос. С одной стороны, там вроде бы ясно говорится о суде и казни Иисуса, а с другой, речь почему-то идет о Йом-Кипуре и о празднике Кущей.

- Ну и в чем вопрос?

- Видишь ли, я тут дочитал, наконец, твоего Маккоби. Он считает - и, кстати, в своем мнении он не одинок, - что Иисус вошел в Иерусалим не в Пасху, а на праздник Кущей, на Суккот то есть. Ты помнишь об этом?

- Помню.

- Но если это верно, если у Иисуса произошло столкновение с первосвященником на Суккот, то тогда наша рукопись это как раз подтверждает… Скажи, а как тебе сами доводы Маккоби показались в пользу того, что страстная неделя пришлась не на Пасху, а на Суккот?

- Насколько я помню, - ответил я, - он считает, что Йешу хотел провозгласить себя мессией на второй день праздника Суккот, когда царю надлежало читать перед народом главы из Торы… Почему бы и нет?

- Но он и другие доводы в пользу Суккота приводит. Он пишет еще о неплодной смоковнице, которую Иисус проклял. Это было на страстной неделе. Маккоби утверждает, что смоковница просто не могла в тот момент, то есть на Пасху, плодоносить, это могло происходить только осенью, то есть на Суккот.

- Разумеется. На Песах на смоковнице только почки можно обнаружить. Ее совершенно не за что было проклинать… Что там еще было у него написано?

- Еще он обращает внимание на то, что народ встречал Иисуса пальмовыми ветвями, которые обычны только для этого праздника.

- И это резонно, - согласился я. - Пальмовые ветви - это тебе не лапник, который у вас в России можно нарвать на каждой обочине. Их надо специально спиливать в пальмовых рощах и везти в Иерусалим.

- Так, может быть, действительно все происходило на Кущи, а не на Пасху? И, может быть, тогда моя рукопись как раз приводит подлинную версию событий?

- Может и так. - согласился я.

* * *

Сарит уже второй год училась на медсестру и проходила практику в больнице Хар-Хацофим. Я как-то раз отпросился с работы, зашел к ней и взялся проводить до дома.

Мы проезжали в тремпе как раз мимо вади Макух:

- Вот это то самое ущелье, где Андрей рукопись нашел.

Сарит прильнула к окну, успев ухватить взглядом промелькнувшую горную расщелину.

- Когда же мы туда сходим? - загорелась Сарит.

Я еще раньше во всех подробностях рассказал ей и о самой рукописи, и о том, как мы ее перепрятали. Она хорошо изучила это место по карте.

- В пещеру мы точно не пойдем, а если куда и соберемся, то, конечно, не сейчас. Зимой из-за водного потока там попросту не пройти.

- Хорошо, тогда весной. Не забудь.

- Ничего не обещаю.

- Зачем ты всегда твердишь это свое «ничего не обещаю»?

- Все верующие так говорят. Если так не оговориться, то любое обещание превращается в обет. У такого слова совсем другой статус.

- Какой еще статус?

При водителе неудобно было продолжать этот разговор, вообще у трепистов не принято между собой переговариваться, но, приехав в Кохаш и забрав из садика Тамар, мы продолжили обсуждать вопросы веры и неверия.

- Понимаешь, эта ваша жизнь по каким-то шаблонам, не взрослая она какая-то. Вроде бы вы верите в великого Бога, в Творца, а сами живете по книгам, ничего нового не создаете. Каждое свое действие сверяете со справочником, Бог знает когда составленным. Вы напяливаете одежду, из которой вместе со всем человечеством давно выросли… Во всех смыслах неловко. Застыли, как муравьи в янтаре.

- Верно. Нас еще иногда с мумией сравнивают. Совсем не во всех, но в некоторых случаях это сравнение справедливо. Что делать, это вынужденная мера. Наша национальная жизнь оборвалась с разрушением Храма. Надо было зафиксировать тот момент и сохранить его в этом зафиксированном состоянии до самого возвращения. Мы только сейчас, вернувшись в нашу землю, начинаем оживать. Рав Кук именно об этом учил, он даже искал возможности перейти от Вавилонского Талмуда, созданного в изгнании, к Талмуду Иерусалимскому, связанному с этой землей.

- Опять этот Талмуд! - махнула рукой Сарит. - Ты меня не понимаешь, кажется. Ты не понимаешь, что религия и ее ценности существуют и помимо всех ваших молитв и заповедей. В светском мире, где люди отдаются творчеству, где они самостоятельно мыслят, они ближе к Богу, чем вы в своих синагогах.

- Ты удивишься, но отчасти и сама религия готова с этим согласиться. Среди семи заповедей Торы, данных всему человечеству, имеется запрет служить идолам, но нет повеления служить Богу. Рав Исраэль на одном занятии объяснил нам, что светская культура

идеально этому требованию отвечает. Все живущие по совести люди, ищущие Бога, но никогда не пристающие к какой-то религии, если они при этом не антисемиты, конечно, являются самыми угодными Богу людьми за всю человеческую историю.

- Считай, что я к ним отношусь.

- Да, но евреи-то как раз получили повеление служить Богу! От евреев-то Бог ожидает особой преданности Себе. Еврей многого лишается, если, как и все, любит других людей, но при этом нарушает субботу. Исполнение заповедей - это честь. Такими вещами не разбрасываются без ущерба для себя.

- Может быть, но я этого не чувствую. Я иначе это все вижу. С этим браком опять же. Неужели ты думаешь, что если мне Пинхас когда-нибудь даст развод, то я опять наступлю на те же грабли и пойду с кем-нибудь под хупу? Если этот кто-то так меня любит, то пусть поедет со мной на Кипр и заключит там гражданский брак.

- Не понимаю. Как можно канцелярский акт предпочесть прекрасному, мудрому, трогательному обряду. Мы с моей невестой, к счастью, перед таким выбором не стоим.

* * *

Через месяц после переезда Сарит я был у родителей на субботе. Недавно демобилизовавшийся брат Давид тоже приехал. Почти все время службы он провел в секторе Газа, вынеся оттуда самые тяжелые впечатления. Панический страх перед срывом «мирных» переговоров полностью деморализовал наших политиков, и они разрешали солдатам применять оружие только в том случае, если по тем открывался огонь. Давид рассказал, что, пользуясь своей безнаказанностью, палестинская полиция стала открыто издеваться над израильскими солдатами, даже избивать их.

- Я не узнаю Израиль, - говорил отец. - Я как будто нахожусь не в Маале-Адумим девяностых, а в Москве семидесятых. Большевизм преследует нас повсюду как кошмарный сон.

Родители сохранили привычку поносить советскую власть даже после того, как она благополучно покинула этот мир. Требуя от меня и от Давида поддерживать русский язык, родители подсовывали нам не столько русскую классику, сколько запретные книги своей молодости. Так они прочитали вместе с нами вслух «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург и многие главы из «Архипелага ГУЛага».

Давид был в мрачном состоянии духа и добивался от нас, чтобы мы немедленно объяснили ему здесь же на месте глобальные причины воцарившегося абсурда.

- Все-таки я одного не понимаю: если Бог создал человека, то почему отвечает за все человек, а не Бог? Если солдат умирает на марше от обезвоживания, все получают нагоняй, вплоть до генерала. А по религии так выходит, что во всем виноваты люди... Люди - это просто какие-то стрелочники священной истории.

- Поверь мне, Он за все отвечает, - заступился я за Создателя. - Кое-кому просто нельзя смотреть на незаконченную работу.

- Я, значит, дурак, получается? Вот вы, такие умные, ругаете левых, но разве это не Бог весь этот «мирный процесс» заварил? Что Ему стоило включить в список «Цомета» нормальных людей, а не двух выродков? Все в том рабиновском кнессете постоянно колебалось, но почему именно сумасшедшие всегда имели перевес в один голос? Кто, если не Он, все это подстраивает? Разве не Он организовал голосование в ООН, когда раздел Палестины поддержали более двух третей государств? Так неужели Он сейчас все пустил на самотек? Или вот опять же этот целлюлит! У женщин бывает целлюлит, а у мужчин никогда. Ведь может, значит, когда хочет!

- Да замолчи ты уже, Давид, - возмутилась мама. - Расскажи нам лучше про свою поездку в Африку. В какую именно страну ты едешь, ты, наконец, выяснил?

- Не знаю. Все еще на стадии проектирования находится, - хмурясь, ответил Давид. Он вдруг раскис: хотя было всего часов девять, объявил, что должен «перезагрузиться» и отправился спать.

- Все-таки знаешь, Леночка, суббота - это гениальное изобретение, - сказал папа, распробовавший и наконец полюбивший некоторые еврейские традиции. - Как еще, если не ради субботы, мы могли бы отрываться от этих телефонов, телевизоров, покупок, ремонтов? А разве находилось бы когда-нибудь у нас время вот так просто по душам побеседовать с детьми?

Мы действительно хорошо поговорили в тот вечер, а когда через час я вошел в комнату к брату, тот еще не спал, а листал газету.

- Да что с тобой? - удивленно спросил я. - Случилось что-то?

- Считай, что случилось. Ципора не едет со мной в Африку. Нашла себе какую-то другую компанию.

Ципора была подруга Давида, которая тоже закончила службу, и по установившейся молодежной традиции собиралась посмотреть мир. Раньше она намеревалась ехать с компанией Давида в Африку, но теперь планы ее изменились.

- Вот так вот уйти, оставить любимого человека, - жаловался Давид. - Это все равно как у богатого отобрать его деньги.

- У богатого? - не понял я.

- Ну да, у богатого. Не у бедного же. Богатые - ведь они самые бедные. Они без денег совершенно к жизни не приспособлены. И поэтому, кстати, то, что совершили большевики, было действительно бесчеловечно. Отобрать у богача его миллионы - это все равно, что отобрать у крестьянки ее серп или у пролетария его кувалду. Ты знаешь, сегодня, когда Ципора сказала мне, что едет с этими олухами в Южную Америку, а не с нами в Африку, я почувствовал себя буржуем, у которого национализировали все его заводы. Я так был уверен, что она моя девушка, так был уверен… - и Давид с детским капризным отчаянием отвернулся к стене.

- А почему бы тебе с ней в Бразилию не съездить? - спросил я брата. - Ты так все истолковал своеобразно. Может быть, не в тебе дело вообще? Может, она просто хочет на карнавалы посмотреть, а ты к себе ее решение относишь… Ты эгоцентрик.

- Какие еще карнавалы! Она не такая… Понятия не имею, что ее тянет в Южную Америку. Или кто… Но ты прав, нам надо было об этом поговорить.

На другой день я гулял по улицам Маале-Адумим. В Израиле природа расцветает дважды - весной и осенью. На Песах цветут деревья, после Суккота зеленеет трава… Но осенний расцвет природы все же сочнее и ярче. Со стороны пустыни потянуло запахом первой влаги. Выгоревшая за лето трава наконец увлажнялась, и пустыня как бы впервые за долгие месяцы вздохнула. Когда в 1982 году мы только приехали в Маале-Адумим, из пустыни шел именно этот запах. Я в тот же миг полюбил его, и всегда, когда он появлялся осенью, подолгу бродил по улицам.

* * *

Когда с исходом субботы я вернулся домой, зазвонил телефон. Звонил Сергей Егоров. Оказывается, он был в Израиле с делегацией православных - в моем гостеприимстве не нуждался, но повидаться хотел. Он находился в тот момент в Иерусалиме и приглашал увидеться прямо сейчас.

Мы встретились на улице Кинг Джордж и зашли в кафе.

- Так какими судьбами? - спросил я.

- Я с группой приехал, но это не совсем паломническая поездка. У меня тут и деловая встреча имеется…

- А ты пополнел, однако, - заметил я. - Солидно выглядишь.

- Я ведь на одну фирму работаю. Мне по должности положено выглядеть представительно. Ведь сам понимаешь, щуплый начальник - это все равно, что располневшая манекенщица. Род профессиональной непригодности.

- Вы с Андреем поддерживаете отношения?

- А как же! Поддерживаем. Он мне столько рассказывал об этой рукописи, которую вы нашли…

Я оторопел.

- А что он рассказывал?

- Ну, что это какое-то неизвестное Евангелие…

- А Андрей тебе показывал сами тексты?

- Сами тексты? А разве они у него? - удивился Егоров.

- Нет, рукопись там же, где она и была, - в ущелье Макух. Я имел в виду фотографии.

- Нет. Я его и не просил. Я все равно ничего в этом не понимаю… Моя специализация - современные скандинавские языки, а не древние семитские… А где это место, что ты назвал… Вахук или как там?

- Макух. Ущелье Макух… Это здесь, рядом с Иерусалимом.

- А с Ольгой ты видишься? - поинтересовался Сергей.

- Один раз ее видел, когда она книгу от тебя передала. С тех пор она ни разу не звонила…

- Ну ладно, с ней я сам свяжусь. Слушай, а у тебя какой-то выход на ваших израильских политиков есть?

- Нет, я никого из депутатов кнессета лично не знаю.

- Не обязательно лично, через кого-то…

- А тебе это зачем?

- Это я спрашиваю так, на всякий случай. Видишь ли, в России есть люди, которые ищут неформальных контактов с вашими политиками…

- В принципе я знаком с несколькими раввинами, которые вхожи к депутатам. А что за люди?

- Мне кажется, - начал Сергей издалека, - что вы здесь в Израиле слишком полагаетесь на США.

- За неимением альтернативы.

- Вот-вот. И я о том же. Помнишь, ты мне рассказывал, как вам эти американцы руки выкручивают. Это лицемерная страна. Страна без ценностей… Весь ее либерализм без покрытия. Израилю нужно искать других партнеров.

- Ну, это не по моей части.

- Понял. Меняем тему. Какие места ты бы посоветовал мне тут посетить? У меня почти целый день свободный.

- Ну, у нас есть много всего…

- А вот это ущелье, как ты говоришь… Макух? Андрей сказал, что это где-то в том месте, где Иисус Христос сорок дней постился… Может, туда съездим?

- В Каранталь я тебя свозить не смогу - теперь это Арафатова вотчина. Но я могу показать тебе эти места издалека, если видимость будет хорошая.

- Тогда давай в Макух сходим.

- Не думаю, что это возможно. Это серьезный горный поход. Но я могу тебе показать, где это ущелье начинается.

- Это будет здорово. Договорились.

* * *

На другой день я взял у отца машину и приехал в Иерусалим. Когда я добрался до места, Сергей уже ждал. Но он был, к моему удивлению, не один. Если честно, я не просто удивился, но и прямо расстроился. Рядом с ним была Ольга…

Мне это все не очень понравилось. Наша тайна расползалась на глазах. Если Андрей решил посвятить Сергея в историю своей находки, то это в конце концов - его дело. А вот Ольга была здесь уже явно лишней.

Протестовать я, разумеется, не стал. К тому же я сразу успокоил себя тем, что Ольга могла быть и не в курсе, к чему мы затеяли эту прогулку.

- Как ты устроилась? - спросил я. - Почти уже два года прошло после твоего приезда…

- Вполне удачно, - сказала Ольга, - У меня недавно ребенок родился. Я сейчас в основном с ним сижу.

- А муж?

- Муж работает. Он по специальности врач.

- А с ивритом как? Освоилась?

- Освоилась. Во всяком случае на улице я без проблем объясняюсь.

- Ну и как же вы теперь там будете в Хевроне, после ухода ЦАХАЛа?

- Не переживай, как-нибудь уж продержимся, - сухо ответила Ольга.

- Я все же не потерял веру в Нетаниягу, - решил я ободрить Ольгу. - Он ведь все-таки строит новый квартал на Хар-Хома и, кроме того, открыл Хасмонейский туннель.

- А что это за туннель? - поинтересовался Сергей.

- В Старом городе. Ты входишь в него у Стены плача, идешь вдоль всего основания Западной стены Иерусалимского Храма и выходишь с другой стороны на улицу Виа-Долороза. Этот туннель был обнаружен довольно давно, но Нетаниягу сейчас разрешил его открыть. После этого арабы как раз и подняли стрельбу.

- А чего они хотели?

- Видишь ли, сейчас арабы начали нелепую пропагандистскую войну против еврейских древностей в Эрец Исраэль. Духовные и политические авторитеты ислама заявляют, что, поскольку в Коране ничего о Храме Соломона не говорится, то его никогда не существовало, и все святыни, связанные с Сионом, - чисто исламские. А тут мы открываем для обозрения туристов этот туннель... Конфуз.

- Археологическая война. Понятно, - протянул Сергей.

- Это война за предысторию. Война за «примордиальную традицию», - веско вставила Ольга. - Генон находил не случайным, что именно наше время - это время великих археологических открытий. Подумайте, через каких-нибудь пятьдесят лет все, что вообще еще сохранилось, будет извлечено из-под покрова земли, и профессия «археолог» станет такой же архаичной и невостребованной, как профессия «путешественник». Сегодня мы приближаемся к коренной традиции человечества. Так что нет ничего странного в том, что именно сегодня вспыхнула эта война.

Интересная мысль, отметил я про себя. Надо будет Андрею рассказать. Почему, в самом деле, вдруг именно в наше время отыскались все эти кумранские свитки? Почему именно сейчас нашлась эта его загадочная рукопись?

За этим разговором мы выехали из Иерусалима и добрались до поселения Алон, из которого открывался дивный вид на Иудейскую пустыню.

- Это, прямо перед нами, Анатот - родина пророка Иеремии. На самой вершине горной гряды поселение Псагот, оно стоит в районе древнего города Ай, второго города, занятого Иегошуа Бин-Нуном после Иерихона. Вот там, на северо-западе - Бейт-Эль, место, где Яакову было видение небесной лестницы. Ну а перед нами - Иудейская пустыня.

- А Мертвое море в какой стороне? - завертел головой Сергей.

- Да вот же оно просматривается. Приглядись.

- Ты хочешь сказать, что Мертвое море уже вот за этими горами, а не за той следующей грядой?

- Нет, та следующая гряда - это уже горы Моава, это уже Иордания. А Мертвое море сразу за ближайшими холмами.

- Подожди, но ведь это совсем рядом. Что же это, весь Израиль можно проехать за два часа?

- Почему за два? За час. От Средиземного моря до Мертвого не более восьмидесяти километров. Если без пробок ехать, то от Яффского причала до Кумран вполне можно уложиться за час. На антисемитском новоязе это и называется West Bank - «Западный берег». Кто-то делает вид, будто бы всерьез рассчитывает разместить здесь два государства - одно-единственное еврейское, под горой, и двадцать третье арабское, на горе.

Мы повернули в сторону Йерихона, доехали до шоссе Алон, пересекли живописное ущелье Кельт и некоторое время ехали по крутой вьющейся дороге, окруженной зеленеющими холмами. Справа от нас, едва касаясь земли, проскакала стайка горных оленей, слева двигалось внушительное стадо овец.

Вскоре мы подъехали к горе, именуемой Инбалим. Там я вывел гостей на смотровую площадку.

- Видишь этот холм? - спросил я Сергея.

- Ну.

- За ним как раз и начинается то ущелье Макух, о котором мы говорили.

- Понял, - закивал Сергей.

Здесь, на вершине горы, Ольга заметно оживилась.

- Эта Земля, безусловно, очень энергетична, - сказала она почти восторженно, - понятно, почему из-за нее все дерутся. И все же, по мнению Генона, она - лишь один из «вторичных центров». Первичная Святая Земля, которую он искал, - она где-то на Востоке, где-то в Гималаях.

- Не понимаю, - удивился я. - В Хевроне живешь, а вместо того чтобы на раввинов, на какого-то Генона ссылаешься. Как это у тебя сочетается?

- Что сочетается?

- Иудаизм и все, о чем вы там тогда в Москве говорили, не знаю даже, как это назвать.

- А ты назови «восточная мудрость», - подсказала Ольга. - Так вот эта мудрость очень хорошо с каббалой сочетается. А я, кстати, большая почитательница рава Лайкмана. Еще в Москве на его лекции ходила. Три его книги по каббале прочитала.

- Не уверен, что Лайкмана можно называть равом. Я слышал, будто бы он объявил каббалу позитивной наукой и преподает ее в полном отрыве от религиозной практики.

- Порекомендуй кого-нибудь другого. Я этим действительно интересуюсь.

- Не возьмусь. На русском мне ничего стоящего не попадалось.

Напоследок Ольга предложила обменяться телефонами, объяснив, что давно потеряла мой номер.

- Ого, какой странный, - удивился я, записывая цифры - Это у вас в Хевроне такие номера?

- Это мобильный, - пояснила Ольга и достала из сумки телефон. На улицах я уже давно встречал людей с такими аппаратами, но в моем кругу их ни у кого еще не было.

Ольга мне действительно несколько раз после этого позвонила, предлагала увидеться. Но до встречи так и не дошло.

1997

Поскольку Сарит ушла из дома и уже три месяца жила отдельно, в раввинате к ее прошению отнеслись наконец серьезно. В конце января 1997 года бракоразводный процесс тронулся с мертвой точки. Суд состоялся.

Судьи приняли сторону Сарит и потребовали от Пинхаса подписать разводное письмо.

- Я не стану ничего подписывать! - решительно произнес Пинхас.

Сарит заплакала. Первый мой порыв был - броситься к Пинхасу и выпалить пару резких слов, но он тут же развернулся и исчез, а я остался с плачущей Сарит. Когда она чуть успокоилась, мы вышли на улицу, уселись в сквере на лавку, и я, как умел, принялся ее утешать.

- Не бойся. Это Пинхас только пока так разговаривает. В конце концов он не может не дать тебе развода.

- Почему не может? Прекрасно может!.. Сколько женщин годами, даже десятилетиями не получают разводов от своих законных мужей…

- Это особые случаи. Все эти сумасшедшие мужья сами не женятся вторично. Тот, кто хочет жениться вторично, вынужден давать развод. Я не говорю уже, что существуют и судебные санкции…. Но прежде всего к нему следует направить каких-то уважаемых людей. Это нас он не хочет слушать. Может, даже назло делает. Я поговорю с равом Исраэлем. Это же он меня с Пинхасом познакомил. Во-первых, Пинхас его очень уважает - я знаю. Не сомневаюсь, что ему удастся побороть это упрямство и снять эту злость.

Уже через два дня рав встретился с Пинхасом.

* * *

Но и авторитета рава Исраэля оказалось недостаточно. Пинхас был зациклен на своей «правоте» и никаких доводов слушать не желал. Он заявил, что раз такой закон существует, то его, Пинхаса, неправомочно в чем-либо обвинять. Если бы это было дурно, то Бог не давал бы мужьям такой власти. Однако в ходе беседы он сменил свою аргументацию и сказал, что не желает, чтобы у его дочери было два отца, что он хочет быть единственным отцом Тамар.

- Он заявил мне, - пересказывал мне рав, - что дочь не должна страдать от того, что ее мать легкомысленная женщина. Девочку не нужно травмировать разводами и появлением посторонних лиц в постели ее матери…

Я был взбешен и растерян:

- Но существуют же какие-то меры воздействия?! Что еще можно сделать?

- Видишь ли, Пинхас - даровитый и высоко ценящий себя человек. Мне показалось, что он очень сильно уязвлен решением Сарит развестись с ним безо всякой зримой причины. В глубине души он считает это решение ничем не оправданным капризом, которому не желает потакать. Сейчас он весь погружен в эту ситуацию, весь на нервах. Он чувствует, что он раздавлен, унижен. Это все должно когда-то перемолоться. С Божьей помощью. Я говорил с ним, он не лишен чувств. Например, он искренне любит дочь и явно старается защитить ее от лишних травм.

Я согласился. По отношению к дочери Пинхас и в самом деле вел себя прилично. С одной стороны, он безо всякой торговли принял Саритино предложение завозить к нему трехлетнюю Тамар раз в две недели, а с другой - никогда не отказывался принять дочь на вечер, когда та начинала особенно к нему проситься. Словом, чувствовалось, что Пинхас действительно щадит психику дочери и не пытается на ней отыграться… Если хотел, мог же, значит, быть человеком!

- Можно, конечно, попытаться этот процесс ускорить, поискав каких-то других посредников, - продолжил рав Исраэль. - Я ведь с Пинхасом не очень близко знаком. Наверняка существуют люди, авторитет которых для него что-то значит. Ну а если и это не сработает, - исключить этого к сожалению нельзя, - то обращайтесь в раввинат. Там против Пинхаса примут меры. Посмотрим, что он сделает, когда ему запретят, например, выезжать за границу. Два года назад полномочия судов в этом вопросе сильно расширили: отказника теперь можно даже приговорить к длительному заключению или крупному денежному штрафу.

Ясно стало одно - путь предстоял долгий.

* * *

В тот же вечер я позвонил Андрею и рассказал, что Пинхас отказал Сарит в разводе.

- Ну и мерзавец! - воскликнул Андрей. - Что же теперь делать?!

- Продолжать с ним судиться. Есть официальные способы на него воздействовать... Слушай, а как с твоим приездом?

- С приездом? - рассеяно повторил Андрей...

- Ну да, с приездом. Развод разводом, а рукопись рукописью. Когда ты будешь здесь?

- С этим пока откладывается. Видишь ли, работа смотрителя маяка прекрасна во всех отношениях. Но у нее имеется один маленький недостаток - ее невозможно взять на дом. Я столько нагулял, что могу рассчитывать на отпуск только через четыре месяца..

- Ну что же делать?.. Жду через четыре месяца...

* * *

После Пурима погода установилась. Дожди прекратились, но было еще прохладно - идеальное время для прогулки по Иудейской пустыне. Сарит уже несколько раз клянчила, чтобы мы пошли в вади Макух, и предложила пропустить ради этого свою учебу. Ну уж чем-чем, а учебой она всегда готова была героически пожертвовать, как и в годы юности.

Я убедил ее отложить все до Песаха.

В первый же день пасхальных каникул, оставив Тамар за скромную плату на попечении соседки, мы с Сарит выехали из Кохаша и вскоре оказались в том месте, где берет свое начало ущелье Макух.

Добираться до тайной пещеры в Палестинской автономии я, конечно, не собирался - это было и трудно, и опасно. В результате мы ограничились приятной и посильной для Сарит пятичасовой прогулкой. Мы дошли до огромной пещеры, в которой Сарит узнала скальную церковь византийского периода, которую ей когда-то живописал Пинхас, и вернулись по другому, крутому отрогу ущелья, выходящему к Инбалим.

Выйдя на шоссе, мы тотчас поймали тремп и через полчаса были в Кохаше.

Сарит достала из холодильника кастрюлю с супом, какие-то закуски и предложила пообедать.

- Что это за кастрюля? - с подозрением спросил я.

- Не бойся, пасхальная. Я ее специально купила, вместе со сковородкой и этими пластмассовыми мисками.

- Тогда я с удовольствием, - расслабился я.

- Тебе не кажется, что надо было все же дойти до рукописи и забрать ее? - спросила Сарит, поставив кастрюлю на огонь. - Уже год прошел. Она ведь там портится. Ее давно пора передать в Управление древностей. Я знаю там и помимо Пинхаса много надежных людей, которые могут дать дельный совет, как эту находку представить.

- Замечательно. Давай только дождемся Андрея.

- При чем тут Андрей? До его приезда рукопись могла бы полежать и у меня.

- Но это ведь его находка!

- Как знаешь… но уже приглашай его скорее.

- Я тебе разве не говорил? Ему раньше лета отпуска не дают. Так что дождемся лета и тогда и сходим.

* * *

До самого Песаха мы продолжали засылать к Пинхасу разных уважаемых людей. Я - со стороны раввинов, Сарит - со стороны ученых. Она переговорила с несколькими сотрудниками Пинхаса, мнение которых тот вроде бы уважал. Но и они ничем не смогли помочь. Вопрос своей женитьбы Пинхас со своими коллегами обсуждать отказывался.

- Ну что ж, психологическая атака провалилась, - подвел я итог почти двухмесячному опыту увещевания Пинхаса с помощью посредников. - Приступим к юридическим мерам.

Сарит сходила в рабанут. Там ей пообещали подумать о санкциях, но предупредили, что дело может затянуться, так как у Пинхаса оказался довольно шустрый адвокат.

Добраться до Кохаша из Мехолы при всей относительной близости этих поселений без автомобиля было непросто. Но я видел, что Сарит нуждается в моем участии, и старался по мере сил навещать ее.

Так дней через десять после нашего путешествия в вади Макух, воспользовавшись случайно подвернувшимся тремпом, я выбрался в Кохаш.

Мы с Сарит вывели Тамар на детскую площадку, а сами уселись на скамейку. Сарит выглядела грустной и осунувшейся.

- Измотала тебя эта история, как я вижу.

- Измотала, Ури. Еще как измотала.

- Рав Исраэль, уверен, что Пинхас со временем должен одуматься.

- Он плохо знает Пинхаса, - тихо и без эмоций сказала Сарит, - мой якобы муж болезненно самолюбив и ничего не забывает. И потом, я чувствую, в нем что-то как будто сломалось. Наверное, это с каждым может произойти. Если бы не рукопись, может, это бы так никогда не проявилось. Рукопись стала точкой невозврата…

В голосе Сарит звучали такие безнадежность и усталость, что мне стало очень жаль ее, и я наконец решился рассказать ей о существующей лазейке, об известном мне аварийном выходе из ее

отчаянной ситуации.

- Ты должна знать еще одну вещь, Сарит. На нееврея этот закон не распространяется. То есть если жена изменила мужу с неевреем, то дети от этой связи не считаются незаконнорожденными, а после того, как она получит развод, этот нееврей, приняв гиюр, сможет на ней жениться.

Сарит вздрогнула и выразительно посмотрела на меня, но я не сразу понял, что значил этот ее обреченный взгляд.

- Зачем ты мне об этом сказал?

- На всякий случай.

- Я, кажется, догадываюсь, на какой такой случай ты намекаешь. Не говори мне больше об этом. - Сарит резко встала. - И вообще я хочу остаться одна.

Я видел, что она готова заплакать.

- У тебя шалят нервы.

- Да, шалят! И я хочу остаться одна!

- Хорошо. Я позвоню тебе завтра.

- Лучше послезавтра, - сказала Сарит и, взяв за руку Тамар, пошла с ней по направлению к своему каравану.

Навалились сумерки. Несколько огорошенный, я пошел на трампиаду. Казалось бы, разрешающий все трудности план с Андреем почему-то оказался отвергнут с порога. И почему она меня прогнала? Не хотела, чтобы я видел ее слезы? Я их столько за это время насмотрелся, что меня можно было бы и не стесняться.

Рядом со мной, скрипнув рессорами, остановился выезжавший из Кохаша автомобиль, но я в него не сел. Отойдя в сторону, я сел прямо на траву, в полном смятении от поразившей меня догадки… Неужели?

Почему я обрадовался, когда услышал, что она не хочет слышать про Андрея? И почему меня охватывает горячая волна счастья? У меня замерло сердце:

- Ну да, в этом все дело! Я люблю ее! Все это время, заботясь о ней, я не столько честь религии защищал, сколько просто хотел быть рядом с ней. Просто удивительно, как я мог этого так долго не замечать!

Я вспомнил о том, как больше месяца назад распростился с Рахелью, сказав, что мы не совсем подходим друг другу и мне жаль ее времени.

- Чем не подходим? - с сожалением спросила Рахель.

- Некоторыми интересами... Меня, например, очень интересует история, кумранские рукописи, а тебя нет, - сказал я, искренне веря, что это звучит убедительно.

- Ты думаешь, что жена должна досконально разбираться во всем, чем увлекается ее муж? - спросила Рахель.

- Желательно.

- Тогда мы, наверно, с тобой действительно разные, - грустно сказала Рахель. - Я так не думаю.

В действительности я тоже так не думал. Просто я вспомнил, как рвалась в вади Макух Сарит, как она мечтала увидеть ту пещеру. Разве бы Рахель когда-нибудь этого захотела? Вот если бы она была, как Сарит! Почему она не такая, как Сарит? - промелькнуло у меня тогда в голове.

Как я в самом деле мог отвергнуть Рахель? Разве бы я поступил так, если бы не был знаком с Сарит? Нет, я бы несомненно женился на этой милой, трогательной девушке, думая, что люблю ее, но на самом деле не до конца понимая значение этого слова!

Да, все это время Сарит была исключена из поля моего выбора, исключена как женщина светская и, прежде всего, как женщина, предназначенная в моих собственных помыслах другому человеку. Но вот этот человек оказался ею отвергнут! Что же меня останавливает? Зачем мне еще какая-то девушка «как Сарит», если меня действительно любит сама Сарит!

- Сама Сарит! - прошептал я, расплываясь в улыбке. - Сама Сарит!

Уже давно полностью стемнело. Небо зажглось бесчисленными звездами, столь хорошо заметными здесь в пустыне. Улегшись на траву, я еще некоторое время смотрел в эту бесконечность, снова перепроверяя свои чувства и свои впечатления.

Наконец я встал, и ноги сами понесли меня обратно к дому Сарит. Я подошел к двери. Все было тихо. Тамар, по-видимому, уже спала.

Я занес уже было руку, чтобы постучать, но вдруг растерялся. Что я ей скажу? Как начать?

Тут же навалились сомнения. Что я делаю?! С чего я вообще взял, что она любит меня? Да я интересую ее не больше, чем Андрей! И обиделась-то она вовсе не потому, что якобы любит меня. Просто не хотела, чтобы ее судьбу решали за нее. Она же такая свободная, яркая, независимая, хочет выбирать сама, а не так, чтобы ее кому-то всучали, предлагали. Как глупо! Что я здесь делаю под ее дверью?

От смущения меня даже прохватила испарина. Я повернул было назад, прошел шагов пятнадцать и остановился.

- Стой! - сказал я себе. - Пусть даже тебе это все показалось. Нельзя уйти, не проверив… Скажи, что забыл что-нибудь…

Я опять, немного пошатываясь, подошел к двери.

- Господи! Как же я ее, оказывается, люблю! Как я мог так долго этого не замечать? Права мама, до меня действительно все слишком медленно доходит…

Я стоял перед дверью, слушая, как бешено колотится мое сердце. Слова не лезли в голову.

Вот дела, удивился я своему состоянию. Ведь сколько раз под огонь в Ливане попадал, а такого страха не испытывал, был собран… В дома террористов не боялся входить, а тут…

Воспоминания о Ливане неожиданно привели меня в чувство. Рука сама тихо, но решительно постучалась.

Сарит открыла дверь и… просияла от счастья.

Ничего не пришлось говорить. Мы просто не заметили, как оказались друг у друга в объятиях. Первой в себя пришла Сарит:

- Что ты делаешь, ты подумал? Ты не скажешь мне потом, что по вашему закону мы должны навеки расстаться?

- Не бойся. Все под контролем.

- Серьезно, Ури, - сказала Сарит, отстраняясь от меня. - Я не хочу тебя потерять.

Мы уселись за крохотный кухонный столик напротив друг друга и взялись за руки.

- Когда же это с нами случилось? - спросил я.

- Со мной очень давно.

- Как это давно? Еще до Пинхаса?

- В общем-то да.

Я не поверил своим ушам и вопросительно смотрел на Сарит.

- Я помню, меня тогда вера твоя задевала. Она и отталкивала, и притягивала одновременно. Я бы так очень хотела верить. Просто не могу. Не получается.

- Но неужели еще до Пинхаса? Как можно было еще тогда, до моей службы в армии, предпочесть ему меня? От меня, правда, тогда еще козами не пахло…

- Как видишь, можно. Ты хоть знаешь, с чего у нас с ним все началось? Как я у Пинхаса оказалась?

- Пришла с умным человеком пообщаться…

- Просто так? Без приглашения? Нет, я не умных речей слушать пришла, я пришла твой телефон разузнать.

- Как ужасно, что я потерял твой листок, что не выучил его наизусть, не переписал!

- Так вот, Пинхас сказал, что телефона твоего не знает, но заверил, что ты ему обязательно должен позвонить и нам надо поддерживать связь. Просил звонить и заходить. Я так и сделала. Звонила. Он меня приглашал. Принял в моей судьбе отеческое участие. Уговорил не идти в армию, а пройти альтернативную службу у него в Управлении древностей. Я согласилась. И действительно, там было

очень интересно. Я участвовала в археологических экспедициях, работала с репатриантами. А он был вроде как мой руководитель. Я им искренне восхищалась. Как раз к концу службы он сделал мне предложение… И я согласилась. Да и как было не согласиться. Ты же видел, какой он блестящий и любит то же, что и я. А ты исчез, Ури. Совсем исчез.

- Знаешь, мой телефон, он, похоже, действительно не знал… Но он точно знал, у кого этот телефон можно было бы тогда немедленно узнать - у рава Исраэля. Он, видимо, с самого начала воспринял меня как нежелательного соперника.

- А ты когда меня полюбил?

- Сам не знаю. Подозреваю, что тоже очень давно… Но понял это только сегодня, пока стоял на тремпиаде…

Мы долго сидели, держась за руки и глядя друг другу в глаза.

- Что мы с тобой делаем, Ури? Ты хотя бы понимаешь? - спросила Сарит, горько улыбаясь. - Мы же запрещены друг другу. Твой Бог не позволяет нам соединиться. Что мы сейчас делаем, когда держимся за руки, объясни мне?

- Когда ты получишь развод, никакой раввин не запретит нам вступить в брак только потому, что мы держали друг друга за руки.

- Хорошо. Раввину ты, допустим, объяснишь. Ну а Богу, что ты своему Богу скажешь? Почему брал за руку женщину, которая была тебе Им запрещена? Он же у вас помешан на мелочах. Наверняка Он сейчас в шоке от того, что мы делаем! Я права?

- Не совсем! Мой Бог учитывает наши чувства так же, как я учитываю Его волю. Я чувствую, что Его рука на пульсе, потому что на пульсе также и моя рука.

- И все же я бы хотела услышать, что ты Ему скажешь. Мне было бы интересно послушать, как вы разговариваете.

- Пожалуйста, слушай. Я скажу Ему, что это было знаком веры. Я скажу Ему, что мы протягивали друг другу руки из нашего будущего, из того будущего, в котором Он разрешит наш брак. Я скажу Ему, что мы действовали согласно Его воле. То есть, что это наше

рукопожатие - Им же самим допущенная мера нарушения. Ну, то есть, что это наше рукопожатие - никакое на самом деле не нарушение, а свидетельство и знамение нашей веры в то, что Он на нашей стороне… Поверь мне, я знаю, что Ему сказать.

Сарит счастливо смеялась.

- Не знаю. Мне кажется, Ури, что мы оба с тобой сумасшедшие!

- Не думаю. Просто в нас сейчас все плавится, все в каждом по-новому устанавливается. Это прыжок над пропастью. По-настоящему я сейчас ничего не знаю и не понимаю. Не знаю, например, идем ли мы с тобой под хупу или едем на Кипр? Знаю только, что мы будем вместе!

- Давай сейчас это решим, пока мы в будущем! Отвечай быстро не задумываясь. Ты согласен на Кипре?

- Разумеется. С тобой хоть на Кипре. Мой Бог, конечно, немного морщится, но по большому счету не возражает.

- Значит, решено, идем под хупу. Раз тебя так трогает этот прекрасный мудрый обряд купли женщины, я не в состоянии отказаться еще раз наступить на эти же грабли.

* * *

Через день после нашего объяснения позвонила Ольга. В тот момент я любил весь мир, и без особого дознания, зачем я ей вдруг понадобился, согласился встретиться в Иерусалиме, в четверг вечером. Я уговорил Сарит пойти в тот день на лекцию одного рава, и до нее мы располагали некоторым временем.

Город в это время обычно заполняется праздной публикой, но мы все же подыскали себе место в кафе «Сбарро» и заказали пиццу.

Разговор не клеился. Ольга то и дело бросала на Сарит какой-то тяжелый оценивающий взгляд, но в то же время пропускала мимо ушей ее вопросы. Я стал расспрашивать Ольгу о жизни в Хевроне. Она отвечала невпопад и, наконец, спросила:

- Правда, что один твой друг нашел в Иудейской пустыне рукопись?

- В общем-то, да, - нехотя подтвердил я.

- И где же эта рукопись? - оживилась Ольга. - Неужели она действительно все еще в пещере? Почему вы не заберете ее?

Меня насторожила эта осведомленность. Но главное теперь было не проболтаться о том, что свиток был найден на территории автономии. Если об этом пойдут пересуды, то в дальнейшем могут возникнуть серьезные трудности…

- А Сергей-то что говорил тебе? Он сказал, где эта рукопись была найдена? - задал я встречный вопрос.

- Так ты же сам нам эти места показывал!.. - удивилась Ольга.

Мои опасения подтверждались - Ольга, оказывается, все же знала тогда о цели нашей поездки. С другой стороны, похоже, она говорила искренне.

- Я не об этом спрашивал. Я спрашивал о более точном месте…

- Понятия не имею. Но почему вы ее не забираете? Ты так и не ответил.

- Не знаю. Это находка Андрея. Он почему-то так решил.

- Более чем странное решение…

Ольга хотела что-то добавить, но в этот момент к нам подошел какой-то харейди в пиджаке и черной шляпе и заговорил с Сарит. Из его слов стало ясно, что это был какой-то служащий из раввината, рассматривавший ее прошение на развод. По-видимому, он решил воспользоваться случаем и понаблюдать Сарит в естественных условиях. Моя личность его явно заинтересовала, и он задал несколько нескромных вопросов относительно наших взаимоотношений. В конце он многозначительно напомнил, что если женатая женщина вступает в близкие отношения с посторонним мужчиной, то тем самым она навсегда лишается возможности с этим мужчиной пожениться.

Он скоро ушел, но сцена вышла довольно неприятная.

- Странно, - произнесла Ольга. - Даже с моим не самым лучшим ивритом я поняла все, что он сказал, но совершенно не поняла, чего он от вас хотел?

Сарит объяснила свою ситуацию, то есть, что ей не дают развода и по закону Торы она не может принадлежать другому мужчине.

Ольга пристально оглядела меня и Сарит и, наконец, спросила:

- А вы, я так поняла, как раз не прочь пожениться, что ли?

Мы с Сарит с улыбкой переглянулись.

- Пожалуй, что не возражали бы, - ответил я.

- И вы что - не живете вместе? - спросила Ольга, иронично подняв брови.

- Разве у нас есть выбор?

- Дикость какая-то, - пробормотала она, пожав плечами.

- А ты, я вижу, не очень-то религиозная, - отметил я. - В Хевроне таких, наверно, немного?

- Я с большим уважением отношусь к вере окружающих меня людей, - важно ответила Ольга, - но, по-моему, истинная религиозность не может состоять в том, чтобы идти против любви. В таких вопросах просто аморально подчиняться нелепым запретам.

- С такими взглядами вам бы где-нибудь в Нетании следовало селиться, а не в Хевроне.

- Меня действительно окружают больше ортодоксальных верующих, чем того хотелось бы, и я не всегда с ними согласна, но я о своем выборе не сожалею.

Когда мы уже простились с Ольгой, Сарит сказала:

- Ты знаешь, Ури, до самых недавних пор я к своей ситуации относилась точно так, как Ольга: мне казалось именно аморальным подчиняться формальным запретам, а не любви. Но теперь, сама не знаю почему, я чувствую, что через это нельзя переступать. От тебя, наверно, заразилась... Как мне это передалось, ума не приложу, - улыбнулась Сарит.

Неисповедимы пути Божии. С любого края это еврейское сумасшествие может в человека ворваться: месяца через два, заехав как-то к Сарит, я обнаружил, что она сменила посуду, разделив ее по цвету.

- Ты стала следить за тем, чтобы не мешать мясное с молочным? - удивился я.

Сарит рассмеялась:

- Уж если я всерьез поверила в то, что являюсь собственностью Пинхаса и не смею обнять любимого человека, то уже просто странно было бы не выполнять также и все прочие невинные глупости, которые Бог почему-то требует от евреев.

* * *

Пришло лето, но Андрей не приехал. Потерял заграничный паспорт.

Я пообещал ему, что схожу за рукописью один. Рассказал ему и то, что Сарит знает в Управлении древностей надежных людей, с которыми можно будет проконсультироваться.

Я был полон решимости при первой же возможности действительно забрать рукопись, но возможность эта неделю за неделей и месяц за месяцем не представлялась. Дело в том, что на ферме уволились сразу два человека, встал вопрос о найме таиландцев. Решение это и хозяину и мне по идейным мотивам совсем не улыбалось, и я вызвался перерабатывать - пока вдруг кто-нибудь найдется. Отпрашиваться с работы стало сложно.

Первый раз у меня выдалась возможность пойти в вади Макух на Суккот, но я не смог подыскать компанию: ни Йосеф, ни Давид не могли, а Халед и вовсе не отвечал на звонки. Идти же одному без крайней нужды мне не хотелось. В горах всякое может случиться.

К тому моменту я проработал на ферме уже два года и накопил достаточно денег, чтобы приобрести старенькое «Пежо», а также помочь Сарит нанять адвоката, который действительно добился от суда каких-то мер.

Нам сообщили, что к новому году Пинхаса лишили водительских прав. Но Сарит, периодически встречавшаяся с Пинхасом, чтобы принять или передать Тамар, уверяла, что он продолжает свободно пользоваться автомобилем. Я предположил, что он заблаговременно обзавелся дубликатом водительского удостоверения.

1998

Так прошло еще несколько месяцев. Все попытки воздействия на Пинхаса через суд оказались напрасными. Он оставался непреклонен.

Сарит часто плакала, у меня тоже начали сдавать нервы.

Наконец в марте 1998 года я решил сам пойти к Пинхасу и попробовать переговорить с ним лично.

Я, конечно, ни на что не рассчитывал, я понимал, что являюсь последним человеком, к просьбам которого Пинхас будет прислушиваться. Но я чувствовал, что как-то по-мужски объясниться с ним мне необходимо. После суда прошел год, все средства были использованы, пора было появиться и герою.

* * *

Я зашел без звонка, просто убедившись, что у него в окне горит свет.

- А, Ури! - со смешком произнес Пинхас. - Пожаловал, наконец. Последний раз я тебя видел в суде, но тогда нам не довелось поговорить. Ты туда за Сарит что ли приходил поболеть?

- Да, представь, сочувствую ее положению.

- И конечно же, без малейшего личного интереса…

- К тебе, наверное, десяток людей приходили за Сарит просить. Ты и их в этом интересе подозревал?

- Ну что ты, как можно. Только тебя. Я ведь знаю, кто моей жене по настоящему интересен, а кто нет. Ну присаживайся. От чая не откажешься, надеюсь?

Я сел за стол. Пинхас вскипятил чайник, разлил чай и выставил вазу с печеньями.

- Так чем я обязан твоему визиту? О политике будем беседовать или об Учителе праведности?

- Нет, на этот раз речь пойдет о Сарит.

- О Сарит? - деланно удивляясь, произнес Пинхас.

- Да, о Сарит. Скажи мне честно, почему ты не даешь ей развод? Зачем ее мучаешь? Это ведь так мелко. Так недостойно.

- Понимаю тебя. Не один ты так интерпретируешь мое поведение. Очень многие считают меня извергом, душегубом, почти насильником, а я ведь всего лишь хочу незначительной компенсации за моральный ущерб, хочу всего лишь самого минимального восстановления справедливости!

- Что ты имеешь в виду? - я весь напрягся, не зная чего ожидать.

Пинхас долго смотрел на меня с усмешкой и наконец ответил:

- Нет, я не душегуб, и у меня нет никакого желания мучить Сарит. Просто тебе надо было давно ко мне прийти и обо всем честно и по-мужски договориться.

- О чем договориться?

- Мы ведь с тобой в какую-то экспедицию за рукописью собирались. Разве не так?

- Собирались вроде, - кивнул я, напряженно слушая.

- Вот видишь, собирались. А ты слова своего не сдержал и вообще старого своего друга совсем позабыл. Нехорошо. Соображаешь, к чему я клоню?

- Пока не очень.

- Медленно же до тебя доходит. А еще программист... Я ведь давно тут тебя жду...

- Давно? - повторил я, отказываясь верить своим ушам.

- Да, с того самого дня. Уже много месяцев.

- С какого дня?

- Ури! Выполни то, что обещал, приведи меня к этой рукописи, и я, как истинный джентльмен, кем я и являюсь, тут же на месте подпишу гет.

Я не мог поверить в это... И это все! И Сарит моя! Невероятно!

- Подожди, - очнулся я, - а что с рукописью-то будет? Ты ее заберешь?

- У тебя есть в этом какие-то сомнения? Или ты хочешь со своим другом продолжать в ней ковыряться, чтобы все окончательно загубить, а потом еще попасть под суд за сокрытие ценной археологической находки?

Ошалев от внезапно обрушившегося на меня счастья, я бросился жать руку Пинхаса, бормоча:

- Выйдем в вади Макух в самое же ближайшее время. Я перезвоню.

* * *

Я выскочил на улицу ошеломленный и потрясенный. Я шел к автостоянке, не разбирая дороги. Визг тормозов и последующая красноречивая тирада из окна грузовика привели меня в чувство. Через полчаса я влетел к Сарит.

Излишне описывать ее восторг.

- Какой сюрприз! - смеялась она. - Какой сюрприз преподнес нам Пинхас!

- Только зачем он больше года тянул из нас нервы? - спросил я у Сарит. - Ты хоть понимаешь?

- В этом он весь, - сказала Сарит, - ты себе представляешь, что бы он сам пришел ко мне или к тебе с таким предложением? Он ждал тебя.

- Действительно не представляю.

- И выдержка какая! Даже не намекнул, что ждет!

- Пока мы тут все измучились…

- Но вы как-то договорились, когда пойдете за рукописью?

- Когда? Если бы это была моя находка, я даже не зашел бы к тебе рассказывать об этом его предложении, а прямиком помчался бы с ним в ущелье. Но рукопись найдена Андреем. Сначала надо переговорить с ним.

- Так давай же ему звонить!

- Не так все просто, Сарит. Я на полчаса раньше получил эту новость и уже кое-что заметил, чего пока не замечаешь ты. Если бы дело было только в рукописи, я думаю, все было бы просто. Доста-

точно было бы и звонка. Но Андрей, как мне кажется, всегда был к тебе неравнодушен. И вопрос этот деликатный. Мы должны с тобой вместе поехать в Москву и с ним вместе объясниться. Он ведь ничего не знает о наших с тобой отношениях. И вообразит, что освобождает тебя для себя самого.

- Действительно! Ну что ж… поехали в Москву. Давно мечтала в этом городе побывать.

Это решение казалось нам естественным, нам обоим и в голову не пришло, что, откладывая поход за рукописью, мы рискуем упустить свой шанс на счастье.

* * *

Через несколько дней мы с Сарит вылетели в Москву. Тамар осталась у Саритиных родителей. Сарит не скрывала от них цели своей поездки в Россию, не уточнив, впрочем, что ее меняют на рукопись. Она просто сказала, что Андрей обнаружил пещеру с древностями, и Пинхас согласился дать ей развод, если ему эту пещеру покажут.

Когда мы вышли из метро Сокольники, где нас уже поджидал Андрей, сразу повеяло ароматом весны.

- Какой чудесный запах! - воскликнула Сарит. - Я помню его! Что это?

- Это липы. Тут совсем рядом замечательный парк, - заметил я. - Давайте сначала в него заглянем, подышим весной.

- Может, сначала все же вещи забросим? - предложил Андрей, окинув беспокойным взором висевший на моих плечах внушительный рюкзак.

- Оставь, - отмахнулся я. - Мы в армии с таким грузом по шестьдесят километров марш-броски проделывали.

- Ничего себе! - удивился Андрей. - Я однажды одолел за день сорок пять километров. Так дальше шага ступить не мог.

- Сорок пять - это тоже совсем неплохо. Столько, помнится, прошла армия Йегошуа бин Нуна: двадцать пять километров она поднималась по вади Кельт, и еще двадцать километров, пока стояло

солнце, гнала эморейцев до долины Аялон.

- Вот это да! - обрадовался Андрей. - Так тот мой поход оказывается был симуляцией Однодневной войны! Я ведь тоже тогда полпути восходил, а полпути спускался, причем все это время - до полуночи - светило солнце!

- Это как, это?

- Очень просто. В июле на Кольском полуострове полноценный полярный день.

Мы зашагали по аллее по направлению к парку, и как раз, когда поравнялись с церковью, ударили колокола и воздух тотчас наполнился гулкий звоном.

- Сегодня Пасха, - пояснил Андрей. - Вторая обедня, видать, закончилась. Вы надолго вообще?

- На четыре дня. Обратный самолет в четверг в полдень. Это пятый день, но он ни на что времени не оставит.

Андрей за четверть часа довел нас до какого-то озерка и вдруг озорно посмотрел на Сарит.

- Протяни ладошку! И глаза закрой! - сказал он ей, улыбаясь.

- Зачем?

- Увидишь.

Андрей взял ее ладонь в свою, насыпал в нее горсть мелких семечек, и тотчас на руку Сарит села синица.

- Ой! - не поверила в свое счастье Сарит. Она была в восторге и отказывалась уходить до тех пор, пока у Андрея не вышел весь корм.

Мы углубились в аллею, окаймленную двумя рядами высоких старых лип, сплошь покрытых цветами.

- Так что с твоим разводом, Сарит? - спросил Андрей. - Есть новости?

- И да, и нет.

- А если точнее?

- С одной стороны, Пинхас отказывает мне в разводе. А с другой стороны, согласен на развод… но при условии, что ты отдашь ему рукопись.

- Так давайте отдадим ее скорей, - воскликнул Андрей. - И вы за тем приехали, чтобы меня об этом спросить?

- Не только…

- А что же еще?

- Я должен тебя предупредить, - сказал я, с напряжением глядя на Андрея, - что как только Сарит освободится от Пинхаса, она сразу окажется снова занята.

Андрей побледнел, но тут же с улыбкой спросил:

- Надеюсь, на этот раз Сарит достанется достойному человеку?

- Не сомневайся в этом, Андрей, - ответила Сарит.

- У меня такое ощущение, что этот человек где-то здесь рядом.

- Ты угадал, - усмехнулся я. - Он здесь.

- Что ж, считайте, что рукопись ваша, - сказал Андрей, посмотрев мне прямо в глаза. - Делайте с ней, что хотите. Жаль, конечно, что мой «свадебный подарок» достанется не молодым, а третьему, причем не очень приятному, лицу. Но выбора особенного у нас нет… Пусть будет считаться, что это Пинхас нашел арамейское евангелие. В конце концов он лучше, чем кто-либо другой, сможет им распорядиться…

Андрей вдруг воодушевился:

- Я уверен, что ее ценность огромна. Уверен, что она прольет свет на многие тайны. Самые древние обнаруженные фрагменты Евангелий датируются вторым веком. Почти все они написаны на греческом, немного на коптском. То есть до сих пор не было обнаружено ни одного арамейского евангелия, даже мельчайшего клочка от него. Этот свиток из ущелья Макух может оказаться сенсационным. Услышать живой голос древней христианской церкви, говорящей на родном языке Иисуса… Это потрясающе. Я уверен, что эта рукопись позволит на многое взглянуть в новом свете и, возможно, даже сделать «reset» всему христианству!

- Древняя рукопись переиначивает мир, - усмехнулся я. - Любимая мысль Пинхаса.

- Пинхаса? - удивился Андрей. - А мне показалось, что моя… Но даже пусть и Пинхаса! Что с того? Мысли не пахнут. Итак, пусть Пинхас забирает себе рукопись вместе с этой мыслью. Я ни на что не претендую. В конце концов все это принадлежит человечеству.

Вдруг с беспокойством взглянув на часы, Андрей воскликнул:

- Ой! Нам надо быстрее возвращаться. Я ведь Катю с Семеном пригласил.

- Как они вообще поживают?

- Хорошо. Уже три года как женаты, - небрежно ответил Андрей. - Катя работает переводчицей в одной фирме, а Семен, как и намеревался, учится в духовной семинарии. Они много всяким несчастным людям помогают, участвуют добровольцами в нескольких благотворительных проектах.

- А дети есть?

- Нет. Детей пока нет.

Андрей быстро провел нас какими-то аллеями к выходу из парка и вывел прямо к своему дому. Мы вошли в арку, пересекли заросший кленами двор и оказались в хорошо знакомой мне просторной квартире с высокими потолками.

Не успели мы сбросить в комнате рюкзаки, как раздался звонок и на пороге появились Семен и Катя.

- Христос воскресе! - радостно гулким басом возвестил Семен.

- Воистину воскресе! - отозвался Андрей, и они расцеловались. Андрей представил гостей друг другу.

- Знакомьтесь, это Сарит - та самая девушка, которая оказалась на перекрестке Адам, когда меня сбил террорист, - и, повернувшись к Сарит, сказал: - Это Катя и Семен, мои старинные друзья.

Все прошли на кухню. Однако пока мы пили за встречу и за знакомство, пока угощались изготовленным Андреем зеленым салатом и привезенной нами кошерной израильской колбасой, выяснилось, что Сарит известна гостям не только как «девочка с трампи-

ады», но также и как женщина, которой муж не дает развода. Более того, во время беседы Андрей бросил несколько фраз, так или иначе вынудивших нас объяснить гостям наш с Сарит статус.

- Я чего-то не понимаю, - признался Семен. - Вы слышали, наверно, заповедь Христову: «кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует». Один человек объяснил мне, что Христос так сказал от того, что по закону Моисея в случае супружеской измены муж обязан развестись с женой. Я вот и не понимаю, если муж упорствует и не отпускает жену, то, изменив ему, она вроде бы даже должна освободиться.

- Так это не работает, - пояснил я. - В действительности обманутый муж обязан прекратить со своей женой всякие интимные отношения, но развод с этим напрямую не связан. Есть мужья, которые назло не дают неверным женам развод - никому, мол, не доставайся.

- И суд никак не может обойти его волю?

- По суду его можно даже подвергать побоям или как-то иначе принуждать, но пока сам он жену не отпустит, ничего поделать нельзя.

- Но это же полное безобразие, - возмутился Семен. - Просто не верится, что такие установления не утратили силу.

- Если ни католические, ни православные каноны не утрачивают силу, то почему это должны делать иудейские? - возразил ему Андрей. - Католики, например, вообще никому разводиться не позволяют, а вы, православные, запрещаете вступать в брак своякам… Но если честно, я вас обоих до конца не понимаю. Не понимаю, как вы не боитесь так самозабвенно доверяться писаниям всех этих ваших отцов и мудрецов.

- Если не получается верить, делай ставку на традицию, как Паскаль советует, - предложил Семен. - Ставь на традицию - не проиграешь.

- На какую только традицию? Мне трудно поверить, что Бог принимает людей в Свое Царство по их конфессиональным признакам. Мне кажется, у Него такая же путаная коллекция праведников с точки зрения конфессий, как моя коллекция памятных монет с точки зрения нумизматики. Напрасно искать систему. Мне вообще кажется, что не вера спасает, а чистосердечие.

- Чистосердечие? - удивился Семен. - При чем тут чистосердечие?

- Ну да, чистосердечие. Страх Божий - начало всему, но ведь приходится как-то мыслить, как-то представлять Того, кого боишься. А значит, страх Божий должен простираться также и на страх ошибиться в этих своих мыслях. Любая косность во вред человеку. В полноте своей страх Божий имеется только у сомневающегося человека, а не у того, кто крепко держится вдолбленных в детстве представлений.

- Я вполне с тобой согласна, - поддержала Андрея Сарит.

Оказалось, что за эти годы Андрей совсем перестал относить себя к евангелистам, хотя это нисколько не приблизило его к святоотеческой традиции, на что в свое время так надеялся Семен. Андрей продолжал считать себя христианином, но исключительно, как он выразился, «частным».

- Мне кажется, что внецерковное христианство - это «горячее мороженное», - возразил Семен. - Христианство - это церковь, это собор. Ты пытаешься создать то, чего не может быть по определению.

- Я ничего не пытаюсь создавать. То, чему ты отказываешь в существовании, уже давно завоевало весь мир. Внецерковное христианство на сегодня, быть может, вообще самая представительная ветвь этой религии. В этом вопросе все давно предельно ясно, почитай Фрома, почитай Бонхёффера, Франкла, наконец. Еще Пейн говорил: «Мой ум - моя церковь». А Кьеркегор уже полтора столетия назад сказал, что участвовать в церковном богослужении значит принимать Бога за дурака. Это он про лютеран сказал, а о вас -

апостольских христианах - Лютер то же самое говорил на три века раньше. Что с тех пор изменилось? Вы все также живете в своей скорлупе. Ваш горизонт ограничивается вашим собственным двором. «И за всех православных христиан Господу помолимся», - дальше ваше сердце не расширяется, дальше полет вашего воображения обрывается…

- Почему же обрывается? В этом месте многие дьяконы подразумевают вообще всех христиан… Я определенно это знаю. Я многих расспрашивал.

- Всех христиан! Я не ослышался?! Какой размах! В это трудно поверить. Ну а с нехристями-то что делать?

- Лично я верю в невидимую церковь… В нее войдут также и те благочестивые нехристиане, которые того удостоятся… - пожимая плечами, сказал Семен. - Да и не только я так верю. Еще Августин сказал, что имеются люди, которые по-видимости внутри церкви, но находятся вне, и имеются те, которые по-видимости вне, но на самом деле внутри. Молясь за всех православных христиан, вполне можно подразумевать вообще всех людей доброй воли… Хомяков, например, также считал…

Семен стал приводить другие примеры православной терпимости. Было заметно, что он много думал на эту тему.

Катя похлопала мужа по плечу.

- Если его не остановить, сам он с этого конька не слезет… Все уже давно все поняли, Сёма!

Но Семен не реагировал. Он продолжал и продолжал, пока Андрей его не перебил:

- А что если эти люди доброй воли не хотят входить в эту твою невидимую православную церковь? Вот Ури и Сарит, я уверен, вовсе в нее не торопятся. Так ведь? - кивнул мне Андрей.

- Ты просто читаешь наши мысли, - отозвался я. - Я угадал, Сарит?

- Угадал.. Менее всего я тороплюсь в какую-нибудь церковь, - подтвердила Сарит.

- Вот видишь, они не торопятся.

- А что если это они только пока не торопятся? - улыбнулся Семен.

- А может быть, это ты просто пока не торопишься в их невидимую синагогу?

Семен махнул рукой.

- Причем тут синагога? Евреи сами не хотят, чтобы к ним входили. Это национальная религия... Верно я говорю? - спросил он, обратившись ко мне.

- Не совсем, - сказал я. - Иудеи - народ, но народ священников. Пока стоял Храм, в нем приносились жертвы за все человечество, и все народы были желанными гостями в доме Божьем. Даже считается, что молитва инородца, произнесенная в Храме, скорее доходит до Всевышнего, чем молитва еврея. Я слышал про одного немца, который собирался принять иудаизм, но передумал именно по этой причине...

- По какой причине? Ведь Храма-то нет...

- Ты не понимаешь. Свято не столько здание, сколько место, на котором оно должно стоять... Немец этот регулярно прилетает из Берлина помолиться у Котеля. Так вот он решил остаться гоем главным образом потому, что в этом качестве его молитвы за Израиль слышнее на небе... Да и, кстати, сами евреи молятся не только за себя, но и за всех православных христиан и нехристиан.

- Вот как? - удивился Семен. - Я никогда об этом не слышал. Расскажи.

- Ну, это не каждый день, это только на Рош Ашана и на Йом Кипур делается. Но в эту пору евреи просят Бога, чтобы Он собрал все свои творения в единый союз... «агуда ахат»... Все люди остаются каждый со своим призванием, но в союзе, в единстве. Насчет невидимой синагоги не знаю, но объединены все угодившие Богу творения будут именно вокруг Израиля, вокруг Иерусалимского храма.

- Ну хорошо, хорошо. Беру свои слова обратно, - пробормотал Семен, явно озадаченный моей тирадой. - Однако я не понимаю: что евреям мешает принять Христа?

- Кого принимать-то? - пробормотал я. - Ведь нашей традиции он неизвестен. Для нас он - Мистер Икс. В Талмуде вообще неизвестно, о каком Йешу говорится, а Евангельский текст еще и до всякой библейской критики в глазах евреев выглядел недостоверным. Иудаизм - религия аптекарски точная, мы имеем дело только с достоверными преданиями.

- Но наше предание достоверно. И первыми свидетелями воскресения Спасителя были, кстати, евреи.

- Может быть. Но у нас самих таких свидетельств не сохранилось. Нет аутентичной еврейской группы, хранящей соответствующее предание, а значит, и говорить не о чем.

- Ну как же не о чем? - заволновался Семен. - Всех людей Евангелие очаровывает, а евреев почему-то не может?

- Не переживай за нас, Сёма, все мы евреи отвечаем друг за друга, все мы в одной упряжке, независимо от того, очаровываем ли мы друг друга или нет.

- Да и что вообще значит, что Евангелие недостоверно? - продолжал недоумевать Семен. - Все мы живем в век библеистики, но однако же верим…

- Хорошо, я тебе так объясню. В наших йешивах с утра до вечера изучается Вавилонский талмуд. Эта учеба не прекращается на протяжении тысячелетий, и мы ручаемся, что понимаем этот текст. На протяжении почти тысячелетия после разрушения Храма в земле Израиля сохранялась небольшая община, которая руководствовалась не Вавилонским, а Иерусалимским талмудом. Эта община была целиком вырезана крестоносцами. Сегодня очень многие хотели бы учить и выводить закон по Иерусалимскому талмуду, но традиция изучения прервалась… Иерусалимский талмуд читают, на него ссылаются, но на его основании почти не выводят практи-

ческой галахи. Подумай, если для нас может быть закрыт наш собственный достоверный текст, то как ты хочешь чтобы мы серьезно отнеслись к недостоверному чужому?

- И что же? Не существует никакого способа принять чужое свидетельство? Свидетельство того, что Иисус воскрес из мертвых?

- Свидетельство нет, но самого свидетеля, пожалуй, принять можно…

- Не понял.

- Все очень просто. Я не вижу ничего предосудительного в твоей вере в то, что некий еврей воскрес. Такое само по себе возможно. В Талмуде приводится брайта раби Пинхаса бен Яира, в которой прослеживается цепь духовных достижений, начиная с осторожности и кончая воскресением. Поэтому когда христианин выказывает уважение к Торе и признает священство Израиля, тогда и его собственная вера начинает выглядеть достоверной, и уж точно он первый, кто включается в «агуда эхат».

- «Агуда эхат», - подхватил Андрей, - Союз всех, кто за Бога, - это здорово! Тут воля и разум каждого именно уважаются. А от твоей Невидимой церкви, Семен, слишком уж отдает ладаном. Слишком уж она по образу видимой церкви сработана.

- Называй, как хочешь, - спокойно сказал Семен, - но объединение человечества может произойти только в теле того, кто победил смерть. Любой другой союз не устоит.

- Как ты это знаешь? Как ты знаешь, каким образом происходит последнее объединение человечества?

- Я не знаю. Я верю. Я верю в то, что спасение - в Иисусе Христе, что спасутся те, кто окажутся с Ним и в Нем.

- Я тоже так верю, но мне кажется, что эта твоя претензия на знание устройства «невидимой церкви», на знание критериев приема в нее - претензия эта смехотворна. Ты ходишь в свою церковь «Вознесения», причащаешься там у своего отца Николая, и будь доволен, а знать о том, кто сидит от кого по правую, а кто по левую руку, тебе не дано, как и никому другому. Я вот, к примеру, убе-

жден, что именно экзистенциальные критерии ведут к объединению всего человечества, но объявлять это истинной в последней инстанции никогда не стану.

- И правильно делаешь, - сказала Катя. - Я бы вообще это дурацкое слово упразднила, его нельзя выговорить. Эх-здесь-то-нализм! Уж если Сарит не идет в невидимую церковь, а я не иду в невидимую синагогу, то в невидимую философскую церковь, да еще названную таким непроизносимым именем, мы бы тем более не заглянули! К тому же все эти эх-здесь-то-налисты - сплошная богема! Один Сартр чего стоит со своим маоизмом.

- Вот, вот! - поддержала ее Сарит. - Я читала, что он не только маоист был. Он еще всех своих студенток в постель затаскивал. Просто не понимаю, как его жена терпела.

- А вот Лев Шестов был очень хороший семьянин и человек замечательный! - заметил Андрей. - Давайте выпьем за хороших экзистенциалистов, чтоб их побольше было.

Мы выпили, но Семен не унимался и еще какое-то время продолжал доказывать Андрею, что никакого невидимого надрелигиозного сообщества быть не может, и, с опаской косясь на меня, повторял, что невидимая церковь - это высший предел человеческой солидарности…

- Ты сам себе противоречишь, - напирал Семен. - Если ты действительно веришь в то, что спасение во Христе, то при чем здесь экзистенциализм?

- При том, что спасение в первую очередь осуществляется по каналу общечеловеческой солидарности, а не по каналу таинств. Иисус спасает тех, в ком проявилось человеческое начало, безо всякой связи с тем, принимают они его или нет…

- Но ведь и я то же самое сказал…

- Верно. Но я говорю не только это. Я говорю, что до конца мы не знаем ничего; что Иисус участвует в конкурсе на первого лидера человеческой семьи на общих основаниях и что спасительными в

своей основе мы должны поэтому признать сами экзистенциальные принципы…

Вдруг лицо Андрея просветлело.

- Идея! - воскликнул он. - Я, кажется, знаю, как именуется невидимая община всех людей, солидарных с общечеловеческими ценностями!

- Да что ж это такое! Только что сам же говорил, что эта претензия смехотворна! - возразил Семен.

- Да, но если исходно подать эту претензию в смехотворной форме, то она способна выправиться и приобрести некоторые черты серьезности. Некоторые…

- Вот как?!

- Ну, да… я не знаю, как эта община зовется в горнем мире, но в нашем потешном дольнем мире я бы назвал ее.. Экзистенционал!

- Это есть наш последний и решительный бой, - запел Андрей, - с Экзис-тенцио-на-лом воспрянет род людской!

- Браво! Экзистенционал. Это находка. За это стоит выпить! - нашелся Семен. И быстро наполнил бокалы.

- Только я так и не понял, с чего этот твой Экзистенционал начинается? - спросил Семен, выпив и театрально крякнув, - с церкви, с синагоги или с библиотеки?

- Ну, мне кажется с этим вопросом как раз все однозначно. Театр начинается с вешалки. С этим все согласны?

- Все согласны.

- Философия начинается с удивления, и что там еще … вот, дружба - с улыбки. С этим тоже все согласны?

- Да не тяни уже!

- Ну, а Экзистенционал начинается… здесь и теперь!

- Здесь и теперь! - подхватили мы со смехом.

Все выпили вслед за Семеном. Катя спросила:

- Так что же это, Андрей, получается, что все мы, здесь и теперь стали членами невидимой тайной организации?

- Главное - ничего не бойся, Катя. Экзистенционал - организация неформальная, все ее властные структуры - небесные. На земле - никакого штаба, взносов платить не надо. Посвящение происходит автоматически. Все те, кто ищут Истину, а не застывают в твердо заученных с детства наставлениях, все они, как бы они ни верили, встретятся у престола Славы.

Глаза Андрея блестели, а язык стал плохо слушаться.

- Спустись на землю, председатель! Не опережай события, - сказал Семен.

Андрею меж тем в голову пришла еще одна не менее блистательная идея:

- Господа заседатели, нам явно не достает гимна!

В считанные минуты не без наших подсказок Андрей лихо сочинил куплет:

«Сомнений сбрось с себя вериги
В сей мир заброшенный народ.
Твой круглый стол от всех религий
Остатки верных соберет.
Это есть наш последний и решительный бой
С Экзистенционалом воспрянет род людской!»

- Ох! - ухнул Семен.

- Итак, - объявил Андрей, по-ленински прищуриваясь и потирая руки, - наш бхонепоезд тхогается, господа великие посвященные! Сынов света, пхосьба занять свои места! Пхаверные всех религий, объединяйтесь! Мир вам, бхатья по хазному!

Пародия вышла очень точная. Даже Станиславский бы поверил. Семен хохотал.

- Но куда мы, собственно, держим курс, председатель? То есть Ваше Высокоблагородие! Ой, верней, Ваше Преосвященство! Нет! Генеральный секретарь!

- В иерархии Экзистенционала, - значительно произнес Андрей, - первые и последние в обратном порядке расположены. Так что зови меня просто, без экивоков, - он обвел странным взглядом всех

присутствующих, - Младший брат.

- Так куда мы направляемся, Младший брат? В Петушки? В точку «омега»? - и он запел неожиданно красивым басом, - в «омеге» остановка!..

- Да! Да! Да! И только так! - не унимался Андрей. - Точка «омега» - это выход из истории, это обитание в режиме здесь и теперь. А здесь и теперь - это наше все! Нет! Нет! Друзья! Я серьезно… Вечности принадлежит лишь то, что было совершено по вдохновению - в свой час и на своем месте. Сплошной эксклюзив…

- В твоем бронепоезде укачивает, Андрей. - заметила Катя. - У Сарит, по-моему, уже слипаются глаза.

- Я действительно устала, сегодня был такой длинный день, - пожаловалась Сарит. - Только как же мы все трое тут разместимся?

- Не волнуйся, соорудим тебе что-нибудь, - успокоил ее Андрей. - Как тебе эта кухня в качестве отдельного апартамента?

- Сойдет. Здесь очень симпатичный диванчик. А она запирается на ключ?

- Ключ торчит в двери. Но ты уж пускай нас иногда чайку попить…

- Конечно. Но с двенадцати ночи до шести утра чайная будет закрыта.

- Я вижу, нам пора, - догадался наконец Семен. - Может быть, на посошок?

- Нет, на посошок давайте уже чаю попьем, - воспротивилась Катя.

Андрей тут же вскочил ставить чайник. Сарит перебралась на диван.

- Посижу, пока чайник не закипит. Ты как, в порядке?

Она с беспокойством поглядывала на Андрея.

- Не бойся, я в полном сознании. Вот спроси меня что-нибудь! Какое сегодня число, например, и я отвечу: сегодня 19 апреля - Светлое Христово воскресение - день рождения Экзистенционала.

- А если что-нибудь посложнее спросить?

- И посложнее можно.

- У меня как раз вопрос к тебе был. Сейчас вспомню… Ну да, я так и не поняла, почему ты так уверен, что в твоей рукописи говорится об евангельском Йешуа? Это ведь было одно из самых распространенных имен в то время.

- Но здесь ведь не только имя, здесь еще и первосвященник, и распятие.

- Ну и что? Какой-то другой Йешуа разве не мог предстать перед первосвященником и быть распятым?

- Ну и почему же об этом втором никто не слышал? Только моя рукопись о нем говорит? Пойми, для того, чтобы быть упомянутым в древней рукописи, мало быть просто распятым, надо еще чем-то отличиться. Нет, не может быть никакого другого Иисуса, распятого на Суккот. Это тот самый.

Чайник вскипел, и Андрей с Сарит разлили для всех чай. Семен и Катя скоро ушли, обещая прийти еще раз перед нашим отъездом, и мы наконец легли спать.

* * *

В моей половине кроме кровати и окна оказался письменный стол и большой пень вместо стула, стены были заставлены сплошь книжными полками, а на свободном месте рядом с небольшим ночником висела гитара.

Я включил ночник и сел на кровать.

- Андрей, - позвал я тихо. - Ты спишь?

- Нет еще, - он вошел и присел на пень. - Не спится?

- Давай посидим еще немного, - предложил я.

Андрей извлек из ниоткуда бокалы, яблоко и какую-то настойку.

- Рябиновая. Сам готовил - не оторвешься, - пояснил он, старательно распиливая яблоко тут же появившимся ножичком.

- Действительно замечательный вкус, - признал я, пригубив настойку, и наконец произнес то, что мучило меня весь вечер.

- Андрей, я хотел тебе сказать, что это был выбор самой Сарит.

- Правда?

- Правда. Я со своей стороны никак ее не добивался. Наоборот даже. Имел в виду тебя.

- Ты знаешь, Сарит мне как сестра. Тогда в Израиле она действительно мне очень помогла справиться с моим чувством. И я очень люблю ее и восхищаюсь ею, правда. Но я никогда не знал, достаточно ли такое увлечение для женитьбы. Я ждал какого-то знака, но так и не дождался. Так что теперь мои сомнения разрешились сами собой.

Андрей смотрел мне прямо в глаза.

- Значит, и Сарит не моя. Как и Катерина.

- Андрей… Твоя половина где-то существует, и ты обязательно ее найдешь, с Божьей помощью.

- Может, и существует… Я тут, знаешь, на работе с одной очень интересной девушкой подружился. Она знакома с Макаревичем и вхожа в их тусовку. Я даже на концерт его с ней сходил, но мне не понравилось - ничего не слышно, все орут и прыгают как сумасшедшие.

- А в тусовку ты с ней ходил?

- Нет. Все как-то недосуг было, хотя она и тянула меня туда. На прошлой неделе, например, я не мог, а она как раз пошла.

Андрей задумался и замолчал.

- А как ее зовут?

- Кого, Татьяну?

- Ах, вот как. Итак, она звалась Татьяна?

- Она-то Татьяна, но только она ли та, что мне предназначена? Поживем - увидим. В общем, хорошо, что ты мне это сказал. Ты мне тоже как брат, Ури.

Он еще раз наполнил бокалы.

- Мне иногда, знаешь, даже гиюр сделать хочется, чтобы совсем с тобой побрататься.

- Зачем это тебе? Ты и так в порядке. Братьями же мы с тобой и по Экзистенционалу можем оставаться. Он ведь и впрямь как-то созвучен тому «единому союзу» всех творений, за который мой на-

род молится тысячелетия! Во всяком случае, так можно подумать, если твой бронепоезд тронулся в путь под израильским флагом.

- Он под израильским флагом, Ури! В этом можешь не сомневаться. Ведь наш пароль: «Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова, а не бог философов и ученых»…

- И кроме того, без «мильта-дебдихута» - без шутки, без дурачества - никогда ничего путного не выходило. Тем более так стало со времен раби Нахмана… Впрочем, еще Рамбам об этом писал… в конце пятой главы…

- И что ж он там написал?

- Что для поиска Истины чувство юмора важнее всего, что оно важнее эстетического чувства, важнее мудрости…

- Вот как? Так выпьем за шутку!

- Но не в шутку!

- За шутку, но не в шутку! Ура! Ура!

- Я тебе вот что скажу. Рав Исраэль вхож в одну каббалистическую йешиву. Так он рассказал нам однажды, что иногда каббалисты до слез над своими изысканиями смеются. Представляешь, почтенные седовласые старцы штудируют священные тексты и вдруг начинают хохотать над своими толкованиями! Никто в мире ближе их к Истине, быть может, не приближается, но они вполне сознают, как далеки от нее!

- Верно. Я вот и Семену всегда твержу: если человек, вроде твоего отца Николая, надувается, как индюк, то это вовсе не признак того, что он близок к Истине. То что добро должно быть с кулаками - это они хорошо понимают, а вот то, что религия должна быть с головой, им кажется чем-то кощунственным!

Мы еще долго болтали уже совершенно заплетающимися языками, и не помню, когда и как заснули.

* * *

На следующий день мы проснулись очень поздно. Сарит нас не стала будить, а ходила гулять одна - дышать русской весной. Когда она вернулась, мы перекусили, и тут выяснилось, что Сарит с Катей

договорились пройтись по магазинам. Часа в три Сарит ушла, а мы с Андреем занялись своими делами. Я уселся на кухне с томом Гемары, а Андрей в своей комнате с какой-то из своих папок.

- Над чем работаете, профессор? - поинтересовался я, проведав его через полчаса.

- Уточняю средний размер живых существ... - пробормотал Андрей, выписывая цифры из калькулятора в таблицу. - Около полутора метров, то есть женщина среднего роста...

- Женщина? - не понял я. - Что за женщина?

- Это косвенное подтверждение того, что венцом творения является именно женщина, а не человек вообще.

- А прямые доказательства этому какие-то имеются?

- Прямое доказательство налицо - это Красота. Красота дана женщине, а не мужчине. Причем, заметь, это в полную противоположность животным, у которых красавцы именно самцы, а самки - серые и неприметные. Женская красота отличает человека от животного даже в большей мере, чем разум.

Андрей оживился. Он отложил калькулятор, встал со стула и принялся расхаживать по комнате.

- Произведя из мужчины женщину, Бог создал нечто большее, чем человека, создал сверхчеловека. Женская красота оказывается чем-то запредельным, чем-то самым великим в человеке...

- И это если учесть, насколько относительны нормы и стандарты красоты. Красота обманчива, сказано в Писании.

- И все же... Посуди сам, Ури. Женщина наделена блестящим умом, наделена большим сердцем. Казалось бы, цени их просто, как ум и сердце. Но не получается. Начинаешь восхищаться ею именно как женщиной. Выходит, что и ум, и сердце, и совесть - все, что кажется в человеке чем-то самым важным, чем-то предельно значимым, у женщины в конце концов служат ее очарованию! Просто благодать на благодать какая-то. Да и создана женщина последней - точно она венец творения.

- Я где-то слышал, что, согласно каким-то каббалистическим идеям, женское начало должно со временем возвыситься над мужским… Подожди! И для этого ты средний размер всех живых существ рассчитываешь? От божьей коровки до слона?

- Более того! От микроскопических блох до динозавров. С учетом общего количества видов, разумеется, - поправил меня Андрей. - Нет, не для этого. Это косвенный результат. Среднее существо я искал для уточнения масштабов. Женщина среднего роста - это нулевой масштаб вселенной.

Андрей открыл лежавшую перед ним папку и извлек из нее различные таблицы и графические иллюстрации.

- Это что-то вроде точки «омега», но только не во времени, а в пространстве, - пояснил он.

- Титруешь вселенную?

- Именно. Объекты вселенной соотнесены логарифмически. Назови самый крупный объект во вселенной.

- Галактика?

- Нет, скопление или даже сверхскопление галактик. Так вот. Эти сверхскопления в триллион триллионов раз больше человека. Пугающие масштабы, не так ли?

- Ты прав. Всегда неуютно себя чувствую, когда на все эти цифры натыкаюсь.

- Так вот я тебя успокою. При этом сам человек ровно в триллион триллионов раз больше самых маленьких объектов во вселенной - некоторых микрочастиц типа нейтрино. Масштаб живых существ - нулевой масштаб. То есть в центре мироздания - женщина среднего роста!

Андрей сиял. Трудно было понять, чему он так радуется: гармонии сфер или просто Катю вспомнил. Она и впрямь невысокая была.

- А ты секвойю-то учел, когда этот свой средний размер живых существ вычислял?

- Я испробовал несколько способов подсчета, - уклончиво ответил Андрей. - И то, что секвойи бывают выше ста метров, мне, конечно, известно.

Я усмехнулся и вернулся на кухню к своей Гемаре. Закончив тему, я позвонил Сергею Егорову.

* * *

Он очень обрадовался и пригласил меня сегодня же к нему зайти. Жил он неподалеку, на Чистых прудах, и я решил, что вполне могу с ним повидаться, не дожидаясь Сарит.

Я заехал к нему домой - и застал целую компанию. Пять-шесть человек сидели за столом, пили водку и были уже изрядно возбуждены.

- Вот знакомься, Олег, это Юра, - представил меня Сергей холеному мужчине средних лет. - Помнишь, я тебе о нем рассказывал. Нелестного мнения о США придерживается и знаком с некоторыми интересными лицами…

- Очень приятно, - высокомерно протягивая руку и окидывая меня томным взором, произнес Олег. - А я вот, представьте, слышал, что за всю историю не было более произраильского президента, чем Билл Клинтон… Неужели вы и на него ропщете?

- Сейчас Израиль расколот, поэтому «произраильским» при желании можно назвать любого человека. Не ошибешься - кого-нибудь он в Израиле непременно поддержит. Что же касается меня, то я вижу в «произраильской» политике Клинтона бедствие для нашей страны…

Я замолчал и сел.

Сергей и Олег продолжили разговор. Как я понял, подразумевалось, что на свете нет большего зла, чем демократия. Когда возникла пауза, я вставил:

- Не очень я это понимаю. Демократия - это прежде всего контроль над властью, это механизмы обратной связи, как можно против этого выступать?

- Нет, демократия не только это, дорогой, - осадил меня Олег. - Демократия держится на релятивизме, на всеобщем обнищании духа, на равнодушии. Посмотри на эти народы, живущие при демократических режимах, они же все деградировали, они полностью лишены жизненных целей. Я уже о том не говорю, что они ненавидят Россию. Только и думают, чтобы нас развалить. Всем этим «демократиям» русский человек угодить не может, сколько бы перед ними ни пресмыкался…

Я пожал плечами.

В этот момент ко мне подошел белобрысый парень, посмотрел на меня изучающе и зло спросил.

- Ты стрелял когда-нибудь по палестинцам?

Компания мне все больше и больше не нравилась. Я тем не менее ответил, что по особенно агрессивной арабской толпе действительно иногда стреляют, но не боевыми патронами, а резиновыми пулями.

На самом деле правила открытия огня многократно менялись в зависимости от политической ситуации, и во времена интифады солдатам, оказавшимся под градом камней и не имеющим других средств разгона толпы, позволялось стрелять по ногам нападавших. Но вдаваться в такие нюансы в этой компании смысла не было. Да и к тому же я сказал правду - открывать по камнеметателям огонь на поражение без явной угрозы собственной жизни никогда не разрешалось.

Знал ли что-нибудь об этих тонкостях белобрысый или нет, но он, внушительно погрозив пальцем, заметил:

- Ну, это ты нам не рассказывай! Мы располагаем достоверной информацией. И про ковровые бомбардировки в секторе Газа знаем, и про многое другое…

- Ковровые бомбардировки? - ошалело переспросил я. - Да у Израиля нет на вооружении даже самолетов, которые бы позволяли производить ковровые бомбардировки.

- Наши источники гораздо серьезней, чем ты думаешь. Вам просто промывает мозги ваша пресса и пропаганда.

- Ты хотя бы признайся, что религия ваша расистская! - нервно выкрикнул еще кто-то.

- Отвяжись от него, Кирилл. Юрка наш человек, - заступился было Сергей.

Но я решительно встал и вышел из его дома. Сергей выбежал на улицу и прошел со мной метров двести, пытаясь убедить в том, что люди у него собрались все как на подбор замечательные. Просто погорячились. Однако у меня уже сложилось по этому вопросу собственное мнение.

* * *

Когда я пришел домой, Сарит еще не вернулась из рейда по магазинам, и мы с Андреем уселись пить чай.

- Я догадываюсь, кто они, - сказал Андрей, после того как я рассказал ему о своем визите к Сергею. - Я как-то встречался с твоим другом и понял из некоторых слов, что он общается с какими-то национал-большевиками… Мне показалось, что с евразийцами.

- Кто это такие?

- Исходно имеется в виду некая геополитическая доктрина, согласно которой Россия больше связана с Азией, чем с Европой, и призвана ей противостоять. Но это фон. В целом это обычное неоязычество, очень агрессивно относящееся к либерализму. Антисемитское, конечно… Они видят в Западе и его рационализме некий некроз. Вот уж кто никогда к Экзистенциналу не примкнет.

- Подожди, а что ты Сергею об арамейском Евангелии рассказывал? - забеспокоился я.

- Да ничего. Просто сказал, что нашел в Израиле рукопись. Но я не говорил ему ни где ее нашел, ни где рукопись в настоящее время.

- Ничего?! Я страшный дурак, Андрей! - с досадой признался я, - потому я ему как раз об этом рассказал…

- Подожди, подожди. Что он знает?

- Он знает, что рукопись до сих пор находится в ущелье Макух! Хотя не знает, где именно…

- Ну что ж. Это все неприятно, но и не страшно. Разыскать он ее со своими приятелями не сможет. А мы и так в самое ближайшее время передаем рукопись Пинхасу. Не вижу никаких причин для волнения.

* * *

На другой день, во вторник, мы с Сарит и с Андреем договорились идти в Пушкинский музей.

Я выехал чуть пораньше, чтобы передать кому-то из Израиля деньги. Андрей и Сарит должны были ждать меня при входе в музей.

С передачей я управился быстрее, чем ожидал, и приехал на Кропоткинскую раньше времени. Я уселся в сквере на скамейку и стал изучать купленную по дороге газету.

Оторвавшись от чтения, я заметил на скамье напротив долговязого парня. Он сидел, уронив голову на руки. За длинными волосами лица я его не видел, но поза была самая трагическая - было ясно, что парень очень расстроен.

Он поднял голову и посмотрел невидящим взглядом перед собой. В лице его было настоящее отчаяние. В какой-то момент наши глаза встретились. Парень опять уронил голову, потом резко поднял ее и еще раз взглянул мне прямо в глаза.

Видимо, хочет что-то попросить и не решается, подумал я.

И действительно, заметив, что я пристально на него смотрю, парень встал, пересел ко мне на скамейку и робко заговорил.

- Вы знаете, я сам не местный, я из Сибири. Ни с кем в Москве не знаком. Мне просто не к кому больше обратиться. А вы как-то с сочувствием на меня посмотрели, и мне показалось, что вдруг вы мне сможете помочь.

- А что у вас случилось?

- У меня брат умер. Я только что об этом узнал, - парень не смог сдержать слез и отвернулся.

- Я вам очень сочувствую! - пробормотал я. - Но как здесь можно помочь?

- Вы правы. Просто я так потрясен. Я сам не знаю, что говорю.

История его была простой. Оказалось, что паренек приехал в Москву в поисках работы, остановился на птичьих правах в каком-то общежитии, работу найти никак не получалось, и вот сегодня он позвонил домой, и мать сказала, что брат умер. Из ее слов он так и не понял, что именно произошло. Но что-то ужасное. Похороны назначены на послезавтра.

Парень стал рассказывать, каким замечательным человеком был его брат и как он был к нему привязан. Сердце разрывалось его слушать. Мы в Израиле привыкли к такому…

Кто не замечал, что первыми гибнут лучшие? Я даже не говорю про солдат. В боевые части - конкурс, там не встречаются посредственности. В Израиле погибший солдат - это всегда человек уникальный, всегда святой. Но ведь, как ни странно, от террора также гибнут лучшие! У меня во всяком случае именно такое впечатление сложилось, и рассказ того паренька как-то плавно вписался в ряд этих впечатлений.

- Я что-то не пойму, - сказал я вдруг. - Что же вы тут делаете?! Вам же надо срочно лететь домой. Вы же так на похороны не успеете…

При этих словах парень как-то смутился и замолчал.

- Когда у вас самолет? Вы вообще купили билет?

- Да у меня денег не хватает на билет, - отчаянно махнув рукой, произнес парень.

- Так займите.

- Да не у кого мне занять… Я никого в Москве близко не знаю.

Я открыл бумажник и извлек из него единственную находившуюся там стодолларовую купюру.

- Этого хватит?

- Хватит, - обрадовался парень. - Я вам верну. Как прилечу домой, сразу перевод сделаю. Дайте мне ваш адрес.

Я написал адрес и телефон Андрея и объяснил, что дело в дальнейшем надо будет иметь с ним.

Мы тепло простились. Паренек нырнул в метро, а я подошел к музею и встал, как мы условились, под колоннами.

Минут через десять появились Сарит и Андрей. С ними была белесая веснушчатая девушка в джинсовом костюме.

- Татьяна... - представил Андрей.

Девушка смущенно улыбнулась и робко отвела глаза. Мы вошли в музей.

В египетском зале я остановился возле мумии несчастного жреца - современника Авраама. Мог ли он подозревать, что спустя четыре тысячи лет после погребения его тело будет выставлено на всеобщее обозрение? Мог ли он ожидать, что то, что должно было служить его вечному прославлению, послужит его вечному бесчестию? Как призрачны и обманчивы культы народов и как прочна вера Израиля!

Возле мумии я напомнил своим друзьям про связи многотысячелетней давности между Древним Египтом и Израилем. В греческом зале - про отношения между Древней Грецией и Израилем, в римском - между Израилем и Древним Римом.

Татьяна внимательно слушала, но вопросов не задавала. Обращалась только к Андрею, а вскоре вдруг заторопилась и, простившись со всеми, куда-то ушла.

- А почему здесь нет древнееврейского зала? - удивилась Сарит. - Ведь на нас вроде бы все было завязано?

- Наверно, потому, что вы не только древние, но и современные, - ответил Андрей. - К вашим древностям никто не способен отнестись бесстрастно.

Сарит подолгу и молча стояла возле картин. Кроме того, снаружи начался беспросветный дождь, так что в общей сложности мы провели в музее почти четыре часа и спохватились только, когда Андрей напомнил, что Семен с Катей собирались сегодня зайти попрощаться.

Обратно мы шли, перескакивая через блестевшие на солнце лужи и вдыхая особенный весенний запах дождя.

В киоске перед самым входом в метро Сарит увидела какие-то блузки.

- Ой, в Израиле таких не бывает. Надо купить! - радостно закричала она и стала выбирать подходящую.

Я было полез за деньгами, но осекся.

- Тьфу-ты, у меня же нет ничего! Я сегодня все свои доллары одному парню отдал.

- Какому еще парню? - грозно взглянул на меня Андрей.

Я рассказал про трагедию молодого человека с бульварного кольца, у которого умер брат и которому срочно понадобились деньги, чтобы улететь на похороны.

Андрей смотрел на меня со все возрастающим удивлением.

- Ты что, до сих пор не понял, что это мошенник?!

- Исключено! - спокойно сказал я. - Такое разыграть нельзя. Он у меня никаких денег не просил. Я сам предложил.

- Ты его просто опередил на пятнадцать секунд!

- Ты его не видел, Андрей, и поэтому так говоришь.

- Он тебе сказал, что сам он не местный?

- «Не местный?» - повторил я, медленно соображая… - Да, сказал…

- Он сказал, что приехал в Москву на заработки, но работу никак не найдет?

- Сказал.

- И еще он сказал тебе, что брат его погиб неожиданно и что он золотой парень, и прослезился?

- В общем-то, да.

Андрей с сожалением смотрел на меня.

- Ну, не знаю… - смутился я под его взглядом. - Может быть, и в самом деле мошенник.

Сарит молчала.

- Не может быть, а точно! У вас в Израиле что, таких не бывает?

- Попрошайки встречаются. Просит кто-нибудь пять шекелей «на проезд», а глаза у самого такие стеклянные, что сразу видно, что он никуда ехать не собирается. Но чтобы посреди улицы разыграть серьезную драматическую сцену! Нет, таких смоктуновских в Израиле, пожалуй, не встретишь. Скверно получилось. Можно было бы эти сто долларов умнее употребить!

* * *

Когда мы наконец добрались до дома, Семен и Катя уже стояли у подъезда.

- Мы тут не меньше десяти минут ждем твоего бронепоезда, - пожаловался Семен. - Впускай уже пассажиров.

- Если честно, то твоя кухня, Андрей, мне больше воздушный шар напоминает, чем бронепоезд, - заметила Катя, проскальзывая в парадную дверь.

- Воздушный шар? - удивился Андрей. - Почему воздушный шар?

- Достоевский где-то пишет про воздушный шар, на котором два отвлеченных существа встречаются, чтобы высказывать правду. Мне кажется, это именно то, чем вы с Семой на твоей кухне обычно занимаетесь.

- Почему на кухне? Мы с Семой везде этим занимаемся.

- Тогда тем более это воздушный шар. Где бы вы ни встретились - это будет семинар двух отвлеченных существ на воздушном шаре.

- В этом что-то есть! - рассмеялся Семен, остановившись посреди лестницы и перегородив всем путь. - Помнишь, Андрюш, мы с тобой однажды по весне ушли с лекции и побрели куда глаза глядят, обсуждая русский характер.

- Бесхарактерность, скорее. Ты доказывал, что это татарское иго сломило русский народ, а я все списывал на православие, на византийскую ментальность.

- Потом, помнишь, разговор как-то прервался, мы осмотрелись и видим, что сидим в зале ожидания Казанского вокзала! Как мы там оказались? Уму непостижимо.

- А вы по дороге случайно чего не выпили? - поинтересовалась Катя.

- Говорят же тебе, мы ничего не замечали вокруг. Считай, что нас просто перенесло с места на место на воздушном шаре.

Мы вошли в квартиру и накрыли на стол, нарезав селедки и соорудив совместными усилиями тот же роскошный зеленый салат, что и в прошлый раз.

Семен между тем вместо водки извлек шампанское и шоколадный торт.

- У меня сейчас безалкогольная диета, - объяснил он появление необычного напитка, который незамедлительно открыл.

- Ну что ж, от всего сердца желаем вам поскорее уладить все с бывшим мужем! - подняла тост Катя.

- Вот, вот, - поддержал ее Андрей. - Смотри, Ури, не дай Пинхасу себя обдурить. Сделка крупная. Скажи ему: «Невесту вперед!»

На шампанском знака кашрута, разумеется, не было, пить я его не мог, но чокнулся со всеми от чистого сердца.

- Да, ты прав, я как-то про это не подумал. Так ведь можно остаться и без невесты, и без рукописи.

- Кстати, о рукописи… ты уж там постарайся при случае еще что-нибудь переснять.

- Сделаю все, что в моих силах, но, честно говоря, не очень верю, что такая возможность представится…

- Ты уж постарайся. В этой рукописи могут содержаться очень интересные вещи.

- Никто не сомневается, что интересные, но, подумай сам…

- Понимаешь, - перебил меня Андрей, - я вдруг понял, что Сарит была права.

- В чем?

- А в том, что в моей рукописи речь идет о «другом Иисусе», который в отличие от Иисуса первого был распят на праздник Кущей! - Андрей произнес это как-то торжественно и победно обвел присутствующих взглядом.

- Это что еще за другой Иисус? Мы еще не слышали про эту новость, - сказал Семен и весело мне подмигнул.

- Этой новости почти две тысячи лет, - не сдавался Андрей. - Представь себе, я вдруг сообразил, что Евангелия могут рассказывать именно о двух Иисусах: об одном - распятом на Пасху, и о другом - распятом на Кущи. Я не понимаю, как кто-то вообще до сих пор мог этого не замечать, мог не видеть, что в Евангелии говорится как будто бы о двух разных людях…

- Ну ты нас заинтриговал, председатель! Теперь уж давай выкладывай свое очередное великое открытие.

- Да ты взгляни внимательно на список различий между евангелием от Иоанна и синоптиками, список столь обширный, что по его поводу даже говорят: «Евангелий на самом деле не четыре, а три и одно»… Взгляни на этот известный с далекой древности список и честно скажи себе, что объединяет главных героев этих евангелий, кроме имен? Теперь представь, что одного из них казнили на Пасху, а другого на Кущи - и все станет на свои места.

- Но с какой стати думать, будто бы одного казнили на Кущи?

- Да хотя бы из-за расхождения между синоптиками и Иоанном относительно датировки казни. По синоптикам, Иисуса арестовывают и казнят в сам праздник Пасхи - 15 нисана, по Иоанну - в канун праздника - 14-го. И при этом все соглашаются с тем, что казнь произошла в пятницу. Как можно перепутать сам праздник с его кануном? Ясно, что у Иоанна просто речь идет о каком-то другом празднике. А то, что это был праздник Кущей, видно из того, что Иоанн упоминает о чествовании Иисуса пальмовыми ветвями.

- А в другое время, кроме Кущей, срезать пальмовые ветви в Израиле, конечно, невозможно?

- Возможно-то возможно, но кто станет заниматься этим на Пасху, когда на пальмовые ветви нет никакого спроса? Или вот, скажи мне честно, у тебя никогда не возникало вопроса, как это че-

рез год после того как на Иисуса сошел Святой Дух, Иоанн Креститель послал к нему учеников выяснить, не ожидается ли еще какой-то другой Мессия?

- Вопрос такой возникал…

- Так вот тебе на него как раз очень хороший ответ!

- Итак, Иисусов, оказывается, было два. Миленько! - произнес Семен, подливая себе шампанского. - И что? У обоих были мать Мария и отец Иосиф?

- Вовсе нет. Иоанн ни разу не называет мать Иисуса по имени. Всегда зовет ее просто Матерью, а Марией, как раз, называет ее сестру. Так что мать этого Иисуса никак не могла носить имя Мария!

- Глупости. Евангелист наверняка имел в виду двоюродную сестру.

- Ты, видимо позабыл, на каком языке говорили апостолы. На русском языке так действительно можно обмолвиться… Но на иврите - это два разных слова. Сестра - это «ахот», а двоюродная сестра - это «бат-дода»…

- Ах, да, я вспомнил! - обрадовался вдруг Семен. - Действительно считается, что Богородицу и ее сестру звали одним и тем же именем!

- Так не бывает. Подумай сам. Да и отношения у синоптического и иоанного Иисусов со своими матерями, заметь, совершенно разные: Иисус Иоанна хорошо относится к своей матери, слушается ее и берет с собой в свои странствия, а Иисус синоптиков свою мать терпеть не может. На порог ее не пускает, под крестом своим видеть не желает.

- Ты хочешь сказать, что синоптики не указывают, что мать присутствовала при казни сына? - удивился Семен. - Быть этого не может.

- Тем не менее это так. Не указывают. Ни один.

- Странно. Но даже если и не указывают, то ведь и не отрицают. Это, во-первых. А во-вторых, все евангелия подчеркивают, что Иисус был не женат. И даже более того, он фактически полностью

порвал с родом, он провозгласил монашеский идеал. И это очень важная биографическая деталь.

В голосе Семена послышалось волнение.

- Да ничего он такого не провозглашал, то есть они оба не провозглашали. Апостол Павел, может быть, это начал, но никак не Иисус.

- Поверь, он достаточно сказал. Вспомни: «по воскресении ни женятся, ни замуж не выходят, а пребывают как ангелы Божьи на небесах». Да и как это вообще можно себе представить? Деторождение связано со смертью самым жестким образом.

- С чего это вдруг?

- Ну как же? В реальной жизни бессмертным является род, а не смертный индивид. Смерть и деторождение предполагают друг друга. А потому и победивший смерть не мог быть женат. Мы это даже вообразить себе не можем… Равно как и в райском саду люди не размножались.

- С этим не все согласны, - вмешался я в их христианский спор. - Евреи как раз считают, что Адам и Хава были близки до грехопадения, даже Каин и Авель родились еще в Эдемском саду.

- Как это может быть? - поразился Семен - Нет, нет, этого не может быть. Плотское влечение неизбежно связано с грехом, оно насквозь эгоистично. Христианство совсем не случайно началось с иночества. Прочти апостола Павла, прочти Иоанна Златоуста «О девстве»… Я не понимаю, как религия может восхвалять плотское вожделение.

- Пожалуй, что этого иудаизм действительно не восхваляет, - согласился я. - В Гемаре даже история приводится о том, как мудрецы однажды хотели упросить Всевышнего совсем изъять это желание из мира. Затея не удалась, но хотели же.

- Вот, вот! - обрадовался Семен. - Я знал, что по-другому и быть не может.

- При чем здесь это? - воскликнул Андрей. - Любовь не сводится к плотскому вожделению.

- Любовь к нему, может, и не сводится, зато оно - основа брака, брак без него не существует как таковой. В этом смысле совершенно прав Тертуллиан, который считал, что распутства никак невозможно избежать и в рамках брака.

- Так ты считаешь, что брак только для этой жизни, а вечность мужья и жены врозь коротают?

- Это не я так считаю, а Иисус. Это он сказал, что по воскресении ни женятся, ни замуж не выходят, а пребывают как ангелы Божии на небесах. Странно даже другое подумать.

- Но я как раз думаю другое - мне кажется, что внебрачное состояние скорее адское, чем райское. А бесполое существо - это гностический идеал.

- Думай, как хочешь, пожалуйста, но это твое сугубо личное мнение. Отцы церкви с тобой не согласны. Вот, например, преподобный Иоанн Лествичник говорит, что «чистота есть усвоение бестелесного естества». А святитель Григорий Богослов?!... Да все так считают, не только Церковь. Об этом и Моуди говорит в «Жизни после жизни». Все, кто прошли через клиническую смерть, вспоминают, что с выходом души из тела исчезает ощущение пола.

- Я не помню, чтобы там такое говорилось…

- Говорится, уверяю тебя. Написано, что в большинстве случаев.

- Да не может быть, что только я один здесь верю в вечность брака. Давай у Кати спросим, как она считает, - и Андрей повернулся к Кате, смущенно улыбаясь.

- В принципе мы с Семой единомышленники, - уклончиво ответила Катя. - Но сейчас, по-моему, пора уже оставить этот спор… Спускайте свой аэростат и просто посидите вместе со всеми на кухне.

- Вот именно, - поддержала Катю Сарит. - Я не понимаю вашего спора. Какая разница, кто что считает. Главное, как есть на самом деле, а этого никто не знает, ни мудрецы, ни отцы церкви, ни Моуди, ни мы с вами.

- Мне кажется, - добавил я, - вопрос не в том, кто как считает, а в том, кому чего хотелось бы. Андрею хочется, чтобы брак был вечным, а отцам церкви, если я правильно понял Семена, такое только в ночном кошмаре привидеться может.

Семен поперхнулся и, сделав непроизвольное движение, нечаянно сбил со стола бокал, который разбился вдребезги. Шампанское забрызгало скатерть и пролилось на пол.

- Вот ведь медведь-то какой, - заметила Катя.

- Ничего страшного, сейчас я уберу, - сказала Сарит и встала из-за стола. - Где тут у тебя тряпка, Андрей?

- Сядь, я сам, - и Андрей пошел за тряпкой.

Воцарилась неловкая тишина. Андрей собрал осколки и вытер пол.

- Я не спорю, что учение церкви допускает и другой взгляд, более близкий к твоему, Андрей, - примирительно произнес Семен. - Но я этого взгляда никак принять не могу. Мне кажется, что он противоречит слишком многому...

Семен явно вознамерился добавить еще что-то, но Катя его одернула:

- Опять за свое? Ну сколько можно?!

Андрей между тем достал из шкафа новый бокал, наполнил его шампанским и поставил перед Семеном.

- Ну что ж, давайте выпьем тогда за вечную дружбу, что ли? В ее существовании, надеюсь, никто не сомневается, - сказал Андрей, поставив передо мной другой бокал и наполнив его рябиновкой.

- Никто, - заверил Семен, и все подтвердили: - Никто!

- Только мы не выяснили, с чего она, эта вечная дружба, начинается? - сказала Катя. - Кто-нибудь знает?

- Никто, - сказал Семен, и все повторили: - Никто!

- Ну уж раз никто не знает, с чего начинается вечная дружба, значит, она действительно вечна, - заключил Андрей.

С той минуты «возвышенные» темы были полностью оставлены, и мы долго болтали о разном. Семен с Катей спохватились только полпервого ночи и поспешно выскочили, торопясь на метро, так что мы даже толком не успели проститься.

Сарит тут же легла спать, безжалостно выгнав нас из кухни.

Я сразу повалился в постель.

- Так это «та самая Татьяна» сегодня в музее была? - спросил я, уже засыпая.

- В общем-то, да, - вздохнул Андрей. - Мы ее с Сарит случайно на улице встретили, ну я ее и пригласил…

- Жаль, что она все время молчала. Не удалось узнать, что она за человек. Но смотрела она на тебя очень выразительно…

- Ты прав. Что-то она во мне нашла. Не пойму вот только, что…

Андрей не спал. Он сидел в своей половине, склонившись над Евангелием. Время от времени сквозь сон до меня доносились его приглушенные возгласы:

- Поразительно! До ареста Иоанна… После ареста… Поразительно!

* * *

Утро последнего дня нашего пребывания в Москве было решено посвятить прогулке в парке имени Горького: я показал Сарит места, где любил гулять в детстве, и даже прокатился с ней на колесе обозрения.

Во второй половине дня мы встретились с Андреем на Маяковской. Сарит захотела погулять по булгаковским местам - ее очень впечатлила в свое время книга «Сатан бэ-Москва» - «Мастер и Маргарита» в переводе на иврит.

Мы прошли вместе до Патриарших прудов, прогулялись по аллее, побродили в окрестностях булгаковского дома и даже потоптались у дверей «нехорошей квартиры».

- Интересно, - спросила Сарит, когда мы вернулись в метро. - А станция эта существовала, когда Воланд посетил Москву? Он мог под этой колоннадой прогуливаться?

- В каком именно году Воланд посетил Москву, так и не установлено. Вероятнее всего, речь идет о 1929 годе. Тогда еще метро в Москве не было.

С шумом подъехал поезд, с грохотом распахнулись двери…

- По большому счету вопрос этот остается открытым, - продолжил Андрей, когда мы сели на свободную скамейку в самом конце вагона. - Когда это метро построили, Булгаков еще был жив и еще работал над романом.

Когда поезд тронулся, я поднял голову и вдруг увидел на скамье напротив двух религиозных евреев лет тридцати в черных костюмах и черных кипах. Они были так похожи, что можно было бы решить, что это близнецы, но один выглядел все же несколько старше другого. Во всяком случае, у него в бороде пробивалась седина, в то время как другой был черен как смоль. Евреи нам приветливо улыбались, по-видимому, опознали в нас с Сарит израильтян. Я тоже был рад видеть их лица и также улыбнулся в ответ. У меня даже промелькнула мысль снять кепку и продемонстрировать им скрывающуюся под ней вязаную кипу.

- Кто это? Ты знаком с ними? - спросил Андрей.

Я отрицательно покачал головой и добавил:

- Почти уверен, что они израильтяне…

Между тем на следующей остановке евреи так же внезапно исчезли из вагона, как на предыдущей остановке в нем появились. Андрей вдруг тоже вскочил и потянул нас к выходу.

- Разве у нас здесь пересадка? Это же Тверская?

- Прости, - пробормотал Андрей. - Я должен узнать, кто они.

Он быстрым шагом пошел за этими парнями, которые быстро растворялись в пестрой толпе. Мы с Сарит старались не отставать, что было совсем непросто из-за толкотни перед входом на эскалатор.

Стараясь не терять Андрея из виду, мы почти бежали следом за ним, но в подземном переходе все-таки отстали.

Мы вышли на улицу и через пару минут нашли Андрея. Он стоял и растерянно глядел в сторону Тверского бульвара.

- Куда они могли пропасть? - пробормотал он, когда мы наконец его догнали.

- Тут ведь, кажется, синагога хабадская неподалеку? - вспомнил я. - Скорее всего, они туда отправились…

- Зачем они тебе, Андрей? - удивилась Сарит.

- Да так… Поразительное совпадение… У вас так не бывает, что вам снится что-то, а потом вы это наяву видите?

- У меня бывает, - подтвердил я.

- И у меня так не раз случалось, - оживилась Сарит. - Собаку, например, на улице встретишь и тотчас вспоминаешь, что тебе эта собака ночью снилась.

- Так вот мне, представляете, эти самые два еврея сегодня ночью приснились!

- Эти самые? Как это - эти самые?

- Они, правда, были в древних одеяниях, но тоже почти как близнецы выглядели, им тоже было на вид около тридцати лет, но только во сне как-то было ясно, что это… Иисусы… Два Иисуса.

- Два Иисуса? - рассмеялся я. - Когда ты свою рукопись нашел, то тебе там тоже два Иисуса померещились. Помнишь?

- У них лица ведь иконописные были… Вы заметили? - не слыша меня, спросил Андрей.

- Обыкновенные еврейские лица, мне кажется.

- А почему они на нас так приветливо смотрели, будто приглашали к ним присоединиться, а потом убежали?

- Они просто увидели, что мы с Сарит израильтяне, и обрадовались. Ну, а убежали они, потому что им сходить надо было. Я же сказал, тут синагога неподалеку, хабадская…

- Может быть, зайдем в эту синагогу?

- Отличная идея! - подхватил я.

Мы дошли до синагоги на Большой Бронной, где как раз начиналась минха, так что я даже помолился в миньяне. Однако тех двух евреев в синагоге не оказалось.

- Вот видишь, - встревоженно заметил Андрей, когда мы вышли на Бульварное кольцо и побрели обратно к метро. - В синагоге их нет. Это неспроста… Я вчера читал Евангелие. Там действительно такие поразительные расхождения обнаруживаются, что дурно становится. У синоптиков все события начинаются после ареста Иоанна Крестителя, а в евангелии Иоанна такое впечатление, что с момента крещения до ареста по меньшей мере год прошел. Да и события-то все совершенно другие.

Андрей потянул нас на пустующую лавку. Он был сильно возбужден.

- Или, знаете, например, что делает Иисус синоптиков после крещения?

- Нет, не знаем, - честно ответил я за нас обоих.

- Иисус синоптиков, да будет вам известно, после крещения уходит на сорок дней в пустыню, на ту самую гору Каранталь, неподалеку от которой я и нашел свою рукопись. Спустившись с горы, он идет в Капернаум, что в Галилее на берегу Генисаретского озера, начинает там творить чудеса и только тогда встречает первых своих учеников. В Иудее он появляется только перед самой гибелью.

Иисус же Иоанна после крещения ни в какую пустыню не уходит и ни с каким дьяволом не борется. Уже на другой день после крещения, находясь еще в Иудее, он заводит первых учеников, а на третий день отправляется вместе с ними на свадьбу в Кану Галилейскую. В Капернауме он появляется мельком, возвращается в Иудею и почти все время проводит там, а не в Галилее… Да и вообще все события, все диалоги и все чудеса - за исключением насыщения пяти тысяч, описанных и у синоптиков и у Иоанна, - разные.

Андрей растерянно огляделся, как будто опасаясь, не услышал ли кто-то кроме нас его крамолу, и многозначительно добавил.

- А их учения! И стиль наконец! - они ведь «похожи» друг на друга как Запад и Восток! Синоптический Иисус говорит простым ясным языком, по преимуществу притчами. Речь Иисуса из евангелия Иоанна темна, полна сложных теологических суждений и совсем лишена притч: одна - две на все Евангелие!

- Ну пусть их двое, - искренне удивился я волнению Андрея. - Чего так переживать?

- Как ты не понимаешь? Вчера я был просто заинтригован своим открытием и бравировал им перед Семеном… Но если серьезно взять в голову, что Иисусов двое, то ничего более разрушительного для христианства и придумать невозможно…

- Но почему? Возьми, например, того же пророка Йешайягу. Библейская наука утверждает, что за его книгой скрываются два человека. Иудаизм, допустим, с этим не согласен, но если выяснится, что их действительно было два, то что кому от этого сделается? Ну стало в мире пророком больше. Нужно ли из-за этого горевать?

- Это совсем другое дело, - махнул рукой Андрей. - Если Иисусов два, то которым из них христиане тогда причащаются?

Заметив мой недоуменный взгляд, Андрей счел нужным пояснить:

- Ну как тебе сказать? Это все равно как обнимать женщину, шептать ей: «Люблю тебя», но при этом не представлять себе, кто она вообще такая.

- Не понимаю, какая связь?

- Христианский Спаситель единственен… в этом азы христианской веры, - устало заключил Андрей.

- Я не знаком с этими азами. Может, просветишь, пока я буду стоять на одной ноге?

- Хорошо, слушай. Всякое человеческое учение, даже духовное, может быть отчуждено от своего учителя. Но не таково христианство. В нем все насквозь лично. Иисус учит не технике, а себе самому, он - путь, истина и жизнь, он - победивший смерть Новый

Адам, предоставивший себя всему человечеству. И наконец - хотя это тебе и неприятно слышать, но такова наша вера - он Бог, вочеловечившийся Бог… Он единственен и неподменим… Ты бы послушал, что баптисты говорят. У них в каждой проповеди звучит, что самое главное - это личные отношения со Спасителем. Да и апостольские христиане, как я уже сказал, причащаются телом именно единственного Спасителя… И вдруг их два… Раздвоение Божественной личности… Божественная шизофрения… Таксиль бы лучшего поклепа на Евангелие не навел.

Андрей стал нервно тереть виски. Я никогда не видел его таким.

- Этот мой сон и эти парни в метро, они меня, кажется, и впрямь из равновесия вывели.

- Да, ты действительно сам не свой. Но, по-моему, для твоей веры все же гораздо важнее не сколько Иисусов, а воскрес ли из них кто-нибудь! - попробовал я успокоить Андрея, вспомнив его иерусалимские проповеди.

- Но кто именно? Ведь в том-то и дело, что, согласно Евангелию, воскресают оба, в то время как необходимым и достаточным является воскресение именно одного… Одно сердце - это здорово, но два - несовместимы с жизнью. Если выясняется, что Иисусов два, то все плывет, все рассыпается… Может быть, тогда вообще никто и не воскрес? Может быть, тогда вообще все небылицы?

- Мы, иудеи, считаем Евангелие небылицей, однако, как видишь, не убиваемся из-за этого. Мы полны оптимизма и не слабее вас верим во всеобщее воскресение.

- Вы верите как бы в теории, а христиане осязают вечную жизнь… И вдруг подумать, что ты осязаешь призрак. Ужасно… Слушайте? А может быть, это просто «штучки Воланда»? Мы же на Патриарших были. Вот сатана нам теперь всякие подставы и устраивает. Ну скажите мне на милость, зачем перед нами эти два голубя расхаживают? Ведь нет больше поблизости голубей, а эти чуть на нас не садятся. Почему их два?

- Ты что, и впрямь рехнулся?! - прямо спросил я.

- Нет, он просто хочет сказать, что это те две самые птицы, в виде которых на двух Иисусов сошел Святой Дух, - засмеялась Сарит.

- Если честно, то меня все это пугает… Хорошо только, что они не белые.

- Брось, Андрей. Это же самое обычное дело, - стал я успокаивать не в меру впечатлительного друга. - Всегда, когда наталкиваешься на какое-то новое или необычное явление, то непременно жди и второе, и третье того же рода. Явления растут как грибы - семьями. Нашел подосиновик, значит, поблизости еще две-три шляпки торчат. Подумал про двух Иисусов - значит, везде пары будут мерещиться.

- Может быть…

В эту минуту я вдруг увидел идущего по аллее того самого парня с пепельными волосами, который выцыганил у меня сто долларов.

- Эй, да вот же этот мошенник! - воскликнул я, привставая.

Голуби, шумно захлопав крыльями, разлетелись, а парень, узнав меня, метнулся в сторону и перескочил через ограду бульвара.

Между нами было метров сорок, и когда я добежал до чугунного забора, мошенник уже скрылся в какой-то подворотне на другой стороне улицы, которую как раз в тот момент заполнил поток проезжавших машин.

Из опыта своей службы в Рамалле я хорошо знал, что преследование в такой ситуации, увы, совершенно бесполезно.

- Ушел, мерзавец, - доложил я, вернувшись к скамейке.

- Ну точно «штучки Воланда», - засмеялся Андрей. - Чистая мистика и никакого мошенства!

Уныние его как рукой сняло, и когда мы вернулись домой, Андрей выглядел уже вполне обычно: шутил, толковал превратности российской истории, предвкушал публикацию своей рукописи.

* * *

Ночью Андрей, как это уже вошло у нас в обычай, не дал мне по-человечески поспать.

- Надо проверить, что Писание по этому поводу говорит, - сказал он. - Интересно, а у вас это практикуется - вопрошать по Библии о воле Божией?

- Раввины не очень это поощряют, но это евреям не рекомендуется, а русских это не касается. Я думаю, что ты вполне можешь попробовать.

Андрей взял со стола компактную протестантскую Библию из папиросной бумаги, глубоко вздохнул, молитвенно закрыл глаза и наугад распахнул книгу.

- Не может быть!.. - ошеломленно вымолвил Андрей.

- Да что там стряслось? - я хотел спать, и экзальтация Андрея мне немного мешала.

- Ну ты подумай! Я просто не верю своим глазам! - и Андрей зачитал известные слова из Экклезиаста: «Двоим лучше, нежели одному, потому что у них есть доброе вознаграждение в труде их. Ибо если упадет один, то другой поднимет товарища своего. Но горе одному, когда упадет, а другого нет, который поднял бы его. Также, если лежат двое, то тепло им; а одному как согреться? И если станет преодолевать кто-либо одного, то двое устоят против него: и нитка, втрое скрученная, нескоро порвется».

- Вот это да!.. - проснулся я. - Прямое попадание. Ты, Андрей, часом, не пророк? Тут уж самый отъявленный скептик вроде меня и то задумается…

- Вот видишь… Я и сам своим глазам не верю… Ну, и что же на этот счет теперь можно подумать? Как, интересно, у вас трактуется это место про двоих?

- Это надо в комментариях смотреть, так я не помню… Но знаешь, что я тебе скажу? По нашему иудейскому учению, как раз должно быть два мессии.

- Где об этом у вас написано?!

- В книге пророка Овадии, например. Он, правда, не говорит, кто они, но обычно их трактуют как мессию сына Йосефа и мессию сына Давида. Явно о них пророк Йехезкель говорит, ну и в Талмуде,

конечно, об этом написано, хоть и немного. В трактате Сукка, например, на 52-й странице, кажется…

- И какое этому объяснение? То есть почему их два, а не один?

- Представь себе, из-за той самой путаницы, о которой ты сегодня говорил. Из-за путаницы в вопросе: какая именно женщина оказалась в твоих объятиях?

- Ты шутишь?

- Нет, все именно так. Два Мессии возникли по милости Лавана, который подсунул Якову Лею вместо Рахели. В результате этого подлога первенец Якова, который должен был являться предком Мессии, раздвоился. В ту ночь душа Якова была с Рахелью, а тело - с Леей. В соответствии с этими женами и с этими способами единения с ними расщепилось и мессианское избрание. Половину мессианского призвания унаследовал сын Леи Йегуда, а половину - сын Рахели Йосеф. Заметь, что разделение на два царства - Иегуды и Израиля - прошло именно по этой линии. Иудейским царством правили потомки Давида, то есть Йегуды, а Израильским царством правили потомки Йосефа. Это исторический факт. Соответственно и Мессий мыслится двое - сын Давида и сын Йосефа.

- Так, может быть, Иисус Иоанна - это сын Йосефа? - пробормотал Андрей. Он открыл симфонию, и, сверив что-то в Библии, наконец сказал: - М-да, любопытно, в евангелии от Иоанна Иисуса никто сыном Давида не называет, а вот сыном Йосефа как раз случалось. Взгляни, что в первой же главе написано: «Филипп находит Нафанаила и говорит ему: мы нашли Того, о Котором писали Моисей в законе и пророки, Иисуса, сына Иосифова».

- Я вижу ты уже готов смириться с тем, что Иисусов два, - засмеялся я.

- Все это нужно как-то понять. Если даже те евреи, что нам повстречались, не были ангелы, если даже они были посланниками Воланда, Евангелие не может ошибаться, Евангелие должно дать этому вызову какой-то свой ответ. И кто знает, может быть, найденная мною рукопись как раз поможет во всем этом разобраться.

На другой день, в четверг, мы с Сарит были уже в Иерусалиме.

* * *

В тот же вечер я связался с Пинхасом. Мы встретились с ним через три дня ранним утром на перекрестке Михмас, недалеко от которого начинался спуск в ущелье Макух. Пинхас приехал один, я взял с собой Йосефа. Я хотел пригласить и Халеда, но его не было. Мне не удавалось связаться с ним уже несколько месяцев, и я немного беспокоился.

Сарит, разумеется, также собиралась пойти в экспедицию, но у Тамар с раннего утра держалась высокая температура, и ей пришлось остаться.

Я находился в таком приподнятом настроении, что не заметил, как мы добрались до пещеры, в которой два года назад была спрятана рукопись.

Я начал разгребать камни в углу - здесь мы ее спрятали. Я помнил это точно… В расщелине ничего не было!

Я был в шоке.

- Ты хочешь сказать, что она должна была лежать здесь? - с презрительной гримасой спросил следивший за моими действиями Пинхас.

- Мы перепрятали ее сюда.

- Так найдена она была в другом месте?

- В другом. Гораздо ниже по ущелью…

Пинхас махнул рукой, как бы показывая, что ничего удивительного в том, что находка пропала, он не видит…

Мы молча двинулись в обратном направлении.

«Кто ее мог взять? Сергей? Но как он ее нашел? Он рассказал кому-нибудь, тот пересказал бедуинам, а нашли уже они? Это возможно, но почти невероятно. И куда пропал Халед? - вертелся у меня в голове неприятный вопрос. - Где Халед?»

Я шел и мучительно пытался связать мысли и догадки воедино… И тут меня наконец пронзила мысль, что исчезновение рукописи и исчезновение Халеда могут быть связаны. Откуда я вообще знаю,

что он разоблаченный маштапник? Ведь его удостоверение личности могло быть поддельным! Может быть, он просто вор, просто мошенник или хуже того? Нельзя доверять арабам. Никому из них. Мы с Андреем были сумасшедшие, что посвятили Халеда в эту историю. Он наверняка продал рукопись и перебрался в Европу или в США.

Я похолодел. Мне припомнился тот парень с бульварного кольца. Это было то самое, о чем я говорил Андрею. Явления - как грибы, которые растут семьями. Раз столкнулся с жуликом в Москве, значит, опасайся, что тебя вслед за этим обдурят и в Иерусалиме. А тут еще на днях я в газете статью о мошенниках прочитал!

Что, в самом деле, побуждало нас относиться к Халеду с доверием? Ведь мы же совсем не знаем их арабского коварства, не знаем их искусства лжи. А этот к тому же, если ему вообще в чем-то верить, и вовсе был осведомитель! Ко всем в доверие втирался. У него это профессиональное. Всех за нос водил. Ну, а если он врал, если он не маштапник, то, значит, точно аферист! Сколько мошенников пользуются для разных афер поддельными паспортами. Даже счета в банках открывают на чужое имя. В той статье о мошенниках как раз об этом и писали! А зачем Халед врал по поводу того наезда на перекрестке Адам? Ведь очевидно, что это именно его сбить хотели. Больше некого. Наверняка это была воровская разборка. А его отношение к женщинам! Это же ужас какой-то.

Я вспомнил, как однажды рассказывал Халеду о трудностях развода, с которыми столкнулась Сарит. Халед тогда вдруг принял сторону Пинхаса и стал убеждать меня, что женщина должна находиться в подчиненном положении у мужчины.

- Такова природа, - говорил он. - В конечном счете женщины сами этого хотят.

- Ну что за глупости?! Женщины давно борются за свои права, свобода им так же дорога, как и нам.

- Это все христиане понапридумывали.

- При чем тут христиане? Никто не считает женщину существом второго сорта. У иудеев жена принимает участие во всех решениях мужа. Галаха категорически запрещает мужу овладевать женой против ее воли и уж тем более бить ее.

- Мне кажется, это поверхностный взгляд. В глубине женщина стремится именно к покорности, и ислам позволяет ей раскрыть свою суть. Посмотри на мусульманских женщин, живущих в Европе. Почему они не стремятся эмансипироваться? Ведь там это возможно. Потому что они знакомы с чем-то большим, чем свобода…

Тогда я приписал эти варварские суждения какой-то невероятной наивности Халеда в женском вопросе. Я рассказал ему о русской пословице «раки любят, когда их варят живыми», и объяснил покорность мусульманок элементарным страхом за свою жизнь.

- Этот страх так же силен в Париже, как и в Мекке, - сказал я. - Если связываться с исламистами боятся даже бесстрашные европейские журналисты, то чего ты хочешь от забитых арабских женщин.

Тогда мне показалось, что Халед задумался, но, по-видимому, только показалось. Всю обратную дорогу я думал только о Халеде и совсем забыл о собственной цели. Я ведь делал это все ради Сарит…

Пинхас отнесся к происшедшему вполне хладнокровно.

- Нет рукописи, нет развода, - подвел он итог нашей экспедиции, когда мы сделали небольшой привал.

- Пинхас! - воскликнул я. - Ведь ты же сам видел, что рукопись украли? Я был готов ее тебе отдать! Так отпусти Сарит.

- Послушай, Ури, - Пинхас был как будто возмущен моей наивностью. - Я не благотворительная организация, я не раздаю бесплатных обедов. Рукопись пропала исключительно по твоей вине. Такие вещи хранят в сейфе со специальным температурным режимом, а не в случайных ямах. Ведь ты же кажется программист… Как можно допускать такие «баги»? Твои программы вообще работают?

Менее всего в тот момент мне хотелось объяснять Пинхасу, что программист из меня так и не вышел.

Я отвернулся, чувствуя, что слезы наворачиваются на глаза. Так тошно и обидно мне уже давно не было. Наверно, с тех пор, как меня во дворе дразнили «сраным евреем».

Добравшись до зоны, где уже работал мобильный, стараясь быть спокойным, я сообщил о случившемся Сарит.

- У Тамар уже полтора часа держится сорокоградусная температура, - ответила она и разрыдалась.

Я приехал в Кохаш уже через двадцать минут, а еще через полчаса мы прибыли в больницу Хадасса-Хар-Цофим. Там мы оставались до позднего вечера, пока врачи не установили возбудитель лихорадки и не начали лечение.

* * *

На другой день, преодолев себя, я позвонил Андрею. Он буквально застонал от услышанного.

- Может быть, не стоило время тянуть, ко мне ездить, надо было скорее бежать отдавать ему рукопись?

- Да ты что?! И при чем тут это? - удивился я и рассказал Андрею о том, что все дело было в Халеде, который, по всей видимости, оказался вором.

- Ты знаешь, - признался Андрей, - его предательство меня как-то особенно выводит из равновесия. Я так был рад, что наконец свой человек в исламском мире появился, и вдруг…

- Меня это тоже ужасно мучит, - сказал я. - Но, пожалуй, еще больнее то, что Халед как человек очень к себе располагал. Арабы вообще народ теплый, но Халед, ты заметил, как-то по-особенному обаятелен.

- Да, обаятельный… Но вообще-то умение втираться в доверие - это профессиональное качество любого агента.

Через знакомого я попросил узнать, не находится ли Халед Эль-Масри в тюрьме. Один заключенный из Умм-Эль-Фахма с таким именем имелся, но ему было только восемнадцать лет.

Я покопался в записях, нашел адрес Халеда и отправился к нему в Акко. Увы, хозяин квартиры, которую Халед снимал, не знал о нем ровным счетом ничего. Халед исчез, исчез бесследно, исчез уже почти полгода назад.

Вернувшись из Акко, я заехал к Сарит. Тамар спала. В отчаянии я взял руку Сарит в свою, но почувствовал, что уже не вправе этого делать.

- Надо идти в рабанут и требовать, чтобы они применили против Пинхаса серьезные меры... - простонал я, схватившись за голову. - Это совершенно невозможно. Он должен тебе когда-нибудь дать развод.

- Мне надо ехать к родителям. Они от этой истории с ума сходят... Не понимают, что произошло, я ведь им говорила, что Пинхас обещал меня отпустить, если ему пещеру покажут.

Мы выехали в Иерусалим, где я познакомился, наконец, с родителями Сарит, жившими в квартале Рамат-Эшколь.

Они оказались очень милыми людьми, которые почти ничего обо мне раньше не слыхали, но приняли как старого приятеля.

- Мы когда-то давили на Сарит, хотели, чтобы она с этим Пинхасом оставалась, - рассказала мне мать. - Но какой он ужасный человек оказался. Почему он отказал в разводе на этот раз?

- В этой пещере не оказалось того, что он искал, - объяснил я. - Ее разграбили.

- Какой ужас! Но Сарит-то здесь причем?

- Вы не переживайте. Имеются способы воздействия. Я надеюсь, в конце концов, мы найдем к Пинхасу подход.

* * *

Через несколько месяцев после неудачной экспедиции в ущелье Макух я снова явился к Пинхасу.

Это было между 15 и 23 октября. Это я могу сказать точно, так как помню, что в это самое время велись переговоры Нетаниягу с Арафатом в Уай-Плантейшн. Как всегда, Израиль додавили: Арафату передали еще тринадцать процентов территорий Иудеи и Са-

марии - причем два из них представляли собой Иудейскую пустыню, а Арафат, как всегда, расплатился своей «золотой монетой» - обещанием отменить параграфы палестинской хартии, предполагающие уничтожение государства Израиль.

Впрочем, на этот раз в Газе действительно было организовано издевательское шоу по отмене хартии, в котором активнейшее участие принял сам президент США. Окинув взором размахивающих руками главарей ООП, Клинтон торопливо объявил, что, по его мнению, параграфы действительно были упразднены.

Но сами арабы смеялись и говорили, что все остается в силе, так как не была соблюдена «процедура». И не мудрено: ведь на этом «голосовании» никто не затруднил себя даже подсчетом поднятых рук.

Вот в эти тоскливые дни я в отчаянии снова пришел к Пинхасу:

- Послушай, Пинхас, отпусти Сарит, а я тебя к пещере той провожу, где рукопись лежала. Вдруг там еще что-то в этом роде осталось.

- Разумеется, ты меня проводишь к той пещере, но все же не раньше, чем передашь ту самую рукопись.

- Но почему тебя не интересует сама пещера? Мы же с Андреем не специалисты, мы могли что-то там не заметить. Вдруг там еще одна такая же рукопись лежит?

- А вдруг нет? А вдруг там ничего кроме черепков? Зачем мне кот в мешке? Я отдам тебе Сарит - и взамен не получу ничего.

Пинхас улыбался, он явно наслаждался моим унижением и своим открытым цинизмом.

- Не надейся. Я не мать Тереза.

- Вижу, - пробормотал я с горечью.

- Так вот, хоть я и не занимаюсь благотворительностью, но как профессор я все-таки дам тебе мудрый совет. И если ты им воспользуешься - у тебя все наладится. Если рукописи ты найти не можешь, то не трать попусту время, а попроси своих раввинов, чтобы

они подыскали тебе подходящую партию. Поверь, и помимо Сарит на свете много замечательных девушек. Дело в том, что у Сарит уже есть муж. Привыкни, наконец, к этой мысли.

Когда я пересказал Сарит наш разговор, она ответила:

- Он негодяй, Ури, но боюсь, он дал тебе хороший совет. Это мое замужество с ним - мое несчастье. Ты не должен из-за этого страдать. Представь, что я состояла бы с ним в счастливом браке. Ведь ты бы меня не добивался?

- Разумеется, нет. Но если бы я заметил, что ты несчастна с ним, я бы предложил тебе то, что предлагаю сегодня: добиться развода и выйти за меня.

Сарит была явно рада услышать это признание. Лицо ее как-то просветлело. Между тем произнесла она нечто противоположное тому, что читалось в ее глазах.

- Ты же видел, какой он, Ури. Ты попусту теряешь время.

- Глупости. Он не из тех, кто только тебе назло не станет оформлять своих отношений с какой-либо другой женщиной. Да кроме того, такую женщину, которая согласится на подобные отношения, тоже поискать надо… Когда-нибудь же он женится, и ты станешь свободна.

- Когда «когда-нибудь»? Если честно, я боюсь, что он вообще себе никогда жены не найдет. С одной стороны, она должна быть красивая и неглупая, а с другой - восторженно соглашаться с каждым его словом. Поверь, когда до тебя начинает доходить, что в этом поддакивании состоит твоя важнейшая супружеская обязанность, то ты невольно начинаешь ею тяготиться. А после того как Пинхас на мне обжегся, он по этому предмету других претенденток строго будет экзаменовать.

- Трудно быть женой гения, - съязвил я.

- Во всяком случае, эта ноша не по мне…

* * *

В этот вечер еврейские жители Иудеи и Самарии в знак протеста против уступок, сделанных Нетаниягу в Уай-Плантейшн, стали устанавливать караваны на холмах, соседствующих с их поселениями. Сам Шарон, сопровождавший Нетаниягу в США и поддержавший его уступки, призвал поселенцев захватывать ничейные земли и обживать их.

Так в те дни возобновилось застопоренное Рабиным заселение территорий. На холмах рядом с поселениями устанавливались караваны. Поселки эти стали называться «маахазим», что буквально значит «владения», которые в русскоязычной прессе прозвали «форпосты». Армия эти «маахазим» снимала, но их выставляли вновь, и некоторые из них со временем получали официальное признание властей.

Как раз в ту пору мой хозяин, окончательно отчаявшийся найти еврейских работников, нанял трех таиландцев. Особого смысла оставаться на той ферме у меня не было, и в декабре я поселился в «маахазе» Инбалим, где как раз в тот момент организовывалась ферма. Маахаз этот был расположен недалеко от того места, с которого я показывал когда-то Сергею и Ольге Иудейскую пустыню.

Так случилось, что как раз в те самые дни переезда я случайно встретился с Ольгой в Иерусалиме. Я купил себе настольную лампу в каком-то магазине на улице Агриппас, и у самого выхода столкнулся с этой странной особой.

Ольга мне явно обрадовалась. Несколько месяцев назад она звонила и предлагала повидаться, но, памятуя о нашей прежней нелепой встрече, я отказался, сославшись на занятость.

Теперь, не находя вежливого способа уклониться от беседы, я согласился посидеть с ней в ближайшем дворике.

Видимо, припомнив, что я охотно поддерживаю хевронскую тему, Ольга решила начать именно с нее. Она рассказала, как у них празднуют Хануку, как каждое еврейское окно светится десятками свечей и как это нервирует международных наблюдателей, обласканных местными арабами.

Рассказывала Ольга забавно, я смягчился, и когда она, как и ожидалось, начала расспрашивать о рукописи, я плавно перешел от вопроса о ее местонахождении к вопросу о ее содержании и рассказал об открытии Андрея, что Иисусов было два, один из которых, по его мнению, был казнен на Песах, а второй - на Суккот.

- Удивительно! - воскликнула Ольга. - Этот твой друг вообще знает, что похожая теория существует? Ведь Рудольф Штайнер считал, что Иисусов было два.

- Как? - в свою очередь изумился я. - А с чего Штайнер это взял?

- Ясновидение. Штайнер ведь очень серьезный мистик. И неудивительно, что то, что ему открылось, он назвал Пятым евангелием… Кроме того, он обнаружил подтверждение своему прозрению в канонических Евангелиях. Ведь в них имеется разночтение в родословных.

- Вот как? Ты можешь рассказать подробнее?

- Штайнер считал, - начала Ольга, - что миссия Иисуса столь велика, что ее должны осуществлять два человека, две души. Одна душа должна была хранить в себе весь земной опыт человечества, а другая должна была быть новой небесной душой. Первая - старая умудренная душа - была душой Заратустры. Эта душа реинкарнировала и прежде. Благодаря этим инкарнациям к моменту вселения в Иисуса это была самая зрелая человеческая душа… И эта душа воссоединилась с другой совершенно новой душой, с душой другого Иисуса…

- Подожди, подожди, - остановил я Ольгу, узнавая по тому легкому чувству брезгливости, которое во мне появлялось, что я уже где-то это слышал, - Не об этом ли шла речь тогда в московском общежитии, когда мы познакомились?

- Не помню точно, но вообще-то об этом речь в той компании заходила… Так вот, теперь главное… По Штайнеру, в соответствии с противоречивыми историями, рассказанными Матфеем и Лукой, при Ироде жили два Иосифа - один в Вифлееме, другой в Назарете. Тезками были также и их жены - их звали Мариями. Своих первен-

цев они также назвали одним именем - Иисус. Оба Иисуса происходят из Давидова рода, вифлеемский - из основной ветви, которая восходит к царю Соломону, назаретский происходит от Нафана, другого сына Давида, как собственно и написано об этом у евангелиста Луки. Оба Иисуса рождаются в Вифлееме. Первым рождается Иисус - потомок Соломона. Родители бегут с ним в Египет, спасая его от Ирода. Когда опасность минует, они возвращаются в Израиль и селятся в Назарете. Потом рождается Иисус у Иосифа - потомка Нафана, который оказывается в Вифлееме ради переписи, после которой родители с новорожденным возвращаются в Назарет. Обе семьи с какого-то момента живут в одном городе. При этом Штайнер приходит к выводу, что старший Иисус умер, когда младшему исполнилось около двенадцати лет. По его мнению, в Евангелии описана жизнь лишь одного взрослого Иисуса - сына Нафана. Душа Иисуса - сына Соломона - присоединилась к нему. В каббале это, кажется, «дибук» называется?

- Нет, давай уже каббалу к этому не будем примешивать… - забеспокоился я. - Но в целом, конечно, любопытно. Андрею, наверняка про эти родословные будет интересно узнать. У тебя, может быть, книга на эту тему имеется?

- Книга есть. Но только по-немецки… Я даже не уверена, что она существует в русском переводе.

- Интересно. Обязательно расскажу про это Андрею.

- Мне тоже интересно было бы встретиться с ним и послушать его, - сказала Ольга.

Мы простились уже вполне по-дружески.

* * *

Когда мы созвонились с Андреем по телефону, я, разумеется, пересказал, что услышал от Ольги.

- Все это, конечно, очень интересно, - признал Андрей. - Но едва ли имеет отношение к тем двум Иисусам, которых я обнаружил. То, о чем твоя Ольга говорит, - это противоречие внутри синоптиков, а у меня речь идет о противоречиях между синоптиками и Иоанном.

- Но ты, я вижу, с самой идеей двух Иисусов как-то ужился?

- Ужился? Пока нет, но стараюсь. Я действительно все больше убеждаюсь в том, что Иисусов было двое, и пытаюсь как-то проинтерпретировать такую возможность в христианском духе. Но и с идеей Штайнера поближе познакомиться тоже бы не мешало. Все-таки о двух Иисусах человек говорит. Ольга не сказала, где об этом можно прочитать?

- Нет, не сказала. Попробуй в Интернете поискать.

- В Интернете!? - удивился Андрей. - А что это?

- Ты разве не слышал? - в свою очередь удивился я, - всемирная компьютерная сеть. Там в «Альтависте» можно найти книги, существующие в электронном виде.

1999

Трехлетний опыт работы на ферме и некоторые сбережения, сделанные за этот период, позволили мне войти в долю с основным владельцем хозяйства - Шимоном. Мы завели более двухсот голов овец и коз, из молока которых изготовляли сыр, держали также и кур.

Маахаз мой находился в десяти минутах езды от Кохаша, и я часто навещал Сарит. Работать большей частью приходилось допоздна, и обыкновенно, когда я появлялся в Кохаше, Тамар либо уже спала, либо укладывалась спать. В этом ей помогала не только Сарит, но и десятилетняя соседская девочка, которая иногда за Тамар присматривала.

Девочка эта поначалу просто читала вместе с Тамар молитву, но потом на моих глазах преобразила это чтение в некоторое удивительное таинство. Она представила дело так, будто архангел Габриэль, наблюдающий за молитвой Тамар, каждый раз клал ей под подушку скромные подарки в виде стеклянных шариков и личных посланий, в которых хвалил Тамар за усердие, проявленное в молитве. Тамар благоговейно хранила эти сувениры в специальной коробочке и периодически просила Сарит перечитать ей эти трогательные и одновременно величественные ангельские послания.

- Мне уже самой стало трудно думать, что эти письма просто какая-то девочка написала, - смеялась Сарит. - Кажется, что они и в самом деле с небес.

После того как Тамар засыпала, мы с Сарит перекусывали и что-нибудь вместе делали: слушали записи лекций известных раввинов, смотрели фильмы или просто болтали.

Однажды в один из таких вечеров я показал Сарит место в Гемаре, в котором рассказывалось, как во втором веке до нашей эры рабби Йегошуа бен Перахия вместе со своим учеником Йешуа из Назарета бежали от преследований царя Янная в Египет. После того как гонения кончились и они вернулись обратно, им устроили роскошный прием в гостинице. Рабби Иегошуа воскликнул: «Как прекрасна эта гостиница!», но слово «гостиница» - «ахсания» - означает также и хозяйку гостиницы. Йешуа понял рабби Йегошуа именно в этом втором значении слова и ответил: «Мне так не кажется. У нее слезятся глаза». Тогда рабби Йегошуа возмутился: «Нечестивец! - воскликнул он. - Вот оказывается, что тебя занимает - женщины!»

После этого он объявил Йешуа «херем» - отлучение. Несколько раз Йешуа возвращался к своему учителю и просил принять его обратно. Но Йегошуа бен Перахия был непреклонен. Однажды, когда Йешуа снова пришел просить у него прощения, рабби Йегошуа решил было его принять и сделал знак, чтобы тот подождал, пока он кончит молитву. Но Йешуа показалось, что его снова гонят. Тогда Йешуа пошел, установил кирпич и публично поклонился ему. Когда же рабби Йегошуа позвал своего ученика, тот ответил: «Я выучил от тебя, что тому, кто согрешил и совратил многих, не предоставляют возможности раскаяться».

- Объясни мне только, при чем тут царь Яннай? - удивилась Сарит, - ведь он правил за сто лет до Йешуа?

- В этом вопросе, действительно, имеется нестыковка…

- И как же она объясняется, эта нестыковка?

- По-разному… Например, по мнению Рабейну Тама, Гемара вообще ни разу не упоминает об основоположнике христианства. По его версии, везде, где написано имя «Йешуа», речь идет об ученике рабби Йегошуа бен Перахии, жившем за сто лет до Йешуа христиан. Согласно Рабейну Ашеру, в Талмуде говорится о двух разных Йешуа.

- Как? И Талмуд, оказывается, о двух Йешуа говорит? - удивилась Сарит.

- Вроде бы так. Хотя в народе их принято отождествлять.

- Эта тенденция мне что-то напоминает. Это похоже на то, как начинающие читатели кумранских текстов отождествляют Учителя Праведности с Йешуа из Назарета. Может быть Йешуа - ученик рабби Йегошуа бен Перахии - это никто иной как Учитель Праведности?

- Какая мысль! Но тогда очень может быть, что обнаруженный Андреем документ - это вовсе никакое не Евангелие, а как мы и думали в самом начале - кумранский текст! То есть там излагается какая-то история об Учителе Праведности, где он, наконец, назван своим собственным именем - Йешуа.

- Вот именно, - обрадовалась Сарит. - Я вспоминаю, что в кумранских свитках определенно что-то похожее написано относительно конфликта Учителя Праведности с Первосвященником.

У Сарит хранилось несколько распечатанных мною кумранских текстов. Я порылся в них и вскоре обнаружил в «Комментарии на книгу пророка Аббакука» следующий абзац: «Это означает Нечестивого Первосвященника, который преследовал Учителя Праведности, дабы поглотить его в гневе пыла своего, в доме скитания его, и в конце праздника покоя, Йом Кипура, он объявился среди них, дабы поглотить их. И дабы споткнулись они в день поста».

Здесь упоминалось то же, что и в рукописи Андрея: Учитель Праведности предстал перед Первосвященником на Йом Кипур.

- А Нечестивый Первосвященник, - заметила Сарит, - это как раз Александр Яннай. Пинхас, я помню, в своей книге это однозначно доказывает. В кумранских текстах написано, что Нечестивый Первосвященник стал живыми распинать людей, чего никогда не бывало в Израиле. А Яннай распял восемьсот раввинов.

- Верно, - согласился я. - Эти казни, по всей видимости, имеет в виду и Гемара, сообщая о преследованиях, вынудивших рабби Иегошуа бен Перахию и Йешу бежать в Египет…

Уже потом, обстоятельно просмотрев с десяток кумранских текстов, я обнаружил, что в них говорилось и о других врагах Учителя Праведности - о «строителях ограды», которые не поверили его проповеди «Нового Завета». Кроме того, там порицалось вынесение «херема» как меры наказания. А в Талмуде Йешу подвергается со стороны рабби Йегошуа бен Перахия не казни, а именно «херему». Из тех же «Гимнов» было хорошо видно, что Учитель отвержен, что не только Первосвященник ищет его убить, но что и мудрецы против него.

Итак, оказалось, что Гемара все же упоминает об Учителе Праведности! Она упоминает о нем на 107-й странице трактата Сангедрин, в истории о рабби Йегошуа бен Перахии и его ученике Йешуа из Назарета.

* * *

И все же после моего последнего разговора с Пинхасом, когда он рекомендовал мне поискать другую спутницу жизни, в Сарит произошел какой-то надлом. Изменения стали заметны не сразу, но постепенно, с каждым днем она выглядела все мрачнее, и ход ее мыслей принимал все более болезненный и отчаянный характер. Я уже и забыл, когда она в последний раз смеялась.

Я продолжал несколько раз в неделю навещать Сарит и все чаще слышал от нее, что она ужасная женщина, раз позволяет мне находиться возле нее.

- Брось, Сарит, - напоминал я, - это ведь я виноват. Я тогда, перед армией, обещал тебе звонить и не сдержал слова…

Замечая, что этот довод ее мало успокаивает, я подыскивал другие:

- Но ведь мы друзья. Просто друзья. Как можно сетовать на то, что рядом с тобой друг?

- Нет. Мы не друзья, Ури. В этом все дело…

- Хорошо, мы не друзья. Мы любим друг друга. Но разве это повод для слез? Есть люди, которых никто не любит, которые живут одни. Насколько же мы счастливее их! Или есть люди, которые лю-

бят друг друга, но разлучены. Например, те, кто были на войне или в лагерях. Моя бабушка была разлучена с дедушкой, кажется, лет семь или восемь, пока тот был в сталинском лагере, а потом на войне. Редкие письма - это все, что они имели. Подумай! Разве нашу ситуацию можно сравнивать с их! Мои бабушка с дедом все бы отдали для того, чтобы иметь возможность вот так просто видеться, как мы с тобой видимся.

Я старался успокаивать Сарит, но иногда и мне казалось, что все напрасно, что мы оба в страшной ловушке.

- Как же ты думаешь устраивать свою жизнь? - спросил меня однажды Йосеф. - Так ведь и без семьи можно остаться! Я тебе расскажу что-то. Я всегда думал, что отец - это что-то огромное, недосягаемое, и вдруг я слышу, как какое-то махонькое существо кличет меня «папа». Я - отец. Это невероятное чувство. Невозможно, чтобы ты лишил себя этого. А ведь этот Пинхас и впрямь может никогда не дать развода…

- Не знаю, Йоси, - ответил я. - Если в любви входить в такие расчеты, то для чего тогда вообще жить?

- Но если бы ее отношения с Пинхасом были нормальными, разве эти твои чувства к ней существовали бы?

- Если бы что-то такое возникло, я бы просто перестал у них бывать.

- Все-таки, Ури. Вот не даст этот Пинхас развода даже через пять лет. Что ты будешь делать? Жить без семьи?

- Яков ждал Рахель семь лет.

- Хорошо, через семь?

- Ой, не знаю, Йоси, - вздохнул я, действительно подавленный этим непомерным сроком, к тому времени мне должно было бы исполниться тридцать шесть! - Не знаю. Я знаю лишь то, что расчетов таких строить не могу…

- Сколько вообще эта история продолжается?

- Уже почти два года…

- Значит, через семь лет пройдут девять. Там еще год, и будет десять. Тебе не кажется, что тогда ты просто обязан будешь ее оставить?

Я, конечно, сразу понял, о чем он говорил. По закону Торы, если в течение десяти лет совместной жизни жена остается бесплодной, с ней требуется развестись и вступить во второй брак.

- Это относится к женатым людям, а я не женат на Сарит.

- Не юли. Сам знаешь, какова участь человека, использующего свое знание закона для поисков лазейки. Воля Законодателя в том, чтобы человек не оставался без детей. Если это требование справедливо в отношении женатого человека, то тем более в твоем случае.

* * *

Летом Сарит кончила свои медсестринские курсы и осенью пошла работать в одну из иерусалимских больниц, в приемное отделение.

Как раз тогда суд в качестве меры воздействия лишил Пинхаса возможности выезжать за границу. Видимо, это нарушало какие-то его планы, так как он был совершенно взбешен. Приехав в очередной раз забрать дочь, Пинхас заявил Сарит, что он не поддается дрессировке, и что если раввины не сумели воздействовать на него с помощью доводов разума и морали, то тем более они ничего не добьются от него силой.

Этот разговор подкосил Сарит. С того момента с ее лица не сходило выражение страдания. Она часто плакала и вдруг отказалась добиваться каких-то дополнительных судебных санкций против Пинхаса.

Прошел месяц. Мне показалось, что Сарит начинает успокаиваться. Однако после очередной ее встречи с Пинхасом случилось то, чего я никак не ожидал. Когда на другой день после этой встречи я пришел к Сарит, то нашел ее очень расстроенной и напряженной.

Пытаясь ее отвлечь, я стал рассказывать о своих козах и об ощенившейся овчарке, которую теперь придется удалить с пастбища и предоставить двухнедельный отпуск по уходу за новорожденными.

Но Сарит не слушала и вдруг прервала меня на полуслове:

- Хватит, Ури, я больше не могу!

Голос ее прерывался от волнения:

- Я думаю, мне следует вернуться к Пинхасу.

Я не верил своим ушам.

- Ты с ума сошла! Что ты говоришь? Ты же с ним не сможешь?

- Ури, он тоже страдает. Он всегда любил меня.

- Ага, и поэтому он променял тебя на рукопись?

- Он не согласился отпустить меня ни за что на свете, противостоя сильнейшему давлению со всех сторон.

- И это доказывает его любовь?

- Ури, я знаю очень хорошо, что он любит меня. У меня не было никаких причин оставлять любящего мужа.

- Любящего мужа?!

- Ури, ты не все знаешь. Он в самом деле любит меня. В действительности это единственная причина, по которой он не дает мне развод или, как он недавно выразился, «не поддается дрессировке».

- Да? А он сам называет другие…

- Это он из гордости так говорит. В последнюю нашу встречу он объяснился со мной… Преодолел эту свою дурацкую гордость и объяснился…

Сарит от волнения запнулась.

- Объяснился? - во мне все затрепетало. Мне вдруг показалось, что сама Сарит неравнодушна к Пинхасу. - Что это значит? Что он сказал?

- Он сказал, что любит… Да, любит меня! Он умолял, чтобы я вернулась к нему. Он сказал, что без меня его жизнь совершенно отравлена. Он сказал, что не может без меня даже продолжать пи-

сать свой роман об Учителе Праведности и об Иисусе… У него творческий кризис. А ведь какой мог бы получиться роман!

В глазах Сарит заблестели слезы.

- Что за дикость? Причем здесь роман? - замахал я руками. Нелепость этого последнего «литературного» довода как-то особенно поразила и задела меня. - Я вот тоже никакого романа не пишу. У меня, считай, тоже творческий кризис. Ну и что?

- Он нуждается во мне, Ури, - Сарит дотронулась до моего плеча. - Ты замечательный человек, я тебя не достойна. Я столько лет морочила тебе голову. Но я, по-видимому, должна вернуться к Пинхасу. Так будет правильно.

- Да ты правда сошла с ума! Он тебя околдовал! Ты что, уже говорила с ним об этом?

- Нет. В тот наш разговор я не сказала ни да, ни нет. Но если ты не будешь возражать, я бы хотела это сделать и вернуться к нему…

Я был потрясен и не мог выговорить ни слова. Сарит тоже молчала… Я положил свою руку на плечо Сарит, она подняла на меня заплаканные глаза.

- Сарит, это твой выбор. Я нисколько, конечно, тебе препятствовать не могу и не хочу. Но умоляю, подумай хорошенько…

- Я уже подумала. Так будет лучше всем.

Я молча повернулся и направился к выходу. На пороге я обернулся, еще раз взглянул на Сарит… Ее лицо было такое белое и напряженное, что мне показалось, что она сейчас упадет в обморок. Я бросился к ней, обнял и прижал к себе, но она с силой оттолкнула меня и ушла в комнату. Я выскочил на улицу.

- Как Пинхас этого добился? - стучало в моей голове. - Как он мог это предвидеть? Как он все это рассчитал, этот пошляк, этот злой гений? Не верю я в его любовь к Сарит, не верю!

На другой день я подумал, что все сказанное накануне Сарит могло быть минутным наваждением. После работы я заехал к ней в Кохаш, но дома ее не было. То же повторилось и на следующий день, и через день. Сарит действительно ушла. Я не понимал, как

все это могло случиться. Как она может быть с Пинхасом, как может терпеть его высокомерие, его нарциссизм? При мысли, что она с ним, у меня мутнело в голове и мучительно сжималось сердце, это казалось немыслимым, невозможным.

Я оказался просто промежуточным звеном в разборках мужа и жены, которые наконец примирились.

* * *

Настала пятница. С утра я зашел в детский сад и спросил воспитательницу, знает ли она, где Тамар. Воспитательница ответила, что девочка не появлялась уже несколько дней, но что она не в курсе, что произошло. Я зашел в секретариат поселения и спросил, что слышно о Сарит, почему ее нет дома.

- Она съехала, - просто ответила мне секретарша.

- Как съехала? Когда?!

- Караван не будет оплачиваться начиная со следующего месяца, но по-моему, она уже не живет…

Хотя была уже поздняя осень, начинался хамсин, становилось жарко и душно. По лицу моему стекал пот, перемешанный со слезами. Я сел в машину и поехал к Йоси в Мицпе-Йерихо.

Вообще-то я намеревался провести субботу у родителей, но мне совсем не хотелось озадачивать их своим видом.

Я привык уже звонить Сарит перед заходом солнца и прощаться на шабат. После некоторых колебаний я и на этот раз набрал номер саритиного сотового телефона. Звонил я со своего номера, чтобы она могла видеть, что это я.

- Шабат шалом, Сарит.

- Шабат шалом, Ури.

- У тебя все хорошо?

- Да, Ури. Ты можешь не беспокоиться. Все нормально.

- Я могу тебе еще звонить?

- Конечно. Мы же друзья… Но только, Ури, не думай ни о чем таком. Все наши надежды в прошлом. Если твои звонки будут связаны с этими надеждами, то тогда действительно лучше не звони.

- Сарит, у меня не укладывается в голове, как ты могла вернуться к Пинхасу! - вырвалось у меня. - Это невозможно!

- Невозможно? - запальчиво воскликнула Сарит. - Приезжай и сам убедись, как мы хорошо поладили. Или тебе Пинхаса к телефону подозвать? Может быть, он сможет тебе лучше объяснить?

- Я не о том… Ты просто не в себе!

После краткой паузы связь прервалась…

* * *

Йосеф явно обрадовался известию о возвращении Сарит к законному мужу.

- Пойми, ситуация была патовой, - внушал мне мой добрый друг. - А время шло. Вы оба - и Пинхас, и ты - оставались без жены, и Сарит приняла мудрое решение, благотворное для всех, в первую очередь, конечно, для Тамар.

Мирьям поддерживала своего мужа.

- Доверься Сарит, - сказала она мне. - Она мудрая и честная женщина.

Я слушал их, но внутренне протестовал и не желал поддерживать этот разговор. Понимая мое состояние, Мирьям постелила мне в отдельной комнате, переместив всех детей в салон. Я был ей благодарен и, оставшись наедине, пытался понять, что же произошло.

- Как она могла к нему вернуться? - терзался я, лежа на кровати. Я с большим недоверием отнесся к словам о любви Пинхаса и пришел к выводу, что скорее всего он просто предложил Сарит вернуться, а уж она приукрасила это его предложение выражениями любви.

Мне припомнились слова Пинхаса о том, чтобы я привык к мысли, что у Сарит имеется муж.

Да, он, безусловно, желал ее возвращения. Но как оскорбленный и ущемленный в своих правах собственник, а не как любящий человек! Могла ли Сарит этого не замечать? Что же тогда двигало ею, кроме нежелания видеть меня вечным бобылем? Откуда взялась у нее эта жалость по отношению к Пинхасу? Чем он ее пронял? Как в

ней могло пробудиться по отношению к нему столь явное, неподдельное чувство? Интерес к нему у нее, пожалуй, сохранялся всегда. Даже известное уважение сохранялось. Я вспомнил ее восторженные отзывы о его романе, ее недавние слова о том, что быть женой гения - ноша не по ней. Она ведь, пожалуй, в ту минуту не иронизировала, а вполне искренне оценивала его таланты. И тут мне неожиданно вспомнились рассказы Сарит о разных великих людях, которые безобразно относились к своим женам или вообще к женщинам. Я вдруг сообразил, что она эти персоналии как будто коллекционировала. Эйнштейн в это ее собрание угодил, Чарли Чаплин, Бунин, Сартр. Как же это я, в самом деле, никогда не связывал истории об этих заслуженных людях с Пинхасом? Значит, Сарит уже давно все это про себя взвешивала, давно к этой ситуации примерялась? Значит, она действительно сама этого возвращения пожелала? Решила утешить далекого гения, вместо того чтобы продолжать томить близкого человека? Ужасно!

* * *

Беда, как впрочем и все в этом мире, никогда не приходит одна. Беды, как и все другие явления, подобны грибам, они растут семьями - одна неподалеку от другой.

В ту субботнюю ночь, которую я провел у Йосефа, анализируя поступок Сарит, у нас с Шимоном украли всех коз и овец.

Как показали следы, воры вывели скот из загона, прогнали его до шоссе, там загрузили в машины и увезли, по всей видимости, на мясо куда-нибудь в Рамаллу или Иерихон. Поймать преступников так и не удалось. Скорее всего к краже были причастны соседские бедуины, но никаких улик полиция, конечно же, не обнаружила.

Следующие дни я провел как в дурном сне. Все валилось из рук. Пробовал прибегнуть к самому надежному и испытанному средству - чтению псалмов, но не мог и на них долго сосредоточиться. Я несколько раз порывался позвонить Сарит, но каждый раз не ре-

шался. Результат был заранее ясен. Однако я чувствовал, что мне надо ее увидеть. Во мне жила какая-то неодолимая потребность заглянуть ей в глаза и удостовериться, что все это не сон.

Дней через десять после того разговора, не очень понимая, на что я, собственно, рассчитываю, я подъехал к дому Пинхаса на Гиват-Царфатит. Я остановил машину метрах в ста от парадной двери и стал думать, что можно было бы еще предпринять. Прошло не более трех минут, как дверь открылась и из нее вышли Пинхас и Сарит. Они о чем-то говорили. Причем Сарит выглядела оживленной и даже, как мне показалось, веселой.

Как ни странно, но увиденное не только не убило меня окончательно, а напротив, отрезвило и даже успокоило.

- Придется признать, что либо я вообще не понимаю женщин, либо Сарит не та женщина, за которую я ее принимал. И тогда слава Богу, что мы с ней расстались.

2000

Оставшись без каких-либо средств к существованию, я вынужден был обратиться к своим навыкам в электронике. Поначалу я стал частным образом чинить и устанавливать компьютеры, но зимой мне неожиданно подвернулась работа программиста в области спутниковой связи. Один мой бывший сокурсник пошел в гору, стал большим начальником и, когда ему понадобился специалист по «джаве», предложил работу мне. Упускать такую возможность в моем затруднительном положении было бы нелепо, и я, к вящей радости родителей, завис перед экраном.

Появились деньги. Легкий подсчет показывал, что при скромном образе жизни за год - полтора я смогу скопить себе сумму, достаточную на покупку целого стада мелкого рогатого скота.

Потекли рабочие будни. Я было начал приходить в себя после разлуки с Сарит, как навалились тревоги политического свойства. Новоизбранный премьер-министр Эхуд Барак пытался избавиться от некогда освобожденных ЦАХАЛом клочков Святой земли, как торговец от партии подгнивших бананов за час до закрытия рынка.

Всю первую половину 2000 года было страшно включать радио: так и не сумев всучить Сирии Голанское плато, Барак в одностороннем порядке вывел израильские войска из Южного Ливана, а затем впопыхах вылетел в Кэмп-Дэвид переговариваться с Арафатом по поводу «окончательного урегулирования».

В течение десяти дней Барак уступил по всем тем пунктам, которые ранее не считались даже подлежащими обсуждению: он согласился разделить Иерусалим, передать арабам 97 процентов территории Иудеи и Самарии (компенсировав недостающие 3 процента территориями Негева) и возвратить в каком-то объеме арабских беженцев 1948 года.

Однако вытянув из Барака все эти немыслимые «бонусы», сам Арафат не пожелал ими воспользоваться. Он отказался со своей стороны признать право еврейского государства на существование и заявить, что конфликт между евреями и палестинцами исчерпан. Заплатить такую «высокую цену» за свое независимое государство палестинский фюрер не решился.

Через неделю после этой неожиданной для всех развязки, в самом начале августа в Израиль прилетел Андрей. Вскоре после пропажи рукописи он перезвонил мне и спросил, уверен ли я, что привел Пинхаса на то самое место? Хотя я заверил его, что никаких сомнений в этом быть не может, Андрей продолжал надеяться. Он постоянно грозился, что приедет и сам все проверит.

Я встретил Андрея в аэропорту и привез к себе на Инбалим.

- Видишь этот холм? Если будешь идти по нему, то выйдешь на край глубокой пропасти - это и будет как раз ущелье Макух, - объяснял я Андрею.

- Как ты удобно расположился. Когда же мы выходим?

- Хоть завтра.

Мы вошли в караван, и я наспех приготовил скромный холостяцкий ужин.

- Так как у тебя с Татьяной? - поинтересовался я, рассекая вилкой омлет.

- Как с Татьяной? - переспросил Андрей. - Да никак в общем-то.

- Все никак не можешь решиться?

- Нет, почему же? - пожал плечами Андрей. - Я как раз решился.

- На что решился?

- Потянуть время как раз и решился. Видишь ли, Таня, в сущности, мне нравится, она хороший человек, но без искры, не хватает в ней чего-то мне нужного.... Однако меня она любит и этого не скрывает. Вот и спрашивается, зачем быть собакой на сене? Правильно ли кричать «да здравствует свобода!», если ты можешь осчастливить кого-то, связав себя с ним? Я долго молился, долго размышлял и загадал, точнее даже дал про себя такой обет: если

Таня до тридцати лет замуж не выйдет и будет продолжать питать по отношению ко мне свои «безнадежные» чувства, то на ее тридцатилетие я сделаю ей предложение. До этого события еще где-то полгода осталось.

- Всего полгода?! Ну ты и мастер делать сюрпризы, Андрей!

Вечером, пока мы готовились к путешествию, я стал рассказывать Андрею о своем новом предположении, что обнаруженный им текст по своему происхождению кумранский и что говорится в нем об Учителе Праведности, который (согласно кумранскому «Комментарию на книгу Авакука» - 11) на Йом-Кипур и соответственно на Суккот имел какое-то столкновение с Первосвященником. А имя Йешуа там оттого, что Учителя Праведности, по-видимому, именно так и звали. Может быть, он и есть тот самый Йешуа Аноцри, описанный в трактате Сангедрин, которого отлучил Йегошуа бен Перахия.

- Оба Йешу и оба из Нацрата? Маловероятно.

- У тебя ведь тоже оба Йешуа и оба из Нацрата, и ничего. Но вообще-то прозвище «Аноцри» не обязательно с местом жительства должно быть связано. Слово «нецер», означающее «молодой побег», мистически очень насыщенное слово. «И народ твой, все праведники, «нецер» насаждения Моего». Учителя праведности вполне могли так прозвать: Нецер. А уж переделать его по созвучию на Ноцри вполне могли поздние редакторы.

- Хорошо, - согласился Андрей. - Но откуда тогда в рукописи слово «распяты»? Разве Первосвященник распял Учителя Праведности? Я что-то не слышал, чтобы он умер насильственной смертью.

- Ну а кто тебе сказал, что слово «распяты» в нашей рукописи относится к казни Учителя Праведности? Может быть, там как раз говорится о распятии восьмисот раввинов? Заметь ведь, как интересно: в Талмуде лишь в двух местах что-то написано о Йешуа из Нацрата в историческом контексте. Кое-где говорится, правда, еще о Бен Стаде, которого с Йешуа отождествляют, но о самом Йешуа -

только в двух местах, оба в трактате Сангедрин. Так вот, на 107-й странице этого трактата сообщается, что Йешуа был подвергнут херему при царе Яннае, а в брайте на 43-й странице того же трактата говорится, что он был распят накануне Песаха без указания эпохи, что позволяет думать, что это произошло при Пилате. Так не естественно ли подумать, что на 43-й странице говорится о Йешуа из Нацрата времен Пилата, а на 107-й странице - о Йешуа Нецере времен Янная? И потом, как ты объясняешь множественное число «распяты», если речь идет о Евангелии?

- Это как раз просто. Ведь Иисус был распят вместе с двумя мятежниками.

- Но вообще-то странная тогда дилемма вырисовывается: выходит, что либо Евангелия под одним именем и образом объединяют двух разных лиц, либо то же самое делает Талмуд? Или два Иисуса Евангелий, или два Йешуа Талмуда?

- Два на два. Квадрат. Мессианский квадрат!

Я было хотел возразить, сказать, что на еврейский взгляд квадрат этот скорее лжемессианский, но промолчал. И Учитель Праведности, и Йешуа Аноцри, если посмотреть на этот вопрос шире, в конце концов могут считаться мессиями своего поколения. Есть в иудаизме такое понятие.

Более того, именно они положили начало мессианской эпохе, о которой говорится в трактате «Авода зара»: «Шесть тысяч лет просуществует мир: две тысячи лет (от сотворения мира до призвания Авраама) - время хаоса; две тысячи лет (после призвания Авраама до разрушения Второго Храма) - время Торы и (последние) две тысячи лет - время Мессии».

Учитель Праведности и Йешу Аноцри были первыми соискателями конкурса Избавителей, до завершения которого остается немногим более двух столетий. Пусть себе связанный с их именами квадрат зовется мессианским. Не надо мелочиться.

- Может быть, уже завтра мы найдем рукопись, и загадка мессианского квадрата разрешится! - мечтательно произнес Андрей.

На другой день поутру мы вошли в ущелье Макух, и к полудню Андрей, наконец, воочию убедился, что рукописи на месте нет.

* * *

Андрей близко к сердцу принял историю возвращения Сарит к законному мужу.

- Ну, в отличие от твоих, мои отношения с Сарит никак не пострадали, - бодро заявил он. - Я обязательно должен с ней встретиться!..

Он позвонил Сарит в тот же вечер, когда мы вернулись из ущелья Макух, но ее сотовый был недоступен. То же повторилось и на другой день. Андрей позвонил на телефон Пинхаса - трубку не взяли. Только на третий день нам все разъяснили Саритины родители. Оказывается, она отправилась на Синай и должна была вернуться только к концу лета.

Андрей не мог столько ждать. Он подгадал возвращение в Москву к своему тридцатилетию - 27 августа. Сказал, что обычно дней рождений не отмечает, но в эту годовщину некоторые друзья твердо вознамерились его поздравить и даже организовали по этому поводу какой-то поход.

Несколько дней Андрей провел в Хайфе у своего приятеля Гриши Кранца, «блестящего специалиста по Плотину», который годом раньше поднялся в Израиль. Андрей затащил Гришу ко мне в Инбалим, и мы даже спустились на пару часов в вади Макух - побродили среди каменных кладок, оставшихся на месте древнего византийского монастыря. Гриша был в восторге и грозился навестить меня еще.

За три дня до отъезда у Андрея произошла неожиданная встреча.

В тот день я специально пораньше ушел с работы, чтобы пройтись с ним по Старому городу. Мы зашли в какую-то лавку, где Андрей долго выбирал сувениры. Что-то ему заказали, кого-то он хотел удивить. Я покорно стоял и скучал. Вдруг меня кто-то сзади хлопнул по плечу. Я обернулся…

Передо мной стояла Ольга. «Сейчас опять начнет выспрашивать про рукопись! - с досадой подумал я, - теперь не отвяжешься». И действительно, Ольга довольно улыбалась и явно не собиралась прощаться.

- Как поживаешь? Как Сарит? Она получила, наконец, развод? - спросила она.

- Сарит сейчас в Египте. Отдыхает на Синае со своей дочерью, - сухо ответил я.

- А ты не поехал с ней. Ты очень ответственный человек, Юра, - и она опять хлопнула меня по плечу. - Была рада еще раз в этом убедиться.

И бросив быстрый взгляд на Андрея, спросила:

- С другом не познакомишь?

- Знакомься, это Андрей, я тебе о нем рассказывал, - нехотя сказал я.

- Ах, так вот кто нашел рукопись! - внимательно разглядывая Андрея, протянула Ольга. - И это вы - автор теории про двух Иисусов! Когда же ваша находка будет, наконец, обнародована?

- Это не совсем от меня зависит, - ответил Андрей. - А откуда вы знаете про рукопись?

- Ну, от меня ничего не скроется! - засмеялась Ольга. - Но если серьезно, то я и Сергей Егоров - Юрины друзья. У него от нас нету тайн, правда, Юра?

- Ну, как тебе сказать, - я бросил на Андрея выразительный взгляд, - немножко, наверно, все-таки есть, а иначе что же это за тайны?

- Ты как всегда прав! - как-то слишком жизнерадостно засмеялась Ольга. На нашем мрачном и растерянном фоне ее оптимизм был каким-то почти вызывающим и обидным.

- Так, знаете что? - вдруг воскликнула она. - Раз вы уж оказались в старом городе, я вам покажу одно интересное место.

И не дожидаясь нашего согласия, Ольга подхватила Андрея под руку и потащила узкими извилистыми ходами на какие-то крыши арабских домов. Дело в том, что многие торговые улицы в городе были крытыми, и в иных местах крыши разных домов соединялись между собой, образуя единый массив. Наиболее крупное из таких соединений - так называемые Галицийские крыши - граничили с еврейским кварталом, куда мне не раз приходилось забредать. Но туда, куда повела нас Ольга, я был впервые.

Место и в самом деле было очень милое, с него была видна половина Старого города. Имелась и тень, и широкий каменный парапет, на котором мы и присели. Перед нами возвышался Золотой Купол, за которым виднелась Масличная гора.

Глядя на сверкающую позолоту купола в центре Храмовой горы, я всегда старался представлять себе на этом месте наш еще не разрушенный Храм и не обращать внимания на то, что построили на его месте столетия спустя. На закате, когда купол переставал блестеть и погружался в сумерки, я иногда видел как будто бы очертания колоннад простого и величественного Храма. Но сейчас, когда солнце, отражаясь от купола, слепило глаза, представить себе это было невозможно.

Андрей с Ольгой продолжали начатый по дороге разговор об археологии. Минут десять Андрей оживленно рассказывал о том, что можно найти в курганах под Смоленском, а что в холмах под Севастополем.

- Этот опыт вам, видимо, пригодился, когда вы нашли рукопись в вади Макух? - спросила, наконец, Ольга. - Как это случилось вообще?

Андрей замялся.

- Случайно.

- Как это случайно? Идешь - и вдруг видишь поперек тропинки рукопись лежит?

- Вы не поверите, но что-то вроде того…

- Нет, почему же? Я охотно верю, - вдруг как-будто обиделась Ольга, но быстро справилась с собой и спросила:

- Ну как вам здесь? Я люблю тут бывать, в точке пересечения самого святого для всех трех религий.

- Где же здесь три религии? - заспорил я. - Отсюда только один этот купол и виден.

- Ну почему же? Вон Гефсимания виднеется. Хотя, если честно, мне почему-то казалось, что отсюда можно увидеть гораздо больше.

- Пойдемте, я отведу вас на такое место, с которого действительно все святыни как на ладони, - предложил я.

Я знал, как беспрепятственно можно подняться на крышу одной из йешив, расположенных напротив Котеля, и минут через десять мы были на месте. Отсюда открывался вид не только на Масличную и Храмовую горы, но даже на квартал Шилоах, где располагался град Давида - самая древняя часть Иерусалима.

- Вот отсюда действительно всем есть на что взглянуть, - сказал я.

- В самом деле здорово, - согласилась Ольга. - А вы ведь, Андрей, наверное, христианин? Вы что-нибудь чувствуете здесь особенное?

- Да, христианин… А вид действительно поразительный! Храмовая гора, за ней гора Масличная… Это ведь место, где происходила развязка евангельских событий. Хотите, я вам расскажу, как это было на самом деле?

- Конечно, конечно! - кивнула Ольга. - Я давно хотела послушать вашу версию евангельских событий.

Андрей встал и начал расхаживать перед нами взад-вперед.

- Вы только представьте себе, - сказал он, показывая рукой на Масличную гору, - как с той вершины верхом на осле спускается окруженный толпой Иисус. Эту процессию - прямо как сейчас - золотит клонящееся к западу солнце. Ведь в тот день он вышел из Иерихона и наверняка подошел к Иерусалиму ближе к вечеру. Иисус въезжает в город и, возможно, вот здесь - Андрей показал

рукой на южную оконечность Стены - через арку, след от которой мы с вами видим, в сопровождении ликующей толпы входит в Иерусалимский храм. Было это, как говорят нам синоптические евангелия, весной, на Пасху. Однако Евангелие от Иоанна рассказывает, что народ, бывший на дорогах и, возможно, заполнивший все это пространство - и он указал вниз на большую площадь перед стеной - встречал Иисуса пальмовыми ветвями и кричал ему Осанну, что указывает на осенний праздник Кущей, а не на Пасху. Да и его въезд в Иерусалим происходил, по-видимому, утром. Ведь по Иоанну, Иисус уже за шесть дней до этого торжественного въезда жил на самой Масличной горе в селе Вифания у своего друга Лазаря. Между тем Иисус синоптиков ни с каким Лазарем знаком не был и остановился - уже после того как покинул Храм - в доме Симона Прокаженного... Как тут не подумать, что на Пасху и на Кущи въехали два разных человека! Два разных Иисуса! Что одного распяли на Песах, а другого - на Кущи, в праздник Осанна Раба?

Андрей остановился и выжидающе поглядел на Ольгу, которая заметила:

- Я уже рассказывала Юре, что Рудольф Штайнер тоже считал, что было два Иисуса - сын Соломона и сын Нафана.

- Да. Я слышал. Он пересказал мне. Я потом и сам кое-что на этот счет разыскал. По мнению Штайнера, сын Соломона умер в отрочестве, и Евангелия содержат описание жизни только Иисуса - сына Нафана.

- И что вы по этому поводу думаете?

- Я готов, как и Штайнер, увидеть за этими двумя родословными двух разных Иисусов. Однако тот Иисус, которого Штайнер похоронил еще ребенком, на мой взгляд, прожил больше тридцати лет и описан в Евангелии от Иоанна.

- Именно от Иоанна? У вас имеются в пользу этого какие-то доводы?

- Косвенные. Иоанн умалчивает о происхождении Иисуса, он даже не называет имя его матери. С чего бы это? Может быть, именно потому, что присутствие этой родословной сразу бы показало нам, что перед нами другое лицо? В любом случае, это умолчание вполне позволяет пофантазировать и предположить, что родословная, приведенная Матфеем, принадлежит как раз Иисусу, описанному Иоанном.

- Почему именно Матфеем, а не Лукой?

- Потому что сын Нафана, как нам говорит Лука, был с детства знаком с Иоанном Крестителем. Ведь их матери были родственницы, и Мария даже решила прийти к Елизавете перед родами и пробыла у нее три месяца. А в евангелии от Иоанна сказано, что Иоанн Креститель дважды повторяет, что он «не знал Его». Спрашивается, можно ли сказать о друге детства, и даже более того, о собственном родственнике: «Я не знал его»? Значит, у Иоанна описывается Иисус - сын Соломона.

- Как? - удивилась Ольга. - В одном Евангелии написано, что Иисус и Иоанн родственники, а в другом, что они никогда друг друга в глаза не видели?

- Истинная правда. Написано. И не только это написано. Легко можно проследить, как на всем протяжении евангельской истории действуют именно два персонажа.

- А как же суд и казнь? - заметила Ольга. - Тут вроде бы все один к одному?

- Суд и казнь? Давайте вспомним… Иисус синоптических Евангелий задерживается служителями Храма, а в Евангелии Иоанна его арестовывают римляне. Синоптики говорят о заседании суда в доме Каиафы, Иоанн сообщает только о краткой встрече Иисуса с Первосвященником в доме его тестя Анны. Наконец, расхождение относительно даты ареста - в сам праздник или накануне? Кроме того, там еще и масса деталей расходится. Например, крест синоптического Иисуса несет Симон Киринеянин, а Иисус Иоанна несет свой крест сам. Или синоптического Иисуса не успевают помазать

перед погребением, и жены-мироносицы собираются это сделать в воскресение утром, а «богословского» Иисуса Никодим, как положено, помазывает сотней литров «смирны и алоя». Очевидно же, что это два разных человека.

- О-о-чень интересно… - протянула Ольга. - Но если честно, я не понимаю, как можно верить в двух Иисусов и оставаться при этом христианином…. Я знакома с одним православным священником, который на все лады поносит экуменическое движение. Так вот он говорит, что любое единство христиан, кроме евхаристического, лживо и иллюзорно… Что же он скажет, когда услышит, что, по вашей мысли, таких единств вообще два? Что церковной схизме предшествует схизма самого Христа? Если я правильно понимаю христианскую идею, то ваша теория бьет ее в солнечное сплетение…

- Это очень серьезная проблема, - поспешно согласился Андрей. - Тайная вечеря с хлебопреломлением описана только у синоптиков, но, с другой стороны, в Евангелии от Иоанна излагается идея евхаристии…

- И эта проблема, как я вижу, не единственная… Разве Бог может воплотиться дважды? Насколько я опять же понимаю христианскую идею, это также совершенно немыслимо.

- Конечно, немыслимо… Это тоже проблема. - Андрей поднял на Ольгу взволнованный взгляд. - Я действительно еще не понимаю всего, но я понимаю, что уже не могу воспринимать синоптического и Иоанного Иисусов как одно лицо.

- Но это и хорошо, - вступил уже я. - На протяжении тысячелетий вы, христиане, обвиняли нас, евреев, в том, что мы не доросли до идеи воплощения, что мы не можем понять величия Бога, ставшего младенцем и лежащего в хлеву в овечьей кормушке. Но на самом деле это просто вы не доросли до идеи невидимого Бога и придумали это воплощение, чтобы иметь возможность продолжать ютиться в своем привычном языческом мире. Сейчас, наконец,

христианский мир эррозирует, вера в божественность человека теряет силу, и твое, Андрей, открытие, что Иисусов два - это знамение времени.

- Мне кажется, Юра совершенно прав, - поддержала меня Ольга.

- Вы ничего не понимаете! На идее воплощения слишком много завязано, - горячо возразил Андрей. - Именно на основе христианской теологии были совершены величайшие прорывы человеческой цивилизации… Наука зародилась в Оксфорде, а не в Багдаде… Пользоваться благами демократии и технического прогресса и при этом отвергать породившую их христианскую теологию - значит встать в позу какого-нибудь Бин Ладена! Подайте сюда Калашникова и подавитесь своим Чеховым!.. Так что ли?

- Я ничего не понимаю. Ты же сам говоришь, что твои два Иисуса разрушают эту теологию?

- Значит, нужно строить альтернативную… Для нее усматриваются свои основания… Сын Соломона был ориентирован на весь мир, на все человечество. При рождении его приветствовали восточные волхвы. Сын Нафана, которого при рождении приветствовали местные пастухи, преследовал более узкие национальные цели. Я могу, например, допустить, что Иисус - сын Соломона - это Мессия народов, в котором классические христиане могут видеть Бога во плоти, а Иисус - сын Нафана - это Мессия евреев, он заведомо обыкновенный человек. Кстати, вот вам еще одно различие между ними: Если об Иисусе синоптиков невозможно вообразить, будто он считал себя самим Богом, то об Иисусе Иоанна невозможно подумать, что он считал себя просто человеком, по меньшей мере каким-то ангелом.

- Нет, - запротестовал я. - Пусть ваша теология самая продвинутая на свете, но давайте Мессию мы себе уже как-нибудь сами выберем.

Андрей не ответил. В эту минуту воздух пронзил стократно усиленный динамиками тянущийся на одной ноте крик муэдзина:

- А-а-а-а-лла…

К нему немедленно присоединился второй и третий. После того как эта завораживающая, режущая уши перекличка внезапно оборвалась, мы еще некоторое время сидели в полном молчании, зачарованно смотря на Храмовую гору.

Солнце село, и позолота на куполе потускнела. Я опять увидел как бы тень от стройной колоннады на том месте, где должен стоять Храм.

- Если прищуриться в сумерки, то на месте купола можно увидеть Храм, - сказал я. - У тебя когда-нибудь это получалось? - спросил я Ольгу.

Ольга вздрогнула и как-то странно посмотрела на меня. Глаза ее сверкнули, но я не понял, что это значило.

- А я и не пробовала. Я всегда вижу только реальность. А реальность - вот она, - протянула она вперед руку. - На самом святом месте, в святая святых, стоит Золотой Купол, нравится нам это или нет.

Она поежилась и добавила:

- Холодно что-то стало, пойдемте-ка по домам. Очень приятно было познакомиться, - она улыбнулась, пожала Андрею руку, и мы стали спускаться на землю.

* * *

Накануне вылета Андрей на всякий случай еще раз перезвонил Сарит на ее мобильный. Оказалось, что она уже вернулась с Синая и согласилась в тот же вечер встретиться с ним в центре Иерусалима.

Я договорился подхватить Андрея на площади Давидка двумя часами позже и отвезти домой.

Когда я подъехал, он уже поджидал меня на условленном месте.

- Ну как? - спросил я, выезжая на улицу Невиим. - Как она?

- Не знаю, что тебе и ответить. Выглядела она веселой, хотя, возможно, и была излишне возбуждена. Рассказала о поездке. Показала фотографии, как они там вместе с Пинхасом на Синае отды-

хали, на берегу Красного моря. Дочка у них подросла - первый раз в первый класс. О тебе расспрашивала. Интересовалась, не появилась ли у тебя подруга.

- А ты что сказал?

- Сказал, что не знаю, но вроде бы нет.

- Что ж. Верно ответил.

- Понимаешь, я хотел ее расспросить о том, что случилось. Хотел ее понять. Но она торопилась, и я не стал этого разговора даже затевать. В общем как-то они с Пинхасом ужились.

- Ужились?.. Не думаю, что это верное слово. Что-то она сломала в себе. Она была в тяжелом состоянии до этого своего возвращения. Я ее поступка все-таки до конца не понимаю.

- А не до конца, что ты понял? Как она могла к нему вернуться?

- Одним из мотивов, конечно, было желание не связывать меня. Не мало значило, разумеется, стремление избавить от страданий Тамар. Ну и определенное уважение к Пинхасу она в общем-то всегда питала. Многие женщины способны этим довольствоваться.

- Сарит совсем на такую женщину не похожа. Может быть, Пинхас действительно любит ее? На одной фотографии, которую она мне показывала, они стоят в обнимку. Сарит на ней как-то не очень вышла, а Пинхас, ты знаешь, просто сиял. Выглядел страшно довольным. Чувствуется - это от того, что он рядом с ней.

- Но при чем здесь любовь? Хотя ты знаешь, возможно, это возвращение Сарит к Пинхасу как-то связано с тем романом, который тот пишет. Сарит романом этим очень восхищалась, а Пинхас, по ее словам, как будто бы нуждался в ее помощи. Может, действительно тут что-то зарыто?

- Какой еще роман?! - заинтересовался Андрей. - О чем он?

- Пинхас придумал, будто бы от Йешуа и Магдалины произошел род каких-то выдающихся раввинов.

- Что за дикая фантазия!

- Мне тоже это кажется какой-то глупостью. Но Сарит под большим впечатлением.

- Не знаю даже, что тебе и сказать…

* * *

В конце августа вскоре после отъезда Андрея женился мой брат Давид. После совместной поездки в Южную Америку Ципора как будто поняла, что она является слабостью моего брата, и со временем стала относиться к этой его слабости снисходительно. После свадьбы они решили поселиться в секторе Газа, где Давид проходил в свое время воинскую службу.

Караванный поселок Шират-аям, где поселились Давид и Ципора, располагался на самом берегу, буквально в сотне метров от моря!

Во второй половине дня, когда жара немного спала, я, Давид, его жена и ее подруга Двора, жившая по соседству, вышли посидеть на берегу в шезлонгах. Вид моря, счастливого брата, а также прекрасной девушки Дворы явственно на меня подействовал, и я испытал сильный душевный подъем.

- Жизнь не кончена, - радостно подумал я. - Вот это синее бескрайнее море затмило в моем воображении суровое величие Иудейской пустыни. И по праву. Сарит замужем, и слава Богу, что я перестаю думать о ней. Кто знает, может быть, как раз эта чудесная девушка, которая сейчас сидит передо мной, окончательно освободит меня от недолжного чувства!

- Обязательно к вам сюда в самое ближайшее время еще раз приеду, - сказал я Давиду и украдкой посмотрел на Двору - она смотрела на меня и улыбалась.

В начале сентября я действительно провел одну субботу у брата в его Шират-Аям и опять увидел мельком Двору. Однако дальше хозяином своего времени я быть перестал. Наступил новый 5760 год.

Я встречал его у Йосефа в Мицпе. Йосеф пригласил также своих соседей. За праздничным столом мы много говорили про восхождение ликудовской делегации во главе с Ариэлем Шароном на Храмовую гору.

В начале девяностых какие-то ортодоксальные евреи добились права подниматься туда небольшими группами, причем арабские охранники следили за тем, чтобы никто из них не молился. Но за годы «мира» израильские пресмыкательства привели к тому, что вход на Храмовую гору оказался для евреев полностью закрыт. Делегация депутатов Кнессета решила воспользоваться своей эксклюзивной свободой передвижения и взошла на Сион.

О том, что это - «провокация», которую не в состоянии вынести гордое палестинское сердце, нам было разъяснено заранее.

Два новогодних дня - первое и второе тишрея - пронеслись незаметно. С исходом второго дня праздника Рош-Ашана вечером мы провели авдалу - обряд отделения праздничного дня от будних дней. Йосеф включил телевизор и, увидев на экране толпу арабов, мечущих в израильских солдат камни и бутылки с зажигательной смесью, воскликнул:

- Кажется, началось!

- Что началось? - спросил я, подходя к телевизору.

- Сам посмотри.

Из телевизионных передач выяснилось, что на другой день после посещения Храмовой Горы депутатами от «Ликуда» арабы попытались забросать камнями евреев, молящихся у Стены Плача.

Сошедшая с горы толпа арабов пришла в неистовство, в Иерусалиме произошли беспорядки. Досталось даже иностранцам. Сообщалось, что один туристский автобус был атакован в Старом Городе, в результате чего в больницу угодили пятнадцать человек. Кое-что об этом было известно еще 29 сентября, в пятницу, из новостных сводок.

Но никто из не включавших в субботу радио религиозных евреев не знал, что под вечер беспорядки распространились на всю территорию Иудеи, Самарии и сектора Газа. 30 сентября массовые волнения продолжились. Причем на этот раз к интифаде подключились также и израильские арабы.

На перекрестке Нецарим террористы обстреляли блокпост ЦАХАЛа.

Именно в той перестрелке случилась эта история с 12-летним мальчиком Мухаммедом а-Дура. Сцена его гибели облетела телеэкраны всего мира. Как потом установила армейская экспертиза и впоследствии подтвердило независимое журналистское расследование германского телевидения, с того места, где находился ЦАХАЛ, никак нельзя было выстрелить в ребенка, так что пуля не могла быть израильской. Но в ближайшие месяцы, когда кадры убийства ребенка настойчиво крутили по ТВ во всем мире, они были непререкаемым свидетельством «новых израильских зверств на оккупированных территориях».

Через несколько лет вообще выяснилось, что это была инсценировка: были найдены так называемые «исходники», то есть исходный записанный материал - выяснилось, что «репортаж» об «убийстве» подростка записан с многочисленными дублями. Но это уже никому не было интересно.

Тогда же в считанные минуты из несговорчивого лидера Арафат превратился в заступника несчастного, гонимого народа.

Во второй день праздника, 1 октября, шхемские арабы напали на гробницу Йосефа. ЦАХАЛ отступил, при этом один солдат погиб. С каждым днем кровопролитие усиливалось. 12 октября, в четверг, в Рамалле арабы линчевали двух израильских военнослужащих, по ошибке вышедших на палестинский блокпост. А 17 октября во вторник началось еще одно позорище: из деревни Бейт-Джалла был обстрелян иерусалимский квартал Гило. Имелись раненые. Танки ЦАХАЛа произвели несколько выстрелов по огневым точкам террористов. Почти каждый день сообщалось об обстрелах Гило и соседствующего с Рамаллой поселения Псагот, о беспорядках на перекрестке Айош, в Хевроне, Дженине и, разумеется, на перекрестке Нецарим в секторе Газа - это было самое неспокойное место.

В эти дни я был призван на военные сборы и более месяца провел в районе Рамаллы. Главным образом на перекрестке Айош, расположенном на северной окраине этого города, возле самой военной базы, граничащей с Бейт-Элем. Место это было хорошо знакомо мне еще со времен первой интифады.

Часами мы сидели в джипах напротив то редеющей, то разрастающейся толпы. Арабы периодически выбегали вперед и закидывали нас камнями и бутылками с зажигательной смесью. Мы отвечали слезоточивым газом и резиновыми пулями. Сложности возникали тогда, когда из толпы кто-то вдруг вытаскивал автомат и начинал палить в нашу сторону. По таким били в основном снайперы, но, конечно, абсолютная точность в такой ситуации не гарантировалась. Так что гибли не только террористы, но и дети, за спинами которых они прятались.

В течение нескольких дней я вновь оказался в одном наряде с Рувеном.

- Какой позор все, что происходит в Гило, - сказал я после того, как в новостной сводке сообщили об очередном обстреле этого Иерусалимского квартала. - Жителям обещают поставить пуленепробиваемые стекла вместо того чтобы просто войти в Бейт-Джаллу и ликвидировать обнаглевших бандитов. Это как если бы полиция вместо того, чтобы арестовать хулигана, разбившего прохожему очки, посоветовала бы этому прохожему вставить бронированные стекла.

- Ты, что не понимаешь, что нам нельзя сейчас нагнетать обстановку? - раздраженно парировал Рувен. - Барак пытается возобновить переговоры с Арафатом, и лишнее напряжение здесь совершенно ни к чему…

- Какие переговоры! Арафат уже открыл свои карты. Он отказывается признать государство Израиль даже в границах 1967 года! Хватит уже создавать видимость «мирного процесса», назовите же

войну войной! Имейте мужество. Разве не ты уверял меня, что мы вернемся в Газу, стоит лишь Арафату прибегнуть к террору? Но вот обстреливается наша столица, а мы бездействуем…

- Мы бездействуем? Ты что, не видел по телевизору, сколько мы им домов повредили?

- Но террористы же именно этого и добиваются! Они заняли христианское село, палят из него по евреям, а евреи разрушают это село ответным огнем… Христиане бегут в Южную Америку, евреи отступают к границам 1967 года - лучше не придумаешь!

- Но международная обстановка изменилась. Сегодня мы не можем себе позволить занимать территории.

- Как же ты не замечаешь, что это она не сама изменилась, эта обстановка? Как же ты не замечаешь, что это вы сами целенаправленно изменили ее своими «экзаменами» Арафату и экспериментами в области теории вероятности - дали один шанс миру, который одновременно предоставлял миллион шансов войне! Если бы Рабин не впустил в Израиль Арафата, ничего бы этого не было.

- А что было бы? Что было бы, если бы победили вы? Трансфер арабов? Ну уж извини.

- Не извиню! Во-первых, Ликуд вел мирные переговоры с местной палестинской делегацией, переговоры, которые твой Рабин зачем-то сорвал. Во-вторых, все, о чем говорили даже самые правые, - это экономическое стимулирование арабской эмиграции. А в-третьих, если вы считаете, что трансфер сам по себе плох, то почему вы ежедневно твердите о необходимости изгнания еврейских поселенцев? Вы-то нас как раз силой выгнать рассчитываете, а не пряниками выманить.

- Да вы просто фанатики… Своей поселенческой политикой вы втянули страну в авантюру. Но страна не хочет гибнуть из-за вашего культа земли. И вообще… - в этот момент раздался оглушительный удар: в защищенное сеткой лобовое стекло нашего джипа врезался увесистый камень. Рувен вздрогнул и замолчал как-то обиженно…

* * *

Во второй половине декабря, после того как я вернулся из армии, на сборы был призван и Давид. Ожидалось, что брата будут отпускать домой по субботам, однако обстановка этого не позволяла. Его два раза подряд задержали, и мой визит в Шират-Аям в очередной раз откладывался.

Тогда же, в конце декабря, в Израиле снова появился Сергей Егоров. По телефону он заверил меня, что тогда в Москве я неправильно понял его друзей, что это недоразумение, и настоял на встрече. Впрочем, я не очень сопротивлялся - мне самому хотелось разузнать кое-что о рукописи.

На работе у меня был аврал, я знал, что просижу перед компьютером до позднего вечера, и решил, что проще встретиться за счет обеденного перерыва.

- Ты помнишь кафе на Кинг-Джордж, где мы с тобой встречались в прошлый раз? Найдешь?

- Найду.

- Будь там через час.

Шел проливной дождь, и я до нитки промок, пока бежал от автомобильной стоянки до этого кафе. Сергей уже сидел за столиком, тоже основательно подмокший. С его сумки натекла целая лужа воды.

Обменявшись обычными «как поживаешь?», я, не откладывая в долгий ящик и не подыскивая слов, перешел к теме пропавшего свитка.

- Ты случайно не знаешь, где рукопись, которую нашел Андрей?

Сергей вытаращил глаза.

- А где она может быть? А что, случилось что-то?

- Представь себе. Когда за рукописью пришли, ее не оказалось на месте.

- Ничего себе… Нет. Я не знаю ничего, разумеется. Почему ты вообще решил меня об этом спрашивать?

По его реакциям стало ясно, что он не имеет к этой истории никакого отношения. Побеседовали мы с ним довольно мирно. Сергей объяснял мне, что США - мировой жандарм, что Израилю разумно делать ставку не на эту страну, а на «иные силы». Я кивал. При прощании Сергей предложил мне ознакомиться с учением евразийцев. Он извлек несколько журналов и протянул мне.

- Прочти. Буду рад услышать твое мнение.

Я оставил журналы в машине и из-за занятости на работе смог взглянуть на них только вечером следующего дня.

Журналы изобиловали нацистской символикой. Я ткнулся в одну статью - в ней воздавалась хвала отцам и идеологам третьего рейха. Мне было странно увидеть в этом издании работы того же Рене Генона. Я ведь в свое время внимательно прочитал его «Царя мира». Такую вроде бы любопытную книгу человек написал и в одной палате с такими тяжелыми параноиками оказался!

Сергей позвонил через два дня, спросил о моих впечатлениях. Я сказал, что, по-моему, все это - самый обыкновенный фашизм, хотя, конечно, я всех его современных разновидностей не знаю и квалифицированно судить не могу.

С того момента Сергей пропал. Чего он от меня с этими фашистскими журналами добивался, я решительно не понял.

2001

В самом начале 2001 года я провел субботу у родителей. В течение дня несколько раз звонил телефон. Родители мои, переставшие к тому времени пользоваться в субботу электроприборами, трубку не снимали и только удивлялись, кто бы это мог быть?

С наступлением темноты мама наконец ответила на звонок.

- Это тебя, Юра.

Я взял трубку.

- Ури? Это Халед. Нам нужно увидеться.

- Вот это сюрприз! С тобой все в порядке? Где ж ты столько времени пропадал?

- Меня держали люди Джибриля Раджуба…

- Что ты говоришь!? Как же ты от них вырвался?

- Все при встрече.

- Сейчас можно увидеться? Ты где вообще?

- Я в Иерусалиме.

Мы договорились о месте, и я немедленно выехал в район центральной автобусной станции.

Шел довольно сильный дождь, было не до поиска забегаловок, и разговор наш начался прямо в моей машине. Выяснилось, что Халеда выследили через его мать, с которой он иногда встречался в одной деревне в районе Рамаллы, и продержали все эти два года в тюрьме. После начала интифады над ним, как и надо всеми захваченными маштапниками, нависла угроза расстрела, и один симпатизирующий ему палестинский офицер помог ему бежать.

- Как же это было? Чья была инициатива? - удивился я.

- Его. Он вызвал меня на допрос, спрашивал всякие глупости, а в конце между прочим рассказал, как где-то в Газе убежал один маштапник: он, мол, спрятался в фургоне, привозившем в их застенок

хлеб. На другой день тот офицер послал меня прибраться у входа, а там как раз стоял хлебный фургон и вокруг ни души. Я моментально забрался внутрь и не ошибся: никто ничего не проверял, фургон выехал, я выскочил из него на одной из улиц Рамаллы, дошел до блокпоста ЦАХАЛа - и так спасся.

- Но ты же целых два года там провел… Что они с тобой делали?

- Много чего… Избивали, подвешивали, ставили на битые стекла, больше месяца продержали в тесной бетонной коробке, в которой нельзя было выпрямиться…

- Как же ты все это вынес?

- Было невыносимо, но молитва спасала.

- Молитва? - не понял я.

- Это не обычная молитва. Она связана с дыханием, с сердцем. Если умеешь так глубоко концентрироваться, то в конце концов становится безразлично, в каких условиях ты находишься: в специальной удобной молитвенной позе или скрученный. Дед учил меня этой молитве с шести-семи лет. Мы вместе сидели рядом и молились по четкам, это состояние отрешенности и восторга я первоначально связывал с ним, оно как бы передавалось мне от него, но потом, став подростком, я научился и сам входить в такое состояние. Все внешнее пропадает, ты чувствуешь только свое сердце… Чтобы эти садисты не поняли, что со мной происходит, я внушил им, что у меня низкий болевой порог и я быстро теряю сознание.

- А кто там еще с тобой находился?

- Всякие люди были. Были такие, как я, помогавшие Израилю. Двоих из них при мне убили. Были и уголовники, конечно. Но неожиданно много было арестованных по личной неприязни. Один лавочник отказался отпускать им в долг, когда этот долг превысил две тысячи долларов. Другой держал столярную мастерскую, отказался платить «налог». Так мастерскую его спалили, а самого посадили, и навесили сотрудничество с Израилем…

- Ужасно, что армия не вошла в Рамаллу и не освободила вас! - вырвалось у меня. - Вот оно - истинное, а не выдуманное преступление израильской военщины!

- Самое ужасное было видеть солдат на блокпостах… Ведь меня, представь, несколько раз возили из Рамаллы в Йерихон и в Шхем. Хоть бы кто-нибудь проверить машину догадался.

Дождь прекратился, мы вышли из машины и уселись в небольшом кафе неподалеку.

- Ну, а что у вас слышно? - спросил Халед, с удовольствием отпивая кофе. - Барак действительно сказал, что если бы он родился палестинцем, то стал бы террористом?

- Да. Прямо так и сказал.

- Мне там в тюрьме этими его словами все уши прожужжали. Все время его в пример ставили. А вы его еще главой своего правительства после этого выбрали. Интересный вы народ… Ну а сам-то ты как?

- Я пока сельское хозяйство, к сожалению, оставил… Работаю программистом в Иерусалиме.

- А как Сарит? Когда мы с тобой последний раз говорили, ты сказал, что она добивается развода.

- Представляешь, Пинхас согласился было дать ей развод в обмен на арамейский свиток, но… рукопись пропала.

- Ах да, рукопись… - пробормотал Халед. - Совсем про нее забыл.

Он внимательно посмотрел на меня и похлопал по плечу.

- Пляши, парень. Возможно, я помогу ее тебе разыскать.

- Поможешь? Ты знаешь, где она?

- Два года назад, незадолго перед тем как попасть в лапы Раджуба, я перепрятал рукопись. Но я не могу обещать, что там ее не нашли… Два года большой срок. Не хочу тебя обнадеживать, Ури, но, может быть, нам повезет. Командуй, когда выходим в Макух.

- В самое же ближайшее время скомандую! Не сомневайся! - Я просто обалдел от этой новости. - Но что же произошло? Зачем ты перепрятывал рукопись? Расскажи же наконец, - набросился я на

Халеда.

- Помнишь, когда мы ходили в ущелье Макух, то я тогда с бедуинами разговаривал?

- Ну, вспоминаю.

- Я среди прочего расспросил их тогда, кому они продают своих овец. Они назвали имя человека из Рамаллы, которого я хорошо знал. Он бизнесмен. Торгует не только скотом. И имеет пропуск, то есть может проезжать из автономии в Израиль. Я иногда с ним встречался и расспрашивал, как они там в Рамалле поживают. И вот однажды, когда я в шутку попросил его передать привет бедуинам из ущелья Макух, он рассказал мне, что там все бедуины заняты поисками какой-то рукописи. Он смеялся, говорил, что старые люди помнят, что пятьдесят лет назад во всей Иудейской пустыне была просто настоящая лихорадка. Бедуины с утра до вечера обыскивали пещеру за пещерой - искали свитки, которые потом продавали ученым. И вот теперь в вади Макух началось что-то вроде этого…

- Подожди, а он объяснил, из-за чего эта лихорадка началась?

- Он не знал этого. Но я могу предположить. Наверняка, Пинхас продолжал там поиски, и бедуины как-то пронюхали, что он ищет именно рукопись. На самом деле об этом совсем не трудно догадаться, если Пинхас задавал им наводящие вопросы. Ну а поняв это, они решили сами в поисках поучаствовать, и вся их детвора оказалась мобилизована на обследование пещер… Об этой мобилизации мне и рассказал этот бизнесмен. Понимаешь, я испугался, что в той пещере бедуины могут легко найти рукопись, и решил перепрятать ее в какой-либо укромной щели. Я положил ее в одно труднодоступное углубление, недалеко от той же пещеры, где вы ее спрятали. Я думал, что прячу ее максимум на несколько недель…

- Так почему же ты со мной не связался?

- Тебя не было. Родители сказали, что ты на военных сборах. Ну а потом случилось то, что я уже рассказал: меня выследили и схватили…

- А почему ты рукопись перепрятал, а не забрал с собой, если знал, что ее ищут?

- Я думал об этом, но побоялся проверок. Ты считаешь это так просто молодому человеку с арабской внешностью пройти через блокпост, а потом еще протащить сумку через весь Израиль? Что бы я сказал, если бы попался?

* * *

Я проводил Халеда на автобус до Хайфы, уселся в свою машину и задумался.

Что мне было делать? Позвонить Андрею? Нет, сначала надо все сказать Сарит… Каким-то образом это ее тоже касается. Она должна это знать.

Номер ее сотового телефона был когда-то записан в памяти моего телефона, но я сменил фирму, и все прежние записи больше не существовали. В записной книжке номер Сарит за ненадобностью записан не был. Значит, приходилось звонить на домашний телефон Пинхаса…

Я решил, что в том случае, если подойдет Пинхас, я брошу трубку. Но произошло другое. Чужой голос сказал мне, что прежние жильцы съехали месяц назад.

Мне оставалось только позвонить родителям Сарит и спросить ее новый телефон у них.

Каково же было мое изумление, когда в трубке мне как будто послышался голос Сарит.

- Простите, Сарит можно попросить? - неуверенно произнес я.

- Ури? Это ты? - радостно воскликнула Сарит.

- Ты в гостях у родителей, что ли?

- Ну да, в гостях.

- Сарит. Я не знаю, имеет ли это для тебя теперь значение… интересно ли тебе это сейчас, но я должен сказать, что рукопись, похоже, нашлась.

- Что ты говоришь? - ее голос задрожал. - Значит, мой развод опять возможен!

- Что? Я плохо слышу, повтори, - попросил я, не веря своим ушам.

- Я могу теперь развестись, я сказала! - почти закричала Сарит.

- Ты что, опять этого хочешь?

- Ну… не знаю, может быть, - сменила тон Сарит. - Приезжай! Подумаем вместе!

Она действительно ненормальная, промелькнуло у меня в голове.

- Ты где сейчас, Ури?

- В Иерусалиме. Сижу в машине. Так что буду через десять минут.

Пробок не было, и я домчался до Рамат-Эшколя даже быстрее, чем за десять минут…

Отец и мать Сарит были несказанно мне рады. Что же касается Тамар, то она с громким криком подбежала ко мне и бросилась на шею. Посидев немного за общим столом, мы с Сарит прошли в отдельную комнату.

- Ну, как продвигается роман Пинхаса о великих раввинах - потомках Иисуса Христа? - спросил я осторожно, когда мы остались одни.

- Он близок к завершению.

- То есть с ролью музы ты справилась успешно?

- Об этом не мне судить.

- Но без рукописи, найденной Андреем, я так понимаю, Пинхас уже готов обойтись.

- Это надо его спросить. Вполне может быть, что он все же согласится обменять ее на меня. Вопрос в том, согласишься ли ты принять свой залежалый товар?

- Но за тобой дело не станет?

- Нет. За мной дело не станет.

- Да как же ты так можешь?! - разволновался я. - Живешь с человеком и одновременно готова с ним развестись?

- А почему бы и нет? Ты про синицу в руках пословицу слышал?

Я смотрел на Сарит с недоумением и вдруг заметил, что краешки губ ее начинают подергиваться, и Сарит вдруг расхохоталась. Я боялся верить и боялся не верить, неужели это возможно, неужели это опять розыгрыш?

- Да я и не жила с ним ни минуты! - сказала она сквозь смех. - Я все это время просто жила у родителей!

- Как у родителей? Я видел тебя с Пинхасом на пороге его дома!

- Ты забыл, что я регулярно привожу к нему Тамар?

- А как же Андрей видел ваши с Пинхасом фотографии на Синае!

- То было не Красное море, а Средиземное. А сами фотографии были четырехлетней давности. Я отобрала снимки, где мое лицо было не очень заметно.

- Сарит, Сарит! Какой же я дурак, что поверил тебе…

- Мне всегда удаются мои мистификации, пора бы уже было это выучить!

Я стучал себя по голове, смеялся, хватал Сарит за руки и был настолько счастлив, что совершенно забыл о рукописи. Я очнулся только тогда, когда сияющие Саритины глаза оказались в пугающей близости от моих.

- Нужно достать рукопись, и как можно быстрее, - сказал я, отодвигаясь от Сарит. - Прежде всего надо узнать новый телефон Пинхаса. Он съехал с прежней квартиры.

- Ты думаешь, я не в курсе? Или не знаю его нового телефона? Ты опять забыл, что нас связывает Тамар, - сказала Сарит, протягивая мне записную книжку. - Хорошо, что ты программирование бросил. У тебя там сплошные «баги», наверное.

- Во-первых, нет программиста без «багов», а во-вторых, я сейчас как раз программистом работаю, на стадо зарабатываю.

* * *

Я немедленно набрал номер. Законный муж Сарит взял трубку.

- Здравствуй, Пинхас. Это говорит Ури Шахар. Послушай, возможно, рукопись нашлась. Во всяком случае мне стало известно, куда она была перепрятана два года назад… Если твои условия

остаются в силе, то давай отправимся туда. Если на этот раз рукопись окажется на месте, то ты можешь ее забрать и дать Сарит развод.

После некоторой паузы, которая длилась для меня если и не вечность, то по крайней мере значительный отрезок моей земной жизни, Пинхас ответил:

- Нет проблем. Я готов выехать при первой возможности. Однако напоминаю, что мне нужна не только рукопись, но и то место, где она была найдена…

- Разумеется.

Мы проболтали с Сарит до поздней ночи, рассказывая друг другу о том, что было с каждым в течение тех полутора лет, что мы не виделись.

* * *

На другой день после работы я снова заехал к Сарит, и мы снова без умолку болтали. Сначала втроем с Тамар, потом наедине.

В какой-то момент я, наконец, позвонил Халеду.

- Пинхас согласен. Надо выбираться в ущелье Макух. Так что будь готов.

- Договорись с ним и перезвони мне. И посмотри сегодня вечером телевизор, там будет передача про маштапников.

Хорошо, что он сказал. Нам с Сарит в этот вечер было не до телевизора, и я бы непременно пропустил эту передачу.

На протяжении долгих лет израильское телевидение знакомило свою аудиторию с многочисленными претензиями главарей ООП, с подстрекательскими высказываниями израильских арабов, а также с наиболее одиозными антисемитскими заявлениями террористов всех мастей, передаваемыми по международным каналам типа CNN или «Аль-Джазира». Это почему-то гражданам слышать было необходимо. Но при этом эфир был полностью закрыт для арабов, сочувствующих Израилю, и тем более рисковавших своей жизнью ради его безопасности. Во всяком случае, так повелось после подписания соглашения с ООП.

Однако в связи с последними публичными казнями агентов Израиля в Палестинской автономии масс-медиа решились, наконец, дать слово также и разоблаченным маштапникам.

Выступило несколько человек. Все они сотрудничали по убеждению, а не ради денег или закрытия уголовных дел. Они рассказали о тех преследованиях, которым подверглись со стороны Арафата и они сами, и их близкие. Было зачитано несколько отписок израильских чиновников, желавших пострадавшим здоровья, но решительно ничем им не помогавших.

Суть происходящего прекрасно выразил некий Мухаммад Хамдан Эл-Ахрас. В течение предоставленных ему пятнадцати секунд эфирного времени он успел выкрикнуть, что того, кто спас человеческую жизнь, ни с какой точки зрения нельзя считать предателем и что проблема вовсе не в том, что некоторые арабы сотрудничают с израильскими службами безопасности, а в том, что израильские власти сотрудничают с террористической организацией.

Лучше не скажешь.

* * *

К моему великому счастью, дожди полностью прекратились, и мы отправились в ущелье Макух через три дня.

Я пришел на место встречи в сопровождении Халеда, Йосефа, Давида, и, конечно же, Сарит. Хотя дождевой поток полностью спал, оставалось немало луж и даже заводей, затрудняющих продвижение. Ноги скользили, и спуск был утомителен.

Через четыре часа мы, наконец, подошли к той пещере, где я, Андрей и Халед пять лет назад спрятали рукопись. Халед прошел еще немного, вскарабкался по крутому склону к какой-то расщелине и стал в ней разгребать камни. Мы с напряжением наблюдали.

- Все на месте! - радостно крикнул Халед и, помахав многократно обернутым в целлофан футляром, спустился вниз. Заполучив футляр, Пинхас не спеша вытащил свиток и начал бесконечно крутить его в руках, рассматривая со всех сторон. Воцарилось напряженное молчание. Наконец Пинхас произнес:

- Ну что ж, рукопись подлинная. Два свидетеля у нас имеются. Я сейчас напишу разводное письмо, и можно произвести обмен.

Это предложение было для меня полной неожиданностью.

- Я бы предпочел действовать наверняка, - ответил я. - Я предполагал передать тебе рукопись в рабануте, сразу после развода. Все равно туда придется идти.

- Как скажешь, - пожал плечами Пинхас. - Я подумал почему-то, что вы хотите скорее с этим покончить. В рабанут я в любом случае приду, но развод можно произвести и прямо сейчас. Образец я захватил, два свидетеля имеются. Можно и не откладывать до похода в рабанут.

- Ури! Зачем тянуть? Давай прямо сейчас! - жалобно попросила Сарит.

Я опасался подвоха, разводное письмо - непростой документ, а Пинхас - непростой партнер... Да и, признаться, уже предвкушал, как буду сегодня вечером без помех рассматривать с Сарит нашу таинственную рукопись. Но ее умоляющий голос немедленно изменил мои умонастроения.

- Чего ты боишься? - добавил со своей стороны Йосеф. - Мы же с тобой «Гитин» учили. Не можем, что ли, удостовериться, правильно ли написан гет? Если будет необходимость, его в рабануте подтвердят.

- Ну, хорошо, - махнул я рукой, замирая от мысли, что Сарит может быть освобождена прямо сейчас. - Давай все закончим здесь.

Пинхас извлек заранее приготовленные принадлежности, написал под контролем Йосефа разводное письмо, вручил его Сарит и уложил рукопись в свой рюкзак.

Однако теперь нам предстояло пройти еще несколько километров до пещеры, в которой эта рукопись первоначально была обнаружена. Сарит сияла: в довершение к полученной свободе она, наконец, окажется в том месте, в которое так давно мечтала попасть.

Еще через два часа мы подошли к тайной пещере, обнаруженной Андреем. Я указал Пинхасу на дно расщелины.

- Это здесь.

- Что значит здесь? Где здесь?

- Надо немного разобрать камни, и откроется ход…

Пинхас был изумлен. На его лице читались одновременно и недоверие, и досада… Я же отвалил несколько камней и указал Пинхасу на отверстие. У него загорелись глаза.

- Ну все, вы свободны. Можете возвращаться. Я остаюсь.

- Это небезопасно, - стал возражать я. - Если ты остаешься, то и мы должны остаться с тобой.

- Придется слишком долго ждать. Я собираюсь провести в пещере ночь. Уйду завтра поутру. Я уже вижу, что там есть чем заняться…

Уговаривать его было бесполезно. Оставаться на ночь в ущелье, да еще на территории автономии, совершенно не хотелось.

- Уходим, - скомандовал я. - Иначе мы не доберемся засветло.

* * *

Вопреки некоторым моим опасениям Пинхас честно явился в рабанут. Это случилось 23 января. Обладатель древнего арамейского свитка почему-то не выглядел счастливым. Он был угрюм, малословен, подписал все, что требовал судья, и ушел, не простившись.

События этих дней развивались столь стремительно, что все это время я даже не нашел времени позвонить Андрею, и сделал это только после того, как мы с официально освобожденной, наконец, Сарит вернулись из рабанута.

Андрей ликовал. Он даже было вызвался приехать на нашу свадьбу, но потом понял, что оформление выезда (предполагающее переправку ему израильского приглашения) займет слишком много времени, и отказался от этой затеи. Нам с Сарит ничего не оставалось, как пообещать Андрею навестить его в наш медовый месяц.

Свадьба состоялась 5 адара. Провели мы ее скромно, в моей йешиве. Сарит сказала, что ей хватило того спектакля с пятьюстами зрителями, который в свое время устроил Пинхас, и на нашей хупе было на порядок меньше приглашенных, так что Йосефу для его проникновенного поздравления даже не понадобился микрофон.

- Веками наш народ чествовал новобрачных словами пророка: «На опустевших улицах Иерусалима, где нет ни людей, ни скота, еще будет слышен голос радости и голос веселья, голос жениха и голос невесты»... 7. Некоторые считают сионизм самозванством. Они покачивают головами и спрашивают: «Это, по-вашему, и есть та страна, которую прозревали пророки?» Да, это та самая страна! Пророки не предвещали того, что в грядущем Иерусалиме все будут ходить в черных шляпах, но то, что в нем еще будет слышен голос жениха и голос невесты, они предвещали! И вы, дорогие мои Сарит и Ури, живые свидетели пророческого торжества! Вы - знамение Божественной верности и Божественной силы! Те, кто под слова той же песни справляют свою свадьбу в Бруклине, этой великой чести лишены.... Сегодня, дорогие мои, вы радуетесь дважды: один раз тому, что вопреки всем препятствиям (в преодоление которых не верил также и я!) вы все же соединились, и второй раз - тому, что вопреки всем немыслимым трудностям, соединились, наконец, народ Израиля и земля Израиля.

Наш медовый месяц прошел чудесно. Каждое пробуждение рядом с Сарит я переживал как настоящее чудо, как будто бы море расступилось... Странно было сознавать, что остроте этих ощущений я в конечном счете был обязан низости Пинхаса!

Родители Сарит забрали к себе Тамар на время нашего свадебного путешествия, и мы только два раза навестили ее между разными нашими поездками. Начали мы с недолгого путешествия по Галилее, откуда заехали на Голаны, где катались на горных лыжах. Потом отправились в Эйлат и еще два дня провели на Мертвом море в Сде-Бокер.

После этого путешествия мы ненадолго съездили в Россию. Три дня провели в еще заснеженном Петербурге, а потом выехали в Москву, где снег к концу марта уже весь сошел. Остановились мы в этот раз у моих родственников, в квартире которых было посвободнее, чем у Андрея.

Впрочем, субботу по его настоянию мы все же провели у него. Андрей уже усвоил, что день покоя, полностью освобождающий человека от суеты, как никакое другое время благоприятен для дружеского общения.

Первым делом Андрей вручил нам подарок - настенные часы с боем.

- Жить вы будете долго и счастливо. Наблюдать за временем вам будет недосуг. Поэтому вам нужны часы с боем, - пояснил он смысл своего дара.

- Спасибо, Андрей. Но ты, можно сказать, нам уже рукопись свою подарил.

- Не путай меня, Ури, - рассмеялся Андрей. - Рукопись, я к сожалению, не вам подарил, а Пинхасу. Но зато монета «Святой Иерусалим», которая у тебя хранится, тоже вам пусть в подарок будет.

- Вот уж спасибо! - воскликнул я. - «Йерушалаим Ха-кодеш» - это, пожалуй, будет посильнее «In God we trust»!

Вечером в эту субботу пришли Катя с Семеном, который, как выяснилось, заканчивал в этом году семинарию и должен был быть рукоположен.

Они сердечно поздравили нас с Сарит и подарили вазу для цветов.

За субботней трапезой я подробно рассказал про злоключения Халеда, про нашу успешную экспедицию в вади Макух и, конечно же, про то, как ловко Сарит разыграла меня и Андрея.

Коснулись, как водится, и политики. Мы с Сарит рассказали о второй интифаде и недавней победе Шарона, москвичи - о прошлогодних взрывах домов и своем новом президенте. Мнения о

нем разошлись: Семен надеялся, что под управлением Путина Россия сможет возродиться и вернуться к «лучшим своим временам».

- Лучшим временам? - усмехнулся Андрей. - Такие вообще бывали?

- Конечно.

- Это когда мы Наполеону надавали, что ли?

- А вспомни русско-турецкую кампанию 1878 года, вспомни, как генерал Скобелев взял Адрианополь и подошел к стенам Царьграда. Ты только вдумайся, что бы было, если бы британцы тогда не бросились спасать Турцию, если бы Константинополь стал наш. Это ведь тот момент, к которому шла история…

- Я, как ты сам понимаешь, за Турцию ничуть не болею, но не думаю, что если бы Российская империя поглотила Турецкую, то народы стали бы от этого намного свободнее.

- Ну как ты можешь, в самом деле?! Россия спасла от мусульманского рабства несколько народов… - взволнованно произнес Семен и, косясь в мою сторону, добавил. - К тому же если бы, как ты выразился, Российская империя поглотила Турецкую, если бы Палестина стала нашей, то сионистский проект реализовался бы уже к концу XIX века. Никакой Герцль бы не понадобился. А твои британцы, получив Палестину, только палки в колеса вставляли. Отказывались евреев принимать, даже когда их Гитлер по всей Европе истреблял.

- А русские, оказывается, понесли бы евреев в Святую Землю на руках?

- Ну да. Еще Потемкин в случае победы над Турцией собирался переселить евреев в Палестину. Он даже для этой цели стал формировать Израильский полк, в котором одни евреи служили. Если бы век спустя Скобелеву позволили довести дело до конца, он бы, поверь мне, то же самое евреям предложил. Не даром в его армии также было сформировано еврейское подразделение.

- Спасай жидов, спасай Россию! - рассмеялся Андрей. - Остроумная инициатива. Но в любом случае Путин - это и не Потемкин, и не Скобелев. Под его управлением возродиться может только КГБ.

- Ты, Андрей, просто Фома неверующий совсем стал.

- В новую Россию под предводительством Путина, положим, я не верю, ну и что? От этого сразу уже и Фома неверующий?

- Да ты и в самого Христа, Бога нашего, не веришь, выдумал какое-то частное христианство, да еще с двумя Иисусами, просто смех и грех. И грех, Андрюша!..

- Ну и что ж в этом такого смешного и грешного?

- Просто непостижимо, Андрей, как ты сам этого не видишь. Ну скажи на милость, к кому же обращаться простому человеку, к какому Иисусу? Неужели ты не видишь, что твоя теория губительна для христианства?

- С одной стороны, я делаю все, чтобы она таковой не оказалась, а с другой - все больше убеждаюсь в том, что принципиальных трудностей вера в двух Иисусов не создает…

- Как это не создает? - удивился уже и я. - Еще полгода назад, в Старом Городе, ты, я помню, прямо обратное утверждал.

- Может быть, но сейчас мне так уже не кажется. Посмотри сам. Ведь никому никогда не мешало то, что образ Иисуса из Евангелия Иоанна отличается от образа Иисуса из прочих Евангелий. Причем разные люди всегда предпочитали разных Иисусов. Лютер и Гегель, как известно, не жаловали синоптиков и восхищались Евангелием от Иоанна. Ницше и Розанов - ровным счетом наоборот. Подумайте, два разных образа одного человека или два разных человека, облеченных единой миссией - какая разница?

- Есть разница, мой милый! У меня Катя, например, разная бывает, скажем, грустная и веселая. Но это ведь не то же самое, что иметь двух жен - одну грустную и другую веселую… пусть их даже обеих Катями зовут. Твоя теория разрушает христианство, как двоеженство разрушает таинство брака.

Меня поразило, что, произнося эту тираду, Семен ни разу не взглянул в сторону жены, которая, подняв брови, тихо заметила нам с Сарит:

- Наши воздухоплаватели, кажется, снова взмыли в небо.

- Это только сначала так кажется… - не замечая ничего вокруг, протестовал Андрей. - Но зато моя теория решает практически все евангельские противоречия, которые не могут иметь никакого иного объяснения, кроме недостоверности евангельских историй. Даже многие странности она объясняет. Я тебе только один пример приведу: Лука начинает описание галилейского служения Иисуса с его появления в Назарете, где ему говорят: «Сделай и здесь то, что, мы слышали, было в Капернауме». Но ведь никаких чудес Иисус вроде бы пока не совершал, а в Капернауме и вовсе не появлялся. Значит, люди говорили о чудесах, сотворенных другим Иисусом.

- Ты цепляешься к мелочам…

- Я не цепляюсь. Я просто понял, что противоречия в священном тексте не могут не иметь священного смысла. Если ты, Сема, всерьез веришь, что Евангелие составлялось под водительством Святого Духа, то у тебя только два варианта, два ответа: либо гипотеза, что Иисусов двое, либо какая-то иная гипотеза, согласно которой Иисус один, но Святому Духу почему-то понадобилось представить его в виде двух лиц, то есть спектрально Его образ разложить.

- Не понимаю…

- Хорошо, я тебя по-другому спрошу: зачем Святому Духу понадобилось составлять книгу, герой которой при пристальном всматривании вдруг раздваивается? Что это - сознательная мистификация, или так случайно вышло? В случайность в произведениях Святого Духа я не очень верю…

- Но ведь эти противоречия не одним «раздвоением» можно объяснить! Я, например, сейчас вспомнил, что в своем «Евангелии от Афрания» Кирилл Еськов очень убедительно объяснил некото-

рые разночтения между Иоанном и синоптиками непростыми отношениями между Иоанном Крестителем и Иисусом, на которые разные евангелисты по-разному реагировали.

- Хорошо! Допустим твой Еськов прав, но Святой Дух-то куда смотрел? Он что, не видел, что у Него из-под пера выходит? Поверь, Святому Духу гораздо раньше, чем нам с тобой, были открыты все смыслы создаваемого Им текста. Святой Дух деконструктивизмом не напугаешь. Значит, мистификация? Но если Святой Дух нас мистифицирует, то мы обязаны отнестись к его мистификации совершенно серьезно… иными словами, серьезно отнестись к первой гипотезе, согласно которой Иисусов действительно двое… Поверь, с гипотезой, что Святой Дух объединил два образа, христианской душе жить даже легче, чем с гипотезой, что Он литературно разложил один образ на два.

- Поверь, моя христианская душа живет не гипотезами, она живет реальностью. Гипотезами мозги живут, - сказал Семен.

- Ну хорошо, тогда поверь, что христианским мозгам легче жить с гипотезой, что два лица объединены в одно.

- Да не объединяется и не раздваивается никакой образ, - махнул рукой Семен. - Чем тебе не подходит обычное объяснение, что Иоанн специально привел отсутствующие в прочих Евангелиях речения и эпизоды? …

- Эй, на палубе! - окликнула мужа Катя, для привлечения внимания щелкнув перед его носом пальцами. Но Семен даже не заметил.

- Или вот ты говоришь, что разрешаешь внутренние противоречия Евангелий, но ведь при этом ты создаешь на порядок больше противоречий! Если черным по белому написано, что пострадал Иисус на Пасху, то при чем здесь Кущи?

- Ты что, действительно не понимаешь? - Андрей с каким-то сожалением посмотрел на Семена.

- Чего не понимаю?

- То, что меня не противоречия между Евангелиями волнуют, а истина! Меня рукопись моя вдохновляет, а не библейская критика! Если бы я просто Евангелие на противоречиях подлавливал, то ни о каких Кущах, поверь, речи бы не шло: просто события, описанные Иоанном, отставали бы от описанных синоптиками не на полфазы, а на фазу. Евангельский образ двоится ничуть не хуже, если посчитать, что второй Иисус был распят ровно через год после первого.

- Фаза! Полфазы! Ты хоть видишь, что твоя теория совершенно вздорна с точки зрения библеистики. Это ни то, ни се. Я библейской критике, положим, не очень доверяю, но кое-что читал и кое-что, признаюсь, считаю убедительным. Но твоя критика какая-то совершенно нелепая…

- Потому что это никакая не критика. Я не критикую, я реконструирую события, как они изложены в наличном евангельском тексте. Критика текста у меня самая минимальная. Поскольку я иду согласно материалам рукописи, а не просто по каноническому тексту, я действительно вынужден несколько евангельских фрагментов признать искажениями. Но их совсем немного. Я просто описанные у Иоанна события Кущей связываю с событиями Пасхи в одну последовательность, относя их именно к Кущам, а не к Пасхе. Вот, погоди, что я тебе покажу.

Андрей снял с книжной полки Евангелие и стал его листать.

- Смотри. Делается небольшая инверсия: три главы - 9,10 и 11-я вставляются между 5 и 6-й главами, и соответственно 8-я глава смыкается с 12-й. Это единственное «насилие над текстом». Ну и там, где у Иоанна в последних главах написано «пасха», читай «кущи» - вот и все. Когда будет опубликована моя находка, в ней все будет именно так излагаться. Вот увидишь!

- Андрей, ты уверен, что эта тема всех здесь занимает? - поинтересовалась Катя. - Я к вашим прениям, положим, привыкла, но Сарит, как мне кажется, уже скучает?

- Я вся внимание! - отозвалась Сарит, виновато отодвигая лежавший на подоконнике журнал.

- Сейчас я закончу, - сказал Андрей, - только попробую еще с одной стороны все это Семену показать. Пойми, Сема, что Евангелие - это не фотография и даже не картина, это икона. В этом, на самом деле, и состоит необыкновенная и небывалая сила воздействия этой книги. Ветхий Завет в этом отношении гораздо более документален… В Евангелии же описываются как бы реально происходящие события, но все они преображены, все они подчинены керигме - это библейская критика хорошо показала. Она попыталась ободрать этот иконографический слой и под ним обнаружить «исторический документ». Я, например, со многим могу согласиться из того, что тот же Маккоби написал. Но, как верно заметил Ури, поезд ушел. Перед нами икона, а не фотография. И вот я смотрю на эту же самую икону и в одной из ее собственных причудливых обратных перспектив невольно обнаруживаю другое изображение. Знаете, такие картинки бывают? На первый взгляд седой старик изображен, приглядишься - нет, чернобровая девица. Так же и здесь. Удивительная все-таки книга - Евангелие…

- Хотя сколько в твое «изображение» двух Иисусов не всматривайся, в его реальность поверить невозможно. Такая шиза только причудиться может.

- Шиза, говоришь?! Посмотрим, что ты скажешь, когда, наконец, будет обнародован найденный мною свиток!

- Андрей, мне кажется, ты хотел сменить тему… - напомнила Катя.

- Верно, хотел, - подтвердил Андрей. Но лучше бы он этого не делал… - Итак, когда у тебя, Семен, рукоположение?

- Через год примерно.

- Значит, через год ваш с Катей брак превращается в католический?

- Наш брак после рукоположения станет нерасторжим, это верно, - поморщился Семен, беспокойно взглянув на Катю, которая сидела с непроницаемым лицом, - но католическим его можно было бы все же не называть.

Андрей вскочил с места и, сжав руками спинку стула, с досадой воскликнул:

- Не понимаю, зачем, если не верить в вечность брака на небесах, увековечивать его на земле?

- Андрей, ну в самом деле, сколько можно, право… - растерянно пробормотал Семен. - Этот вопрос мы уже обсуждали. В любом случае вечность брака на земле никак не препятствует небесному безбрачному состоянию.

- Чего ты, в самом деле, добиваешься, Андрей? - холодно спросила Катя. - Чтобы Семен не рукополагался?

- Ну вот еще! С какой стати? Через год в нашей секции земного Экзистенционала появится представитель православного священства… Как я могу быть против?

- Чего ты действительно добивался? - спросила Сарит Андрея, когда Семен и Катя ушли. - Чтобы они развелись?

- Не знаю… Просто нервы сдают. Брак священника по канону является нерасторжимым. И вот эта необратимость меня в самом деле давит. Находит на меня что-то порой. Даже загадка связи простых чисел с четными не всегда уже выручает… Понимаешь, бесит, что они стали мужем и женой - и при этом действительно верят, что все это временно, что они затеяли это все только для того, чтобы здесь на земле как-то перекантоваться. Я уверен, что это работа Семена, что это он Кате так мозги заморочил, уверил ее, что в грядущем мире они будут порознь на облачках сидеть.

- А я так поняла, что сидеть-то они собираются как раз на одном облачке, рядышком, в обнимку, но уже лишенные пола, как два ангелочка, - предположила Сарит.

- Так не получается, Сарит. Пол - от слова «половина», если они сидят парочкой, значит, они две половины. Два монаха, например, не могут сидеть парочкой, хотя у них тоже, как и у всех, не должно быть пола, как Семен думает.

- Так или иначе, тебе-то, Андрей, какая разница? Пусть как хотят, так себе и располагаются, если Катя все равно не твоя, - сказал я.

- Не знаю. Обидно, наверно. Обидно, когда гора рождает мышь. Обидно, когда ты хочешь рассмотреть в микроскоп какую-то редкую инфузорию, а микроскоп этот оказывается занят кем-то для раскалывания орехов…

- Ты что считаешь, что Семен Катей орехи раскалывает? - с иронией спросила Сарит.

- Поверь, - серьезно отвечал Андрей, - если бы они действительно были пара, я бы такой досады не испытывал. Но разве что-то невечное можно признать подлинным? В их собственных глазах их брак - фантомный. Если уж вы так мыслите, то в монастырь тогда идите, а не нерасторжимые браки заключайте! Жениться-то зачем?

- Главное, Андрей, чтобы сами супруги в гармонии находились, а не их брачные идеалы и их мысли, - заметила Сарит. - Идеям вообще не следует слишком много значения придавать.

- Кстати, когда уже, наконец, день рождения у твоей Татьяны? - спохватился я.

- Действительно! - поддержала Сарит, которой я недавно проболтался относительно брачных планов Андрея.

- Он прошел уже… - вздохнул Андрей.

- Как прошел?! - удивился я.

- Прошел. Уже больше месяца… Это удивительная история. Даже страшная в каком-то смысле. Ну, для меня.

Мы с Сарит вопросительно смотрели на Андрея.

- Представьте себе, за неделю до этого ее тридцатилетия, когда я уже внутренне согласился на этот брак, она пришла ко мне сюда и сказала, что уже несколько месяцев ей выказывает знаки внимания один человек и что на днях он сделал ей предложение. Спросила, соглашаться ли ей? Я понимал, что она пришла не за советом, а за ответом. И вот вместо того, чтобы закричать: «Выходи лучше за

меня!», я возьми да ляпни: «Танечка, я не вправе давать тебе такие советы. Только ты сама можешь решить этот вопрос». Сам не понимаю, как это у меня выговорилось… Как это я позволил умыкнуть у себя из-под носа чудесную девушку?!

- Понятно теперь, с чего у тебя нервы пошаливают… - пробормотал я.

* * *

Вернувшись в Израиль, мы с Сарит стали жить в моем караване, вокруг которого тут же образовался цветущий сад.

Время было неспокойное, террор набирал силу, не встречая на своем пути решительных ответных действий. Езда по дорогам Иудеи и Самарии стала делом рискованным, но при всех тревогах для нас с Сарит это было очень счастливое время.

Мы как будто открывали друг друга заново. Раньше мы просто мечтали, просто надеялись, просто выживали, теперь же наконец пришло время строить общую жизнь, настаивать на одном и уступать в другом.

Я под руководством Сарит с удовольствием совершал погружение в светскую культуру, читал по ее рекомендации книги и смотрел вместе с ней кино. Со своей стороны Сарит все больше углублялась в религиозную жизнь, учила со мной Гемару, ходила на уроки раввинов, много читала. Что же касается Тамар, пошедшей этой осенью во второй класс, то ее невозможно было отличить от подруг из самых религиозных семей.

Так под бой подаренных нам на свадьбу часов незаметно пролетели полгода.

Андрей позвонил в конце сентября. Заговорили мы первым делом, конечно, о разрушении Всемирного торгового центра. Между тем голос Андрея с самого начала звучал как-то особенно, и я все ждал какого-то сюрприза. Наконец, Андрей спросил:

- Ты помнишь наш разговор с Семеном и Катей о нерасторжимости их брака? Я еще сказал тебе, что им с их идеями лучше уж в монастырь было бы податься?

- Помню.

- Вот-вот… Так представь себе, они оба решили уйти в монастырь!

- Брось! Ты шутишь? Такая блестящая пара: молодые, красивые, дружные, жизнерадостные - и какой-то монастырь!

- Это произошло или незадолго до рукоположения Семена, или сразу вскоре. Я не понял точно. Но узнал я об этом только сейчас. Семен теперь иеромонах - сможет, если захочет, церковную карьеру сделать. Ну, а Катя просто в какой-то монастырь собирается. То есть она даже подыскала уже себе что-то, скоро туда переберется…

- А аудиенцию-то она тебе дала?

- Дала, и даже не одну. Но она упорно решила идти в монастырь. Говорит мне: неужели ты думаешь, что если тебе не удалось отбить меня у ученика, то удастся у Учителя? Но она вроде бы даже и не может теперь поступить иначе. Ну, то есть, после того как муж ее в иеромонахи подался.

- Неужели это так строго?

- По канону - строго. Я справлялся. В принципе поблажки возможны, особенно в наше время, но Катя не тот человек, чтобы поблажек искать. Ты же ее знаешь. Да и кто станет клянчить запретную конфетку, если его вообще от сладкого воротит?

- Ну что, что там у них такое случилось? - набросилась на меня Сарит, как только я положил трубку. Я подробно пересказал весь разговор.

- Наверняка у них что-то не ладилось, - заключила Сарит. - Может быть, это они вообще решили так свой развод обставить, чтобы благопристойно все выглядело…

- Не может быть. Ты же видела, у них были очень хорошие отношения…

- Не видела. На людях вообще мало кто скандалы устраивает. Но видно было, что о страстной влюбленности тут и речи не идет.

- Но на людях ее тоже никто особенно не выказывает.

- Это тем не менее всегда заметно - по неуловимым признакам, по взглядам. Надо только уметь замечать такие вещи.

2002

Наступил 2002 год, на событиях которого хотелось бы остановиться подробнее. 3 марта у меня и Сарит родился ребенок - сын, которого мы назвали в честь моего деда Шмуэлем.

Между тем это радостное событие произошло в пору достаточно трагическую: террор достиг невиданного до той поры размаха.

В первую интифаду, начавшуюся в 1987 году, в течение года - в основном от холодного оружия - погибало двадцать-тридцать человек. Это число показалось израильтянам столь астрономическим, что они пригласили в страну Арафата, чтобы тот, как выразился Рабин, «разобрался с ХАМАСом без правозащитников и Верховного суда». Но Арафат, как ни странно, не оправдал рабиновских надежд и возглавил вторую интифаду, куда более кровавую. В течение 2001-го в результате терактов погибли 208 израильтян, а уже в первые месяцы 2002-го это число было превышено, всего же в 2002-ом году погибли 456 человек.

После взрыва на пасхальном седере в Нетании, унесшим жизни 30 евреев, началась операция «Защитная стена». Трудно поверить, но то была первая серьезная операция, после того как осенью 2000 года Арафат с грохотом опрокинул стол переговоров. На протяжении полутора лет ЦАХАЛ занимал оборонительную позицию, его ответные действия были робки и непродолжительны.

«Защитная стена» решительно изменила обстановку. С той поры, по оперативным соображениям, ЦАХАЛ занимал арабские города Иудеи и Самарии на долгие месяцы, и это в целом сходило. Но тогда, когда это произошло впервые, мир содрогнулся. Шутка ли, армия суверенного государства вторгается на территорию соб-

ственной автономии, откуда против него годами ведется террористическая война! Случалось ли когда-нибудь в истории столь грубое попрание международных норм?!

Уже в тот же день - 29 марта, когда правительство приняло, наконец, решение дать отпор террористам, ЦАХАЛ вступил в Рамаллу и блокировал канцелярию Арафата, где нашли себе убежище десятки террористов. В ходе той операции были обнаружены документы, подтверждающие прямое участие Арафата в организации террора, включая подписанные им приказы о выплате денежных вознаграждений убийцам.

3 апреля были заняты Калькилия, Бейт-Лехем, Туль-Карем и значительная часть Шхема и Дженина. Вечером силы ЦАХАЛа заняли канцелярию Раджуба в Бетунии. Калькилия и Туль-Карем были вскоре оставлены, но продолжались ожесточенные бои в Шхеме и в лагере беженцев Дженине. Вместо того, чтобы разбомбить несколько десятков занятых террористами зданий, во избежание жертв среди мирного населения их брали штурмом. В результате в Дженине погибло 23 наших военнослужащих. Но даже эта противоестественная забота о благополучии вражеской стороны не избавила Израиль от обвинений в совершении военных преступлений. В те дни и много месяцев спустя антитеррористическая операция в Дженине во всем мире звалась «резней». Все мировые СМИ гудели о зверском убийстве пятисот мирных жителей.

Как вскоре выяснилось, большинство трупов этих «жертв» взялись из морга местной больницы. Исламские «пропагандисты» живописно разбросали их на фоне нескольких разрушенных зданий. Через полгода даже комиссия ООН признала, что в результате той «резни» погибли всего 52 араба, большинство из которых были вооруженными террористами. Однако в тот момент это уточнение уже решительно никого не интересовало.

* * *

Почти целый месяц я провел на позициях. Даже переговариваться с родными по сотовому телефону удавалось не каждый день.

Но в начале мая я получил, наконец, увольнение и на четыре дня вернулся домой. Об этом отпуске у меня сохранились самые радужные воспоминания.

Субботу мы провели у родителей. Давид с женой тоже приехал.

Говорили, конечно, об операции, о погибших и раненых, о возможностях справиться с террором. Сарит похвасталась Давиду своим револьвером. Приобретение это было сделано, впрочем, еще полгода назад, когда на дорогах Иудеи и Самарии от пуль террористов стали гибнуть по несколько человек в неделю. Иногда обстрелы производились с обочин, но, как правило, стрельба велась почти в упор из обгоняющего автомобиля. Сарит поэтому садилась на заднее сиденье и рассматривала все выходящие на обгон машины. Было решено, что если из какого-то автомобиля высунется ствол автомата, то она станет палить в лобовое стекло.

- А почему револьвер? - с недоумением спросил Давид, внимательно рассмотрев Саритино оружие. - У тебя что - реакция слабая?

- Нет, у меня руки слабые. Я не могу пистолет взвести. Мне только револьвер подходит.

- Но ведь тут же всего шесть патронов!

- Шесть патронов, Давид, бесконечно больше, чем ничего. Математический факт. Можешь взять калькулятор и проверить.

Папа весь вечер просидел, не снимая кипы. Раньше такого не наблюдалось. Раньше он надевал ее только за субботним столом и когда молился. Со временем он становился все более набожным, накладывал тфиллин, даже стал посещать уроки Гемары, но обыкновенно ходил он все же без кипы. Говорил, что у него кипка-невидимка… Видимо, не хотел афишировать свою религиозность, менять свой устоявшийся имидж «европейца».

Ни я, ни Давид вида не подавали и не расспрашивали отца, куда это вдруг исчезла кипка-невидимка? Однако он сам счел нужным объясниться.

- Меня так возмущает этот новый европейский антисемитизм. Ну зачем им поддерживать Арафата? Это же совершенно иррационально. Ведь если на месте Израиля возникнет террористическое палестинское государство - чего они всеми силами добиваются, - то скорейшая исламизация Европы будет предрешена. Это ведь в прямых шкурных интересах Запада - сохранить жизнеспособный Израиль, а они нас топят... Лучше, мол, будем жить под шариатом, лишь бы ничего больше об этих евреях не слышать. Уж слишком о себе воображают!.. Меня доконал этот «человечище», этот нобелевский лауреат, наведавшийся недавно в Рамаллу... Ну, как его?

- Сарамаго, - напомнил я. - Жозе Сарамаго...

Сам я впервые услышал это имя от Гриши Кранца, когда тот с Андреем заехал ко мне в Инбалим. Гриша утверждал, что по Европе бродит «призрак гностицизма» и что Сарамаге вручили Нобеля только за то, что в своем «Евангелии от Иисуса» он вывел еврейского Бога злобным моральным уродом, а сатану - благородным и отзывчивым духом.

Незадолго до «Защитной стены» Сарамаго наведался в Рамаллу и объявил всему миру, что она напоминает ему Освенцим.

- Вот-вот, Сарамаго, - продолжал отец. - Я ведь до Арафата десятки раз через эту Рамаллу проезжал... Это очень богатый город. Добротные дома, роскошные виллы... Ну, ты лучше меня знаешь. И сравнить все это благолепие с концлагерными бараками! Сравнить Рамаллу с Освенцимом! Кем нужно быть, чтобы прибегать к таким метафорам? По-видимому, он эту фразу давно заготовил... Еще на родине, в каком-нибудь лиссабонском кафе выстрадал этот образ... Удивительно только, как у него язык повернулся произнести все это в самой Рамалле? При людях, которые там живут? В общем, после его выступления я почувствовал, что просто недостойно появляться на людях без кипы...

* * *

Тревоги войны и радости, связанные с рождением сына, забрали много сил. Было не до рукописи. Но когда в конце мая я вернулся из армии, то как-то вдруг подумал, что неплохо бы, наконец, узнать, как продвигается расшифровка текста и когда можно ожидать первых публикаций. Прошло все-таки больше года. Что-то же должно уже было проясниться.

Мне было неловко справляться об этом у Пинхаса, которого я периодически встречал, когда он забирал дочь. Во-первых, отношения наши были в высшей степени отчужденные, а во-вторых, женившись на Сарит, я вроде бы отказался от всех своих «прав» на рукопись. Как бы то ни было, я решил начать со звонка в Управление древностей.

Меня несколько раз перебрасывали с телефона на телефон, пока, наконец, не соединили с человеком по имени Хаим, как-то связанным с организацией экспедиций в ущелье Макух. Он довольно равнодушно отнесся к моим словам относительно рукописи, но уверил, что их очередное издание скоро увидит свет и что там будут подытожены все находки…

- Это издание посвящено всему району Йерихона, - пояснил Хаим, - но ущелье Макух там занимает больше половины объема. Издание все время задерживалось. То чем-то пополнялось, то еще какие-то причины были. Но сейчас вроде бы все согласовано. Оригинал-макет готов уже больше месяца. Я думаю, через две-три недели будет на что посмотреть… Вы имели отношение к этим раскопкам?

- В некотором роде, - ответил я. - К вам можно будет зайти, приобрести выпуск?

- Насчет приобрести не уверен. Количество экземпляров ограничено. Они все рассылаются по университетам и другого рода учреждениям. Частным лицам почти ничего не остается. Но здесь, в библиотеке, вы все сможете посмотреть и скопировать.

Я позвонил еще раз через три недели. Издание все еще не было готово…

Наконец почти через полтора месяца после моего первого звонка я услышал, что выпуск готов и с ним можно наконец ознакомиться.

Мы с Сарит помчались в Управление древностей. Перед нами лежал XLI выпуск бюллетеня «Атикот».

Мое сердце взволнованно забилось после того, как на обложке я увидел фотографию листа древней рукописи. Мы с нетерпением открыли журнал и стали его быстро перелистывать. Среди прочего в нем были приведены все археологические находки из ущелье Макух. Издание было снабжено подробным описанием каждого экспоната. Приводились даже фотографии каждой пещеры и подробные планы некоторых из них. А также фотографии, зарисовки и подробное описание обнаруженных в пещерах предметов с указанием эпохи, к которой они относятся… Наконец, мы набрели и на описание представленного на обложке свитка. С первых же слов я понял, что это та самая рукопись времен Бар-Кохбы, о которой мне когда-то рассказывал Пинхас. Но о нашем арамейском свитке не упоминалось ни слова.

Я был удивлен и потребовал встречи с каким-нибудь ответственным лицом, а не с этим Хаимом, который, как выяснилось, вообще ничего не знал о рукописи и просто участвовал в подготовке издания.

Я переговорил с двумя чиновниками, и все меня заверили, что ни о какой рукописи не слыхали.

Озадаченный, я решился, наконец, позвонить Пинхасу:

- Пинхас, что это значит? Почему в Управлении древностей никто не слышал о рукописи? - спросил я его.

- Она там и не появлялась.

- Ты что, не смог придумать легенды, как она нашлась? Куда ты ее направил? Она до сих пор у тебя?

- Ее у меня нет, - злорадно, как мне показалось, отрезал Пинхас.

- Но что ты с ней сделал?

- У меня рукописи нет. Считай, что она никогда не обнаруживалась и навсегда осталась в ущелье. Это все, что я могу тебе сказать. К тому же ты, кажется, за эту рукопись что-то получил… Так что я не понимаю твоих дальнейших претензий. А поменяться с тобой обратно я не могу по законам Торы. Так что не беспокой меня больше этими вопросами.

Послышались короткие гудки. Я ошарашенно смотрел на трубку, пока не догадался наконец ее повесить. Что же могло произойти? И можно ли вообще его словам верить?

* * *

Услышав об очередном исчезновении своей находки, Андрей расстроился невероятно. Ему не сиделось на месте, и в конце июля он прилетел в Израиль. Взяв день отгула, я встретил его в аэропорту. Мы сели в машину.

- Ух ты, ну и печет же у вас! Кондиционер не помогает… - посетовал Андрей, оказавшийся на солнечной стороне движения. - Когда едешь на восток, солнце светит прямо в бок.

- Возвращаешься на запад…? - вопросительно подхватил я.

- «На запад» нескладно выходит… Возвращаешься домой, солнце светит в бок другой. Так надо.

- Уверяю тебя, что если мы будем возвращаться в аэропорт в первой половине дня, то тебя будет припекать в тот же бок, что и сейчас…

- Какая проза! Но хватит о погоде. Слушай, что я думаю. Мне кажется, что Пинхас уже зарекомендовал себя как человек, скажем так, не вполне надежный. Я бы не стал с большим доверием относиться к его заявлениям. Очень может быть, что он распорядился рукописью с экономической выгодой для себя. Пойми, ведь стоимость этого свитка может оказаться огромной. Я не удивлюсь, если услышу, что Ватикан приобрел его за миллион долларов. Миллион,

это я, конечно, так сбрендил, и Ватикан тоже. Но, согласись, что соблазн продать рукопись у Пинхаса имелся, особенно если принять во внимание, что официально ее зарегистрировать было непросто.

- Ты прав, - подхватил я. - Он не смог придумать убедительную легенду находки, решил не рисковать и тайно продал ее. Ручаюсь, что это колоссальные деньги… Но тогда рукопись, возможно, где-то уже опубликована.

- Уверен, что нет, - запротестовал Андрей. - Во-первых, такие дела тянутся годами. Даже многие кумранские тексты до сих пор не опубликованы. Если же рукопись действительно куплена Ватиканом, то ее вообще может никто никогда не увидеть. Ведь именно Ватикан на протяжении десятилетий тормозил публикацию почти половины кумранских текстов. Только недавно дело сдвинулось с мертвой точки. К тому же я не могу представить себе, чтобы публикация такой рукописи прошла бы незамеченной. Уверен, мы услышали бы об этом.

* * *

Андрей, как всегда, намеревался остановиться в достаточно просторной квартире Фридманов, но нам многое нужно было обсудить, и было решено, что первый день он проведет у нас на Инбалим.

- Как все-таки близко отсюда до вади Макух! Может, еще раз в нашу пещеру заглянем? - сказал Андрей, когда мы вышли на смотровую площадку.

- Ради чего? - поинтересовался я.

- А вдруг рукопись осталась в пещере?

- Ну что за вздор? Как можно такое вообразить?

- Раньше мне тоже такое в голову не приходило, но, стоя на этом месте, чего только не передумаешь. Вдруг Пинхас оставил рукопись там? Вдруг ему что-то помешало? Почему нам не попробовать вновь проникнуть в ту пещеру? Я ведь искал тогда очень поверхностно. Может быть, там еще что-нибудь найдется?

- После того как там побывал Пинхас, я не думаю, что в пещере что-нибудь могло остаться. А рукопись он вне всякого сомнения забрал… Не знаю, как ты способен вообще в этом сомневаться.

- И тем не менее, стоит попробовать. Нельзя оставлять такие вопросы невыясненными.

- Я тоже не понимаю, почему бы нам еще раз туда не сходить? - вставила Сарит.

- Почему? Да хотя бы потому, что сейчас это небезопасно. Интифада на дворе, забыла?

- Послушай, Ури, а может быть, можно связаться с какими-нибудь торговцами древностями? Вдруг они что-то слышали?

- Ну с какой стати они станут с тобой откровенничать? - отмахнулся я.

- Ну просто: да или нет. Появлялась ли такая рукопись…

- Как же, как же! У них там полная отчетность, каждой ворованной рукописи присваивается регистрационный номер… Вообще-то, если честно, то я уже попросил Халеда связаться с кем нужно и спросить. Он ведь мастер устанавливать такие связи.

- Ну и что?

- Ничего. Он ничего не узнал…

Мы вошли в караван.

- Так что случилось с Семеном и Катей? - спросил я, когда мы уселись за стол и стали потягивать ледяную воду с мятой и лимоном. - Как это они так вдруг разом ушли в монастырь? Ты их видишь вообще?

- Вижу. Семена достаточно часто, он ведь в Москве. А вот с Катей сложнее, она в одном подмосковном монастыре обосновалась.

- Вот Сарит считает, что у них что-то не ладилось и что они таким причудливым способом развестись решили.

Сарит в знак подтверждения моих слов кивнула.

- Да чего там между ними могло не ладиться? - удивился Андрей. - Они и до сих пор в отличных отношениях. Вы просто не очень монашескую идею понимаете. Монашество - это очень глу-

бокое призвание. Я и сам о нем много размышлял. Всецелая посвященность Богу предполагает также и родовую, можно даже сказать сексуальную посвященность. Монашество - это в сущности то же посвящение, что и у вас - евреев. Как вы захвачены Богом на родовом уровне, так же и монахи, хотя и по-другому… Это как две стороны одной медали…

Андрей хотел было еще что-то сказать, но, взглянув на нас, махнул рукой. Видимо, понял, что слишком долго придется вводить нас в курс дела, если вообще удастся.

- По меньшей мере вы должны признать, что монашество - единственная достойная альтернатива бескрылой любовной связи, - сказал он после некоторой паузы. - Ведь и супружество - это призвание, и если человек по какой-то причине его в себе не развил или не может его реализовать, то в монашестве для него открывается достойный путь.

- Ну вот я тебе это самое и пытаюсь объяснить, - сказала Сарит. - У них что-то не ладилось, что-то не получилось, и они, как ты выразился, «достойно» расстались.

- Брось. У Кати - это точно призвание, - отмахнулся Андрей. - Что же касается идеологии, то это уже и не важно. Пусть ей и в самом деле все это Семен внушил. Главное, что в вечность брака она искренне не верит. Вы же помните этот разговор? О том, что брак для земной жизни, а не для небесной? Но если это так, если брака нет на небесах, то нет его и ниже. Это по крайней мере последовательно - то, что они сделали.

- Мне кажется, это вопрос смысла, а не умствований, - возразила Сарит. - Тот, кто в браке видит смысл, тот, разумеется, уверен, что брак этот сохранится и в грядущем мире, а тот, кто в браке смысла не находит, будет считать наоборот. Они просто не нашли в браке смысла и из этого уже разводят всякую идеологию. Ну как в самом деле нашедшие друг друга мужчина и женщина разлучатся ради какой-то религиозной идеи? Это же бред.

- Нет, нет, Сарит, - запротестовал снова Андрей. - Ты путаешь причину со следствием. Даже если ты права и у них чего-то там действительно не заладилось, то только потому, что они исходно эти отношения ерундой считали. Ты просто не знаешь. В прежние времена люди так постоянно поступали. Во всяком случае под старость, после того как дети вырастали, супруги очень часто расходились по монастырям. Я знаком с одним поляком, у которого родители уже несколько лет в монастыре живут. Я спрашивал его, он говорит, они всегда ладили. А в древней церкви был даже обычай полного целибата мужей и жен при продолжении совместной жизни под одним кровом. Ты просто не очень этот опыт понимаешь.

- Совсем не понимаю, если быть точной.

* * *

На другой день Андрей отправился к Фридманам, а я на работу, где мне все время вспоминалось его предложение сходить в ущелье Макух.

- Зачем Пинхас сказал, что не может поменяться со мной обратно? Неужели это была только пошлость? Вдруг ему в самом деле было что менять? Вдруг он таким способом просто проговорился?

А что значили его слова: «Считай, что эта рукопись навсегда осталась в ущелье». «Вдруг он и в самом деле ее по какой-то причине не забрал? - размышлял я. - Почему, собственно, нужно думать, что Пинхас все оттуда вынес? Ведь это и физически, пожалуй, было трудно сделать. А кого он мог привлечь в помощь? Ведь территория-то эта арафатовская».

Мне даже стало странно, почему я вообще не предпринял такой экспедиции раньше? Пусть даже рукопись Пинхас забрал. Кто знает, что там могло еще находиться?

Вернувшись вечером домой, я поделился этими соображениями с Сарит.

- Мне кажется, Андрей прав. Возможно, нашу пещеру стоит еще раз проверить.

- Я давно тебя туда зову, если ты обратил на это внимание.

- Ну уж нет, Сарит, ты там один раз побывала, и будет. Дорога туда трудная и небезопасная. Оставайся, пожалуйста, с детьми.

Сарит ничего не ответила, но я видел, что она обиделась. Мне потребовалось минут двадцать на то, чтобы убедить ее в том, что это путешествие не для кормящей матери.

Уговорив Сарит остаться, я позвонил Андрею.

- Так что? - сказал я. - Я в принципе не возражаю против того, чтобы проведать пещеру?

- Командуй - когда выходим.

* * *

Два следующих дня Андрей провел в Хайфе у Гриши Кранца, а от него заехал в Акко к Халеду, который в середине апреля женился.

То был самый разгар операции «Защитная стена», на свадьбу к нему я, конечно, выбраться не мог и с женой его до сих пор так и не познакомился.

- Ну как было? - поинтересовался я у Андрея, когда он приехал к нам на субботу. - Как Халед? Как его Айша? Халед сказал, что она дочь маштапника из Газы.

- Не знаю, что тебе и сказать. Скромная очень. Более чем за сутки ни одного слова мне не сказала. Я поначалу подумал, что она только по-арабски говорит. Но Халед утверждал, что она знает иврит. Она все время или на кухне, или в спальне находилась. Но, может быть, ей просто нездоровилось. Мне показалось, что она в положении.

- Какие впечатления вообще от поездки?

- Акко - очень колоритный город. Там столько старины, столько экзотики. Халед, представь, водил меня в какое-то молитвенное собрание.

- По какому они принципу там собираются? - поинтересовалась Сарит. - Тоже все маштапники?

- Не думаю, - возразил Андрей. - Видно, что людей этих объединяет что-то более значимое, чем общие неурядицы.

- Ах, да, - вспомнил я. - Халед ведь и меня приглашал, говорил, что у них там есть молитвенная группа, в которую и христиане, и евреи заглядывают.

- Бывают такие мусульмане? - удивилась Сарит.

- Я так понял, что группа эта суфистского толка, - пояснил Андрей. - Другие мусульмане действительно едва ли бы в свое собрание неверных пустили. В кафе, разве только. Халед меня ведь и в кафе арабское водил. Как христианина меня представил, о джихаде беседовали...

- О джихаде?

- Да, о джихаде. Собеседники мои отпирались, говорили: ислам всегда за мир. Но не убедили, есть это в их религии... А у вас, кстати, идея джихада действительно отсутствует. С тех пор как ты мне это однажды сказал, я Библию тринадцать раз перечитал и нигде не встретил, чтобы Бог угрожал народам каким-нибудь наказанием за поклонение идолам.

- Тринадцать раз? Откуда такая точность? Ты что, зарубки делаешь?

- Нет, просто читаю, согласно баптистскому патенту, по три - четыре главы в день и так за год прохожу все Писание. Это, разумеется, сверх чтения по зову сердца. Только за последний год я думаю, что перечитал Евангелия не менее десяти раз. И ведь, представляешь, постоянно нахожу какие-то новые разночтения между Иоанном и синоптиками!

- Я, кстати, тоже еще кое-что обнаружил в пользу того, что твоя рукопись связана с кумранской сектой, - сказал я Андрею. - Есть подтверждение тому, что Учитель Праведности - это действительно Йешуа ха-Ноцри, отлученный рабби Йегошуа бен Перахией.

- Что же это за подтверждение?

- Я отыскал в кумранских текстах одно место, которое удивительно перекликается с тем отрывком из трактата Сангедрин, в котором Йешуа подвергается херему. Это как будто другой взгляд на ту же талмудическую историю. Талмуд сопоставляет конфликт Йешуа и его учителя рабби Йегошуа бен Перахии с конфликтом пророка Элиши и его слуги Гехезии. Элиша отправился за Гехезией в Дамаск, где услышал от него те самые слова, которые потом Йешуа повторит своему учителю Йегошуа Бен Перахии: «Разве ты не учил меня, что тем, кто совратил многих, не предоставляют возможности покаяния?»

Но и «Дамасский документ» проводит ту же самую параллель! В нем Учитель Праведности - читай Йешуа, - отлученный «строителем ограды» - читай рабби Йегошуа бен Перахией, - также сопоставляется со своим собратом и предтечей по херему - Гехезией. Но, если в Талмуде Гехезия стоит в общем ряду с теми, кому «нет удела в мире грядущем», то есть в компании с Ахитофелем и Биламом, то в «Дамасском документе» он упомянут вместе с Барухом - верным слугой пророка Йеремии, а Дамаск, в который Гехезия бежал, превращается для Учителя Праведности в символ «Нового Завета»... И твоя рукопись, Андрей, прекрасно в эту концепцию вписывается, то есть подтверждает, что Йешу из Нацрата, описанный в Талмуде, и есть Учитель Праведности.

- То, что рукопись пропала, - это просто ужасно, - стал сетовать Андрей. - Она действительно могла бы изменить мир. Как минимум мы бы узнали, с чем имеем дело, а теперь нам остается только гадать. Такие теории с тобой возводим, и не известно на чем... Слушай. А ты знаешь, что твой Сергей пошел по стопам Рене Генона и принял ислам?

- Вот это да!

- Причем тому уже год. Просто он тебе не сообщал.

- Да я с ним уже два года не контактирую... У меня с ним в Израиле была еще одна встреча. Он меня в свою евразийскую веру агитировал...

Я в подробностях пересказал, как Сергей предложил мне читать антисемитские журналы…

- До сих пор понять не могу, зачем он вообще ко мне подбирался со своим евразийством? Ты понимаешь?

- Возможно, для алиби, - сказал Андрей. - Как отмываются нечистые деньги, так же отмываются и нечистые идеи. Если антисемит оказывается связан с кем-то из евреев, хотя бы сколько-нибудь представительным, он сразу же обретает видимость благопристойности и политической корректности… Когда на тебя сыплются обвинения в фашизме, благосклонный кивок со стороны еврейского истеблишмента не повредит. Кстати, даже в вашей израильской прессе сообщали, что несколько неумных еврейских авторов писали статьи для евразийских журналов. Ты, возможно, у евразийцев в кандидатах на такого остолопа какое-то время фигурировал.

- Я редко на русском языке газеты читаю, а в ивритской прессе мне такое не попадалось.

- Так вот. Какого-то сотрудничества с некоторыми евреями им добиться удалось.

- Я не удивляюсь. В Израиле экстремистов хватает. Как говорится, чем правее - тем глупее, чем левее - тем подлее… До сих пор на отмывании антисемитизма левые специализировались: я слышал, что на обысках у неонацистов полиция часто обнаруживает брошюры израильских профессоров - ненавистников Израиля… Но теперь, выходит, и какие-то правые туда же подались…. Я действительно вспоминаю, что видел в тех журналах, которые мне Егоров подсунул, статьи о «хорошем» иудаизме, от которого уже, мол, рукой подать до «крови и почвы».

- А как там, кстати, его знакомая поживает? Ольга?

- Не знаю - пожал я плечами, - она мне звонит периодически, о тебе спрашивает, но, если честно, у меня душа не лежит с ней общаться…

* * *

Между тем Андрей, видевший Ольгу всего один раз в жизни, вынес о ней как раз весьма лестное впечатление.

- Не понимаю, чего ты ее так невзлюбил, - удивился Андрей. - Мне она показалась толковой.

- Если хочешь, я дам тебе ее номер. Можете встретиться, - предложил я.

Они проболтали по телефону минут пять, после чего Андрей, к полной моей неожиданности, пригласил Ольгу заехать ко мне на Инбалим.

- Объясни ей, как добраться, - сказал Андрей, протягивая мне трубку.

Делать было нечего.

- Помнишь, я показывал вам с Сергеем Мертвое море и ущелье Макух?

- Конечно, помню.

- Так вот, я теперь почти на этом месте живу. Там вскоре после нашего путешествия маахаз поставили, Инбалим называется... У тебя есть машина? Ты сможешь сама приехать?

- Смогу.

- Ну так давай завтра после пяти, даже в пять можно...

* * *

Ольга, оказавшаяся по виду на шестом или даже на седьмом месяце беременности, прибыла ровно в пять часов. Однако, как выяснилось, машины у нее все же не было, и она утверждала, что добралась тремпами.

Я сильно удивился. Проделать на тремпах такой путь в такую жару и в таком положении! Что ею двигало?

Увидев в салоне не только Андрея, меня и Сарит, но также и манеж, с ползающим в нем и гукающим младенцем, Ольга воскликнула:

- Так вы женаты? Вас можно поздравить?

- Как видишь.

- А ты, Юра, молчал! - Ольга бросила на меня осуждающий взгляд.

- Извини, мне почему-то казалось, что ты в курсе, - сказал я, извлекая из холодильника фрукты и ледяную воду.

- Ну и как же тебя твой бывший супруг отпустил? - поинтересовалась Ольга у Сарит с легкой усмешкой.

- Нашли к нему подход, - ответил я вместо Сарит и решительно сменил тему. - Как вы там сейчас в Хевроне? Чувствуется небось интифада?

- Чувствуется, чувствуется, - протянула Ольга. - Она сейчас повсюду чувствуется. Хотя у вас, как мне кажется, не должно быть проблем: пустыня, и вокруг одни еврейские поселения.

- Ты права, здесь относительно спокойно, но на 60-м шоссе, которым мы тоже пользуемся, почти каждый день стреляют. Сын рава Кахане как раз на этой дороге был убит…

Но поддерживать разговор о ситуации на дорогах Ольга явно не желала и в какой-то момент, повернувшись к Андрею, сказала:

- Я, представь, часто вспоминаю про твоих двух Иисусов. Даже под этим углом зрения специально Евангелия перечитала. Но все-таки там много проблем остается. Имена апостолов, например. Каким образом могут совпасть двенадцать имен?

- Откуда у тебя набралось двенадцать? Ты же говоришь, что нарочно Евангелие перечитала?

- Разве что-то не так?

- Ты должна была обратить внимание, что хотя Евангелист Иоанн и говорит о «Двенадцати», упоминает он имена лишь восьми учеников, это Петр, Андрей, Филипп, Фома, Иоанн, Нафанаил и два Иуды - Искариот и «не Искариот» - то есть речь идет о совпадении лишь семи имен, при наличии одного заведомо отличного - Нафанаила.

- Но ведь при этом двое из них, Петр и Андрей, были братьями и рыбаками. Не слишком ли это большое испытание для теории вероятности?

- Не очень большое, если учесть, что жили они в разных городах. Иоанн сообщает, что Андрей и Петр - из Вифсаиды, причем в момент их встречи с Иисусом они учились у Иоанна Крестителя в районе Мертвого моря. Синоптические же Шимон и Андрей живут в Капернауме и, когда Иисус позвал их за собой, рыбачили в Кинерете, причем Иоанн Креститель был в ту пору уже давно арестован.

- Любопытно. Ну а как же Мария Магдалина?

- Мария Магдалина - это персонаж синоптических евангелий, в евангелии от Иоанна она появляется только в самом конце - у креста и у гроба, причем как вообще единственная женщина. По ее поводу еще нужно подумать.

Ольга пожала плечами.

- Но в любом случае классический подход никак не может быть опровергнут. Иоанн вполне мог записать только те эпизоды, которые не содержатся у синоптиков. В те времена бумага была в дефиците.

- Я и не отрицаю этого. Гипотеза дополнительности Евангелий и гипотеза двух Иисусов - формально равноценны… Но моя рукопись вполне может изменить положение. Моя рукопись может перевести гипотезу двух Иисусов в ранг факта.

При этих словах Ольга крайне оживилась:

- Что? Так рукопись все-таки у тебя! - воскликнула она.

- У меня при себе ее фотографии, - уклончиво ответил Андрей.

- Фотографии? Как интересно. Можно взглянуть?

- Ури, покажи Ольге те фотки.

Я принес фотоснимки. Андрей показал Ольге просматривавшиеся на изображении слова.

- Вот видишь: «После Йом-Кипура… Йешуа… и предстал перед Первосвященником… были распяты…». А после Йом-Кипура как раз и начинается праздник Кущей.

- Поразительно! - произнесла Ольга с восхищением. - Можно мне это фото забрать?

- Возьми, - сказал Андрей.

- Но где все же сама рукопись? - обратилась Ольга к Андрею. - Я слышала, что она пропала. Это правда?

- Откуда ты это слышала? - удивился Андрей.

- Сначала ты ответь на мой вопрос, а потом я отвечу на твой.

- Не горячись, Ольга, - вмешался я. - Я отвечу на все ваши вопросы. Тебе о пропаже рукописи сказал Сергей, ведь так?

- В общем-то, да.

- Так знай, что потом она нашлась.

- Нашлась?! Невероятно! Где же она сейчас? Она все еще в вади, или вы ее, наконец, забрали? - в голосе Ольги звучали нетерпение и досада.

- Очень может быть, что и в вади... - произнес Андрей. - Мы ее еще там поищем.

- Рукопись нашлась, но вы ее будете продолжать искать в вади! О-очень интересно! - прищурившись, протянула Ольга.

- Не обижайся, - примирительно сказал Андрей. - Ты сейчас все равно не в том положении, в котором ходят в горные походы. Я обещаю сообщить тебе, если будет что-то новое.

- Вот это хорошо! - обрадовалась Ольга и вдруг стала собираться.

- Встаньте здесь, - скомандовала она, указав на манеж, обклеенный бумажными цветами Тамарчикиного изготовления. - Я вас на память сфотографирую.

Я, Сарит и Андрей послушно встали. Ольга сделала несколько снимков и направилась к двери.

- Давай я довезу тебя до Иерусалима... - предложил я. - Тебе сейчас нехорошо на трампиадах стоять.

- Спасибо. Я доберусь.

Я все же настоял довести ее до заправочной станции, откуда было много автобусов и трампов.

- Странно, - думал я на обратном пути. - Наверно, ее все-таки кто-то прямо до Инбалим подбросил. Как бы это она на трампах к условленному времени подъехала. Муж? Чего же он тогда от нас прячется? Странно.

* * *

В тот же вечер мы с Андреем окончательно решили еще раз навестить нашу пещеру. Я обзвонил Йоси, Давида и Халеда. Время было отпускное, все они согласились, и мы договорились выйти в ущелье Макух ровно через неделю.

Держалась сильнейшая жара. Была проблема с водой, которую, по моим сведениям, мы могли пополнить только в двух местах, ну и, конечно, интифада не добавляла бодрости. Пожалуй, никогда еще не было в этих краях столь опасно, как в эти дни.

Когда мы подошли к расщелине, на дне которой находилась пещера, то уже издали увидели, что вход в нее не был завален камнями. Когда же мы подошли ближе, то увидели, что отверстие было основательно расширено, так что пролезть в него на этот раз не составляло большого труда.

- Весьма красноречиво, - буркнул Андрей.

- Ну да, - с грустью сказал я. - Все растаскали бедуины.

- Почему бедуины?! Может быть, и Пинхас.

- Пинхас не оставил бы вход открытым… Хотя кто его знает, если он все забрал, то мог и не засыпать.

Тем не менее мы залезли в пещеру и окончательно убедились, что она опустошена подчистую.

- Даже горшки увели, - отметил Андрей. - Как они их через лаз протаскивали? Разбили что ли?

Посидев молча при выходе минут пять, мы так же молча повернули назад.

Мы шли всего четверть часа, как вдруг возле одной лощины раздалась автоматная очередь. Несколько пуль ударили по скале метрах в десяти перед нами… Я повалился на землю, Андрей за мной. Шедшие позади Давид, Йосеф и Халед бросились в лощину и скрылись там.

Прозвучала еще одна очередь. Опять пули били по камням в нескольких метрах перед нами. Стреляли, по-видимому, с противоположного склона, то есть метров с двухсот, если не больше.

Я и Андрей поползли по направлению к выступу скалы, за которой уже скрылись остальные.

- Влипли, - сказал я. - Теперь неизвестно, чего ожидать. Армии в этой пустыне нет. Эти выстрелы едва ли кто из наших мог слышать.

У нас с собой были два пистолета и автомат, это придавало уверенности, но по существу мало чем могло нам помочь. Враг не был виден, численность его была неизвестна, но главное, в любой момент могла увеличиться. Что было делать?

Мы разместились в расщелине среди камней и стали вглядываться в противоположный склон. Через несколько минут на нем появились три фигуры. Я достал бинокль и стал их рассматривать. Они нас как будто не видели, но явно понимали, где мы должны были находиться.

Йоси снял автомат, приложил ствол к скале и прицелившись, сделал три одиночных выстрела. Попасть с такого расстояния было, конечно, очень непросто, и его стрельба привела лишь к тому, что фигуры снова куда-то исчезли.

* * *

Укрытие наше было в принципе надежным. Во всяком случае, каждый из нас мог найти укрытие за камнями и отрогом скалы.

Это давало сиюминутное спокойствие, однако никак не решало проблемы в целом. Выйти мы не могли, так как оказались бы под огнем. Воды хватало только до конца дня. Завтра с наступлением жары запас быстро должен был бы иссякнуть. Сотовые телефоны находились вне зоны связи.

- Ну, что будем делать? - спросил я, обращаясь ко всем, но глядя на Йосефа и подразумевая главным образом его, сержанта десантных войск и инструктора по стрельбе.

- Жены наши прекрасно знают, куда мы направились, и сообщат армии о том, что мы не вернулись с наступлением темноты, - сказал он. - Останемся здесь ночевать. А утром сюда прибудет ЦАХАЛ.

- Не очень мне эта твоя идея нравится, - поморщился я. - Этот план хорош только как запасной вариант. Во-первых, найти нас не так просто, а во-вторых, даже если это произойдет, солдаты подвергнутся опасности… Да и, наконец, мне менее всего хочется объяснять полиции, чего нас занесло в автономию. Нет у меня желания угодить под суд… Давай лучше подумаем, имеется ли у нас какой-либо другой план.

Мы приумолкли, каждый обдумывал ситуацию.

- Сегодня у нас 28 тамуза, - сказал Йосеф. - Значит, ночь безлунная. Здесь в ущелье должно быть абсолютно темно. Можно попытаться выйти.

- Они нас наверняка будут ждать на тропе, - возразил я.

- Пусть ждут, - вступил Халед. - Я им скажу, что группа евреев пошла по руслу ручья… Пути там нет, и они пойдут туда, чтобы подготовить засаду. А мы тем временем уйдем по обычной тропе…

- А как ты им представишься?

- Это как раз нетрудно. Я могу сказать, что работаю с Ибрагимом. Ну с тем, что овец у здешних бедуинов закупает… Это почти могло бы быть правдой.

Идея всем очень понравилась. Мы дождались темноты и прошли по тропе по направлению к западу метров четыреста. Там я, Андрей, Давид и Йоси прилегли в стороне от тропы, а Халед взял фонарь и, выкрикивая что-то по-арабски, прошел еще метров двести.

Через несколько минут ему ответили. Вскоре загорелось еще два фонаря, и мы заметили, что огни сближаются.

Судя по сошедшимся фонарям, можно было понять, что Халед встретился с террористами и ведет с ними беседу. Минут через пять все они двинулись в нашем направлении, благополучно миновали место, в котором мы укрывались, и вскоре скрылись из виду.

Халед вернулся минут через сорок.

- Ну что ж, - доложил он. - Дорога открыта, я отправил их в русло ручья.

- Они ничего не заподозрили?

- Вроде бы ничего…

Некоторое время мы продолжали наш путь в темноте, продвигаясь на ощупь. Затем присели среди камней и стали ждать утра.

Все потихоньку задремали, но я не спал. Сам вызвался держать дозор. Поначалу я читал приходившие на память псалмы, но заметив, что чтение усыпляет, стал просто думать о разном. Время тянулось невыносимо медленно.

Была еще полная мгла, как вдруг где-то вдалеке еле слышно прокричал петух. Ему ответили два других отдаленных голоса, и в считанные секунды ущелье залилось многоголосым криком бедуинских петухов. Минут через десять небо стало светлеть. «Таково будет избавление Израиля: сначала - едва-едва, потом сильнее и больше, пока не зальет все светом», - вспомнились мне слова рабби Хийи из Иерусалимского талмуда.

Как только стало можно различить тропу, мы двинулись в путь, и уже через час, когда полностью рассвело, над нами завис вертолет. Там на борту нас, по-видимому, опознали как пятерых незадачливых туристов, пропавших накануне. Во всяком случае, вертолет вскоре улетел и больше не появлялся. А еще через час мы повстречали взвод солдат, который был послан на наши поиски.

Мы стали оправдываться и извиняться перед командиром взвода. Он в свою очередь связался со штабом, и тревога была отменена. Обошлось без следствия.

Когда в девять часов мы вернулись в Инбалим, Сарит была уже совершенно спокойна и разве что выглядела невыспавшейся.

* * *

Йосеф, не заходя ко мне, сел в автомобиль и отправился к себе в Мицпе-Йерихо, даже поесть отказался, а мы с Давидом, Халедом и Андреем уселись за стол.

- Пожалуй, это было лишнее путешествие, - сказал я.

- Почему? Отрицательный результат - тоже результат, - ответил Андрей. - Зато теперь мы знаем, в каком состоянии находится пещера.

- Мне лично все это кажется какой-то засадой, а не случайным нападением, - сказал Давид. - Они ведь запросто могли расстрелять нас на открытом месте, а вместо этого загнали в лощину. Похоже, что они хотели нас взять живыми.

- Ты прав, - согласился я. - Они как будто нарочно стреляли перед нами. Но зачем?

- Вообще-то это давняя задача ХАМАСа - захватить живых заложников, чтобы начать переговоры об освобождении террористов.

- В любом случае, я сыт по горло всеми этими приключениями, - сказал Давид. - Пойду перезагружусь. Оперативная память не выдерживает.

Все мы, долго не раздумывая, последовали его примеру.

Когда я через три часа проснулся, все уже встали. Давид сидел за столом и пил чай. Халед расположился перед телевизором, смотрел какой-то иорданский канал. Андрей сидел в углу и читал газету «Вести», которую приобрел еще на прошлой неделе. Зевая, он лениво просматривал раздел знакомств.

- Почему брачные объявления дают только одинокие? - сладко потягиваясь, спросил Андрей. - Это несправедливо. Женатые люди тоже имеют право.

- Перестань чепуху молоть, - отозвалась Сарит.

- Да я хоть сейчас для тебя брачное объявление сочиню. Тебе сколько лет?

- Мне? Двадцать девять.

- А родилась ты где?

- Говорят, что в Москве. Но сама я об этом ничего не помню.

- Не важно. Слушай. Объявление такое: Поселенка. Сионистка. Родом из Москвы. 29 + 2. Рост 160. Вес 49. Счастлива в браке. Звонками просьба не беспокоить.

- Какое ж это брачное объявление?

- А какое еще? Ты объявляешь, что состоишь в браке, значит, объявление именно брачное.

- Логично, - согласилась Сарит, и добавила: - И к тому же все параметры указаны точно: и рост, и вес, и все прочее. И про внутреннее состояние… Ты очень наблюдателен.

В этот момент Халед переключился на израильский канал, где какие-то голые люди скакали по сцене, самозабвенно размахивая конечностями.

- Ба! - засмеялся Андрей. - Глобальное поглупение! Я смотрю, у вас то же самое показывают, что и у нас. Настоящий «Королевский жираф».

- «Королевский жираф»? - переспросил я.

- Это из «Геккельбери Финна», - пояснил Андрей. - Там Король и Герцог развесили в каком-то городе афиши театра, прозванного ими «Королевский Жираф». Они заинтриговали публику и имели большие сборы. А само представление состояло в том, что Король голым проскакал по сцене. Возмущенные зрители после этого пытались их вымазать в дегте и обвалять в пуху. А вот в наше время смотреть таких голых королей ходит самая изысканная публика.

- Перемазать этих танцоров дегтем мы не в состоянии, но право выключить телевизор у нас, кажется, еще никто не отнял? - заметила Сарит.

- Смотрите-ка, у нас тут полный консенсус образовался, - усмехнулся Халед, вырубив ящик. - Три мировые религии в полном согласии между собой - против западной культуры!

- В данном случае это, к сожалению, не столько западная культура, сколько массовое бескультурье, - встала на защиту западной цивилизации Сарит.

- Тем не менее это правда: мы действительно представители трех авраамитических религий - и, действительно, пребываем в некотором согласии! - задумчиво произнес Андрей. - Образуем собой, так сказать, мирный авраамов треугольник. Ивритоязычный, кстати.

- Мирный он только потому, что мы не говорим на религиозные темы, - предположил Давид.

- Ты просто не в курсе, Давид, но мы с Андреем религиозных тем постоянно касаемся, - ответил я. - Давай, Халед, присоединяйся. Готов ислам к диалогу?

- Не все правоверные его приветствуют, но сподвижники Мухамада - халиф Умар ибн Хаттаб и Абдуллах ибн Амру учили с евреями Тору. И хотя первого пророк за это выговаривал, второму он сказал: «Ты должен читать обе книги - Коран и Тору». Так что мы обсуждаем?

- Во-первых, - выпалил Андрей, - давно хотелось узнать про «кувшин Мухаммада». То есть, действительно ли существует такая легенда, что пока душа пророка вознеслась на небеса, его рука успела выронить кувшин и подхватить его?

- Почему же душа? Ночной перенос касался тела. Но это верно, пока кувшин падал, много чего произошло. Ангел Джибрил вывел пророка из дома во двор, усадил на небесного коня Бурака и тот унес его в мечеть Аль Аксу. Там Мухаммад повстречался с Ибрагимом, Мусой и Исой и помолился с ними. Затем ему поднесли чашу молока, и только после того по лестнице, скрывавшейся в луче света, пророк поднялся на первое небо, а с него поочередно до седьмого. Когда он спустился, Бурак вернул его в Мекку, где пророк успел подхватить кувшин.

- Поразительно! - обрадовался Андрей. - Просто поразительно! Тут теория относительности встречается с мистикой! Я давно знал, что телепортацию можно объяснить играми с четвертым пространственным измерением, но только сейчас сообразил, что в других измерениях это будет казаться перемещением на космических скоростях! Сколько интересно от Мекки до Иерусалима? Тысяча километров наверняка, если не больше!

- При чем тут Иерусалим? - усмехнулся Халед. - Вы хоть знаете, где мечеть Аль-Акса находится?

- Как это где? На Храмовой горе, - выпалил я.

- Но название мечети указано в самом Коране, который был написан до того, как Храмовая гора оказалась под властью ислама. Как же так?

- Аль-Акса упоминается в Коране? - удивился я. - Что же это значит?

- Это значит, что Коран мог иметь в виду только ту мечеть Аль-Акса, которая существовала при жизни пророка и поныне стоит на том же месте - в полусотне километров от Мекки. Так что в действительности скорость Бурака была раз в тридцать меньше той, которую ему приписывают некоторые простаки вроде вас.

- То есть на Храмовой горе построили вторую Аль-Аксу только затем, чтобы пометить место?! - поразился я.

- Не знаю, с этой ли целью строились Аль-Акса и Куббат ас-Сахра, - сказал Халед. - Но я знаю другое. Я знаю, что завоеватель Иерусалима халиф Умар ибн Хаттаб считал Храмовую гору еврейской святыней. Он очистил гору от мусора, которым завалили ее христиане, и разрешил евреям на ней молиться, что они и делали до прихода крестоносцев. Да и всегда находились авторитетные ученые, отрицающие какую-либо связь ислама с Иерусалимом, тот же Ибн Таймия, например.

Все притихли, переваривая свежую информацию тысячелетней давности.

- Но я еще кое-что хотел тебя спросить, Халед, - прервал молчание Андрей. - в христианстве один Мессия, в иудаизме два. А вот у вас сколько Мессий?

- Один, - решительно ответил Халед, но потом, подумав, добавил: - Впрочем, если очень захочется, то можно, пожалуй, сказать, что и два. Ведь, с одной стороны, Иса считается Мессией и его прихода ожидают, а с другой стороны существует другой провозвестник последних времен - Махди. Да, в принципе можно так сказать, что у нас ждут иИсу, и кого-то другого, второго.

- И как же их соотносят?

- Я никогда этим не интересовался, не знаю. Хотя, возможно, что это как-то связано с Кутбом.

- Это еще кто?

- Кто такой Кутб? Первый человек в той невидимой иерархии праведников, между которыми имеется незримая мистическая связь…

- Отсюда, пожалуйста, подробнее, - распорядился Андрей.

- Пожалуйста. В эту иерархию входят сотни, возможно, даже тысячи святых мессианских душ, а во главе них стоит верховный Вали, Святой, проживающий в Мекке. Он - совершенный человек. Он - непогрешимый наместник Бога на земле. Его и зовут Кутбом, то есть Полюсом времени, владыкой эпохи, потому что он - глава всех современных ему праведников. Он правит миром, но правит тайно.

- Однако я так и не понял, как этот Кутб связан с двумя Мессиями?

- Видишь ли, по Ибн-Араби, существуют две святости: общая святость, присущая всем людям, и святость только мусульманская, мухаммадовская. «Печатью» первого вида святости, Ибн-Араби считал Ису, а источником второго вида - как раз верховного суфию, Кутба. Вот и выходит, что Мессий, то есть верховных праведников, двое - Иса и Кутб.

- Но ты же сказал, что Кутбов много? - удивился я.

- Кутбов много, но восходят-то они все к одной личности.

- Это, видимо, как папа римский, - пояснил Андрей. - Папа римский один, а одних только Иоаннов - двадцать три. А ты знаешь имя хотя бы одного Кутба?

- Одного? Пожалуйста: Ибн-Араби.

- Ибн-Араби, когда он жил! А сейчас? Сейчас кто-то такой есть?

- Конечно. Но я же сказал, он тайный… Его знают только святые. Кутб неприметно живет в Мекке среди обычных людей и не имеет ничего общего с местной знатью. О существовании Кутба даже далеко не все мусульмане слышали…

- А как же он управляет миром?

- Во-первых, Кутб поддерживает мистическую связь со всеми святыми и поручает им миссии. Кроме того, он подстраивает разные события. Я, например, уверен, что наша встреча на перекрестке Адам была устроена Кутбом…

- Ах, вот почему тот араб решил на Андрея наехать, - скептически заметил я. - Кутб просигналил!

- Не смейся. Я как раз хотел вам рассказать, что на самом деле та машина метила в меня. Кутб просто по этому случаю собрал нас всех на том перекрестке.

- Что ж ты все это время молчал?! - набросились все сразу на Халеда.

- Раньше я не мог этого рассказать. Так, слушайте. Началось все с того, что за неделю до того наезда арестовали моего соседа - хамасника, и мой двоюродный брат Маруан пришел к выводу, что сдал этого хамасника израильтянам не кто иной, как я.

- И так оно и было?

- В том то и дело, что нет. Так вот, Маруан решил ни с кем своими подозрениями не делиться, а просто тихо прикончить меня и смыть позор с семьи. Он заманил меня на один склад, объявил, что уверен, будто бы соседа выдал именно я - тому он привел какие-то «неопровержимые» доказательства - и набросился на меня с ножом. По счастью, он поскользнулся и упал, я же тем временем убежал. Опасаясь, что Маруан от замысла своего не откажется, я решил переговорить с одним нашим родственником, который, как мне казалось, мог иметь влияние на Маруана. Родственник тот Маруану сразу позвонил, но не только его не переубедил, но проболтался, что я нахожусь у него и что скоро уеду в Иерусалим… Маруан помчался на перехват и, увидев меня на дороге, попытался сбить. Это было чисто наше семейное дело, и поэтому я сказал в полиции, что водитель мне не знаком. Благо он был в куфье.

- Ну а нам-то ты почему ничего не сказал? - удивился я.

- Потому что я не рассказал об этом не только полиции, но и своему офицеру из ШАБАКа. А частному лицу я не могу сказать больше того, что сказал своему офицеру.

- Понятно, - сказал я. - Профессиональная этика. Почему же сейчас говоришь?

- Во-первых, потому что офицер у меня с той поры сменился, а во-вторых, сейчас я и ему готов эту историю рассказать, если бы надобность была. Столько воды утекло, и Маруану ничего уже не угрожает.

- А как же это все закончилось? Ты ведь вроде и потом продолжал в Рамалле жить.

- Хамасника того отпустили через две недели после ареста, и все подозрения в мой адрес были развеяны. Эта история даже помогла мне…

- Но с чего ты взял, что это все именно Кутб организовал?!

- Разве ты не видишь, что это было как будто нарочно кем-то подстроено? Как будто кем-то придумано? Один этот приступ сумасшествия у Маруана чего стоит…

- Но почему подстроено Кутбом?

- Ну, я не утверждаю этого наверняка, - замялся Халед. - Просто как пример.

- Ури, как же мы забыли, - воскликнула вдруг Сарит. - Помнишь, мы вычислили с тобой, на что пришелся день нашего знакомства?

- Действительно! Как же я раньше, в самом деле, этого всем не показал!

Я бросился к столу и стал искать записи, сделанные мною и Сарит почти год назад. Именно тогда, уча с ней трактат Сангедрин, мы натолкнулись на 38-й странице на следующий мидраш, уточняющий порядок событий шестого дня творения:

«В первый час был замешан прах, во второй придана форма, в третий создана фигура, в четвертый в него была вселена душа, в пятый он был поставлен на ноги, в шестом он дал имена животным, в седьмой час была создана Хава, в восьмой взошли на по-

стель двое - сошли четверо, в девятом часу был дан запрет вкушать от древа познания, в десятом часу нарушили заповедь, в одиннадцать часов человек был судим и в двенадцать изгнан».

Разбирая тогда с Сарит это место, мы вышли по разным ссылкам на следующий комментарий к книге «Зоар» Виленского Гаона: «все дни сотворения мира - намек на шесть тысячелетий, соответствующие шести дням творения. Они проявляются в тысячелетиях, каждый в свой день и в свой час. И отсюда знай о приближении избавления».

Иными словами, Божественные акты, совершенные в шесть дней миротворения, отражаются и в соответствующих им тысячелетиях, по слову псалма: «у Тебя тысяча лет, как день». Так, например, два сотворенных в четвертый день светила - это, по утверждению Виленского Гаона, Первый и Второй Иерусалимские Храмы, возведенные именно в четвертом тысячелетии после сотворения Адама.

Мы с Сарит составили соответствие расписанных в Гемаре событий шестому тысячелетию еврейского летоисчисления и обнаружили, что «девять часов» пробило с наступлением нового 5750 года, то есть в день нашего с Сарит знакомства!

Я извлек из стола составленную нами таблицу:

«1-й час Шестого тысячелетия, в период с 1240 (5000) по 1323 (5083) год - в истории замешивался материал, из которого изготовлялся человек.

2-й час с 1323 (5083) по 1406 (5166) - человеку придавалась форма;

3-й час с 1406 (5166) по 1490 (5250) - создавалась его фигура;

4-й час с 1490 (5250) по 1573 (5333) - в человечество была вселена душа;

5-й час с1573 (5333) по 1656 (5416) - человечество встало на ноги;

6-й час с 1656 (5416) по 1740 (5500) - оно стало давать имена животным;

7-й час с 1740 (5500) по 1823 (5583) - была создана женщина;

8-й час с 1823 (5583) по 1906 (5666) - на постель поднялись двое и спустились четверо (родились Каин и Авель);

9-й час с 1906 (5666) по 1989 (5749) - человечество получило запрет вкушать от древа познания;

10-й час с 1989 (5749) по 2073 (5833) - человечество нарушит запрет;

11 часов, т.е. в 2156 году (5916) - человечество будет судимо и

12 часов - в 2240 году (6000) - будет изгнано (по другой версии, прощено)».

- Что это? - спросил Андрей.

- Это соответствие столетий нашего шестого тысячелетия часам шестого дня творения, - сказал я. - Мы с Сарит обнаружили, что если разделить шестое тысячелетие на двенадцать часов, то десятый час должен был начаться как раз на Рош-Ашана того 5750 года, когда мы встретились на перекрестке Адам.

- Какой еще час? Какое еще тысячелетие? - недоумевал Халед.

- Какое? Последнее, шестое тысячелетие. Сейчас у нас на дворе 5762 год от сотворения мира. Согласно Гемаре, человеческая история будет продолжаться шесть тысячелетий, то есть еще 238 лет. А в 2240 году наступит «суббота», тысячелетнее царство.

- А при чем здесь двенадцать часов? - недоумевал Андрей.

- Каждое тысячелетие - это как бы день, и его как обычный день можно разделить на двенадцать часов, тогда получится, что в Рош-Ашана 5750 (1989) года пробило девять часов.

- Но почему на двенадцать? На двадцать четыре вроде бы надо было делить? - заспорил Андрей.

- Речь идет только о дневном времени, которое мудрецы делят на двенадцать часов. Именно день соответствует тысяче лет.

- А как вы точную дату посчитали? - продолжал дознаваться Андрей. - Откуда ты взял, что час этот именно на Рош-Хашана выпадает?

- Это просто. Час длится 83 полных года плюс треть. Это значит, что каждый третий час выпадает именно на новолетие. Девять часов пробили как раз на тот Рош-Хашана 1989 года. Но интересно другое. Интересно, что в Гемаре относительно последнего шестого дня творения приводится почасовая сводка, и мы не просто знаем начало часа, но знаем и его смысл. В десятом часу Адам съел запретный плод.

- В какое непростое время мы, оказывается, живем, - пробормотал Давид. - Час грехопадения!

- Но, может быть, все и не так драматично, - возразил Андрей. - Ведь грехопадение-то это связано с вкушением от древа познания. Именно на познании, может быть, как раз и стоит акцентироваться? Посмотрите, какой взрыв технологий мы в последнее время наблюдаем. Знаете, что такое интербрейнет?

- Нет! - ответил я за всех. - Что это еще?

- Это биоэлектротехническое обеспечение Экзистенционала. Другими словами, непосредственная связь мозга с персональным компьютером, а через него со всем человечеством и мировой информационной сетью, обрабатываемой искусственным интеллектом. Всезнание.

- Как это возможно? - удивился Давид.

- Очень просто. По окончании детского садика или на худой конец начальной школы в мозг вживляется чип, к которому через специальную шапочку крепится антенна, человек подключается к мировой базе данных и свободно обменивается мыслями с себе подобными. Коллективный разум… Чем это не вкушение от древа познания?

- Жуть какая-то! - поежилась Сарит. - Откуда ты это взял?

- Не важно, долго рассказывать.

- В интернете нашел? - догадался я. - Ну и что там пишут? Когда уже эти шапочки в продажу поступят?

- Довольно скоро. Говорят, уже в 20-х, максимум в 30-х годах. А это, действительно, полностью соответствует одному из моих расчетов наступления точки «Омега»…

- Напомни, как ты этот расчет производил? Темпы прогресса у тебя ускоряются логарифмически - это я помню. Помню также, что последнее столетие истории ты связал с экзистенциальной философией, и поэтому последнее десятилетие у тебя приходится на 20-е годы нынешнего века. Но не помню, чем примечателен X век, в который началось последнее тысячелетие?

- Ничем он не примечателен. Я назвал это время - временем сна разума. Европейская мысль творилась из ничего. Я это так объясняю. Впрочем, теперь мне все чаще кажется, что началом последнего, тысячелетия, после которого наступает последнее столетие и последнее десятилетие, следует признать век схоластики: все же именно там - исток европейского рационализма. А тогда точка «Омега» придется как раз достаточно близко к вашему еврейскому «концу света», то есть к 2240 году. Дай-ка мне твою таблицу посмотреть…

Андрей взял лист, на котором мы с Сарит расписали соответствие лет часам, и бегло его проинтерпретировал:

- Ну конечно, Проторенессанс и Ренессанс - это подготовительный период, период замеса и придания формы. А входит душа нового свободного человека как раз на излете Ренессанса, в век Коперника, в век великих географических открытий - то есть с 1490 по 1573 год. Человеческая независимость ведь, в самом деле, с великих географических открытий началась, тогда человек стал покидать берега родных конфессий и уплывать в Неведомое. А смотри дальше, как все точно сходится: именно в эпоху Шекспира и Сервантеса, то есть с 1573 по 1656 год, когда «рвалась связь времен», человечество «встало на ноги», стало ходить без помочей традиционных учений.

- Ну а час, когда давались «имена животным»? Чему это может соответствовать? - поинтересовался Давид.

- Период с 1656 по 1740 год явно совпадает с началом Нового времени, с периодом зарождения классической науки и научной систематизации: Линней и его предшественники. Так что с именами, которые даются животным, - все просто в яблочко. Ну, а с 1740 по 1823 - час «создания женщины» - также удивительно точно совпадает. Ведь это время зарождения женской эмансипации, пора «классического феминизма». Восьмой час - с 1823 по 1906. Ты говоришь, Ури, что в этот час Адам вошел к Еве и родил Каина и Авеля? Это тоже соответствует. Ведь это и в самом деле «медовый час» человечества, в который пожинались плоды истории, но еще не предчувствовался ужас надвигающейся катастрофы. Девятый час - с 1906 по 1989 - эпоха тоталитаризма: человечество получило серьезное предупреждение… И, наконец, наступивший сразу после нашей встречи в 1989 году десятый час - загадочный и тревожный… человечество нарушает запрет, человек достигает всезнания.

* * *

В начале августа, когда Андрей уже стал собираться к отъезду, Сарит предложила справиться о рукописи в самом Управлении древностей:

- А может быть, рассказать эту историю с определенными купюрами, разумеется, кому-нибудь из Управления и выяснить, что им известно о рукописи.

- Но ты же знаешь, что они не видели никакой рукописи. Пинхас даже не показывал им ее. Я ведь уже все выяснил.

- Правильно, Пинхас рукописи не показывал. Но, может быть, он все же кому-то что-нибудь открыл. Знаешь, что надо сделать? Я просто обращусь к одному своему знакомому, Моше, он работает в Управлении, вдруг он что-нибудь слышал.

Не откладывая в долгий ящик, Сарит позвонила Моше, и мы договорились встретиться на другой день у него на работе.

- Мы точно знаем, что два года назад Пинхас нашел в ущелье Макух какую-то рукопись, - сказала Сарит Моше. - Но все, кого мы здесь в Управлении древностей о ней спрашивали, говорят, что ни-

чего о ней не знают. Ты можешь нам что-нибудь объяснить?

- Откуда тебе вообще известно, что он нашел рукопись? Ведь ты с ним вроде бы не в лучших отношениях?

- Мы с Ури знаем об этом точно, потому что сами были в это время в ущелье Макух. Об остальном мне говорить неудобно. Это личное.

- Это очень странно. Мне Пинхас действительно ничего не рассказывал. Когда это вообще было?

- Мы же сказали, в 2001 году, в январе.

- Вы можете сказать точную дату? Можно проверить среди общей регистрации.

- Ну это можно сказать достаточно точно. Это произошло дней за десять до нашего с Пинхасом развода… Развелись мы, я точно помню, 23 января. А вот еще я помню, что мы собирались в дорогу на исходе субботы, а стало быть, спустились в ущелье Макух в воскресенье. Если вы дадите мне календарь, я вам точно скажу.

Моше открыл на компьютере календарную программу. Оказалось, что воскресенье приходилось на 14 января. Моше куда-то вышел, что-то проверил и, как и ожидалось, объявил, что ничего не обнаружил.

Мы уже хотели уходить, как лицо Моше вдруг стало медленно вытягиваться.

- Подождите! - воскликнул он. - Нам не нужна была никакая проверка. Я, кажется, понимаю, что произошло…

Он смотрел на нас ошарашенно, соображая что-то про себя. Наконец он заговорил:

- Насколько я помню, как раз в то время Пинхас подвергся нападению террористов. Это было действительно рядом с ущельем Макух. На отрезке шоссе между перекрестком Михмас и выездом на объездную дорогу вокруг Рамаллы… В его автомобиль была брошена бутылка с зажигательной смесью. Он не пострадал, но машина сгорела дотла… Неужели в ней была рукопись?

- А вы можете точно установить дату этого нападения?

- Разумеется. Машина принадлежала Управлению древностей. Вся документация должна быть на месте, ведь должна была оформляться выплата страховки. Но это точно тот самый случай! Теперь я понимаю, почему с тех пор он стал как-то мрачен. Бедный Пинхас…

- Помнишь, - сказал я Сарит, когда мы вышли, - как Пинхас выглядел в рабануте во время развода? Теперь все понятно. Рукописи действительно не существует. Существуют лишь фотокопии нескольких малозначащих страниц…

Андрей, ожидавший нас на улице, принял это известие стоически. Он уже не раз прощался со своей рукописью и, кажется, стал привыкать.

* * *

Однако через пару дней все снова переигралось: Моше позвонил нам и сообщил, что он все же проверил документацию и выяснил, что автомобиль был сожжен… 21 марта, то есть почти через два месяца после нашей экспедиции в вади Макух!

- Так где же может быть рукопись? - воскликнул я.

- Она была похищена, - донеслось из трубки.

- Как, Пинхас рассказал, что произошло?.. - буквально подскочил я на стуле.

- Без особых уговоров.

- Что, что он рассказал?! - сгорая от нетерпения, воскликнул я.

- Оказалось, что на другое утро, когда он вылез из пещеры, в которой была найдена рукопись, его уже ждали у самого лаза три бедуина, по глаза замотанные куфиями. Они сбили его с ног, оглушили и отобрали все его археологические находки, включая рукопись… Хорошо еще живой остался… Пинхас был знаком со многими местными бедуинами, но этих, во-первых, не опознал, а во-вторых, даже если бы и опознал, ничего не мог бы против них предпринять, так как инцидент произошел на территории автономии, куда ему - Пинхасу - в это время было даже запрещено заходить приказом командования. Поэтому он даже не обратился в по-

лицию. Так что, может быть, рукопись продана, а может быть, просто где-нибудь спрятана до лучших времен, как и множество других рукописей, обнаруженных в Иудейской пустыне бедуинами.

- А может быть, уже томится в спецхране Ватикана, - мысленно добавил я от себя.

* * *

Даже несмотря на женитьбу и связанные с семейной жизнью дополнительные расходы, три года работы программистом все же принесли мне некоторые сбережения, и осенью 2002 года я снова вошел в долю с Шимоном, который еще год назад начал как-то восстанавливать наше хозяйство.

Как раз в ту пору, когда я покинул хайтек и вернулся, наконец, к своим овцам, в Израиле появилась Катя. Она приехала с группой паломников, время ее было полностью расписано, но для нас у нее несколько часов все же нашлось.

Я встретил ее в Иерусалиме и повез к нам.

Въехав на Инбалим, я издали показал Кате свои загоны и ввел ее в караван.

Сарит уже накрыла стол. Катя очень хвалила Саритину выпечку, но почти ничего не ела. Она выглядела очень усталой от множества новых впечатлений.

- Прости, Катя, мы не поняли, что у вас произошло… Вы нам такой хорошей парой казались, - сказала Сарит.

- Мы и были хорошая пара, просто обнаружили в себе другое призвание, - мягко возразила Катя.

- Но это как-то связано с тем, что Семен должен был стать священником? Ведь это как-то одновременно случилось. Или я что-то не понимаю?

Катя несколько смутилась.

- Ну, это спровоцировало, конечно.

- Каким же образом?

- Видишь ли, после рукоположения брак наш должен был бы стать нерасторжимым, и Семен в моих интересах стал настаивать на том, чтобы мы развелись. Он говорил мне: «Я склоняюсь стать монахом, и мое намерение не должно тебя связывать. После моего рукоположения нас уже не разведут, так что давай решайся». Ну и я, так же, как и он, решилась пойти в монастырь. Но в действительности мы давно это задумали…

- Как давно?

- Я что, на допросе? - улыбнулась Катя.

- И все-таки?

- Ну даже в тот ваш первый приезд мы об этом подумывали.

- Так вы развелись, я не поняла?

- Ну в самом деле, Сарит, какая тебе разница? - вступился я, заметив выступившую краску на Катиных скулах. - Оставь Катю в покое.

Мы провели еще одну импровизированную экскурсию по ближайшим холмам, дойдя до обрыва, которым разрезает пустыню ущелье Макух, а затем посадили Катю на автобус в Иерусалим, где ее уже ждали паломники.

- Ну вот ты видишь, я была права, - сказала Сарит, когда мы остались одни. - Все их монашество - это просто замаскированный развод. Они просто не поладили, уверяю тебя. Эта Катя сама не знает, чего хочет.

2003

В январе 2003 года к власти пришел «Ликуд». Все в моем окружении радовались, однако у меня сразу возникли подозрения, что Шарон затевает что-то недоброе. Дело в том, что в состав своего правительства он включил не естественных и традиционных союзников Ликуда - религиозные партии, а их ярых противников - антиклерикальную партию «Шинуй».

Потом пошли слухи, будто бы Шарон хочет ликвидировать десяток поселений в Самарии. А в мае правительство с известными оговорками согласилось принять навязываемый «международным сообществом» план «Дорожная карта», предусматривающий полное отступление Израиля из Иудеи и Самарии и создание на этой территории Палестинского государства.

Вскоре после этого, в начале июня, мы с Сарит поехали на Субботу в Кирьят-Арбу. После утренней трапезы мы, оставив детей у Саритиной подруги, пошли прогуляться по еврейскому Хеврону и взглянуть на занятые поселенцами лавки оптового рынка.

Эти арабские лавки были закрыты армией после того, как палестинский снайпер застрелил полуторагодовалую Шалхевет Пас, спавшую на руках у матери. Но земля, на которой эти лавки размещались, издавна принадлежала евреям. Имелись документы, подлинность которых никто не оспаривал. На этом основании десяток еврейских семей вселились в эти лавки.

Мы пришли на рынок и остановились возле одного из этих заселенных евреями строений. Сарит заговорила с одной поселенкой с ребенком на руках, которая стояла в дверях своего жилища. Я тем временем стал оглядываться вокруг и вдруг увидел среди арабской

толпы знакомое женское лицо. Я поначалу не мог понять, кто это. Женщина исчезла. Но я быстро пошел в сторону толпы и, наконец, разглядел ее…

И тогда вдруг я опознал в этой арабской женщине в характерном одноцветном лиловом платке и длинном до пола темном платье… Ольгу! Сперва я все-таки подумал, что ошибся. Потом, когда понял, что передо мной именно она, решил, что это маскарад. И лишь в следующий миг, когда она оживленно заговорила со стоявшим рядом с ней арабом, я все понял: Ольга была русской женщиной, принявшей ислам!

Я не мог оторвать от Ольги ошеломленного взгляда. Она, по-видимому, почувствовала его, повернула голову в мою сторону и наши глаза встретились.

На лице Ольги промелькнула усмешка. Она дернула за рукав мужчину и что-то ему сказала. Он пристально и мрачно посмотрел на меня… Потом они вместе повернулись и скрылись за углом. Сарит, которую я, наконец, окликнул, не успела ее разглядеть.

Трудно описать мое потрясение. На протяжении многих лет я принимал за еврейскую поселенку хевронскую мусульманку! А ведь она, по-видимому, ни разу не соврала мне. Просто умело играла на двусмысленности, явно этим забавляясь… Понятно также и почему она в Иерусалим так часто наведывалась: с российским паспортом можно с легкостью миновать блокпост. Наверняка ее в качестве связной использовали. Мне вспомнилось, как свободно Ольга ориентировалась на крышах арабского квартала Старого города, вспомнилось, как, звоня по просьбе Андрея ей на сотовый телефон, я услышал арабскую речь и с недоумением перезвонил, решив, что не туда попал. Осел! Как я не заподозрил этого раньше? Как я, в самом деле, медленно связываю всякие детали и обстоятельства! Впрочем, и Ольга никудышной шпионкой оказалась. Что ей помешало по-настоящему втереться нам в доверие? Только ее непробиваемое высокомерие.

С исходом субботы я позвонил Халеду и рассказал о своем открытии.

- Надо же, - сказал Халед. - Я-то думал на Пинхаса! А выходит именно через эту даму бедуины получили информацию о рукописи. Она тебя о рукописи расспрашивала?

- Не слезала с этой темы, - признался я. - Так ты думаешь, она была в связи с бедуинами?

- Сама едва ли, но она наверняка обо всем сообщила мужу, а уж тот, будь уверен, передал информацию куда следует.

- Послушай, но значит, и то нападение в ущелье Макух могло произойти по ее наводке? Те террористы, которые напали на нас, могли искать не заложников, а информацию о рукописи. Во всяком случае, выследить нас с помощью бедуинов им ничего не стоило… Хотя это и было уже после ограбления Пинхаса.

- Все возможно. Но как я понимаю, бедуины так и не поделились своей находкой с наводчиками.

* * *

Это событие на несколько дней вывело меня из равновесия. Я позвонил Андрею, рассказал о случившемся, и, пока мы разговаривали, утешали друг друга, шутили, я понял, что настолько соскучился по Андрею, что пообещал приехать Москву этим же летом.

Вообще-то мы с Сарит планировали съездить наконец в другие страны. Собирались в Прагу. Но поскольку Давид, который никогда не был в России во взрослом состоянии, тоже стал меня настойчиво уговаривать, то мы все вместе отправились в августе в Москву.

В аэропорту нас встретили Семен, который где-то достал автомобиль и повез нас прямо в Сокольники.

Признаться, я опасался, что рукоположение изменит его, но этого не случилось. Он, правда, заметно пополнел, но нисколько не утратил своей непосредственности и приветливости.

Андрей не ожидал гостей так скоро. Стол, от которого он оторвался, чтобы открыть нам дверь, был завален мелким хламом, книгами, посудой и материалами какого-то очередного проекта.

- Ну и навал у тебя, Председатель, - отметил Семен, окидывая взором открывшуюся ему картину.

- Если в голове порядок, то на письменном столе, может быть все что угодно…

- И что же у тебя сегодня в голове такого упорядоченного? Над чем работаем? Какими новыми открытиями ты готовишься осчастливить человечество?

- На сей раз не столько новыми открытиями, сколько новым романом об этих открытиях.

- Роман об открытиях? О каких открытиях?

- Да это та самая старая идея про двух Иисусов. Мне надоело дожидаться, пока разыщется моя рукопись, в которой описывается один из Иисусов, пострадавший на Суккот, и, быть может, даже вскользь говорится о другом, пострадавшем на Песах, и я решил самостоятельно восстановить события…

- Меня не устает удивлять, как это ты так хорошо знаешь, что там в твоей рукописи должно быть написано, - усмехнулся Семен. - Мы вот, например, с Ури иначе считаем. Мы думаем, что в ней идет речь об Учителе Праведности.

- Неважно. Пусть вы правы. Тогда должна существовать какая-то другая рукопись, в которой описываются два Иисуса.

- Почему это должна?

- Потому что евангельский образ двоится. Это тайна, которая сама рвется наружу, которая хватает тебя за горло и требует немедленного осмысления.

- А если такая рукопись не сыщется, что, на мой взгляд, вполне вероятно? Что тогда?

- Не имеет значения. Если не сыщется, то придумается!

- И это как раз то, что в твоей творческой лаборатории сейчас совершается?

- Вот именно. Поверь мне, что между обнаружением рукописи и ее выдумкой разница почти неуловима… Собственно, я еще давно составил согласование всех четырех евангелий из предположения,

что Иисусов два и что они оба сыны Давида. А теперь вот решил облечь этот материал в форму романа. После его публикации никто не сможет понять, как он вообще раньше мог думать, что в Евангелии только один главный герой.

- А тебя не беспокоит тот вред, который ты нанесешь своим романом христианству? - спросил Семен.

- Не беспокоит. Роман мой вообще может принести христианству только пользу. Подумай сам. Люди захотят проверить, верно ли я все написал, и, наконец, прочитают Евангелие! Я колоссальную пользу принесу церкви своей книгой…

- Ну-ну, - усмехнулся Семен. - Только как ты потом будешь перед Богом за свою пользу отчитываться? Сказано: горе тому, кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня. А ты множество и великих, и малых взбаламутишь.

- Никого я не взбаламучу, - решительно возразил Андрей. - Я всего лишь анализирую наличный священный текст, который оказался гораздо богаче, чем все эти века полагали. Я всего лишь согласовываю Евангелия. Я даже и роман свой хочу назвать «Конкордация» - согласование…

- Ну как же, как же! - усмехнулся Семен. - Сижу себе, не шалю, никого не трогаю, конкордацию составляю!

- Верно, никого не трогаю! Я ведь, заметь, не просто конкордацию, а роман пишу. А роман невинен и неподсуден, как ребенок. Ведь роман - это заведомая условность, игра. Его так и называют - «фикция», «fiction». Если я напишу роман о двух Иисусах, то получу полное алиби. Вопрос: «откуда я все это взял?» будет снят, даже не прозвучав. Автор - ведь он как бог, он также автоматически наделен всезнанием и всемогуществом. Толстой, например, знает, что творится в голове Пьера Безухова, хотя тот никому о своем намерении прикончить Наполеона не рассказывал, а Достоевский следит за вызреванием преступного плана в голове Раскольникова. И никто со смехом на этих писателей пальцем не тычет… Если тебя не возмущает эта условность, то тебя не должна смущать и моя осве-

домленность относительно подробности жизни двух Иисусов и, главное, относительно их теологических представлений. Моя теология - литературная. С нее взятки гладки.

- Уже не терпится твой роман прочитать, - сказал я. А Давид добавил:

- Ты только не разъясняй там всего. Побольше туману напусти - публика это любит.

- Хорошо, ты напишешь историю, но смысл-то в ней какой? - продолжал гнуть свое Семен. - Ведь два Спасителя - это полная ерунда. Какой - пусть даже и литературный - смысл в двух Спасителях, которые даже друг о друге ничего не слышали? Ведь по твоей новой версии, они друг о друге ничего не слышали?

- Да тут сколько хочешь можно смыслов усмотреть. Вот у евреев по традиции должно быть два спасителя. И они вовсе не обязательно должны быть знакомы… Что вообще в этом странного? Если Учитель посылал своих учеников по двое, то почему сам он не мог быть послан в паре с кем-то?

- Ну если, конечно, считать, что Мессия - простой человек, то тогда может быть. Но ведь соль христианства в том, что Иисус - это сам Бог во плоти.

- Да что вам так далась эта его божественность? - усмехнулся Андрей. - Если вы любите Иисуса только за то, что он Бог, то чего особенного делаете? Не то же ли делают и язычники? Подумай, ведь если вдруг окажется, что Иисус действительно только человек, а другими словами - просто еврей, то при всех тех же его речениях и деяниях, вы потеряете к нему всякий интерес! Ну кто вы, если не язычники?

- Не уходи от ответа. Ты должен признать, что христианская теология не может принять двух Мессий и остаться при этом христианской, то есть исповедующей явление Бога во плоти.

- Почему не может? Я тебе и такую теологию могу предложить.

- Теологию двойного воплощения?

- В каком-то смысле двойного.

- Как же это?

- Согласно этой теологии, Иисус синоптиков - это только человек, то есть это праведник, которому поручено дело победы над смертью. Это столбовой и, так сказать, иудейский путь спасения, как сказано в Писании: «праведник - основа мира»... Но поскольку Всевышний и «святым Своим не доверяет», поскольку Всевышний признает, что человек - существо ненадежное и, сойдя в ад, может оттуда не выбраться, то Он также и Сам совершает этот подвиг в лице описанного Иоанном Иисуса-Бога. Это запасной христианский путь. Вот тебе, пожалуйста, теология сочетанного воплощения.

- Тут у тебя что-то не сходится, - усмехнулся Семен. - Насколько я понял, твой Иисус, который воплощенный Бог, погибает и воскресает после того, как уже воскрес Иисус - «только человек». Зачем? Ведь по твоей мысли так должно выходить, что Иисусу-Богу нужно было бы появиться на арене только в том случае, если бы Иисус-человек не воскрес. А так какой смысл? Или, может быть, Иисус-человек, по твоей новой версии, и не воскресал?

- Нет, почему же? Оба воскресли. Иначе синоптических евангелий просто не существовало бы...

- Постой, - вдруг опомнился Семен, у которого наконец сработал его христианский инстинкт. - Что ты мне голову морочишь! Если твой второй Иисус - воплощенный Бог, то именно он всю работу и делает! Первый может воскресать, может не воскресать, но его вечная судьба, как и судьба всех прочих людей, зависит от того, исповедует ли он Христа, исповедует ли он Бога во плоти, который, по твоему утверждению, описан только евангелистом Иоанном. Твой синоптический Иисус оказывается в одном ряду с прочими праведными евреями, с тем же Иоанном Крестителем... но он никого не спасает. Спасает вочеловечившийся Бог.

Андрей собрался уже что-то ответить, но я не выдержал и опередил его:

- Семен, опомнись. Это же ярлыки. Я никогда не думал о христианстве так дурно, как ты его сейчас представил. Неужели вы и в самом деле такие замороченные? Неужели вы и в самом деле потеряете к своему Иисусу всякий интерес, если решите, что он только человек?

- К счастью, перед такой дилеммой мы не стоим.

- Стоим, стоим, - решительно возразил Андрей. - И именно тот факт, что Иисусов два, дилемму эту разрешает.

Семен вопросительно посмотрел на Андрея, который продолжал:

- Ты же знаешь, что ни Восточная, ни Западная церкви не дают определенного ответа на вопрос: воплотился ли бы Создатель в том случае, если бы Адам не согрешил? Мнения расходятся. С одной стороны, вроде бы понятно, что Ему не надо было бы в этом случае воплощаться, потому что не надо было бы спасать человечество. А с другой стороны, может быть, Бог воплотился из простой солидарности с человеком, безо всякой связи с первородным грехом. Это именно дилемма, которую Церковь не знает как разрешить… Согласно же моей литературной теологии все становится на свои места.

- Ну каким образом единый Бог мог воплотиться в двух людей? Это же полная чушь!

- Не такая уж это и чушь, Семен. Моя литературная теология предлагает два способа воплощения - снизу и сверху. В Иисусе Иоанна Бог воплощается как Слово, воплощается из солидарности с человечеством, и воскресает он как Бог, то есть, если бы Иисус Иоанна был бы просто человеком, то он, пожалуй бы, и не воскрес. Синоптический же Иисус, родившийся обыкновенным человеком, воскресает самостоятельно, избавляет всех людей и тем самым совершает «двекут», единение с Богом, то есть, другими словами, становится Богом. Эти два воплощения - сверху и снизу, дополняют друг друга и, как ты видишь, полностью соответствуют двум хри-

стологиям - «христологии сверху» и «христологии снизу», которые в рамках классического христианства как раз не очень стыкуются. Такова моя литературная теология…

- Да, все верно, только слово не то - это пародия, а не теология, - возмутился Семен. - После этого вообще никакую теологию всерьез уже нельзя воспринимать.

- А вот это, по-моему, как раз очень ценно, - оживился я. - В этом как раз большая заслуга Андрея. У нас вообще нет теологии. Евреи теологии нисколько не доверяют. Виленский Гаон писал, что за одно то, что евреи уклонялись от теологических изысканий, они удостоятся созерцания Божественного света…

- Ничего себе… - удивился Андрей. - Чем же это теология евреям не угодила?

- Нерелевантностью своей, - отрезал я. - Теология была у греков еще до того, как они обратились к Библии. Христианство просто приспособило еврейское откровение к этой уважаемой науке, и получилось то, что получилось… Евреи спорят не столько с троицей и воплощением, сколько с самой рационализацией религии.

- Но ведь и у евреев религиозных мыслителей хватает?

- Верно, вы затянули нас на свою площадку. Но для иудеев теология никогда не значила того, что она значила для христиан. У вас церковь убивала даже совершенных праведников только за неправильный образ мыслей, а у евреев что хочешь думай, хоть считай все наоборот, чем это принято, но если соблюдаешь закон - ты член общины.

- В этом что-то есть… - согласился Андрей. - Что ж, если кому-то не по нраву теология, я могу рассказать притчу: Благовестие подобно ядерному взрыву. - Андрей выжидающе обвел нас глазами.

- Нам будет дано какое-то разъяснение, или мы должны сами уловить сходство?

- Ты, Сёма, этой притчи в жизни не истолкуешь. Но тебе дано знать тайны Экзинстенционала, поэтому слушай. Общеизвестно, что все евангельские речения повторяют либо ветхозаветные, либо

талмудические. Скажем, что такие поучения составляют один процент от всех иудейских. И тогда это подобно естественному урану, содержащему приблизительно 99 процентов изотопа 238 и приблизительно один процент изотопа 235. Этот выделенный из естественного урана уран-235 собственно и представляет собой ядерную бомбу. Когда разбросанные по всем еврейским источникам этические высказывания сконцентрировались в одной небольшой книжице, то произошел взрыв. Как сказано: «огонь принес я на землю».

- Очень верная притча, - заметил я. - Рав Кук именно таким образом объяснял талмудическую притчу про Йешуа, который поклонился кирпичу. Он выхватил из здания один элемент и пренебрег всем остальным.

- Но это не все. Как известно, ядерный взрыв происходит при достижении критической массы, то есть в тот миг, когда сближаются две независимо очищенные порции урана-235. Евангелие Иоанна и Евангелие синоптиков - это две такие порции. Вы только представьте себе Новой Завет без одной из этих половин. Из такого источника может произойти либо маркионизм, либо эвионейство, но в любом случае не произойдет никакого ядерного взрыва.

- Впечатляет, - улыбнулся Семен.

- Эта же притча может служить ответом на вопрос: зачем понадобились два Иисуса, - загадочно добавил Андрей и, победно оглядев нас, продолжил: - Всеобщее воскресение требует такого количества энергии, которое достигается лишь при воскресении двух Мессий. Обрати внимание, Семен, у синоптиков рассказывается, что после воскресения Иисуса из гробов стали вставать праведники, но процесс оборвался. Поэтому, кстати, иудеи и не верят в Христа, считают его миссию провалившейся.

- Что ты мелешь? - засмеялся Семен. - Ведь и твое воскресение твоих двух Иисусов тоже не привело к всеобщему воскресению!

- Верно, но у меня хотя бы становится ясно, отчего так вышло. Это получилось из-за того, что знание о двух Иисусах до сих пор удерживается, от того, что они воспринимаются человечеством как одно лицо.

Только теперь я увидел, что творится на воздушном шаре моих друзей в чистых условиях, когда Катя не контролирует процесс воспарения.

- Что?! - подскочил Семен. - Ты все доводишь до абсурда, Андрей! Ты сам не веришь тому, что говоришь!

- Но как ты тогда можешь верить тому, что говоришь? То есть тому, что Христос кого-то спас? Ведь все его приверженцы остаются в гробах. Где Иоанн Златоуст, где Иоанн Кронштадтский? У меня хоть какое-то объяснение этому имеется, а у тебя и того нет…

- Нет, - упрямо мотал головой Семен. - Это абсурд. Ты и сам во все это не веришь. Ты просто смеешься надо мной.

- К тому же гипотеза двух Иисусов объясняет наличие двух изображений на туринской плащанице, - заявил Андрей, решивший, видимо, довести сегодня своего друга до обморока.

Семен вытаращил глаза. Он напряженно что-то соображал. Не дождавшись ответа, Андрей продолжил.

- Ты наверняка слышал, что на другой стороне туринской плащаницы недавно ученые обнаружили изображение другого лика, очень схожего с общеизвестным, но все же чем-то отличного…

- Ты серьезно хочешь сказать, что ученики использовали одно погребальное полотно дважды? - даже с какой-то жалостью в голосе спросил Семен.

- Если бы я думал, что имело место сознательное отождествление двух лиц, то такое предположение, при всей его странности, было бы вполне разумным. Но я думаю, что ученики одного Иисуса ничего не слышали о другом и не могли так поступить…

- Ну так как же это случилось?

- Если основное изображение человека мы имеем и спереди, и сзади, то есть он был явно завернут в этот саван, то у второго видна лишь лицевая часть… Иными словами, он находился снаружи савана. Объяснить это можно только одним образом: первый воскресший пришел приветствовать второго в момент его победы… Или, что тоже нельзя исключить, второй пришел поддержать первого в его решающий миг.

- Ну это уже слишком, - засмеялся Семен. - Твоя литературная теология на глазах превращается в остросюжетный триллер…

- Мне эта история с воскресениями, признаться, тоже не по сердцу, - поддержал я Семена. - Почему бы тебе, Андрей, не написать роман в духе того, как Маккоби всю эту историю представляет? Ну то есть, что Йешуа ожидал, что на Масличной горе произойдет явление Господа и враг будет повергнут, так как об этом предсказано пророком Захарией… Пусть бы даже их и два было, этих Иисусов, которые ожидали этого избавления. Пойми, нельзя поверить, будто бы Йешуа думал, что погибнет и в третий день воскреснет… Нет ничего такого в еврейской традиции.

- Зато есть в истории… - запальчиво воскликнул Андрей. - История подтвердила правоту церковного предания.

- Каким это образом?

- Видишь ли, между воскресением государства Израиль и воскресением Иисуса существует явная параллель. Воскресение Иисуса произошло через два дня после его смерти, точнее, на заре третьего дня, а воскресение Израиля - через два тысячелетия после завоевания Израиля Помпеем и потери государственной независимости, т.е. на заре третьего тысячелетия. А для Бога, как известно, тысяча лет - как один день! С Храмом, мне кажется, то же самое произойдет. Он будет восстановлен в третий день, как сказано: «Разрушьте Храм сей, и я в три дня воздвигну его»… Храм был разрушен в 70 году, значит, его восстановления можно ожидать по

прошествии двух тысячелетий, в начале третьего, то есть в 70-х годах нашего века. Сразу после того как пробьет десять часов… Это ведь, кажется, 2073 год?

- Точно, - кивнул я. - Тогда начнется час Божественного суда.

- А пока, кстати, я бы посоветовал вам установить на горе Сион голографическое изображение Третьего Храма, в котором виртуальные священники смогут приносить в жертву виртуальных агнцев. Пусть люди постепенно привыкают.

- Да уж! - усмехнулся я. - Это будет настоящее светопреставление! Но ты, Андрей, мне кажется, уклонился. Я не услышал ответа, почему ты не хочешь описать свой роман, как Маккоби это представляет? Ведь его идею, что арест Йешуа произошел на Суккот, а казнь - на Песах, ты легко смог бы обыграть.

- Да при всем желании, не могу я писать роман по Маккоби. Это невозможно, потому что я работаю не с теориями, пусть даже и самыми правдоподобными, а с наличным евангельским текстом, как его Святой Дух изложил. Согласно этому тексту, я очень извиняюсь, воскресения имели место, а бунта против римлян - не было.

- Так там еще написано, что евреи просили своего лютого врага распять для них их собственного Мессию. Ты что, и этот смехотворный поклеп сохранишь на правах священной коровы?

- По счастью, сами Евангелия позволяют эти обвинения дезавуировать. Существует не только исследование Маккоби, существует также книга Хаима Коэна, в которой вполне убедительно показывается, что евреи хотели избавить Иисуса из римских рук, а не казнить. Не бойся, грубых отклонений от действительности я не пропущу.

- Нет, ты мне все же скажи… Честно скажи, как ты веришь? - волновался Семен. - Ты можешь сказать честно?

- Ну правда, Семен. Я все уже сказал. Я верю в Благую весть, и в том, что в этой Вести вырисовывается еще один загадочный план, я усматриваю не противоречие, а дополнительную глубину. Поистине великое не может быть ни плоским, ни однозначным.

Семен ничего не ответил, только устало махнул рукой.

* * *

На другой день с утра мы с Сарит отправились показывать Давиду дом на Шаболовке, где я раньше жил, и другие места российской столицы, которые находил примечательными. Москва в целом выглядела краше и прибранней. Почти полностью исчезли матерные надписи на заборах, стенки на автобусных остановках в основном оставались целые, почти не попадались пьяные.

Давид остался на этот раз ночевать у папиной двоюродной сестры, а мы вернулись к Андрею. За ужином мы стали его расспрашивать о Кате.

- Она сейчас в одном подмосковном монастыре. Я, представьте, к ней иногда туда наезжаю. Порой мне даже удается ее оттуда вытянуть на прогулку. Но вообще-то ей недавно из-за меня нагоняй сделали, так что сейчас я взял небольшой тайм-аут.

- Так ты с ней, выходит, тесные отношения поддерживаешь?

- Устав монастыря этому не благоприятствует, приходится на всякие ухищрения идти, но сама Катя всегда мне рада. Спрашивает, когда я еще приеду. Ждет по-настоящему. Мы очень сдружились.

- Но ты, мне помнится, с пониманием к ее решению отнесся…

- Как тебе сказать? Это я с вами говорю как христианин, то есть доказываю, что монашество - это высокий идеал, но в присутствии Кати мой полемический заряд меняется на противоположный, и я склонен защищать как раз супружество. Я Кате объясняю, что есть мистики, которые утверждают, что браки заключаются даже в посмертии… Я не сказал ей, что сделаю ей в том мире предложение, но намекнул определенно…

- Ты знаешь, мы не поняли, в каком статусе сейчас Семен и Катя, они разведены? - спросила Сарит.

- Разведены? С какой стати они должны быть разведены? Они просто разошлись по монастырям.

- Нам Катя сказала, что Семен предлагал ей развестись, перед тем как рукополагаться. Но она не сказала, чем дело кончилось.

- Мне она ничего такого не говорила, - взволновался Андрей. - Ни она, ни Семен! Нет, нет, скорее никакого развода не было, иначе они бы мне сказали. Но это важный вопрос. Ведь Катя же обетов не давала пока, она на послушании там находится.

В этот самый момент раздался звонок. Андрей подошел к домофону.

- Это Катя! - растерянно улыбаясь, произнес он. - Просто галлюцинация какая-то!

Через минуту Катя стояла на пороге.

- Вот так визит! Так ты в Москве?

- Как видишь. Проходила мимо, дай, думаю, загляну.

Сарит извлекла из сумки лакомства, привезенные из Израиля. Она и покупала их специально для Кати, чтобы при случае в монастырь передать.

Андрей сиял и не отрывал взгляда от своей гостьи.

- Катюша, садись, угощайся. Все эти продукты израильские, кошерные, приобретены на деньги налогоплательщиков.

- На чьи - на чьи? - опешил я. - Это мы все на наши кровные, заработанные деньги покупали…

- Вот я это и говорю. Ты что, разве налогов не платишь? Ты сам жаловался, что с тебя снимают 15 процентов. Так что ты и есть самый что ни на есть налогоплательщик.

Катя рассмеялась.

- Ты надолго отпросилась?

- Кажется, я совсем с ними распрощалась, - сказала Катя, бросив взгляд украдкой на Андрея. - Или правильнее сказать, они со мной распростились…

- Вот как? Неужели из-за меня? Но я ведь уже две недели не пел серенад под вашими окнами.

- Почти из-за тебя… Из-за той книги, которую ты мне подсунул. Ее заметили. Полгода назад, помнишь, у меня был с матушкой серьезный разговор. Меня тогда после тушения огней застукали за чтением Достоевского… А тут вообще Сведенборг! Словом, у меня был с матушкой очень серьезный разговор. Мне показалось, что последний.

- Ну ты хоть Сведенборга-то прочитала?

- Начала только…

- Послушай, Катя, мне тут поступила информация, будто бы Семен предлагал тебе развод до своего рукоположения. Это правда?

- Правда.

- Ну и?

- Я отказывалась, но он настоял. Мы разведены…

Андрей присвистнул.

- Подождите… я вам сейчас кое-что прочту… - объявил он загадочно.

Он принес какую-то папку, зажег свечи и выключил свет. Комната его, как театр при погасшем свете, наполнилась какой-то тайной, как будто мы попали в сказку. Я еще раньше обратил внимание, что вся обстановка в квартире Андрея как будто специально создавалась под такое освещение. В прежние свои приезды, ложась спать, я пару раз видел, как Андрей при свечах читает какие-то книги. Он даже пояснил мне тогда, что все издания, вышедшие в свет до «лампочки Ильича», он предпочитает читать при свечах. Это очередное чудачество друга на этот раз произвело впечатление на всех.

- Это манускрипт Войнича, - заявил он важно, раскрыв папку и сняв свои роговые очки. - Я его расшифровал и перевел. Слушайте.

Андрей начал читать:

Под весом собственного гнета,
Загадка вышла из границ.
Прорвав плотину переплета,
Полились смыслы со страниц…

Через несколько минут Андрей прервался, чтобы разлить по бокалам вино.

Я воспользовался паузой и дал волю своему недоумению:

- Ты что, расшифровал манускрипт? Но ведь это же стихи!

- Это поэтический перевод… - ответил Андрей, внимательно глядя на Катю. - Если хотите, я продолжу…

- Очень хотим, но, к сожалению, нам с Ури пора, - вдруг сказала Сарит.

- Куда пора? - удивился я.

- Ты что, позабыл? …

Мы вышли в прихожую и там, в стекле двери, отражающей комнату, я вдруг увидел, как Катя провела рукой по волосам Андрея.

- Но куда вы спешите? - спросил Андрей, выйдя к нам в коридор.

- Нас ждет Давид, мы обещали ему рано приехать, - не допускающим возражения тоном сказала Сарит.

- Мы действительно опаздываем, - забормотал я, и мы выскочили наружу.

- Как все повернулось, а? - сказала Сарит, спускаясь с лестницы. - Из монастыря девушку умыкнул!

- Сработала, наверно, его угроза даже в загробном мире ее душу в покое не оставлять. Этот его метод доведения всего до абсурда иногда, оказывается, даже на девушек воздействует. А как ты думаешь, то, что он читал, действительно манускрипт Войнича?

- Если только в каком-то абсурдном переводе, - сказала Сарит. - Я еще вчера у него эту папку на столе видела… Она называется «Склоняясь над манускриптом - поэтический дневник».

- Правильно Давид сказал. Побольше непонятного, девушки это обожают.

* * *

Андрей и Катя поженились в декабре.

Как раз вскоре после их свадьбы Шарон объявил о своем намерении смести с лица Земли Израиля несколько еврейских поселений. Вскоре выяснилось, что он имеет в виду Гуш-Катиф - крупный

поселенческий блок, расположенный в секторе Газа.

Чем было вызвано это решение, казалось бы, правого премьера?

Сделка с ООП явилась не единственной аварией сионизма. За год до того, как Ицхак Рабин подписал с Арафатом Норвежское соглашение, по наущению верховного судьи Аарона Барака Кнессет принял закон о «Достоинстве и свободе человека», как вскоре выяснилось, призванный похоронить еврейскую мечту быть свободным народом в земле Сиона.

С той минуты постановления народных избранников правой ориентации превратились в рекомендации, окончательную судьбу которых определяют безответственные левые радикалы в судебных мантиях.

Не способные победить на демократических выборах, левые приобрели мощный политический инструмент в лице самозваного Верховного суда, превратившего «права человека» в средство удушения национальных прав еврейского народа.

К концу XX века стало ясно, что в стране установлена судейская диктатура, опирающаяся, впрочем, на всю юридическую систему: чтобы полностью устранить чинимые Кнессетом «помехи», уже на самых ранних этапах переворота была создана система карательной юстиции.

Деятельность демократических институтов стала контролироваться прокуратурой с помощью сбора компромата на народных избранников, а в случае отсутствия таковой, с помощью фабрикации против них уголовных дел.

Таким методом еще в 90-х от политической деятельности были отстранены Рафаэль Эйтан и Авигдор Кахалани, с помощью этого приема удалось сорвать назначение на пост министра юстиции профессора Якова Неемана и Руби Ривлина.

Что же касается Ариэля Шарона, то его внезапное решение уничтожить Гуш-Катиф трудно не связать с решением прокуратуры снять с него подозрение в коррупции.

Все протесты оказались напрасны, и в августе 2005 года это злодейство было совершено. Правозащитники могли ликовать - они своего добились: на руины, оставшиеся от разрушенных еврейских поселений, вернулись пески, а на месте бывших цветущих вилл и парников выросли вечно полыхающие помойки и тренировочные лагеря террористов.

* * *

В мире много насущных проблем, нуждающихся в решении, в мире много страданий. Тут и голод в Африке, и страшные раковые заболевания, и беспризорные подростки, и жертвы сексуального насилия. Невозможно не проникнуться этими проблемами, невозможно не жертвовать на благотворительные цели какие-то средства из своего кошелька. Но все же главная моя забота, главная моя боль - это заселение евреями Иудеи и Самарии. Эта задача видится мне самой насущной, самой приоритетной. Но не только потому, что эти Земли составляют сердцевину еврейского упования, что именно сюда на протяжении веков мечтали возвратиться миллионы изгнанников. Я почему-то верю, что насколько решится эта проблема, настолько решатся и все прочие: и голод в Африке, и наркомания, и международный терроризм, и даже озоновые дыры.

Поэтому, если бы у меня был миллиард долларов, я бы весь его инвестировал в еврейское заселение Иудеи и Самарии. Если бы у меня был миллион долларов, я бы и им распорядился точно также. На другие гуманитарные проблемы человечества я бы тоже, конечно, что-то в меру сил выделил, как выделяю и сейчас, но все же львиную долю того миллиарда или миллиона я бы вложил в развитие территорий. У меня нет этих денег. Все, что я смог сделать, это занять у банка (под 4,5 процента годовых) сто двадцать тысяч долларов, выстроить дом недалеко от ущелья Макух и поселиться в нем со своим семейством.

* * *

Еще в пору нашего медового месяца я расспросил Сарит о том, как она так сумела меня разыграть, то есть полностью убедить в том, что она возвращается к Пинхасу.

- Этот твой разговор с Пинхасом, когда он якобы сказал, что любит тебя. Это чему-то соответствовало? Что-то такое было?

- Не было! Не бойся, - рассмеялась Сарит. - Никого он не любит.

- Как же ты смогла так сыграть? Джулия Робертс ты моя! Сара ты моя Бернар! Я ведь из-за этих твоих слез по Пинхасу во все это поверил.

- Хочешь знать? Для того чтобы натурально представить его любящим меня, я должна была отыскать в нем что-то живое, что-то для самой себя привлекательное. Этим оказался его роман. Понимаешь, он там так живо и искренне эти сцены описал… Про Магдалину, например, как она пожертвовала ради жизни сына не только своей репутацией, но как будто даже и самой истиной, но все же нашла способ сохранить эту истину для последующих поколений. Видно, что живой человек все это придумал. Человек, которого можно полюбить.

* * *

Тогда в ответ на слова Сарит я только развел руками. Но после выхода в свет книги Дэна Брауна «Код да Винчи» мы невольно вернулись к теме пинхасовского романа. Сам автор, разумеется, в этих обсуждениях не участвовал. Когда Сарит однажды спросила его, опубликовал ли он свой роман о потомках Йешуа, Пинхас заявил, что понятия не имеет о чем она говорит, и не помнит, чтобы вообще когда-нибудь давал ей читать что-то им написанное. Словом, выступил в своем репертуаре. Между тем Сарит очень расстраивалась, что не может перечитать тот роман, и проникалась к талантам Пинхаса еще большим благоговением.

Тамар к тому времени уже достаточно подросла и добиралась до дома отца самостоятельно, и мы стали видеться с Пинхасом довольно редко. Однако когда это все же происходило, Сарит держа-

лась со своим бывшим супругом чрезвычайно почтительно, как с великим мэтром.

* * *

- Как несправедливо! - воскликнула она однажды, когда мы сидели на веранде нашего нового дома и смотрели в уходящие за горизонт пустынные холмы. - Я совсем не спорю с тем, что книга Брауна блестяще написана, но ведь блеск этот заметен только благодаря идее, которая на самом-то деле так себе. Пинхасу же все удалось!.. И вот посредственная идея гремит на весь мир, а глубокая и мудрая никому не известна! У Брауна все неправдоподобно! Весь этот оккультизм пришит у него к «истинному христианству» белыми нитками! Ну каким образом культовый секс мог угодить в духовное наследие Иисуса? Через небылицы о распутстве иудейских священников в Иерусалимском Храме? Как у Брауна вся эта идея с потомками Иисуса надумана и как она у Пинхаса сильна и правдива! После Брауна совершенно не веришь, что у Иисуса могли быть потомки - французские короли, а после тех глав Пинхаса вся дрожишь, как бы кто не узнал, что в Израиле живет его отпрыск - «распинающий Палестину» раввин в вязаной кипе! Ведь атомную бомбу сбросят!

- И из-за этих самых литературных образов ты готова была полюбить Пинхаса? - удивился я.

- Ну что ж в этом странного. Талантливые люди часто бывают морально уродливы, и находятся женщины, которые приносят себя им в жертву. Они удовлетворяют таким образом свою жажду служения чему-то «высокому». Это не в моем характере, но я бы тоже, при известных условиях, наверно, смогла бы смириться и принять гения со всеми его недостатками.

- Выходит, что в моей жизни какие-то твои таланты остаются невостребованными…

- Это можно исправить. Напиши что-нибудь. Ты ведь неплохой рассказчик. У тебя должно получиться. Опиши нашу историю. Ну, ту, что началась на перекрестке Адам в канун нового 5750 года. Тут

даже ничего и сочинять не надо. Если получится - все мое сердце целиком будет твоим, ничего Пинхасу не останется!

* * *

Нужно ли говорить, что я принял вызов и в ту же ночь уселся писать эту правдивую повесть?

Сказать честно? Мы чуть не рассорились из-за этого романа. Сарит не щадила меня. Вот когда пришел момент истины, вот когда мне пришлось по-настоящему сопоставить себя с Пинхасом в глазах любимой!

- Ты роман пишешь или объяснительную записку?

- Твой родной язык «джава», а не русский!

- Лучше бы я с Пинхасом осталась, честное слово! Хотя бы не пришлось краснеть за весь этот ужас!

* * *

Трудно начать осваивать новое ремесло в тридцать пять лет. На программистские курсы в таком возрасте уже не берут. Но упорством многое достигается. Как бы то ни было, этот вариант «Мессианского квадрата», который лежит перед читателем - не помню уже какой по счету - Сарит приняла, и мир вернулся в нашу семейную жизнь. В принципе эта повесть - наш совместный труд. Только скромность Сарит не позволила мне поставить ее имя в заголовке рядом с моим.

2008

Мне остается описать лишь последнее наше посещение Москвы летом 2008 года.

- Русская власть полностью вернулась, - сетовал Андрей, откинувшись на спинку стула. - Почирикать пока еще разрешается, но заниматься политикой уже очень и очень не рекомендуется.

Андрей замолчал.

- А мой дом, кстати, снести собираются… Хоть за границу беги!

- Действительно собираешься?

- Как Катюша скажет. Я ведь не только ее поклонник, но в некоторой мере также и послушник… Скажет - побежим.

- Ну а как Семен? Почему я его не вижу? Ты его не пригласил, что ли?

- Семен не в Москве. Он карьеру не стал делать. Последние полгода в одном северном монастыре российские грехи замаливает.

* * *

Во время всего ужина четырехлетний сын Андрея и Кати Павлик отчаянно раскачивался на стуле и периодически с него падал.

«В отца пошел, - подумал я про себя после очередного падения. - Тоже, наверно, куда-нибудь свалится и что-нибудь найдет».

- Не умеет сидеть на стуле, - словно читая мои мысли, произнесла Катя. - Впрочем, и отец его тоже не очень хорошо с этой задачей справляется… Помните, как Хармс писал про сына Пушкина, что тот не умел сидеть на стуле?

- Нет, я не читал.

- Так вот, Пушкин, пишет Хармс, и сам довольно плохо сидел на стуле. Бывало, сидят они за столом; на одном конце Пушкин все время со стула падает, а на другом конце его сын. Просто хоть свя-

тых вон выноси… Так вот у нас в семье теперь примерно такая же ситуация. Андрюша у нас хоть и внимательный, но неловкий.

- Я никогда не видел, чтобы Андрей падал со стула, - заметил я. - Но помню, что в день нашего знакомства он действительно свалился с рюкзака, на котором сидел. Помнишь, Андрей?

- Признаться, не очень… Но помню, что когда был ребенком, всегда спрашивал взрослых, почему они всякий раз делают историю из того, что кто-то из них упал? Придет, например, дедушка с улицы и рассказывает бабушке: представляешь, я сегодня упал! И после этого весь вечер об этом только и разговоров: «Дедушка упал. Дедушка упал»… То же мне событие, удивлялся я всегда. Но как раз недавно я поймал себя на том, что теперь всякий раз, когда поскальзываюсь где-нибудь на улице, то рассказываю об этом Кате… Стареть, что ли, стал? Но о том, как я свалился с рюкзака, я так и не вспомнил. А насчет Александра Сергеевича - это ты, Катюша, верно подметила. Дом наш и впрямь начинает походить на пушкинский. Меня вчера, представь, совершенно явственным образом посетила пушкинская муза. Вы только послушайте, что я сочинил.

Сверкая очками, - теперь, впрочем, в очень приличной оправе - и широко размахивая рукой, Андрей продекламировал:

Товарищ, верь, зайдет она,
Звезда чумного супостата.
Европа вспрянет ото сна,
И на обломках халифата
Напишут наши имена.

- А чего-нибудь лирического тебе твоя пушкинская муза, случаем, не навеяла? - поинтересовалась Сарит.

- Лирические отступления в моем творчестве встречаются. Но пушкинского ли они происхождения? Не уверен. Вот, например, такое четверостишье из меня позднего.

Я - поэт, а ты - девица; ты - волна, а я - частица!
Плоть одна, душа одна - вот такая мы родня!

- Ну это у тебя, скорее, частушка получилась, - усмехнулась Катя.

- Частушка? Верно, - согласился Андрей, - народные песни мне легко даются.

И он запел на популярный мотив:

В мире нет такой хорошей!
Я люблю свою жену!
Ни за что ее не брошу
В набежавшую волну!

* * *

Андрей работал. В программистской фирме. Рассказал, что хотел сначала заняться бизнесом, но не пошло. Для этого талант нужен, а он, как смеялась Катя, мог открыть разве только бюро по оказанию медвежьих услуг.

Тогда он вспомнил о своих математических способностях, обучился программированию и стал писать программы на C++ за вполне приличное деньги. Работы у Андрея было много, но он уверял, что «ради Катюши» ему не жаль отказаться от романтической должности смотрителя маяка.

- Некоторые несрочные проекты были заморожены, - признал Андрей. - Но, разумеется, история двух Иисусов к ним не относится. Роман, наконец, закончен.

* * *

Однако закончен он не был. Еще два года Андрею пришлось доводить свою «Конкордацию» до ума.

Первоначально книга содержала немало нелепостей и описаний, совершенно несовместимых с реалиями еврейской жизни. Я только руками разводил. Но в конечном счете Андрей принял многие мои замечания, и изобразил своих героев такими, какими они действительно могли бы быть, а не такими, какими их рисует фантазия людей, далеких от иудаизма.

Например, Андрей представил дело так, будто бы его герой накладывал тфиллин по настроению, а не регулярно. Я убедил его, что поступать так может лишь далекий от религии человек, но ни-

как не сознательный иудей, тем более раввин. Я объяснил Андрею, что если бы Йешуа хотя бы один раз в своей жизни не наложил во время утренней молитвы тфиллин, то столь одиозный поступок не мог бы не вызвать разговоров, и соответственно евангелисты, усердно собиравшие компромат (липовый, впрочем) на своего Учителя, раструбили бы об этом нарушении на весь свет.

Но, разумеется, главной нелепостью выглядело для меня то, что один из героев был выведен как бы самим Богом. Центральным положением Синайского откровения является запрет поклоняться человеку как богу - тем более как Богу Израиля. Иудаизм может согласиться с тем, что неевреям такое поклонение свойственно и даже извинительно. Но для евреев оно никак не может быть приемлемо. Помыслить, что такая вера могла сложиться в недрах самого Израиля или могла быть высказана относительно себя каким-либо из его сынов, - совершеннейшая фантазия. Подобная вера лишена в еврейском историческом контексте всякого основания и правдоподобия.

Я обратил на это внимание Андрея.

- Я понимаю, - согласился он в ответ, - что никакой исторический Иисус не мог воображать себя Богом. Знаю я и то, что ни один серьезный исследователь ему таких взглядов не припишет. Вообще вера в Боговоплощение не то что в Евангелии, но даже и во всем Новом завете нигде однозначно не выражена. Руслан Хазарзар в своей книге «Сын Человеческий» это очень убедительно показывает. Я уже о том не говорю, что все апологеты были субординационистами, а арианская ересь, отрицавшая божественность Иисуса, возникла после того, как новозаветный канон был полностью сформирован. Да и учение каппадокийцев о триединстве - это «CopyPaste» с учения о трех ипостасях антихристианина Плотина. Если ты, Ури, внимательно перечитаешь мой роман, то убедишься, что относительно Божественности Йешуа у меня сказано не более того, что говорится в самом Евангелии, а именно, что Слово стало плотью. Роман мой не так прост, как кажется. Верно, что он пи-

сался с оглядкой на церковную идею воплощения, но грани я нигде не переступил, и в действительности роман мой может иметь и, так сказать, арианскую трактовку… В этом случае все строится на теологии дополнительных чудотворств. Помнишь, ты мне как-то рассказывал про каббалистическую теорию импульсов: импульс снизу и импульс сверху? Тут что-то вроде того вырисовывается. Так что теологическое понимание моего романа может быть разным, а сам роман теологических выкладок не содержит. Он всего лишь расцвечивает парадоксы наличного канонического Евангелия.

* * *

Спустя два года Андрей разместил «Конкордацию» в интернете на специально созданном им сайте «Иисус++» (bezrodin.com).

Книга эта представляется мне заслуживающей внимания. Человек, можно сказать, на ровном месте придумал целую новую религию. С собственным оригинальным мифом, с мидрашистским и теологическим обеспечением. Нетривиально.

ЭПИЛОГ

2013

На этой фразе заканчивалась моя книга «Мессианский квадрат», опубликованная в 2012 году.

Однако жизнь продолжалась. Причем продолжалась, в значительной мере, так же и под воздействием самого «Мессианского квадрата», ставшего в русскоязычном Израиле определенным литературным событием.

«Откройте роман Ури Шахара «Мессианский квадрат», - писал литератор Александр Казарновский в статье «В одной и той же вселенной». - Я, например, как открыл его, так и не закрывал пока не перевернул последнюю страницу. А потом вновь вернулся к началу, туда, где автомобиль, управляемый неизвестным в куфие, несется прямо на ничего не подозревающего тремписта, только что нашедшего в ущелье Макух древнюю рукопись - событие, которое может перевернуть мир».

Откликов было множество, но к своему великому удивлению, я обнаружил, что большинство читателей относили мою книгу к категории… «фикшн», то есть считали ее романом, а не автобиографической хроникой.

Так замечательный писатель и литературный критик Михаил Юдсон написал в статье «Раздвоение лика»: «Собственно роман разбивается на две ветви - в первых строках авантюрно-детективное действо с поисками ветхой рукописи в Кумранских пещерах

близ Мертвого моря, и, во-вторых, эдакие «Диалоги», питательная смесь платоновской Пещеры с духовной семинарией, где тоном выше текут беседы о судьбах Израиля и примкнувшего к нему мира.

Про Кумран накропано немало прозы, однако в данном случае мастерство автора берет свое, хватает за извилины, и читать по-новому интересно. Да, крепкий роман замастырил Ури Шахар - мореный, продубленный, источенный ходами мысли, - Дэн Браун, дока кодов, отдыхает!».

Известная российская журналистка Юлия Меламед также не разобралась и решив, что дело идет о вымысле, написала в статье «Мессия в квадрате»: «Как говорит один из персонажей романа «Мессианский квадрат», «судьбу рукописи предопределяют духовные запросы людей. Если рукопись не найдется - ее придумают». Ури Шахар взял да и придумал такую рукопись. Рукопись, которая объясняет все нестыковки священных текстов, рукопись, которая соотносит между собой всех Иисусов, живших 2000 лет назад».

Ту же досадную ошибку допустил популярный религиозный мыслитель Арье Барац.

«То, что, на мой взгляд, способно превратить это сочинение в определенное событие - это сочетание необходимых литературных данных с подлинными религиозно-философскими новациями, - сочетание, дающее устойчивое ощущение соприкосновения с какой-то загадкой.

Случается, что герои романов сами пишут стихи и романы, которые включаются в текст основного авторского сочинения («Доктор Живаго», «Мастер и Маргарита»). Нередко в уста героев вкладываются относительно оригинальные идеи философского характера («Преступление и наказание»), но строгим научным, причем вполне революционным гипотезам вроде бы нет места в художественном произведении. «Мессианский квадрат» представляет собой необычное исключение. Ненавязчиво, в доступной популярной

форме его герои делятся с читателями неслыханными идеями, вполне заслуживающими особого и пристального рассмотрения в специальной литературе».

Все, словно сговорясь, сочли «Мессианский квадрат» романом, а не автобиографической повестью.

Сначала это меня расстраивало. Странное чувство, когда тебя принимают за литературный персонаж. Но в конце концов мне это даже показалось забавным. Значит, действительно книга моя обладает необычными литературными свойствами.

* * *

Впрочем, Барац не только откликнулся на мою книгу, но явно впечатлился некоторыми идеями Андрея.

Так в статье «Сверхновый завет?» он писал о «Конкордации»: «Талмудический метод несколько напоминает ускоритель. Подобно тому, как ученые разгоняют в синхрофазотронах частицы до безумных скоростей, сталкивая их во всевозможных вариациях и наблюдая, что из этого получится, так в Талмуде «обстреливается» каждый Закон, каждая формулировка Торы. Принцип "больше столкнул - больше узнал" в одинаковом почете и в квантовой физике и в талмуде.

На протяжении веков христианство оставалось крайне далеко от подобного подхода к священному Писанию. По-видимому, только этим можно объяснить тот факт, что до сих пор никто из христиан не заметил в евангелии того, что обнаружил в нем Андрей Безродин, опубликовавший в сети свое литературное исследование «Конкордация».

В самом деле, многочисленные противоречия между синоптическими евангелиями и евангелием от Иоанна известны с глубокой древности, а с появлением библейской критики оказались полностью описаны и инвентаризированы. Что со всем этим делать дальше, похоже, не знал никто. Но вот пришел Безродин и разре-

шил эти противоречия одним столь же «фантастичным», сколь и изящным предположением, что речь идет о двух причудливо переплетенных, но в то же время совершенно независимых историях!»

Барац высоко оценил также и вычисления Андрея, связанные с точкой «Омега», по недоразумению приписав их мне. В статье «Танахическая сингулярность» он писал:

«Многие расчеты современных футурологов, прогнозирующих одновременный прорыв в самых разных областях науки и техники, говорят о 2020-2030 годах как о загадочной точке «сингулярности».

Так, Вернон Виндж, первый использовавший этот термин, писал в 1993 году: «В течение ближайших тридцати лет у нас появится техническая возможность создать сверхчеловеческий интеллект. Вскоре после этого человеческая эпоха будет завершена». Майкл Диринг в книге «Рассвет сингулярности» пишет: «Что-то такое удивительное, такое невероятное, что-то абсолютно беспрецедентное в истории должно случиться - Сингулярность. Три Сингулярные технологии, такие как нанотехнология, сверхчеловеческий искусственный интеллект (СИИ) и молекулярная биотехнология, превратят наш мир в рай, если только мы сумеем избежать беспрецедентных опасностей, таящихся в самих же этих технологиях, а именно - биоинженерные супервирусы, вооружения в виде самореплицирующихся нанороботов, недружественные сверхразумные машины и наибольшая опасность из всех - склонность к неограниченному бездумному самоудовлетворению, зацикливанию на кайфомании». По расчетам Диринга, «сингулярность» должна была наступить уже в 2020 году.

Ури Шахар в романе «Мессианский квадрат» показывает, что нарастание темпов биологической эволюции, приводящей к прогрессивному наращиванию степеней свободы живой материи, и сменившего ее (эволюцию) технического прогресса, имеет логарифмический характер, причем пределом выступает «точка омега», затаившаяся где-то между 2030 и 2300 годами».

Статья Бараца была опубликована в «Вестях» в октябре 2013 года. Я, понятное дело, отослал ссылку на эту статью Андрею.

Тому, что произошло в дальнейшем, или точнее, какое развитие приобрели некоторые идеи Безродина - в первую очередь научно-эсхатологические и геософские - и посвящен этот Эпилог.

2014

Летом я со старшими детьми провел неделю в Украине. Совершил то, что называется «тиюль шорашим» - путешествие по местечкам, из которых вышли родители моих родителей.

За год до своей смерти - мне было тогда 8 лет - дед взял меня в такое путешествие. Впечатления от поездки остались сильнейшие: особенно запомнилось посещение города Дубно, в котором прошло дедушкино детство. Он показывал мне свой дом, синагогу, княжеские дворцы и, конечно же, старинный замок с подземельями. По словам деда, осада этой крепости казаками в 1638 году описывалась в повести Гоголя «Тарас Бульба».

Я давно мечтал и сам повторить эту поездку, и как-то приобщить к семейной истории собственных детей.

Через полгода у Шмуэля должна была быть бар-мицва, одиннадцатилетняя Авишаг также приближалась к соответствующему рубежу, и летние каникулы располагали к тому, чтобы отправиться с ними в Украину.

Но трое маленьких остались в Израиле с мамой. Всей семьей мы решили отдохнуть уже в конце месяца, еще весной заказали домик на берегу моря в Михморете. Что же касается Тамар, то она в эти дни воевала.

Что сказать, Израиль мы оставляли в неспокойное время: после продолжительных обстрелов из сектора Газа, ЦАХАЛ начал операцию Цук Эйтан - Нерушимая скала. Тамар, пошедшая по стопам матери, выхаживала раненых бойцов.

Однако и в Украине обстановка выглядела ненамного спокойней: на Востоке страны шли бои. В мае там были провозглашены пророссийские Луганская и Донецкая республики, потребовавшие,

чтобы с их территорий были удалены украинские войска. Так началась эта война.

Незадолго до нашего приезда в том районе был сбит Малайзийский боинг. Отпуская нас, Сарит нервничала, но наша посадка была мягкой.

В аэропорту нас встретил… Андрей.

Безродины в эти дни, оказывается, также находились в Киеве. Я узнал об этом за неделю до вылета, обратив внимание на фотографии Андрея, выставленные им в соцсетях.

Я, разумеется, немедленно сообщил другу о своих планах и вот таким образом был встречен им в аэропорту.

- Ну что скажешь? - выплеснул на меня Андрей ушат своих свежих идей и впечатлений, как только мы уселись в такси. - Снова наступил август, и снова 14-го! Дежавю какое-то просто!

- Действительно, сто лет минуло… Как я не задумался?

- Мы тут в Киеве в одной интересной экскурсии поучаствовали… Гид рассказал, что в первый месяц Первой мировой народы испытали прилив невиданного энтузиазма! Оказывается, есть даже такие выражения: «Августовское воодушевление», «Августовское безумие». Все рвались в бой! Как будто, наконец, обрели смысл жизни. Война показалась решением всех проблем.

- Какие же у них проблемы были, что из них таким способом выходить пришлось?

- То-то и оно. Первая мировая война грянула как гром среди ясного неба, но именно она явилась тем вскрытием Европейской цивилизации, которое обнажило внутреннее состояние общества. Ницше поставил диагноз, констатировал, что Бог умер. И военное вскрытие этот диагноз полностью подтвердило: то был момент обнуления европейской цивилизации.

Как я сам мог этого раньше не замечать? Ведь еще Ахматова, да и не только она - назвали 1914 год началом XX века. Но на самом деле то было также и началом последнего века… Здесь и теперь за-

вершается последнее столетие человеческой истории! Что произойдет дальше? Ты знаешь?

- Дальше начнется последнее десятилетие! - блеснул я познаниями в логарифмических изысканиях своего друга.

- Браво. За тем десятилетием последует еще один последний год, за которым потянется еще десятая часть следующего, то есть 36 с половиной дня. Первая Мировой войны у нас началась 27 июля 1914 года, а это значит, что точка «омега» приходится ровнехонько в полдень 1 сентября 2025 года. Титруем историю с точностью до часа!

- Впечатляюще. Ну а как же быть с последним тысячелетием, предшествующим последнему столетию, начавшемуся вместе с Первой мировой? 914 год у тебя по-прежнему примечателен лишь глубоким сном разума, или ты нашел что-то более значимое?

- Представь себе нашел. Я наконец понял, что собственно великое произошло в X веке - в начале X века, что положило начало последнему тысячелетию человеческой истории, - и, выдержав паузу, Андрей произнес: - В начале X века возникло Английское королевство!

- На англо-сакскую цивилизацию намекаешь?

- Именно так. Парламентаризм, неприкосновенность личности, да и наконец, свобода слова и совести - все это оттуда, с туманного Альбиона. И все это зародилось в начале X века, после кончины Альфреда Великого, объявившего себя королем Англии. Он положил начало объединению английских графств, которое завершилось к 927 году.

- То есть последнее тысячелетие у тебя считается приблизительно?

- Как сказать. Период объединения действительно велик, он охватывает более тридцати лет. 914 год - лишь одна из точек того периода, однако - из решающих. Пока король Эдуард Старший -

сын Альфреда Великого громил в том году датчан, его сестра Этельфледа, успешно отразила нападение викингов. Те победы решительно укрепили позиции англосаксов в центральной Англии.

- Складно получается.

- Да и, заметь, Российское государство также в X веке проклюнулось, а оно, можно сказать, англосакской цивилизации альтернативу составило…

- В каком смысле?

- Не секрет, что при всей своей азиатчине, русские вообразили себя чрезвычайно удачливыми государственниками, и целиком подчинили имперской задаче все прочие свои национальные достижения - от ядерной физики до балета. Но при этом Россия себя в первую очередь противопоставляет именно англосаксам, а не вообще Западу… Заветная мечта русского пацана - натянуть кепку на нос британскому джентльмену. То есть то противостояние Запада и Востока, которое в наше время вновь обостряется, к тому же X веку восходит.

- Интересный взгляд.

- Ты еще не слышал, какие у меня новые геософские наработки появились. Теперь я оперирую не только равносторонним, но и священным треугольником!

- Священный треугольник? Это еще что такое?

- Его еще египетским называют. Это прямоугольный треугольник, стороны которого соотносятся в пропорции целых чисел 3, 4 и 5. В Древнем Египте его свойства использовались при закладке краеугольных камней. Для того, чтобы вычертить в основании пирамиды прямой угол, землемеры растягивали круговую веревку с 12 узлами, завязанными на одинаковом расстоянии, таким образом, чтобы отрезки между тремя колышками составляли 3, 4 и 5 узлов. Египтяне треугольнику этому буквально поклонялись, он считался у них иконой Великой триады богов: Исида и Осирис соответствовали катетам, и их сын Гор - гипотенузе.

- Ну я тебе потом подробно расскажу, - прервался Андрей, так как мы наконец вошли в гостиничный номер. - Обустраивайся. Завтра встретимся. Я с утра позвоню.

- А вы-то где остановились?

- Не далеко. Там просторно, даже садик при доме небольшой. Ждем вас завтра к пяти.

- Правильно, я бы тоже заказал эр-биенби, но мы в основном в дороге будем, так что приходится гостиницами пользоваться.

* * *

Но то был не эр-биенби. Дом, оказывается, принадлежал Катиной бабушке Людмиле Архиповне - милой старушке, поведавшей мне, что она два раза была в Израиле и осталась им «очарована».

За накрытым в саду столом Людмила Архиповна оставалась недолго и вскоре ушла проверить в интернете рецепт, по которому у нее с Катей вышло расхождение, и за стол уже не вернулась.

Дети тоже не задержались: Авишаг вместе с шестилетней Простофеей - о происхождении странного имени которой я сообщу чуть ниже - ушли в дом смотреть домик, с проживающей в нем барби. Шмуэль и «разменявший второй десяток» Павлик, которые уже были знакомы, принялись играть в войну металлическими солдатиками, большинство из которых Павлик наследовал от отца.

Шмуэль охотно согласился, чтобы стороны представляли собой русских и украинцев, и расположили сражающиеся армии под кустом у забора.

- Ты за кого, Ури, болеешь? - поинтересовался наблюдавший битву Андрей. - За русских или за украинцев?

- Ты решил сразу начать? - беспокойно осведомилась Катя, но было уже поздно.

- Что вам сказать? - вздохнул я. - Когда я слышу от кого-нибудь, что он не разбирается в ближневосточном конфликте и не знает толком какую сторону принять - еврейскую или арабскую, я сер-

жусь. «Не разбираешься, так разберись», - думаю. Но вот сам вынужден тебе ответить, что не имею мнения по этому вопросу. Не разбираюсь. Может быть, как раз вы меня сориентируете?

- Запросто, - оживился Андрей. - Я как раз разбираюсь. Видишь ли, с одной стороны, считать украинцев недороссами - это такое хамство, за которое надо сразу бить между глаз, но с другой стороны - все же именно с Киева пошла быть русская земля. Русские с украинцами сиамские близнецы. Помнишь знаменитое геософское высказывание Наполеона? «Если я возьму Киев, я схвачу Россию за ноги; если я овладею Петербургом, я ухвачу её за голову; заняв Москву, я поражу её в самое сердце»?

Так вот, русские с украинцами где-то в ногах, где-то на уровне туловища расходятся. Сегодня Россия больше на кентавра, чем на двуглавого орла похожа. Хорошо, что ни чухонцы, ни финны на Питер не претендуют. Вот тогда бы была беда!

- Конечно, - раздраженно отозвалась Катя, - и из-за этой шизофрении, из-за этого плача по Киевской Руси нужно кромсать Украину?!

- Но ведь и русских в определенном отношении можно понять. Казаки писали крымскому султану дерзкие письма, и немало доставили хлопот Крымскому ханству, но завоевание Крыма представляет собой все же не казацкий, а имперский проект…

- Ты прямо как Семен заговорил! Что с тобой? Ты никогда таким не был!

- Да я и не стал таким… - растерянно стал оправдываться Андрей. - Я же не считаю, что на этом основании можно хапать территории, которые ты же сам признал чужими. Я просто объясняю мотивацию.

- Слишком уж ты этих хамов стал хорошо понимать в последнее время! Правильно эта девочка сказала: «Никогда мы не будем братьями! Духа нет у вас быть свободными - нам не стать с вами даже сводными».

Андрей растерянно молчал. Все это стало несколько напоминать семейную сцену.

- А вы надолго в Киев приехали? - решил я разрядить обстановку, которая вопреки моим надеждам осложнилась еще сильнее.

Андрей и Катя переглянулись.

- Мы, скорее всего, вообще в Москву не вернемся, - невесело ответил Андрей. - Я уже тут работу приискал.

- Какое еще «скорее всего»? - возмутилась Катя и, уже обращаясь ко мне, решительно добавила. - Мы в Москву не вернемся.

Я, признаться, растерялся от неожиданности. Киев не казался мне тем городом, в котором имело смысл просить политического убежища. Кто не слышал, что Украина - бедная и коррумпированная страна, что все кому не лень бегут из нее.

- Я сейчас совершенно иначе смотрю на свои отношения с Семеном, - продолжала Катя, - в смысле, на причину того, что мы с ним расстались. В юности эти трения казались невинным пустяком, но теперь я вижу, что между нами была несовместимость. Трудно поверить, но про «крымнаш» я ведь от него еще в прошлом тысячелетии слышала! Ну вы помните, в начале 90-х тоже какая-то заваруха была.

- А… - прозрел я, наконец, - так ты украинка?

- А ты не знал?

- Откуда ж мне было знать? Никогда при мне об этом речи не заходило.

- Ну то, что мой дед казак, ты, надеюсь, помнишь? - встрепенулся Андрей.

- Про деда казака помню. Это ведь он всю свою жизнь за мгновение увидел?

- Да, он. Сверим наши гены, друзья! Теперь ведь это стало возможно. Сверим наши гены!

- Подожди, Андрей, со своими генами, - продолжала Катя. - Я хочу Ури все объяснить. Я родилась в Киеве, и в детстве почти каждый год из Москвы сюда приезжала. Но теперь мы хотим здесь

остаться. Андрею здесь хорошо.

- Замечательный город, - подтвердил Андрей.

- А как же Прага? - съязвил я. - Ты же, вроде бы, Андрей, Прагу называл пупом Европы, идеальным местом для европейца, местом в котором встречаются славяне и романцы, где сходятся все европейские столицы. Разве нет?

Эти восхваления в адрес Праги я услышал от Андрея в августе 2011 года.

То была удивительная встреча, одна из тех которые нередко происходят в жизни, но почти никогда не описываются романистами в силу их несоответствия требованиям атеистического реализма.

В Прагу я мечтал съездить давно. Из-за раби Йехуды Леба бен Бецалеля - Магараля.

С утра мы с семейством направились в еврейский квартал, главной достопримечательностью которого - по меньшей мере для меня - являлось кладбище, на котором был погребен Магараль, каббалист и автор поразительных по своей пророческой глубине книг, особенно «Нецах Исраэль» - «Вечность Израиля». Такое чувство, что ее написал наш современник, современник сионистского проекта.

Было о чем попросить Всевышнего на могиле великого мистика и праведника.

Покинув еврейский квартал, мы вышли на Староместскую площадь и вдруг лоб в лоб столкнулись с Безродиными!

- Вот знакомьтесь, моя дочка, Простофея Андреевна. Может показаться, что это имя какой-то схимницы, ан нет! Доченька моя - Просто Фея. А в миру ее кличут просто Вера. Вера Андреевна. С Павликом вы знакомы.

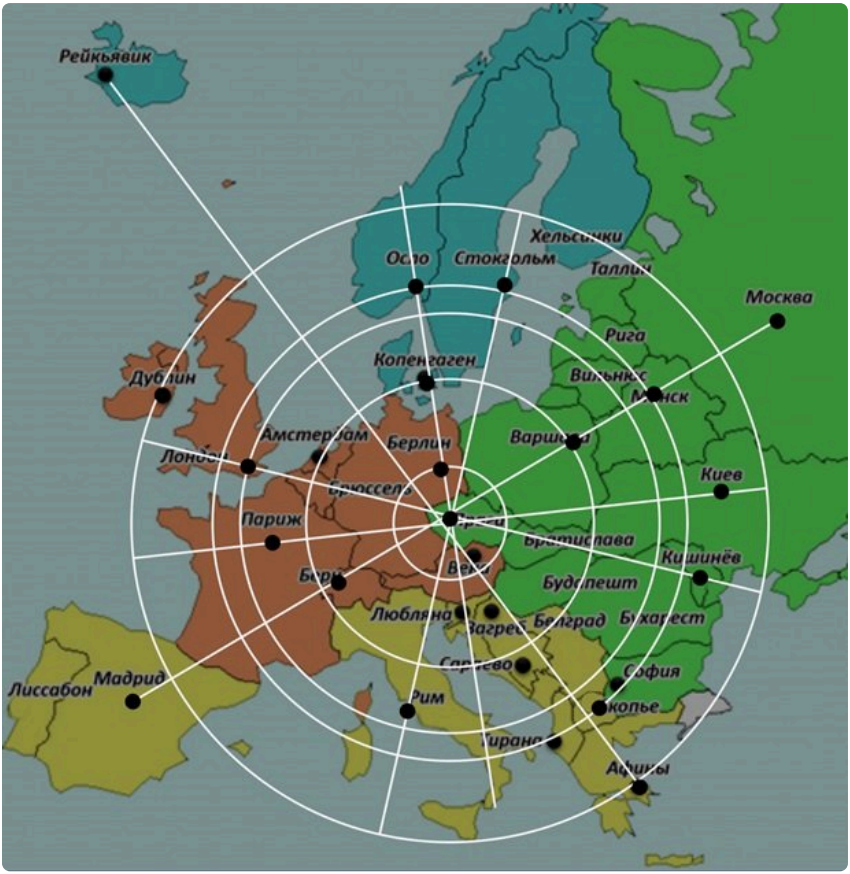
- Ну и встреча! - радовались мы с Сарит.

- Вы как раз вовремя, - загадочно произнес Андрей. - Сейчас я вам что-то покажу.

Мы прошли за ним к вделанным в брусчатку бронзовым полосам.

- Внимание, - торжественно объявил Андрей. - Сейчас без четверти двенадцать. Когда-то, до 1918 года, когда революционные матросы снесли Марианскую колокольню, символизировавшую в их глазах гнет габсбургского империализма, тень от колокольни ровно в полдень падала на этот меридиан. По этому меридиану горожане столетиями уточняли свои часы. Однако тайный смысл пражского меридиана не исчез вместе с колонной! И он, к счастью, с отчетом времени не связан. Смотрите. Я подготовил эти материалы, чтобы показать Павлику, но теперь и вы их увидите.

Андрей извлек из рюкзака карту Европы, развернул ее и стал показывать несколько напоминающее мишень изображение.

- Прага - это пуп Европы, это жемчужина землемудрия. Прага стоит на месте пересечении всех, я подчеркиваю - практически всех столиц Европы. Вот эти линии, смотрите.

Париж, Прага, Краков, Киев.

Лондон, Прага, Кишинев, Ереван.

Эдинбург, Прага, Будапешт, Константинополь

Рейкьявик, Прага, Вена, Скопье, Афины.

Любляна, Прага, Берлин, Копенгаген, Осло.

Стокгольм, Прага, Сан-Марино, Рим,

Монако, Прага, Рига, Санкт-Петербург

Мадрид, Прага, Варшава, Минск, Москва.

Более того, практически все эти столицы расположились вокруг Праги еще и строго по кругу. Как минимум на круговой орбите находится пара столиц, как например, Киев - Осло, или Берлин - Вена. Но на четырех орбитах их по пять - шесть расположено. Вот, например, орбита: Амстердам, Брюссель, Флоренция, Сараево, Белград, Львов, Кенингсберг. Или вот эта: Лондон, Стокгольм, Рига, Минск, Бухарест, София, Тирана. Все по кругу выстроились! Залюбуешься!

Все мы действительно с интересом глядели на карту.

- С геософской точки зрения Прага, конечно, непревзойденный город, - согласился Андрей, улыбаясь нахлынувшим воспоминаниям. - Да и не только с геософской. Красивее города я, пожалуй, не видел. Кроме того, мой брат там уже девять лет как обосновался. Очень может быть, что и до Праги доберемся.

Я взглянул на Катю. Никаких возражений реплика Андрея у нее не вызвала. Видимо, идея эта супругами давно обсуждалась.

- Но, впрочем, и Киев лицом в грязь не ударил! - продолжал Андрей. - В отличие от Москвы, которая только удельные города связывает, Киев - это все же солидный континентальный центр. У меня здесь карты под рукой нет, но поверь на слово, Киев стоит в центре пересечение столичных осей: Осло - Киев - Ереван; Копенгаген - Киев - Баку и София - Киев - Москва, ну и кроме того, Киев создает через Прагу единую ось с Парижем.

Эту речь Андрей произнес, подкладывая себе в тарелку картофелину и несколько кусочков соленой рыбы.

- Андрей, - забеспокоилась Катя, - может быть тебе хватит?

- Еще одна последняя селедка, и трапеза закончена моя…

- Ты полнеешь Андрей. Посмотри, как Ури выглядит. Бери пример с него. Он одни овощи ест.

- Это потому, что он гурман.

- Я гурман? Вот бы не сказал.

- Гурман, конечно. Те, кто зацикливаются на всевозможных приправах и деликатесах, показывают тем самым, что у них нет аппетита, что им все не вкусно. А тот, кто наслаждается огурцами с грядки - тот как раз и есть самый настоящий гурман.

- Интересная мысль. Ну, а кто же, по-твоему, тогда настоящий сексуальный маньяк?

- Тот, кто удаляет глаза свои от порно и веселится с женою юности своей до ее глубокой старости!

- Но я на всякий случай все же уберу со стола, - озадаченно произнесла Катя. - Можно?

Услышав от нас утвердительный ответ, Катя стала собирать посуду и вносить ее в дом.

* * *

Воспользовавшись исчезновением супруги, Андрей немедленно заговорил о своих новых геософских открытиях.

- Так вот, я понял, что в Израиле, помимо равностороннего, должен проявляться также священный египетский треугольник!

- Тот у которого Осирис катетом служит, а Гор гипотенузой?

- Он самый. Не удивляйся. Филон указывает на его связь с Пятидесятницей. Многие скажут, что все это притянуто за уши, что это эллинистические привнесения, но я думаю по-другому.

- Разумеется, привнесения, - подтвердил я. - Что же общего у геометрии и Торы? Насчет равностороннего треугольника, благодаря тому, что он щит Давида образует, я еще готов слушать. Но какое отношение к иудаизму может иметь культовый языческий треугольник? Вообще, мне кажется, что математика очень коварная дисциплина с точки зрения применения ее для истолкования религиозных идей. Уж слишком она, как бы это сказать… внутренне необходимая… Если за физическими законами, о которых мы не знаем почему они такие, а не другие, может просматриваться божественный произвол, то математике Бог не указ! Не Ему решать сколько будет дважды два! Математика подает себя так, будто бы

она командует Богом, а не Он ей, или, точнее, что она сама и есть Бог. Так что все эти пифагорейские восторги к Синайскому откровению никакого отношения не имеют.

- Ну, а как же календарь кумранской общины "Яхад"?! Разве не еврейский гений побудил их жить по календарю, число дней которого было кратно семи, так что из года в год все праздники выпадали на те же дни недели?

От неожиданности аргумента я поначалу несколько растерялся.

Кратность числа годового круга семерке была «еврейская деталь». Никто, нигде и никогда не додумался объявлять солнечный год 364-дневным, когда о том, что в нем 365 дней с четвертью в Египте знали еще задолго до пленения сынов Израиля!

- Подожди, - задумался я. - Но ведь их год должен был каждые четыре года сдвигаться на пять дней относительно равноденствия. А значит за четверть века должен был набегать целый месяц! Так долго не проживешь. Потому они долго и не прожили. Тоже мне гении.

- Ты это серьезно? - рассмеялся Андрей. - Добавляй каждый пятидесятый, то есть - каждый юбилейный год - недостающие недели и ты обеспечен на тысячелетия! Никакая григорианская реформа не понадобится.

- Во-первых, понадобится, - нашелся я, - А во-вторых, мудрецы сказали, что тот кто принимает эти книги, то есть книгу Ханоха и книгу Юбилеев - в которых утверждается этот календарь - не имеют участи в мире грядущем! Даже свой календарь мудрецы рассчитали так, чтобы еврейские праздники никогда не выпадали на те дни недели, которые оказывались праздничными у еретиков! Еврейский гений отверг математический солнечный календарь и живет по иррациональному лунно-солнечному!

В первый миг Андрей от моих слов смутился - привык за годы общения со мной проявлять уважение к фарисеям, но тут же подыскал иной аргумент.

- Хорошо, но как быть с тем, что само Синайское откровение содержит математические выкладки, по меньшей мере, их учитывает?

- Что ты имеешь в виду? Какие еще математические выкладки ты углядел в Торе?

- Как это какие? Ты сам мне как-то рассказывал, что в Книге Царей закодировано число π с точностью до четвертого знака! Но в Торе и ряды, и логарифмы, и золотое сечение некоторые находят. И уж, конечно, в ТАНАХе - имеется немало пасуков, которые или подразумевают, или открыто называют и используют все четыре арифметических действия: сложение, вычитание, умножение и деление! А там, где говорится о Пятидесятнице, прямо подчеркивается возведение в степень. Ведь можно было сказать «отсчитывай себе 49 дней, а на пятидесятый празднуй». Между тем сказано «отсчитывай семь седмиц». Согласно самой Торе, ее дарование на горе Синай связано с исходом евреев из Египта операцией возведения в квадрат, связано квадратом недель! Или, по-твоему, это просто фигура речи?

Я промолчал. Андрей хорошо усвоил, что «фигуры речи» танахического текста - для евреев соответствуют его сути.

Выдержав паузу, Андрей добавил.

- Но «площадь» Пятидесятницы и площадь суммы квадратов сторон «священного треугольника» равны: 49 + 1 = 25 + 16 + 9. Фактически это означает, что логика отсчета Пятидесятницы от Песаха может быть преобразована в логику мистического треугольника Пифагора!

Сыны Израиля вывезли из Египта не только золото, с помощью которого построили Скинию, но как мы видим, также и математику, мистическое значение которой, нам еще предстоит осознать!

- Что-то в этом есть, - согласился я, неожиданно припомнив еще одно соображение. - И ты знаешь, я могу даже еще один довод в пользу твоей теологии привести. Ответь, почему люди на всей планете считают предметы десятками?

- Элементарно. Потому что у них наличествует естественный счетчик из десяти пальцев.

- Верно. Но почему пальцев создано десять? Потому что Всевышний, открывающийся миру в десяти сфирот, решил создать Адама по Своему образу - десяти-палым. То же, заметь, и со счетом дюжинами. Все связанное со временем люди повсюду считают дюжинами, потому что луна рождается двенадцать раз в году. Но это соответствует числу Божественных качеств, упомянутых в Торе, в главе «Ки-Тисса». Там перечислены двенадцать качеств, причем одно из них повторено дважды, так что говорится «тринадцать качеств» - «шлоша-асар мидайя». Но и лунных месяцев в году в действительности то двенадцать, то тринадцать. То есть Бог управляет счетом, а не счет Богом.

- Это ты очень кстати заметил! - обрадовался Андрей. - Ведь Священный треугольник как раз причастен к приведению десятеричного исчисления к двенадцатеричному. Сумма трех, четырех и пяти - это дюжина, которая как раз через квадрат сторон Священного треугольника приводится к полусотне.

- Убедил. Так, что там с твоим священным треугольником? Что ты в связи с ним установил?

- Пока немного. Если один угол поместить в Кумраны, - ведь в Кумранах этот треугольник особо почитался, а другой в Каср Аль-Яуд, - то вырисовывается пара интересных вариантов, которые я бы хотел проверить. Побывать на местности, подумать, что бы это значило. Мне почему-то кажется, что эти треугольники могут вывести нас на те точки, в которых Всевышний ведет пространственные игры с четвертым измерением.

- Так когда же тебя ждать?

- В ноябре. Я один приеду, - и, понизив голос, Андрей объяснил. - Я бы хотел еще и Семена повидать. А у него в ноябре как раз какая-то поездка в Израиль наметилась.

- И Катя, понятное дело, не стремится с ним пересекаться?

- Да. По горло сыта его политинформациями. Но у меня к нему еще какие-то вопросы остались.

* * *

Выбрался Андрей всего на несколько дней с полностью расписанным планом.

Первым делом в четверг он намеревался попасть в одну установленную им с помощью священного треугольника точку. Субботу он планировал провести у меня, причем как раз в субботу на пару часов к нам должен был вырваться Семен. В воскресенье Андрей собирался навестить вторую точку - благо до нее можно было добраться на автобусе, а оттуда в аэропорт.

Первая точка оказалась рядом с Анатотом, местом, в котором в древности проживали священники и откуда родом был пророк Иеремия.

Однако интересовавшая Андрея точка находилась километрах в трех от самого поселения. Я стал изучать карту и вдруг осознал, что как раз в этом районе уже почти месяц я наблюдал из Инбалим какое-то строение.

Я пытался рассмотреть появившийся на вершине холма сарайчик в бинокль, но так и не понял главного, кто же владеет хозяйством - бедуины или еврейские подростки.

А в последнее время такие подростковые десанты стали все чаще на холмах Самарии появляться.

Эти дети родились здесь, слились с местным ландшафтом и стали пытаться возделывать землю, как некогда ее возделывали их праотцы, и как сегодня продолжают делать местные арабы и бедуины.

Попытки эти, однако, жестоко пресекались. На стойбища и хозяйства постоянно производились налеты как со стороны конкурентов-ишмаэлитов, так и со стороны израильской армии и полиции. Стойбища разрушались, техника, а иногда даже и скот конфисковывались.

Волею постсионистских властей, покорившихся требованиям Великого Отца из Белого Дома, бесхозная земля в Иудее и Самарии могла беспрепятственно осваиваться арабами, но ни в коем случае не евреями.

Мой маахаз в Инбалим был одним из ранних, из тех, которые, по какой-то одному ему ведомой причуде, престольный град Вашингтон не требовал немедленно сравнять с землей. Но все, что возводилось после 2003, нещадно сметалось.

Ребята с сизифовым постоянством восстанавливали свои хозяйства, отвечая на погромы так называемыми акциями «таг мехир» - выражение, буквально означающее «прейскурант», т.е. заранее установленную плату, ожидаемую ответную реакцию, предупреждающую дальнейшие нападения.

Этот поведенческий стиль, отчасти перенятый еврейскими подростками у своих бедуинских соседей, в их среде определенно работал. Да и армия, судя по всему, иногда не торопилась громить палатки, зная, что за этим последует прокалывание шин у армейских джипов, порча арабских посадок или даже ивритские граффити на стенах мечетей.

Из-за их специфического социального профиля в армию бунтарей не призывали. Движение ширилось, раздражая всех на свете, в том числе и поселенцев, на законопослушность которых подростки бросали тень.

Желание узнать, кто именно поселился на холме, возвышающемся над ущельем Михмаш, медленно тлело в моей душе. Когда же я сообразил, что Андрей собирается именно в этот район, любопытство разгорелось с новой силой, и я решил составить своему другу компанию.

* * *

Когда мы приблизились метров на триста к строению, на нас с грозным рычанием выскочил внушительных размеров черный как смоль пес, явно смахивающий на ротвейлера. Мы испуганно замерли. Но в тот же миг раздался резкий окрик.

- Негро!

Пес немедленно остановился, и после некоторого раздумья рванулся назад к вышедшему из строения парeньку в джалабие. По виду и одежде я бы посчитал его бедуином, если бы с первого же взгляда не разглядел на его лбу и руке тфиллин.

- Кто это? - озадаченно спросил Андрей.

- Еврей.

- И как я вижу, еврей древний.

Мы подошли.

- Я Ури, - представился я, протягивая парeньку руку. - Из Инбалим. Уже скоро месяц наблюдаю твое процветающее хозяйство. Пришел, наконец, познакомиться с соседом.

- Я Гивон... - ответил парень, явно обрадованный нашим визитом.

- Чего у тебя тут есть?

Гивон показал нам свое хозяйство, в которое помимо собаки, и сбитого из опилочных досок сарайчика входили также четыре козы, бросающие на нас из загона дерзкие, чтобы не сказать - наглые взгляды.

- И сколько вас здесь живет?

- Пока я один. Но друзья заходят, присматриваются. Надеюсь, кто-то присоединится.

- Боюсь, что непрошенных гостей сюда заглядывает не меньше, чем друзей.

- Верно. Гражданская администрация не так давно навестила. Вручила ордер на слом. Ну и бедуины иногда заявляются. Осла украли.

- И как же ты назвал свой маахаз?

- Геулат Цион.

- А ты много по пустыне путешествовал? - поинтересовался Андрей.

- Много.

- Попадались тебе какие-нибудь тайные пещеры? Находил ли ты в них чего-нибудь ценное?

- Да тут все бедуинами давно перерыто. Мы раз с другом в ущелье южнее Нахаль Драгот набрели на одну разветвленную пещеру. В одном дальнем лазе обнаружился выход, из которого метрах в десяти виднелась другая пещера, до которой ну никак не доберешься. Потом мы пригляделись и увидели, что можно вроде бы туда цепляясь за уступы скалы пробраться. И пробрались. Так вот видно было, что в ней уже до нас побывали. Может даже что и нашли.

Мы просидели в Геулат Цион более часа, любуясь видами, угощаясь кофе и расспрашивая Гивона о его вере.

Он ждал возрождения пророчества, покаяние народа, восстановление Храма и возрождение Царства Израиля.

Вроде бы ничего особенного, все эти упования давно записаны в молитвеннике и повторяются евреями по три раза в день. Но Гивон зажигал.

Андрей оказался под впечатлением.

- Ну теперь ты убедился, как землемудрие работает? - спросил он меня на обратном пути. - Прямая наводка. Повидали древнего еврея, почти пророка… На такое чудо я даже не рассчитывал.

* * *

На обратном пути мы заехали в Маале Адумим. Мама грозилась выбросить обнаруженный ей в антресоли рюкзак с моей военной формой. Кое-чего мне для армейских сборов явно не доставало, и пока не поздно, я хотел спасти находку.

В доме находился гость - приятель отца Меир. Они сидели в салоне, потягивая пиво и листая свежий номер газеты «Вести».

- Послушай только, что говорит один иорданский шейх. Это просто невероятно. - И отец зачитал:

«Аллах, слава Ему и хвала, написал в Торе, что это земля сынов Израилевых. Он завещал Святую Землю сынам Израилевым и называл эту землю этим именем (земля Израиля). Поэтому он заяв-

ляет в Священном Коране: «О мой народ! Войди в Святую землю, которую Аллах назначил вам, и не обратись назад с позором, потому что тогда будете вы уничтожены и разорены". (Коран 5:21). Этот святой стих "Кушан" подтверждает, что эта земля принадлежит иудеям. В нем также говорится: "Мы сделали сынов Израилевых наследниками этого" (Коран 26:59), и в следующем стихе «И Мы после этого сказали сынам Израилевым: "Живите безопасно на земле (обещанной)" (Коран 17:104). Есть еще много святых стихов, доказывающих и подтверждающих это.

Более того, даже если все жители земли забудут истинное положение вещей, или сойдут с ума и будут сотрудничать с теми, кто называет себя "палестинцами", чтобы создать государство для последних, это не удастся, и Аллах не допустит этого до наступления Судного дня, потому что Аллах Сам так пожелал и специально написал в своей книге, что эта земля будет землей народа Израиля под израильским суверенитетом, чтобы никто позже не мог этого оспорить....»

«Есть и другие причины: этот народ (Израиль) мирен и миролюбив, не враждебен и не агрессивен; они есть народ, защищающий себя когда это необходимо, и при этом пытающийся нанести минимальный вред своим врагам. Кроме того, я признаю тот факт, что Бог, слава и хвала Ему, отдал свое предпочтение этим людям над другими людьми и демонами до конца дней. Бог не отдает свое предпочтение тем, кто этого не заслуживают. Бог, хвала Ему, никогда не обращался к кому-то другому и не предоставлял им эту честь, помимо народа Израиля».

- Кто это сказал? - отрывая глаза от газеты, спросил Меир.

- Шейх Ахмад Адван. Иорданский шейх здесь написано.

- Дай посмотреть. Наверняка фейк какой-то.

Отец протянул Меиру просматриваемое им приложение.

- «Умеренный ислам»? Так это статья Бараца! - пренебрежительно фыркнул Меир.

- Ну да, Барац этого шейха цитирует. А в чем проблема?

- Не очень я этому Барацу доверяю.

- Этот шейх реальное лицо, - вмешался я. - И это примерно то самое, что он думает. Он приезжал прошлой зимой в Израиль, посетил военную йешиву в Цфате, общался с равом Мордехаем Элиягу. В интернете можно найти его выступления по-английски.

- И он не боится такое писать? - недоверчиво спросил Меир.

- Этот вопрос ему как раз в йешиве и задали. Так он ответил: Мне перевалило за 60, я свою жизнь прожил, все от Аллаха.

- Ну не знаю… - пробормотал Меир, возвращая приложение.

* * *

- Я, кстати, - заметил Андрей, когда мы вышли от родителей и уселись в автомобиль, - как раз недавно виртуально с Барацем познакомился.

- Вот как? Через фейсбук?

- Нет, по имейлу связался. Идею ему одну подкинул. Он заинтересовался.

- Что за идея?

- Я узнал, что число аминокислот, входящих в состав белков, на самом деле не 20, а 22. Кроме 20-ти стандартных имеются еще и две нестандартные. Это ведь само по себе поразительно: хотя в природе существуют сотни аминокислот, жизнь обеспечивают только эти 22!

- Надо же! По числу ивритских букв!

- Вот, и ты сразу заметил… Так слушай. Я написал Барацу - он ведь биолог по образованию - не заинтересует ли его идея привести в соответствие аминокислоты и ивритский алфавит?

- Действительно заманчиво, но ты не думаешь, что это уже кто-то сделал? Ведь каждый второй еврей программист, а каждый третий - биохимик.

- Не знаю. Но Барац заинтересовался. Ответил, что идея ценная. Пообещал посоветоваться с женой. Она у него программистка.

* * *

Иеромонах отец Семен, встречи с которым так жаждал Андрей, приехал на Инбалим по навигатору, и как раз поспел на вторую субботнюю трапезу.

- Я слышал, что твоя книга «Мессианский квадрат» имеет успех, - обратился он ко мне, широко улыбаясь. - Мне попадались на нее отзывы в «Независимой газете». Поздравляю.

- Спасибо.

- А вот «Конкордация», как я пониманию, не пошла, - продолжал Семен, насмешливо поглядывая на Андрея. - И слава Богу, что не пошла… «Кто соблазнит одного из малых сих, верующих в меня…»… Хранит тебя Христос, Андрюша. Хранит.

- Да, не нашлось для моей «Конкордации» хорошего импресарио. Но я не сетую. Ненавижу пиариться. Для тех, кто думает, что жизнь кончается в этом мире, внешний успех, конечно, очень важен. Но те, кто надеются на вечную жизнь, надеются также и на то, что главный литературный конкурс ожидает их за гробом. Поверьте друзья, в том мире окажутся прославлены многие книги, о которых на земле никто никогда ничего не слышал!

Да, мой сайт «Иисус ++» не самый посещаемый ресурс. Но такова судьба многих, таков парадокс Николая Кузанского о совпадении абсолютного минимума с абсолютным максимумом: те самые авторы, которые вчера писали в стол, сегодня пишут в интернет.

- Но по интернету можно много чего разослать. Ты мою последнюю переписку с отцом Герасимом видел? Я ее всем своим адресатам переправил. Ты должен был получить.

- Напомни. Я что-то подзабыл.

- Я там пишу, что я за демократию, но мне не надо такой демократии, которая перечеркивает самобытность России.

- Что за чушь? - отмахнулся Андрей. - Демократия не может ничего перечеркнуть кроме диктатуры.

- А вот я, кажется, Семена понимаю, - заметил я. - У нас в Израиле схожая, по-видимому, ситуация. Евреи собрались здесь, чтобы построить национальное государство. Они пожелали сделать его

демократическим, ведь они мечтали быть свободным народом в своей стране. Но когда у нас начинаются разговоры о превращении Израиля в чистую демократию, в которой национальные права евреев ставятся под вопрос, то к чему евреям такая страна?

Я буду стоять на смерть за единственное еврейское государство в мире, но и пальцем не пошевелю за единственную демократию на Ближнем востоке, если она будет лишена еврейского смысла. Демократий, причем куда получше израильской, по всему миру хватает.

- Ну какая же это демократия, если она не в состоянии защитить национальные права большинства своих граждан? - удивился Андрей.

- Верно, - согласился я. - В Израиле всем заправляет не народ, а леворадикальный Верховный суд. Без его утверждения ни одно решение Кнессета не может вступить в силу.

- Как это? Это по конституции так?

- Нет, по ловкости рук одного единственного афериста - Аарона Барака.

- Не слышал про такого.

- Он с конца 70-х в Верховном Суде заседал, а в 1995 стал его председателем. Все это время он наращивал власть суда путем хитроумных судебных постановлений и продвижения идеи, что Суд уполномочен решать политические вопросы. Кроме того, он начитался Деррида и объявил, что законы надо толковать «герменевтически». Законодатель, мол, может подразумевать все, что ему вздумается, но судья вправе понимать закон так, как вздумается ему.

Но все это были лишь цветочки. В 1992 году по наущению Барака Кнессет принял закон о «Достоинстве и свободе человека» - и вот тут-то достоинству и свободе еврейского народа пришел конец. Ведь под «человеком» наши герменевтики понимают только «угнетенного араба», но никак не его «еврейского угнетателя».

Левые политики свободно продвигают свои инициативы, но любой правый закон обязан пройти судейское ОТК. Не политическое руководство, а Верховный Суд решает, где пройдет забор безопасности; перед кем будут открыты границы государства… У нас тут, например, через Египет инфильтрируются тысячи суданский беженцев. По закону, они для нас никакие не беженцы, мы имеем полное право возвращать их в Египет, но БАГАЦ запретил это делать. Если бы в 2009 году Нетаниягу не распорядился возвести вдоль Синая высоченный забор, по воле БАГАЦа в Израиле проживали бы сегодня миллионы черных мусульман! Народ, конечно, надеется эту удавку когда-нибудь сбросить, но пока мы имеем, то что имеем.

- В Европе и Америке, уверяю вас, всем заправляют такие же бараки, - сказал Семен. - И Россия - это единственный сегодня ресурс консерватизма. Многие правые европейцы признают и ценят роль России, которая сдерживает расширение Еврабии.

- В чем-то ты прав, наверно, - согласился Андрей и добавил. - Но я все равно предпочту Еврабию Евразии. Скажи мне, ты знаешь, чем отличается ЦК от ЧК?

- Не знаю, скажи ты.

- В ЦК цикают, а в ЧК чикают. А знаешь, чем отличается Евразия от Еврабии?

- Ну скажи.

- Евразия сильна в геополитике, а Еврабия - в геополитике.

- То-то и оно, Андрюша, нельзя на России крест ставить, нельзя ее отпевать, как это либералы делают.

После того, как Семен ушел, мы с Андреем продолжали удивляться тому, как на наших глазах стираются грани между Западом и Востоком, а если вдуматься, так даже между самими Добром и Злом.

- Боюсь, что на нашем веку перелом в войне света и тьмы так и не наступит, - подвел Андрей печальный итог. - В изнурительном и нескончаемом единоборстве добра и зла, по-видимому, еще долго

будет побеждать дружба!

* * *

Во второе, установленное землемудрием место Андрей в воскресенье не поехал. Решил провести этот день с Семеном в Иерусалиме.

- Ту вторую точку, я посещу уже в следующий раз.

2016

Следующий раз наступил через полтора года.

Шел последний год Обамовской восьмилетки. Полученная авансом нобелевская премия мира отрабатывалась ее лауреатом весьма своеобразно: Ближний восток пылал; толпы расползающихся из него правоверных рвались в Европу; в обмен на отмену экономических санкций Иран получил разрешение через 10 лет произвести ядерное оружие.

При этом Нобелевский Миротворец с первых дней своего правления откровенно куражился над Израилем.

При первой встрече с Нетаниягу Обама провел фотосессию, протянув ноги под нос своего израильского гостя.

Годами Черный хозяин Белого Дома требовал от израильтян удовлетворения любого палестинского каприза, начиная с замораживания строительства в Иудее и Самарии и кончая освобождением сотен террористов. Впрочем, поскольку сам Аббас оставался непреклонен и от переговоров упорно уклонялся, отказываясь даже назвать Израиль «еврейским государством» («пусть называют себя как хотят»), к концу каденции президентское давление несколько спало.

Внешнее давление спало, но внутреннее сохранялось: к началу 2016 года уже несколько месяцев свирепствовал «террор одиночек»: каждую неделю разогревающиеся в социальных сетях палестинские пассионарии бросались с ножами на зазевавшихся евреев.

Ну и в завершение ко всему достигла своей кульминации подлая кампания по разгрому молодежного поселенческого движения - «ноар гваот».

Власти с остервенением преследовали подростков на протяжении всей восьмилетки, но их вольное фермерство все же как-то поддерживалось. Пока не случился поджог арабского дома в Кфар-Думе.

В ночь на 31 июля 2015 года в этом селе были брошены две бутылки с зажигательной смесью в два дома, принадлежащих семейству Давабше. Хозяин одного из домов не пострадал и заметил двух людей в масках, уехавших после поджога на автомобиле. Жители другого дома - семейная пара и их полуторагодовалый сын - погибли.

Поджоги в этом селе совершались враждующими кланами постоянно, но на сей раз преступление было решено повесить на еврейских подростков.

К концу лета десятки из них получили предписания, ограничивающие передвижение по Иудее и Самарии. Некоторые подверглись домашнему административному аресту, а иные даже и тюремному заключению.

30 ноября СМИ сообщили о «драматическом прорыве» в расследовании «еврейского террора», а 3 декабря было разрешено к публикации, что по делу о поджоге были задержаны четверо ребят, трое из которых были несовершеннолетними.

Через три недели после того, как адвокатам впервые позволили встретиться со своими клиентами, выяснилось, что арестованных пытали!

Речь шла не только о многосуточном лишении сна и избиениях, но и об использовании пыточных приемов, требующих специального разрешения суда.

На основании вырванных под пытками признаний, один из подростков был обвинен в драке с бедуином, другой в краже арабской пшеницы! Еще один несовершеннолетний арестант признался в причастности к планированию поджога и нескольких акциях «таг мехир».

Но двадцатилетний Амирам Бен Улиэль был обвинен в тройном убийстве. 22 декабря его адвокат Итамар Бен Гвир объявил, что под пытками подозреваемый признался в инкриминируемом ему преступлении, но при встрече с ним отрицал свою вину и передал соответствующее заявление.

3 января Бен Улиэлю было выдвинуто обвинительное заключение, в котором утверждалось, что он проник в центр Кфар-Думы и бросил бутылки с зажигательной смесью в два дома, в одном из которых в результате возгорания погибли трое.

В те зимние дни я получил по электронной почте письмо от Андрея: «Привет Ури. Я снова собираюсь в Израиль и снова без семейства. Мне бы хотелось побывать в двух местах, которые, как я знаю, обыкновенно закрыты, и без разрешения армии туда не попасть. Это Каср Аль-Яуд и гора Эйваль - точнее жертвенник Йеошуа. Не мог бы ты для меня разузнать, когда туда пускают, причем так, чтобы попасть в оба места в один приезд? Боюсь, мне дольше чем на неделю не выбраться. Я слышал, что на Пасху эти места открываются».

Каср Аль-Яуд - что в переводе с арабского значит «Еврейская крепость» - место перехода сынов Израиля через Иордан, считающееся также местом крещения Иисуса, на самом деле уже два года было открыто для посетителей ежедневно с 8 до 16.

С горой Эйваль, возвышающейся над Шхемом, было сложнее. На вершине горы, в паре километров от жертвенника, располагалась военная база. Формально само это место считалось районом «С», но подобраться к нему, минуя сплошные арабские застройки, было непросто. Ворота, за которыми вилась горная дорога, обычно были на запоре. Однако периодически армия открывала их для туристов и паломников. Под армейским конвоем колонны автобусов и частных автомобилей выезжали из поселения Шавей Шомрон. На Песах такие экскурсии были вполне ожидаемые, о чем я незамедлительно сообщил Андрею.

Он прилетел за три дня до Песаха - 20 апреля, предусмотрительно сняв в аэропорту машину.

На пороге моего дома Андрей появился под вечер и сразу же был усажен за стол, накрытый обильными запасами квасной пищи, подлежащей уничтожению перед Песахом.

- Один, без семьи, - покачала головой Сарит. - Почему опять в таком скромном составе?

- Я как бы по делу. Это небольшая творческая командировка. Хочу кое-что проверить, хочу все своими глазами увидеть, - многозначительно произнес Андрей.

- Что именно? - поинтересовалась Сарит.

- Каср Аль-Яуд, гора Эйваль и древний Гивон, ныне Эль-Джиб.

Предупреждая дальнейшие вопросы, Андрей решил ввести нас в курс дела.

- Кажется я, наконец, нашел, в какую библейскую историю вписывается Священный треугольник. Раньше я считал, что один из его углов непременно должен упираться в Кумраны, поскольку там этот треугольник культовым образом почитали. Но теперь я понял, что тайна эта касается всего Израиля.

- Смотрите, - Андрей извлек из рюкзака карту Ближнего востока с начертанными на нем треугольниками и стал объяснять.

- Отсюда сыны Израиля вышли в пасхальную ночь, здесь через неделю они прошли по дну Ям Суфа и оказались в пустыне. Здесь на Синае они через семь недель получили Тору - что имеет прямое отношение к Священному треугольнику.

- Не поняла, - удивилась Сарит. - Какое отношение? К какому треугольнику?

- Это в какой-то мере связано с тем идеальным солнечным календарем, на который опирается книга Юбилеев, и которым пользовались в кумранской общине. В нем было 364 дня. Число кратное семи, так что все праздники ежегодно выпадали на одни и те же дни недели.

- А, ты об этом… - сказала Сарит. - По мнению Пинхаса, это был не просто кумранский, а оригинальный священнический календарь, которым пользовались на протяжении тысячелетия.

- Священнический? - изумился Андрей. - Я всегда слышал, что это ессейский календарь?

- Многие считают именно так, - согласилась Сарит. - Но только никогда не говори этого Пинхасу. У него начнется истерика.

- Признаться, мне его версия также по душе. Ведь это значит, что математический календарь в еще большей мере укоренен в еврейском гении, чем я ожидал!

- Ессейский он, или нет, но при чем тут треугольник?

- Как это при чем? В том календаре было 364 дня. Таким образом год делился не только на недели - на 52 недели, но и на Пятидесятницы. В году насчитывалось семь пятидесятниц плюс две недели. Об этом Филон достаточно подробно пишет. А сумма квадратов сторон священного треугольника - 3,4,5 - равна 50, то есть Пятидесятнице. Вот у меня тут есть выписка.

Андрей извлек из папки тетрадь, раскрыл ее в нужном месте и зачитал:

«Они прежде всего собираются каждые семь недель, поклоняясь не только простому числу семь, но и его квадрату, ибо почитают его святым и вечно девственным. Это канун самого большого праздника, который приходится на пятидесятый день - самое святое и наиболее соответствующее природе число. Оно составлено из суммы квадратов сторон прямоугольного треугольника, который служит началом происхождения бытия».

- Сумма квадратов сторон священного треугольника, - продолжил Андрей, - равна 50, но и начинающийся от Песаха счет омеров, представлен Торой как сумма квадратов - то есть «семь седмиц» плюс единица.

Теперь я показываю, как это проявилось в истории Исхода: первая точка - это побережье Ям-Суф, по дну которого Израиль прошел как посуху; вторая точка - гора Синай, а третья соответственно

та, где народ Израиля вошел в землю Израиля, причем опять же преодолев водную преграду посуху.

Иными словами, эта третья точка смысловым и литургическим образом связана с первой. Тут разверзлось море, тут разверзлась река. Тут в Египте была совершена первая пасхальная трапеза, а тут - уже в степях Иерихона - по существу продолжалась она же!

Но тут у нас вырисовывается еще один священный треугольник, связанный уже не с Исходом из Египта, а с завоеванием земли Канаан!

Схватив со стола ложку, Андрей принялся показывать.

- После того как народ вошел в землю в точке «Еврейской крепости» был подтвержден союз с Богом на горах Эйваль и Гризим, это вторая точка эквивалентная Синаю. Третья точка - это кульминация завоевания Ханаана - долина Аялон, в которой велась Однодневная война, в которой произошло чудо остановки солнца, то есть остановки хода времени. Сказано: «солнце, у Гивона стой, и луна - у долины Аялон! И остановилось солнце среди неба, и не спешило к заходу почти целый день!»

Уже сами эти слова говорят, что солнце везде во всем мире шло - иначе, когда бы этот «почти день» набежал своим ходом и только над Гивоном застыл? То есть те, кто взирали на поле боя извне, ви-

дели, что иудеи уничтожают врага с бешенной скоростью, а сами иудеи видели все вокруг застывшим. Я так это понимаю.

- Должен тебе сказать, - прервал я Андрея, - что Магараль дает именно такое объяснение! Он был современником Коперника и, по-видимому, пришел к выводу, что чудо остановки солнца можно объяснить только средствами теории относительности! То есть тем, что время в разных пространственных координатах может идти по-разному.

- Вот видишь! - обрадовался Андрей. - Это ведь ровно то, о чем я тебе много лет твержу. Не только в духовных мирах, но и в мире физическом могут возникать разные системы отсчета, обусловленные не разностью в скоростях, а какими-то иными причинами! Например, какими-то эффектами, достигаемыми за счет четвертого пространственного измерения - 4D. Этими эффектами иногда объясняют телепортацию, но значит, таким способом и неподвижность можно объяснить!

- Да, это интересное наблюдение, - согласился я. - Но ты уверен, что третий - прямой угол священного треугольника у тебя в долину Аялон упирается? Тут у тебя скорее блокпост Каландия, промзона Атарот. Это километров на двадцать восточнее.

- Ну а как же Гивон? Сказано, что солнце встало над Гивоном, а Гивон тут совсем рядом, как я вижу!

- Ты прав, - сообразил я, - В действительности именно где-то здесь начинается вади Кельт - то ущелье, по которому за ночь поднялись из Йерихона полки Йегошуа. В этом районе они выскочили утром, словно из-под земли и застали врасплох союзную каненейскую армию, готовящуюся к нападению на Гивон. Отсюда Йегошуа гнал врага двадцать километров до долины Аялон. Чудо солнцестояния, нужно думать, охватывало всю эту площадь.

- Все это очень интересно, - сказала Сарит, - Но я хочу кое-какие замечания сделать. Во-первых, мой бывший, помнится, рассказывал, что согласно астрономическим расчетам, в ту пору в районе Гивона должно было иметь место солнечное затмение. Он даже

предположил, что слово «дом» - «стоять», «замереть», при желании можно понять, как «потемнеть». Такое вот скептическое объяснение предлагается…

Это неожиданное объяснение несколько задело меня.

- При всем моем уважении к Пинхасу, - произнес я, как можно более сдержанно, - или точнее, при всем моем отсутствии такового, в этом вопросе традиция позиций так просто не сдаст! Стояние солнце было даже предсказано пророками!

- А вот это уже интересно, - воскликнул Андрей.

- Да, - продолжал я, несколько успокоившись. - В ТАНАХе сказано: «И остановилось солнце, и луна стояла, доколе мстил народ врагам своим. Это ведь написано в «Сефер Аяшар»: И остановилось солнце среди неба, и не спешило к заходу почти целый день!»… Между тем, «Сефер Аяшар» - это другое название Торы. А где в Торе об этом сказано?

- Никогда не слышал. - удивился Андрей. - А ты знаешь?

Я взял с полки Тору и отлистал до 34 главы книги «Исход».

- Это сказано сразу после того, как Моше получил вторые скрижали, там же где определяются тринадцать качеств Всевышнего. Слушайте.

«И сказал Он: вот, Я заключаю союз: пред всем народом твоим совершу чудеса, какие не творились по всей земле и ни у каких народов; и увидит весь народ, среди которого ты находишься, дело Господне, столь дивное, которое Я сделаю для тебя. Соблюдай же то, что повелеваю тебе ныне; вот, Я прогоняю от лица твоего Эморейцев».

- Видите? Предсказание, «чудеса, какие не творились по всей земле», в первую очередь касается остановки Солнца. А солнечные затмения наблюдаются по всей земле каждый год.

- Ну а какое твое второе возражение, Сарит? - напомнил Андрей.

- Ах, да. Это скорее вопрос. Мне казалось, что завоевание Канаана началось задолго до заключения союза на горах Эйваль и Гризим, а у тебя это следующий пункт назначения после перехода

Иордана…

- Верно, - согласился Андрей, - В книге Иеошуа описывается так, что после перехода через Иордан произошло завоевание Иерихона, потом Ая. А потом народ вдруг все бросив, рванул на сто километров на север, и там между горами Эйваль и Гризим заключил Завет. Казалось бы, если уже там весь народ оказался, то там бы надо было продолжать завоевание, но нет. В следующем стихе весь Израиль снова оказывается на прежнем месте неподалеку от Ая и вступает в Однодневную войну с армией пяти эморейских царей. Вы видите, этот эпизод со Шхемом выпадает. Совершенно непонятно, в какой момент это заключение Союза могло произойти. Между тем логически оно должно было быть вторым событием после перехода Иордана, ведь это аналог Синайского откровения, вступление в завет в Святой земле.

- Ты даже не подозреваешь, до какой степени ты прав, - заметил я. - Согласно мидрашу, союз на горах Гризим и Эйваль был заключен сразу после перехода, еще до падения иерихонских стен! Давай-ка поищем, где об этом говорится.

Я набрал ключевые слова в гугле.

- Все верно, - обрадовался я. - Вот в трактате Сота говорится, что рабби Шимон бар Йохай назвал это одним из чудес вхождения в землю Израиля. Сыны Израиля за один день, нагрузившись, кстати, двенадцатью камнями, преодолели более шестидесяти миль до гор Гризим и Эйваль, заключили там союз и вернулись, причем с теми же двенадцатью камнями. Вот и в иерусалимском Талмуде, я вижу, это же самое утверждается. Да! Все как ты сказал: вторая точка того маршрута после Каср Аль-Яуд - это горы Эйваль и Гризим.

- Как же целый народ - то есть старики, женщины и дети - могли протопать за день сотню километров?! - догадался вдруг Андрей, - По скорости это, конечно, не ночной перенос Мухаммеда, но тоже из ряда вон. Никак и тут время текло по-другому?

Он запнулся, и через полминуты продолжил.

- Подождите. Я вспоминаю, что у Томаса Манна в «Йосефе и его братьях» говорилось, что Элиэзер, посланный за невестой для Ицхака из Беер-Шевы в Харан, преодолел путь за три дня, хотя это занимало три недели, потому что "земля скакала ему навстречу". Это Манн из мидраша взял?

- Давай проверим, - отозвался я, и опять полез в гугл.

- Должен тебя поздравить, Андрей. Оказывается «земля скакала навстречу» не только Элиэзеру, но по словам Баал Шем Това, также и навстречу ко многим другим праведникам и не раз! Обычное дело, оказывается!

- Вот видите! Всевышний каким-то образом создает разные системы отсчета, не разводя их в пространстве! Я не настаиваю, пока это только гипотеза, но сдается мне, что это результат Божественной игры с четвертым измерением! Божественная геометрия, точнее тригонометрия!

- Подожди радоваться, - остудил я своего друга. - Вернемся в двумерное пространство. Давай сначала проверим, действительно ли от Каср Аль-Яуда до Шхема шестьдесят миль.

Андрей немедленно померил на карте расстояние, и просиял.

- Надо же, сто километров! Это должно быть как раз шестьдесят миль! Размер гипотенузы иудейского треугольника - шестьдесят миль. Итак, я намерен совершить паломничество во все эти три точки. Как я это сделаю?

- Что тебе сказать. Два первых места в высшей степени туристические и аттрактивные, а насчет Каландии - сложнее. Там блокпост. Что я говорю, блокпост? Там целый терминал построили. Тебя туда не пропустят. Впрочем, тебя может как раз и пропустят по твоему русскому паспорту. Но мне туда в любом случае лучше не соваться. Задержат за попытку проникновения в зону «А», будут три часа снимать показания и брать отпечатки… На гору Эйваль мы с Сарой к тебе с удовольствием присоединимся, а в Каср Аль-Яуд поезжай завтра один. Мне столько всего перед Песахом сделать нужно.

* * *

Но в последний момент я все же к Андрею присоединился. Порученное мне мытье холодильника и двух посудных шкафов прошло значительно быстрее, чем я ожидал, и перед следующими зачистками квасного вполне можно было взять тайм-аут.

Год назад Безродины перебрались из Киева в Прагу, и первые полпути Андрей нахваливал мне свое новое прибежище.

- В этом городе я чувствую себя по-настоящему дома. Где еще так сходятся Восток и Запад? Даже и столицей Священной Римской империи побывал этот город. Так что считай, я из третьего Рима перебрался в первый. По крайней мере, в одну из самых удачных его инкарнаций.

- А с Россией ты какую-то связь поддерживаешь?

- С родителями, разумеется, ну и с друзьями, кое-какими. В том числе с твоим Егоровым. Из любопытства. Он мне пересылает всякую оккультную хрень, по которой можно судить, куда Русь-матушка курс держит. О всяких модных шаманах рассказывает, а незадолго до нашего отъезда в Украину даже пригласил меня - ты не поверишь - совершить полет на Нибиру!

- Нибиру? Что это?

- Планета такая. Ее некий Захария Ситчин «открыл». Слово это он взял из шумерской мифологии. Он утверждает, что есть такая планета, на которой располагается ставка рептилоидов, управляющих нашей планетой. То есть шумеры, по Ситчину, явились первой культурой, созданной рептилоидами. Я не понял от Сергея, разделяет ли эту веру его кумир Дугин, но это явно сообщающиеся сосуды.

- И как же на нее летают, на эту планету?

- Сергей рассказал, что астронавты рассаживаются на полу в виде букв Z или V и дальше под воздействием галлюциногена Аяуаска выходят в открытый космос. А у вас что происходит? Террор одиночек, я слышал.

- Да, новое явление. Котелок социальных сетей кипит, выплескивая страсти в виде одного-двух налетов в неделю.

- А чем эта история с поджогом закончилась? Что за всем этим стоит?

- Ты про Кфар-Думу? Даже и до Украины, я вижу, это докатилось?

- Да, были сообщения. Но главным образом я из интернета, конечно, об этом знаю. Что ты вообще об этом думаешь? Чьих это рук дело?

- Что тебе сказать? Еврейский поджигатель едва ли бы забрел в середину арабской деревни. Потом как бы он угадал бросить бутылки в два дома, принадлежащих одному семейству? Опять же, граффити на доме оставлены нехарактерные: на одной все написано правильно - «Месть», но на другом ни к селу, ни к городу «Да здравствует Машиах». Это же хабадский лозунг. Набери в гугле «таг мехир», закажи имиджи. Прославлений Машиаха ты там не найдешь.

Кроме того, «месть» написана вязью, как будто это арабская рука писала. То есть больше это похоже на ложный след. Да и у ШАБАКа, как выяснилось, в действительности не оказалось на подростков никакой оперативной информации. Видимо, министром обороны - это ведь все его затея - двигала лишь маниакальная мнительность и стремление доказать известный журналистский тезис, что «экстремисты имеются с обеих сторон». Иначе как полиция могла даже не рассматривать, казалось бы, основной версии межклановой арабской разборки?

- А эти сообщения о пытках? Это правда?

- Чистая правда. Прокуратура санкционировала чрезвычайные меры воздействия, которые предоставляются только в случае так называемой «тикающей бомбы», т.е. в случае крайней оперативной необходимости, для перехвата вышедшего на дело террориста. Но в этом случае решили таким способом просто пособить следствию.

- Ну а кто они вообще эти подростки? Это вообще в их духе?

- Если честно, не знаю я, что в их духе. Это особенный народ. Во-первых, они принадлежат поколению, детство которого пришлось на разгром Гуш-Катифа. Они детьми участвовали в протестах… И школа, и родители с тех пор стали им казаться чересчур лояльными государству, а государство - врагом еврейского народа. Эти дети стекаются на холмах Иудеи по одному, каждый со своей историей. Верят они только друг другу и никого к себе не подпускают. Осведомителей в их системе нет. Да это и не система. Они никак не организованы. Стихийные уроки Торы, стихийный выпас овец, стихийные мысли, стихийный «таг мехир». Но верят они в восстановление пророчества, в восстановление той связи с Творцом мира, которая прервалась в эпоху Второго Храма. Но ты же сам видел одного такого. В прошлый приезд. Помнишь?

- Действительно. А что с ним?

- Не знаю. Знаю, что сарайчик его исчез через месяц после твоего визита. Скорее всего армия снесла. А сейчас он наверняка, как все, изгнан из Самарии или под домашним арестом.

За этими беседами мы доехали до монастыря Герасима, неподалеку от которого Андрей пожелал выскочить, поискать кремневые ножи, которыми сыны Израиля могли делать обрезание сразу после перехода Иордана.

Андрей стал рассматривать собранные артефакты (с кремневыми ножами ему не повезло, но пару окаменелостей я у него заметил), и мы продолжили путь.

Через десять минут мы подкатили почти к самому берегу Иордана, довольно жиденького для середины апреля.

Последний раз, когда я был здесь года два назад, река разлилась метров на двести. В нормальных условиях ширина Иордана весной может достигать даже и шестисот метров, но после 1994 года, когда было подписано мирное соглашение с Иорданией, по которому Иордания могла выкачивать воду из Иордана в астрономических количествах, река почти всегда оставалась сухой, а Мертвое море стало испаряться, понижая свой уровень до двух метров в год.

Открыв в этом месте ежедневный доступ к Иордану, государство превратило его в аттракцион для христианских паломников, погружающихся здесь в память о явлении Христа народу.

Многочисленные церковные здания в этом месте восстанавливаются, но никаких указателей с иудейской идентификацией я ни в прежний, ни в этот приезд там не обнаружил. А ведь именно здесь, как сказано в книге Йеошуа, «по суше перешел Израиль через Иордан этот»; именно здесь «иссушил Господь, Бог ваш, воды Иордана пред вами, доколе вы не перешли его, так же, как Господь, Бог ваш, сделал с Ям-Суфом, который иссушил пред нами, доколе мы не перешли его».

Впрочем, как я понимаю, место это являлось крайней южной точкой того фронта, которым миллионы евреев вошли в землю Кнаан. Воды встали гораздо выше по течению - возле Адама, где иногда - приблизительно раз в столетие из-за размыва грунта - образуется естественная плотина.

Но после перехода народ стянулся именно к этой точке. В том же месте Йеошуа повстречался с Метатроном, там же Элияу рассекал реку. Чуть поодаль было произведено обрезание всех родившихся в пустыне.

Паломников оказалось немало, и Андрей последовал их примеру, приобрел какой-то хитон и окунулся в реке.

Выбравшись на берег, Андрей стал бродить вдоль дороги, которая расширялась и приводила к месту, где трактора перевернули всю почву.

- Может, здесь что-нибудь найду, - неуверенно произнес Андрей, беря в руки пластиковый пакет для реликвий.

- Хорошо. Даю тебе десять минут. Я тут у берега посижу.

Я уселся в тени и стал искать в телефоне информацию, где действительно мог располагаться холм Обрезания.

Андрей вернулся через четверть часа. Вернулся не один, а в компании странного христианского паломника. То был сухопарый мужчина лет пятидесяти в широкополой шляпе и белом балахоне.

Но не в таком, в которых здесь окунаются, а собственного образца.

Мне он сразу показался немного не в себе - одним из тех многочисленных паломников, чья психика не выдержала встречи со Святой Землей, - но Андрей смотрел на него с робостью и восхищением.

- Знакомься, Ури, - это мистер Илия.

- Ilya the Prophet, - уточнил паломник. - God bless you guys, God bless you!

После этих слов моя уверенность в том, что перед нами душевно больной человек, окрепла.

- Слушай, Андрей, - повернулся я к своему другу. - Кто этот человек, я тебе потом объясню, но нам пора собираться.

Андрей уже хотел было ответить, но, вдруг хлопнув себя по карману, воскликнул:

- Послушай, пропали ключи от машины! Неужели я их на прогулке выронил?

- Поищи лучше.

- Да куда же лучше. Вот у меня четыре кармана. Ключа нигде нет, - забормотал Андрей, шаря по карманам во второй раз.

- Может, ты выронил, когда в свой балахон переодевался?

- Точно… Но я ведь здесь и переодевался!

Мы стали смотреть у себя под ногами.

- Подожди, - воскликнул я, извлекая ключи из своего кармана. - Вот же они. Что ты паникуешь. Забыл, что после Герасима я вел машину?

- Извини. Ложная тревога. Подожди, а где же Илия? Он же тут стоял.

- Не вижу его.

- Как это он вдруг так исчез? Послушай, а это мог быть пророк Элияху?

- Успокойся, у него просто иерусалимский синдром.

- Что еще за синдром?

- В Израиле, преимущественно в Иерусалиме, каждый год приблизительно у сотни паломников развивается психическое расстройство. Люди воображают себя либо пророком Элиягу, либо Мессией. Мне про одного рассказывали, как он утащил из антикварной лавки саблю и носился с ней по Старому городу в чем мать родила. Это и называется «иерусалимский синдром». По официальным данным, в специальном психиатрическом центре профессора Витстона каждый год госпитализируется от 80 до 100 человек, до такой степени утвердившихся в своем мессианском предназначении, что без хороших успокоительных их обществу не вернуть.

- А кто они? -

- В основном это христиане, изредка евреи, но никогда, кстати, не мусульмане, которые уселись на Храмовой горе, как собака на сене, но сходить с ума ездят в Мекку.

Как бы то ни было, в Святой Земле многих религиозных людей охватывают сильнейшие чувства, и у кого психика слабая, не выдерживают. Уверяю, у тебя это сейчас тоже начнется, если не успокоишься. Что он тебе этот Илия сказал? Чем тебя так купил?

- Поначалу он наизусть зачитывал фрагменты из Библии, а потом вдруг сказал: «You will find here what you are looking for! - Ты найдешь здесь то, что ищешь!»

И потом добавил:

- «I haven't coins, but there is a dollar. Монетки у меня нет, но доллар найдется», и он протянул мне доллар. Вот взгляни.

- Ну, доллар, ну и что с того?

- Как что с того? Во-первых, как он знал, что я у друзей на память монетки беру, а потом посмотри, что на долларе изображено?

- Вашингтон.

- На другой стороне. Видишь треугольник с глазом внутри? Всевидящее око!

- Но это же равносторонний треугольник, а мы ищем египетский. Разве не так?

- В данном случае это значения не имеет. Важно, что треугольник! Я вполне допускаю, что это был пророк!

- Ну не знаю, - в полушутку согласился я. - Пророк Элиягу, действительно, может являться в любом виде. Раву Меиру он однажды вообще явился в виде продажной женщины. Чтобы своим приближением к нему отвлечь преследовавших его легионеров, знавших, что рав Меир и разврат несовместимы.

- Раз пророк Элияу таков, то он вполне может явиться и в облике человека с психическим расстройством. Так что моя версия твоей не противоречит.

Мы сели в автомобиль.

- Назад в Инбалим, - сказал я, - предлагаю вернуться по другому шоссе, вдоль вади Макух. Будет тебе что вспомнить.

- Продолжаешь переписываться с Барацем? Нашли вы, какой ивритской букве какая аминокислота соответствует?

- Пока нет. Барац узнал, что выяснением этого вопроса многие занимаются, но пока безуспешно. Говорят, что для решения такой задачи необходим квантовый компьютер.

- Придется подождать…

* * *

Мы проехали арабскую Уджу, основанное субботниками поселение Итав, как вдруг недалеко за ним из куста на дорогу выскочил еврейский подросток с развевающимися пейсами.

- До перекрестка Римоним довезете? - спросил он.

- Садись, - сказал я. - Как ты тут оказался, посреди пустыни?

- Тремп, в котором я ехал, остановила полиция, но не дорожная. Я поэтому тут же выскочил и скрылся в той расщелине, что кустами поросла. Они не догнали. Я ждал около часа, но вот теперь решился.

- А чего ты от них бегаешь?

- Мне запрещено находиться в Иудее и Самарии.

- Ясно. А с Гивоном ты знаком?

- Из Геулат Цион?

- Да. Где он сейчас?

- Под домашним арестом у родителей сидит, в Тапуахе.

- А тебе-то куда надо?

- В Иерусалим. Там мне разрешено находиться.

- Вот что, - предложил я. - Давай я довезу тебя до заправки, и там ты перескочишь на любой иерусалимский автобус.

- Хорошая идея. Спасибо.

* * *

В понедельник мы выехали из дома в 9 утра. Колонна из Шавей Шомрон к горе Эйваль выходила только в два часа, но я не сказал об этом Андрею. Захотел сделать ему сюрприз, даже целых два.

Первым сюрпризом был заезд в Тапуах.

- Шалом, - крикнул я первому попавшемуся встречному. - Где тут у вас дом, в котором живет Гивон?

- Ты почти у цели. На том углу поверни налево, третий дом справа.

Узник встретил нас радушно, и, как и в первую нашу встречу, угостил кофе. Я извлек прикупленный по этому случаю пирог.

- Один учишься? - спросил я, кивая на лежащий на столе раскрытый том Талмуда.

- Один.

- Что? Никто тебя не навещает?

- Только совсем уже малыши. Друзья, если сами не под арестом, то ограничены в общении. У каждого есть список, с кем ему общаться запрещено. Я почти у всех записан.

- А почему вообще на вас подумали?

- Кто ж их знает? Может, из-за граффити, а может, потому что поджог случился ровно через месяц после теракта, в котором неподалеку от Думы погиб Малахи Розенфельд.

- А ты с Амирамом Бен Улиэлем знаком?

- Да. Но я давно с ним не встречался. Еще за год до этой истории он женился и пошел учиться в одну иерусалимскую йешиву.

- Его кто-нибудь видит?

- Он в одиночке. Раз в неделю с женой через стекло переговаривается.

- Ну а что с тобой год назад случилось? Администрация твое хозяйство снесла?

- Нет, бедуины сожгли…

- А пророк Элияу у вас тут является? - неожиданно поинтересовался Андрей, видимо все еще остававшийся под впечатлением от своей недавней встречи.

- Бывает, - не менее неожиданно ответил Гивон.

- Вот как?! - удивился я. - Расскажи.

- Да вот, например, как-то раз мы перегоняли овец из Бат Айна и шли по краю арабского села. К нам выскочили парни, человек двадцать, никак не меньше, и стали закидывать камнями. Лупили что надо, почти как бедуины. Мы как могли отвечали, но куда нам… И тут вдруг появился араб, старик, явно за семьдесят, пошел рядом с нами, и парней тех стал отгонять, сначала криком, а потом и камнями. Причем кидался он не хуже их. А когда отбил нас, взял да исчез.

- Удивительная история… - изумился я. - И ты думаешь, это был Элиягу? Может, просто какой-то местный авторитет?

- Мы старика того сфотографировали. Потом в той деревне по случаю поспрашивали. Его никто не узнавал.

- Эти внезапные появления и исчезновения пророка Элиягу, - задумчиво произнес Андрей, когда мы вышли от Гивона, - может быть, тоже связаны с 4D-эффектами. Он ведь в теле, он где-то в мире должен физически присутствовать, возможно как раз в том измерении, которое нам недоступно.

* * *

Жертвенник Йеошуа, к которому мы прибыли в составе экскурсии, сопровождаемой армией, представляет собой уникальный археологический памятник.

Его обнаружил в 1980 году профессор Адам Зерталь. Тяжело раненный в войну Судного дня, он на двух костылях прочесал пол-Самарии. К концу 70-х годов он обнаружил следы трех сотен населенных пунктов, появившихся в XIII веке до новой эры, то есть ровно в то самое время, когда, согласно еврейской хронологии, должно было происходить завоевание земли Кнаан сынами Израиля.

Но главным открытием Зерталя явился жертвенник, сложенный из нетесаных камней на горе Эйваль. Вокруг святилища были обнаружены следы пепла, тысячи костей, принадлежащих кошерным животным, и множество черепков, позволяющих датировать находку временем вхождения сынов Израиля в землю Кнаан.

О том, что это было местом культа именно тех людей, которые недавно покинули Египет, свидетельствовало наличие специфических сувениров, в том числе печатки с изображением скарабея, печатки, встречающейся в египетских пирамидах.

Мы послушали экскурсовода, после чего Андрей стал расхаживать вокруг жертвенника, время от времени воодушевленно взмахивая руками.

Наконец он уселся рядом со мной и Сарит на священные камни и заговорил.

- Помнишь, Ури, мы когда-то с тобой выяснили, что поскольку в каждой системе отсчета время течет по-своему, то время существования Вселенной повсюду свое, а для луча света оно и вовсе равно нулю. Преодолевая расстояния в миллиарды световых лет с точки зрения внешнего наблюдателя, сам свет «наблюдает» себя присутствующим повсюду одновременно, включая момент Большого взрыва!

- Помню.

- Так вот послушайте, что я здесь сейчас сообразил. Получается, что свет является границей между телесным миром и миром идей! Не обладая массой и протяженностью, он существует вне времени, то есть буквально, как ангелы, души и платоновские идеи. Но, не

обладая ни массой, ни протяженностью, свет вместе с тем на массы и протяженные тела воздействует. Свет соприкасается и с тем миром, и с этим. Свет - это барьер, разделяющий идеальный и материальный миры. Не «тело», а именно свет - это «темница души».

Световой барьер непреодолим, однако непреодолим он только в «физической», но не в «метафизической» плоскости. Все становится на свои места, если физическое учение о космосе дополнить метафизическим учением о микрокосмосе.

Наблюдатель не может вырваться из мира, не может наблюдать его снаружи, не может рассмотреть его внешность. Он не может этого сделать, уже хотя бы потому, что сам является частью этого мира.

Выйти за пределы мироздания, так чтобы оказаться «снаружи» его, принципиально невозможно. Приближение к «краю» обращается возвращением в исходную точку. Таким образом, бессмысленно удаляться в мировое пространство. Край космоса следует искать повсюду, и именно ту точку, в которой космос способен увидеться нами как целое, то есть стянувшимся в какую-то «физиономию», и следует признать этим краем, точкой бесконечной кривизны, точкой прорыва во-вне. Такой точкой бесконечной кривизны, таким «краем» мироздания, таким его «внешним» ликом являются его многочисленные «внутренние» лики - а именно органические существа, и в первую очередь человек, недаром именуемый микрокосмом!

Это с одной стороны. Но с другой стороны, оказаться вне мира можно и иным способом - а именно выйдя в четвертое измерение. Если это понять, если понять, что жизнь тесно связана с четвертым измерением, то становится понятен и механизм смерти, становится понятно, каким образом душа преодолевает световой барьер и переходит из времени в вечность!

Чтобы пробить световой барьер, живому существу нет необходимости разгоняться до безумных скоростей относительно других существ, звезд и галактик. Чтобы «выйти за край вселенной», чело-

веку достаточно завершить свою микрокосмическую миссию и в тот же миг унестись на бешеной скорости в неожиданно распахнувшийся перед ним черный тоннель!

* * *

На другой день я подвез Андрея к блокпосту Каландия - третьей точке, указанной его треугольником. С западной стороны подъезд к блокпосту был безлюден, но в нескольких сотнях метров виднелась толпа арабов.

Андрей вышел из машины, прошел метров десять, с минуту потоптался на месте и вернулся.

- Ладно, - заключил он, - я все уже увидел. Будем считать, что это была репетиция. Я решил, что это посещение вообще правильнее к точке «омега» приурочить.

На другой день Андрей улетел в Прагу.

2025

Много воды утекло с тех пор, как Андрей исследовал на местности углы священного треугольника.

Почти впустую для Израиля пролетели четыре года правления Трампа, под конец которого началась пандемия.

Более двух лет человечество лихорадило от Ковида, а как только дело пошло на поправку, Россия вторглась в Украину.

В том же - 2022 году - на выборах в Израиле правые добились убедительной победы. Однако победа эта лишь вскрыла полное бессилие избранной власти перед лицом Deep State, инициировавшего бурную волну протестов против долгожданной судебной реформы. В топку раскола левыми была брошена верность воинскому долгу.

В 2023 году страна оказалась полностью деморализована, что явилось одной из причин, побудивших Синуара броситься в пекло поперёд иранского батьки. Но своим изуверским рейдом ХАМАС не только спутал карты собственной коалиции, он еще и явно перестарался.

Неожиданно обнаружилось, что народ Израиля жив и на сей раз его жесткий ответ предрешен.

После кровавой Симхат Торы израильтяне в одночасье вспомнили свой танахический корень, вспомнили, что они сыны и дочери пророков. Они словно опознали себя в древнем видении Билама: «Вот народ как лев встает и как лев поднимается, не уляжется прежде, чем не поглотит добычу».

В те дни израильтяне ощутили происходящее продолжением своей древней истории, поверили, что Он «пошлет огонь в стены Газы, и пожрет чертоги ее».

Этот духовный подъем оказался кратким. Через неделю-другую ведущие СМИ не только полностью вернулись к своей антибибистской повестке, но в лице ведущих комментаторов и отставных генералов стали внушать народу, что одолеть ХАМАС невозможно, равно как Хизбаллу и Иран.

Более того, в январе 2024 года к этой пораженческой кампании открыто подключилась и сама армия, избегающая «посылать огонь в стены Газы». Главнокомандующий в разы сократил численность войск, отказался перекрывать поставки продовольствия террористам и занимать Рафиах.

В те дни выяснилось, что ословская «концепция» включает в себя не только веру в перевоспитание террористов путем повышения их жизненного уровня, но также и веру в аморальность победы над ними!

В те дни - зимой и весной 2024 года - Deep State окончательно пришел в себя, и в лице СМИ, генералитета, руководства ШАБАКа и прокуратуры стал загонять народ в привычное стойло, гасить его боевой дух.

Но эта задача оказалась ему не по плечу: народ уже «поднялся, как лев». Опираясь на его неослабевающую жажду победы, Нетаниягу продавил ко Дню Независимости наступление на Рафиах и занял наконец Филадельфийский коридор.

Все лето Байден и Deep State продолжали сильнейшее давление на правительство, добиваясь прекращения войны с ХАМАСом и ракетных дуэлей с Хизбаллой.

Но осенью Нетаниягу настоял на осуществлении операции в Ливане, которую генералы еще за 15 часов до проведения пытались сорвать, поручив журналисту Ронену Бергману опубликовать в Ynet срочную новость: «Высокопоставленные военные и другие источники в системе безопасности предостерегают от опрометчивых действий, которые правительство готовит на Севере… Эти шаги способны привести к разжиганию глобального конфликта».

Итак, 17 сентября у тысяч боевиков взорвались пейджеры, а 18 сентября - рации и старые модели сотовых телефонов, что привело к выведению из строя нескольких тысяч командиров. 20 сентября в момент подготовки ответных мер был уничтожен глава подразделения «Радван» с сотоварищами. 26 сентября был нанесен точечный удар, унесший жизнь командира авиационного подразделения Хизбаллы, а на следующий день был уничтожен, наконец, и сам Насралла.

1 октября ЦАХАЛ вошел в приграничные районы Ливана и начал операцию по уничтожению инфраструктуры террора. Под давлением США 27 ноября было подписано соглашение о прекращении огня. Но критическое ослабление Хизбаллы вызвало восстание против режима Башара Асада в Сирии. 29 ноября оппозиционные группировки начали наступление на юге Сирии. 8 декабря повстанцы вошли в Дамаск, после чего сирийская армия капитулировала, а Асад бежал в Россию.

В тот же день силы ЦАХАЛа вошли в приграничную зону, а 9 декабря началось уничтожение техники разбежавшейся асадовской армии. За 48 часов были уничтожены авиация, танки, артиллерия, флот, средства ПВО и склады с оружием. История, звучащая своеобразной реминисценцией другого, древнего разгрома сирийской армии: «И было в ту ночь: вышел ангел Господень и поразил в стане Ашшурском сто восемьдесят пять тысяч. И встали поутру, и вот, все они - мертвые тела. И двинулся Санхерив, царь Ашшурский, и пошел, и возвратился».

В ту пору в США вторично победил Дональд Трамп, вознамерившийся вернуть Deep State в рамки Закона и энергично поддержавший Израиль, на первых порах - оружием.

В ночь на 13 июня ВВС Израиля предприняли атаку на Иран. В первый же день были уничтожены десятки высокопоставленных лиц иранского режима и сотни критически важных военных целей,

включая ПВО. Небо Ирана полностью открылось для израильской авиации, в течение двенадцати дней круглосуточно перемалывавшей противника, не понеся ни единой потери!

В завершение 22 июня семь бомбардировщиков США B-2 поразили три главных ядерных объекта Параса.

Примечательно, что все эти поразительные победы, пожалуй, впервые в истории сионизма открыто связывались народом и его лидерами с Божественной поддержкой!

Так, Нетаниягу остроумно отметил, что главная фракция («сиа»), входящая в его коалицию, это Небесная фракция («сиата дишмайя»), а название военному удару по Ирану «Встающий лев», он взял из благословения Билама: «Вот народ, как лев встает».

К Симхат Торе круг замкнулся: в сентябре, преодолев сопротивление генералов, правительственный кабинет настоял на вступлении армии в «стены Газы», чертоги которой, наконец, оказались в огне!

В те же дни, 9 сентября Израилем был нанесен авиаудар по Катару, после которого Трамп дал понять этой стране, что ее подопечным самое время освободить последних заложников.

Это произошло ровно в двухлетнюю годовщину их захвата, как сказано: «И было по прошествии двухлетнего (числа) дней… поспешили вывести его (Йосефа) из ямы».

Я оставался в строю с начала войны по июнь 2024. Как и в молодости, главным образом, задерживал террористов. Но не в секторе Газа, а неподалеку от дома - в Самарии. В 2025 пару раз призывался на короткие сроки.

Тогда - весной 2025 года Андрей сообщил мне, что летом собирается с семейством в Израиль, хочет показать дочерям, шестнадцатилетней Простофее и десятилетней Агнессе, святые места.

Однако, когда в середине августа Безродины действительно в Израиле появились, выяснилось, что у Андрея имеется еще и некоторая дополнительная задача.

Я и забыл, что в полдень 1 сентября 2025 года, по расчетам моего друга, человеческая история должна была достигнуть точки «омега»!

Напомню, что согласно Безродину, последнее столетие человеческой истории следовало отсчитывать от начала первого дня Первой мировой войны. Соответственно, последнее десятилетие началось в столетний юбилей этой войны - 27 июля 2014. За этим десятилетием, завершившимся в 2024 году, должен был следовать еще один - последний год, за которым тянулась еще одна десятая часть следующего года, то есть 36 с половиной дня.

Таким образом, точка «омега» приходилась ровнехонько на полдень 1 сентября 2025 года.

Итак, Андрей приехал в Израиль не только затем, чтобы познакомить свое семейство со Святой Землей, но и затем, чтобы именно здесь - в Израиле - наблюдать центральную коллизию общечеловеческой Истории.

- Но почему именно в Израиле? - удивилась Сарит. - Почему не в Праге, пупе Европы?

- Потому что однажды как раз в Израиле священная история проходила точку сингулярности, - ответил Андрей, - и мне показалось уместным встретить новую общечеловеческую сингулярность, отмечая старую - израильскую.

- Но когда это священная история проходила точку сингулярности? - удивилась Сарит. - Это еще что за новость?

- Это не новость. Ты просто подзабыла, Сарит. В той самой статье, в которой Барац отзывается об Урином «Мессианском квадрате», он демонстрирует, что некоторые указываемые ТАНАХом сроки и даты задают ряд с логарифмической прогрессией.

- Я тоже подзабыл, - признался я.

Андрей немедленно поднял из интернета статью «Танахическая сингулярность», в которой говорилось буквально следующее:

«В недельной главе «Лех леха» сказано: «И солнце было к заходу, как крепкий сон («тардема») напал на Аврама; и вот ужас, мрак великий нападают на него. И сказал Он Авраму: знай, что пришельцами будут потомки твои в земле не своей, и поработят их, и будут угнетать их четыреста лет. Четвертое же поколение возвратится сюда, ибо доселе еще не полна вина Эморийца.»

Мне представляется интересным связать срок угнетения сынов Израиля со сроком их пребывания в пустыне. Действительно, Тора указывает два сопряженных исторических периода, продолжительность первого из которых (400) в десять раз превышает продолжительность второго (40). Невольно возникает вопрос: а как развивались события в дальнейшем? Нет ли у этой истории какого-то «логарифмического» продолжения?

В 1-ой книге Малахим имеются слова, расставляющие все по своим местам: «И было, в четыреста восьмидесятом году после исхода сынов Израилевых из земли Египетской, в четвертый год царствования Шломо начал он строить дом Господу» (6:1).

480-ый год от исхода - это 440-ой от начала завоевания Эрец Кнаан, продолжавшегося семь лет.

Итак, Писание прямым образом указывает на 400 лет плена и на 40 лет скитаний, после которых начался период «вхождения», и от этой же точки проходит ровно те же 440 лет до строительства Храма.

Таким образом, мы вправе отметить наличие следующего, задаваемого Торой, ряда: -400:- 40: 0: +40: +400.

Между тем завоевание Эрец Кнаан, как это сообщается в «Седер Олам Раба», продолжалось семь лет, и строительство Храма также продолжалось семь лет.

Поскольку в еврейской традиции принято считать только полные годы, то за выражением «семь лет» - с математической точки зрения с равной вероятностью может стоять как 7, так и 8. Это выражение справедливо и в отношении семи лет и трех дней, и в отношении восьми лет без двух дней.

Иными словами, с математической точки зрения мы вправе понять выражение «семь (полных) лет завоевания земли Кнаан» как и «восемь (неполных)». А в этом случае, разделив период завоевания пополам, мы получим следующий ряд: -400:- 40: -4: 0: +4: +40: +400 (если считать не до начала, а до конца строительства Храма).

Я не располагаю точной хронологией завоевания Кнаана и могу лишь гадать, какое событие имело место в сердцевине этого периода. Однако при этом мне особенно вспоминается следующая картина: «И воспел Йеошуа, перед Господом в тот день, в который предал Господь эморейца сынам Израиля, и сказал пред глазами Израиля: солнце, у Гивона стой, и луна - у долины Аялон! И остановилось солнце, и луна стояла, доколе мстил народ врагам своим. И остановилось солнце среди неба, и не спешило к заходу почти целый день!»

Итак, «исполнился грех эморейца» и «предал Господь эморейца сынам Израиля». Но при этом мы видим, что в долине Аялон в ту историческую точку время текло иначе, чем во всем остальном мире, как это и разъяснил Магараль в «Гвурат Ашем»: «Для Йеошуа и для Израиля солнцестояние действительно имело место, но для остального мира - нет».

На языке современной науки такое пространственно-временное завихрение именуется сингулярностью».

- Понимаете, - сказал Андрей, приведя эти расчеты, - я подумал, что это хорошая идея, наблюдать новое оригинальное явление, приправляя его воспоминаниями об аналогичном событии, произошедшем в прошлом. Они как будто никак не связаны, но кто знает? Вдруг что-то срезонирует? А мы как раз тут на подхвате, внимательно наблюдаем! Это что-то вроде исторического коллайдера. Когда история разгоняется до световых скоростей, от нее может что-то неожиданное отколоться, что-то новое, небывалое…

- Может быть, наконец, армия займет хамасовскую столицу? - предположил я, и не обманулся: в первых числах сентября ЦАХАЛ призвал миллионное население покинуть город и приступил к раз-

рушению используемых ХАМАСом многоэтажных зданий. Уже через месяц эта операция привела к освобождению последних заложников.

- Очень может быть. - обрадовался Андрей. - Возможно в эту двухлетнюю войну, так же, как и тогда - в Однодневную, история соприкоснется с вечностью, и… продолжится! Солнце замерло тогда в долине Аялон, как замирает человеческое сердце, как замерло оно у Аврама в тот час, когда Господь открывал ему срок пленения, срок сингулярности… Ведь Аврам впал тогда в кому, в «тардему». Но завершится ли на сей раз человеческая история, или только на миг прервется никому неизвестно… Все зависит от того, как ускоряется прогресс, по какой формуле: если это функция У = 1/Х, то нас ожидает решительная регрессия, но если У = $1/x^2$, то картина будет подобна той, которая наблюдалась во времена Однодневной войны. Но это до самого последнего момента от нас сокрыто.

- Что ты рассчитываешь увидеть? - удивился я.

- Я не знаю, что будет, но я подумал, что хорошо бы нам, старым друзьям, всем встретиться в эту дату, и не где-нибудь, а в долине Аялон. Хорошо бы 1 сентября провести там что-то вроде съезда Экзистенционала. Поразмышлять, подвести итоги. Что скажете?

Мы с Сарит переглянулись.

- Будем рады поучаствовать, - сказала Сарит. - Такое событие! Я впечатлилась. А тут еще как раз в жизнь людей вошел Искусственный интеллект. Это тоже в твою эсхатологическую копилку хорошо укладывается. Ну, а как ты, Катя, ко всему этому относишься?

- Что сказать? - улыбнулась подруга гения. - Я давно опасалась, что когда Андрюша войдет в возраст Дон Кихота, то поиски приключений станут его главным хобби. К съезду Экзистенционала, приуроченному к концу света, отношусь философски. Впрочем, не уверена, что мы с девочками будем на нем присутствовать. Школа.

- Школа? - удивленно переспросила Сарит. - Я бы пропустила. А кого, Андрей, ты кроме нас ожидаешь увидеть?

- Ну в общем-то всех, кто был связан с нашей рукописью: Давида надо пригласить, Йосефа, кроме того, возможно, приедет Семен. К сожалению, это не от него зависит. Разумеется, Халеда надо позвать. Как он, кстати, поживает?

- Неплохо. Извозом он уже давно не занимается. Сделался строительным подрядчиком. Я ему позвоню.

- Замечательно.

- Так, где конкретно ты хотел бы провести свою конференцию? Ведь долина Аялон велика.

- Что вы думаете относительно Наби Самуэль - гробницы пророка Шмуэля? Оттуда открывается вид на древний Гивон. Можно там на углях мясо пожарить?

- Почему бы и нет. Насколько я помню, там достаточно открытых мест. А Бараца ты пригласить не хочешь? Ему наверно будет интересно, раз он такую статью написал?

- Я его уже пригласил, но он не может. Он ведь в секьюрити работает, Талмуд-Тору охраняет. В полдень 1 сентября ему никак не освободиться. Но мы с ним на связи. Барац, представляете, попросил у меня разрешения воспользоваться фрагментами «Конкордации» для своей повести «Назначенное время»! Он сказал, что лучше, чем я, некоторые евангельские сцены ему не написать… А Гивона, как ты думаешь, можно пригласить?

- Можно попробовать. Я не уверен, что у него появился телефон. Но я знаю, где он осел. Можно заехать наудачу.

* * *

«Маахаз» Гивона находился на спуске в долину Ахор, по которой армия Йегошуа бин Нуна поднималась к городу Ай, и которой, по слову пророка, предстояло стать Вратами Надежды.

Годы жесткого противостояния с бедуинами не прошли даром. Развращенные европейскими подачками - генераторами и смартфонами - древние кочевники не выдержали конкуренции с юными сионистскими пастухами. Они стали покидать пастбища, продавать скот и оседать в арабских селах.

К концу войны на склоне Самарийских гор вдоль всей Иорданской долины бедуинские стойбища сменились сотнями еврейских фермерских хозяйств. Одно из них основал Гивон.

Он женился. Молодые вместе со всем своим стадом из двух десятков овец и коз поселились в пещере с потрясающим видом на Иорданскую долину.

Верблюдица, лошадь, несколько ослов и собак обитали при входе. Гуси и куры бродили тут же, забредая то и дело в чертоги новобрачных.

Шифра - жена Гивона - повела знакомить Катю, Простофею и Агнессу со своими разнокопытными друзьями.

Мужчины присели на лежащие перед входом бревна и топчаны. Хозяин сварил на костре кофе и подал его с финиками.

- Что нового? - поинтересовался он. - Что сейчас в Газе происходит? -

- Готовимся к захвату города. - ответил я. - Нетаниягу толкает, Замир - упирается.

Живущий без радио Гивон хотел было расспросить меня более подробно, но Андрею не терпелось обсудить свою идею.

С моей помощью он стал рассказывать о том, что при битве в долине Аялон священная история прошла точку сингулярности, и что, возможно, скоро приключится нечто подобное.

Гивон со своей стороны припомнил, что, согласно мидрашам, еще до Йегошуа Бин-Нуна Моше Рабейну раз или два останавливал солнце, но никакой сингулярностью это не сопровождалось.

- В этом нет ничего странного, - возразил Андрей. - Не следует путать субстанцию с акциденцией. Сингулярность сопровождалась остановкой солнца, а не остановка солнца сингулярностью. Это подобно тому, как простуда сопровождается насморком, а не насморк простудой.

- Ах, ну да. - согласился Гивон. - Это вроде того, как наступление последних времен сопровождается явлением пророка Элиягу, а не его явление сопровождается наступлением последних времен.

- А как, кстати, сейчас с этим дела обстоят? - оживился Андрей. - Не являлся ли Элиягу кому-нибудь здесь в последнее время?

- Ну этого же наверняка не скажешь, - осторожно ответил Гивон. - Иногда, конечно, человеку сразу дается понять, кто перед ним. Но чаще это узнается из того, что помогающий тебе незнакомец появляется и исчезает внезапно. Я слышал, например, случай, - случай, впрочем, давний, - как светский парень поспорил со стариком-харейди, стал убеждать его, что между ними нет ничего общего, и в доказательство показал свои татуировки, а старик возьми и скажи: «Что ж с того, и у меня есть татуировка», поднял рукав, а там у него лагерный номер. Все бы ничего, но старик после того исчез, и понял тогда парень, что перед ним был пророк Элиягу, сближающий сердца отцов и сыновей. И с той поры соблюдает заповеди…

- Вот-вот! - воскликнул Андрей. - Это то, что и я говорю: в этих исчезновениях вся фишка!

- Впрочем, даже если посланник исчезает, - продолжал Гивон, - никогда не знаешь, точно ли это Элиягу. Может быть это чей-то дух, а может быть Нафтали или еще кто-то.

- А это еще кто? - удивился я. - Какой еще Нафтали?

- Ну тот, что в пустыне пропал.

Нафтали я немного знал.

Помню, один раз даже имел с ним странный разговор. Дело было в Цфате, где мы столкнулись перед дверьми синагоги Аризаля.

- Ты видел свои глаза? - спросил он меня вместо приветствия.

- А ты свои видел?

- Я не заглядывал в зеркало тысячу лет.

- Сколько же тебе?

- «Эйн-соф» - ответил он, - я вечен…

Парень этот часто уходил в пустыню молиться, и однажды не вернулся. Через неделю родные хватились и стали его искать. Нашли возле небольшого водоема его одежду. В водоеме никого. По одежде собаки следа не взяли. Бедуины знать ничего не знают. В

нескольких километрах от того места, где лежала его одежда, обшарили каждую расщелину, каждую пропасть. Но никаких следов не нашли. Через год после исчезновения его семья просидела «шиву» - траурную неделю. Все смирились, что он погиб, но Гивон выдвинул другое предположение.

- Очень может быть, что призвал его Всевышний вместе с телом. Не я один так думаю. Одежда Элиягу тоже ведь осталась.

- Это четвертое измерение! - с нескрываемым волнением произнес Андрей. - И где это случилось?

Гивон принялся объяснять, но, убедившись, что его не вполне понимают, сходил в пещеру за картой и указал соответствующий район.

- Все ясно, - блеснув глазами, пробормотал Андрей. - В Иудейском треугольнике! Кумраны, Каср Аль-Яуд, Вади Кельт. Четвертое измерение! Видимо, именно благодаря ему соседствующие предметы разносятся по разным мирам. Видимо, в четвертом измерении скрываются праведники, и из него же появляются. Из четвертого измерения они извлекают хлеб и рыбу; из него черпают оливковое масло для бедной вдовы, и, конечно, же - масло на восемь дней Хануки!

На обратном пути Андрей был задумчив, не сразу отвечал на вопросы; дома, вооружившись циркулем и линейкой, не менее получаса просидел над картой, а через два дня пропал.

Он ушел в пустыню утром 31 августа, отправив накануне свое семейство в Прагу к началу учебы.

Я знал о его планах, приблизительно представлял его маршрут, и когда к ночи Андрей не вернулся, обратился в полицию.

На другой день утром была снаряжена поисковая группа, к которой я, разумеется, присоединился.

Весь день 1 сентября вместо того, чтобы жарить шашлыки в Наби Самуэль, мы бродили вдоль вади Кельт, заглядывая во все расщелины.

Безрезультатно. Однако под вечер Андрей позвонил. Оказывается, еще с ночи он находился в больнице Хадасса, в реанимации. Документов при нем не было, поэтому пока он не пришел в себя, не было и связи.

Оказалось, что у Андрея развилось обезвоживание, которому, по-видимому, предшествовал тепловой удар.

Мы с Сарит навестили больного на следующий день - 2 сентября. В силу извечной иронии судьбы он находился в той же палате, что и в 1987 году!

Андрей лежал неподвижно, прилежно протянув обе руки поверх одеяла.

- Как ты себя чувствуешь? - с беспокойством спросила Сарит.

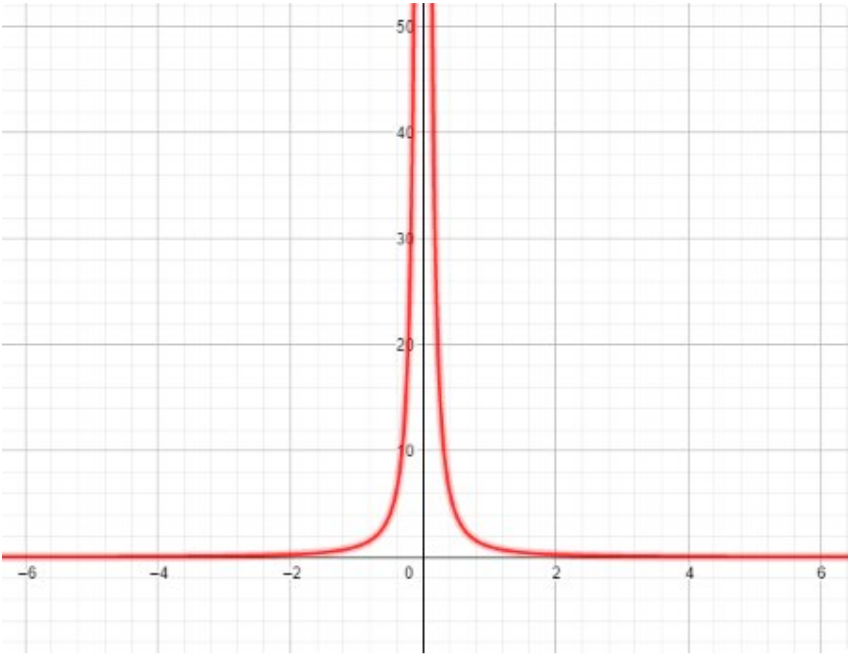
- Все хорошо, не волнуйтесь.

- Но что случилось?

- Все получилось очень странно. Я шел по ущелью к тому месту, которое Гивон указал, и вдруг мне стало плохо... Прав был Фалес Милетский: вода - это наше все! А я этого не учел, много карабкался, много потел, но мало пил. Я рассчитывал на то, что в вади Кельт всегда найдется вода... В общем, мне стало плохо, и в какой-то момент я, видимо, потерял сознание, потому что в следующий миг оказался в другом месте среди нескольких взволнованных харейдим, которые отпаивали и обливали меня водой. Я был слаб, меня тошнило. Хотел кому-нибудь из вас позвонить, но связи, сами знаете, там нет. Потом мне опять стало хуже. И дальше я пришел в себя уже в больнице под капельницей. Хорошо, что Катя узнала о том, что со мной произошло, уже после того, как я очнулся.

- Так и не побывал ты 1 сентября в долине Аялон. - посетовала Сарит.

- Не страшно. Я находился неподалеку, но главное, что 1 сентября позади, главное, что точка «омега» пройдена. История продолжается, то есть темпы прогресса ускоряются в соответствии с функцией $У = 1/х^2$.

- И что это значит?

- Это значит, что теперь они замедляются. Это значит, что в течение ближайших столетий темпы эти ощутимо спадут, пока через два-три миллиарда лет практически полностью не застопорятся. Я живой свидетель этого космического перелома, я преодолел в тот день световой барьер!

- Ты видел свое тело со стороны? - догадался я.

- Только взглянул и сразу вернулся, но чувство времени в тот миг у меня напрочь отшибло. Да, световой барьер был пройден.

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

Здесь, по-видимому, мне – Арье Барацу, пришло время объясниться с читателем, и поведать о том, как зародилась эта книга, и почему она получилась такой, какой получилась.

Задача эта, между тем, требует некоторого предварительного вступления.

Мужественный жанр

В детстве я имел склонность к сочинительству. Осилив азбуку, я немедленно уселся за навеянный рождением сестры роман - «Семейная жизнь». Возвращался к нему и через год, и через два, да и потом не раз брался за перо.

В подростковом возрасте я исписал целый ворох тетрадей, в которых большей частью пародировал прочитанные книги. Последний рассказ я произвел в 20-летнем возрасте, однако на том свои детские забавы забросил.

Беллетристика неожиданно поблекла в моих глазах. Сочинительство стало выглядеть баловством. Мужским казалось иное искусство, которому учил Виктор Франкл: «"Роман", прожитый каждым индивидом, остается несравнимо более грандиозным произведением, чем любое из когда-либо написанных на бумаге… ».

«Крутой маршрут» выглядел в моих глазах заведомо круче «1984». Зачем, когда существует такое количество подлинных захватывающих историй, обращаться еще и к вымыслу? – думал я. -

Реальность богаче любого воображения. Фиксируй ее. Подлинная история, документ – единственное достойное применение для писательского мастерства.

Если в реальной жизни мне не довелось испытать захватывающего приключения, то разве это повод, для того чтобы такое приключение измышлять, да еще вместе с несуществующими героями?

В юности я оказался захвачен религиозной философией и стал писать на эту тему. В литературной же области, даже в качестве читателя я переключился преимущественно на «нон-фикшн».

Писать – да, ведь в первую очередь именно в речи осуществляется человек. Французский философ Поль Рикёр ввел понятие «повествовательная идентичность». Именно правдивый рассказ позволяет, согласно Рикёру, понять, кем в действительности является тот или иной человек. Человек представляет собой ровно то, что он способен о себе правдиво рассказать.

Итак, писать – да, - но писать из самой жизни, а не из воображения. В таком жанре я был готов работать.

И действительно, в начале 90-х, когда я почувствовал необходимость объясниться по поводу перемен, произошедших в моем религиозном образе жизни, я поступил именно так: я написал книгу «Лики Торы», составленную в форме традиционного мидраша, позволяющего сочетать религиозные изыскания с автобиографическим зарисовками.

Рефлексируя на это новое для меня занятие, я писал: «я всегда признавал лишь одно искусство - искусство жить. Но это искусство неизбежно сопряжено с Книгой, с соавторством Творцу, с тем или иным литературным процессом, с истолкованием, с комментированием. Таков жанр "ликов Торы". Это скорее читательская реакция, нежели писательская конструкция».

Однако вскоре после того – во второй половине 90-х годов - поле моей «читательской реакции» неожиданно раздвинулось: я обнаружил, что в жизни моей странным образом проявились некоторые

литературные произведения – в первую очередь роман «Мастер и Маргарита».

Проза жизни

Есть такое понятие «журналистская удача» - репортер случайно оказывается в нужное время в нужном месте. Я пережил аналогичную авторскую удачу: я ненароком посетил «дом 302-бис по Большой Садовой» в то самое время, которое впоследствии расшифровал, как код доступа в некую фантастическую религиозную систему.

События моей жизни оказались вовлечены в вихрь булгаковской фантазии, грань между жизнью и вымыслом, между «нон-фикшн» и «фикшн» решительно стерлась, и это требовало своего осмысления.

Продолжая в форме «мидрашистских читательских реакций» описывать действительную жизнь, в которую ненароком проник литературный вымысел, я уже невольно нарушал свое писательское кредо.

Ведь если уж художественная проза вплелась в прозу моей жизни, уж если жизнь моя оказалась не столь прозаична, как ей быть надлежало, то почему бы не воздать почести этой самой прозе в ее первозданном литературном обличии?

Прозрение это отвечало общим тектоническим сдвигам культуры, общим требованиям времени, о которых так написал Алексей Шеманов: «В нашей недавней истории (времена хрущевской «оттепели») был момент, когда все «вымыслы» померкли перед документальными «фактами»,... (но) захваченность фактами сменилась реабилитацией вымысла. Стало казаться, что вымысел правдивее факта, что факт (точнее – рассказ о факте) всегда выдает себя за большее, чем он является.... В наше время стала по-новому акту-

альна довольно старая уже мысль, что есть не только разные мнения о факте, но в изложении любого факта всегда присутствует точка зрения на него» [1].

Как бы то ни было, в какой-то момент я вполне осознал, что для «стилиста» граница между действительностью и вымыслом на самом деле совсем невелика, что роман - это лишь более аттрактивно преподанная действительность, что правда и вымысел обыгрывают и предполагают друг друга. Я осознал, что литературное фантазирование – это, в сущности, не более, чем удобный дидактический прием.

Так в 2016 году я принялся перерабатывать «Лики Торы» в исторический роман, который увидел свет в 2019 году под названием «День шестой».

Метафизики шутят

Некогда экзистенциальные философы осознали, что литература - лучший способ передачи их учения, и нередко прибегали к нему. Как провозгласил еще Шеллинг, «роман есть как бы окончательное прояснение духа» 2.

В наши дни эту потребность в использовании литературных форм испытывает теология, во всяком случае, ее испытал я, как частный теолог.

В жизни мне нередко доводилось высказывать «спорные» - как их некоторые называли - теологические идеи. Порой я и сам поеживался от иных своих прозрений. Однако степень ответственности за любую теологическую «нелепость» решительно снижается, если она высказывается в литературной форме.

Ведь литература – это игра, это фантазия, наконец, просто шутка. Страх небес дополнительно подталкивает к жанру фантастического богословия.

Жанр этот, впрочем, не нов: к нему широко обращались еще ХАЗАЛь – мудрецы Талмуда. Ведь они не только выводили строгую сухую галаху, но и «сочиняли» фантастическую по преимуществу агаду. Чего стоит, например, история о птице Бар-Йохни, упавшее яйцо которой затопило шестьдесят городов и повалило триста кедров.

Традиция подчеркивает ограниченную ответственность этого жанра, признавая, что «не спрашивают о противоречии в агаде» 3, и не относятся к агадическим сказаниям как к документам истории 4.

Фантастическое богословие, таким образом, вписывается в рамки традиционного мидраша, - басенного измерения религиозной истины, не претендующего на то, чтобы его понимали или принимали буквально.

Палеонтолог, антрополог и католический теолог Тейяр де Шарден заметил, что «на космическом уровне вся современная физика учит нас тому, что только фантастическое имеет шансы быть истинным».

В еще большей мере, чем к науке, это утверждение следует отнести к теологии, которая с одной стороны никогда не боялась парадоксов, а с другой – всегда признавала свою ограниченность.

Действительно, уже тысячелетия назад выяснилось, что Бог до такой степени непостижим, что сказать относительно Него, что Он существует, не более справедливо, чем и то, что Его нет. Со временем же и вовсе обнаружилось, что целый ряд суждений (метафизических суждений) не имеет никаких достоверных средств верификации. Религиозная вера прониклась дополнительной долей скепсиса: в вопросах духа (сравнительно с природой) ни в чем нельзя быть до конца уверенным.

Однако, чем менее достоверны метафизические знания, тем ценнее становится проявленное к ним доверие. Как сформулировал новое духовное состояние американский психолог У.Олпорт,

«мы можем быть одновременно уверены наполовину, но преданы всем сердцем» 5.

Основа такой жизненной позиции была заложена еще Кантом, провозгласившим, что хотя бытие Бога и души не доказуемы, мы призваны жить так, «как если бы» были достоверно убеждены в их наличии.

Незадолго до своей смерти Фома Аквинский пережил мистическое озарение и прекратил работу над «Summa Theologica». Его секретарь настойчиво требовал объяснений, и в конце концов услышал: «Все, что я написал до сих пор, кажется просто соломой по сравнению с тем, что открылось мне теперь».

Мыслима ли такая шутка в устах физика?

Об этом мало говорят, но в своем узком кругу «метафизики» всегда шутили даже больше, чем физики. «Милта де бдехута», шутка, ироническая оценка собственных построений - необходимая составляющая подлинного богословского дискурса.

Но тогда именно сфера воображения, сфера литературной фантазии оказывается самой подходящей средой, самым лучшим питательным бульоном для выращивания теологических культур!

Творческий синдикат

Однако «День шестой» не был первым моим литературно-теологическим исследованием.

Первым явился именно «Мессианский квадрат», герои которого выступили с рядом сумасбродных теологических новаций, за развитие которых сам бы я едва ли когда-нибудь взялся.

Не только эти новации, но и сам роман я также «подарил» своим героям, издав его не под своим, а под их именами - Ури Шахара и Андрея Безродина.

В 2011 году Безродин разместил в интернете (на специально изготовленном моей женой сайте) исторический роман «Конкордация», а Шахар - в 2012 году издал свои воспоминания - «Мессианский квадрат».

Имена Ури Шахар и Андрей Безродин не стали более знамениты, чем имя Арье Барац, и в какой-то момент я решил, что настало время «слить предприятия» и переписать книгу под одним брендом – под именем ее автора.

Это оказалось тем более оправдано, что с тех пор, как книга была завершена, утекло немало воды: в жизни моих героев произошли некоторые изменения, а прежние, описанные в издании 2012 года приключения, подверглись некоторой переработке.

С другой стороны, ряд оригинальных идей, которые я бы вполне мог подарить Безродину и Шахару, после 2012 года были опубликованы в газете «Вести» под моим именем. Таким образом моим героям пришлось знакомиться с ними из печати, и развивать по-своему.

Так к роману был написан Эпилог, в котором наиболее интересные - геософские и научно-эсхатологические - проекты Безродина были доведены до ума.

[1] *А.Ю.Шеманов «Самоидентификация человека и культура» М. Академический проект 2007 с158*

2 *Гулыга Шеллинг ЖЗЛ М. «Молодая гвардия» 1984 стр 159.*

3 *цит. По Рамбам «Путеводитель рассеянных» Гешарим. Москва-Иерусалим 2000 стр 45*

4 *Рамбам «Предисловие к мишне «Хелек».*

5 *В. Франкл. Человек в поисках смысла. Москва, 1990, с. 296.*